ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ВЕСТНИК КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

37—38

ИЗДАТЕЛЬСТВО
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ
МОСКВА

Главлит А № 69.327. Статформ. Гр 176 x 250 мм. ИКА 792. 21 печ. л. Тир. 4000 экз.

Типография „Шестой Октябрь“ Изд-ва Комакадемии, г. Загорск, Моск. окр.

ОТ РЕДАКЦИИ

Новый этап социалистического строительства и связанное с ним обострение классовой борьбы на теоретическом фронте ставит перед Ком. Академией целый ряд новых задач и требует коренной реорганизации методов и организационных форм ее теоретической работы.

Исходным пунктом для развертывания теоретической работы Комм. Академии должны послужить решения XVI партсъезда. Из этих решений вытекает прежде всего необходимость всемерного усиления связи теоретической работы Комм. Академии с практикой социалистического строительства и революционным движением пролетариата, внесение планового начала в теоретическую работу, разрешение проблемы массовой подготовки новых научных коммунистических кадров, усиление идеологического влияния Комм. Академии на различные отрасли научного знания и на работу научно-исследовательских институтов, не входящих в систему марксистско-ленинских учреждений и т. д.

В связи с этим должна быть гораздо шире поставлена информация советской общественности о научно-исследовательской работе Ком. Академии и марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений.

Вместе с тем необходимо уделить бо́льшее внимание состоянию научно-исследовательской работы в СССР и за границей.

До сих пор еще слабое применение в теоретической работе Ком. Академии находят новые формы пролетарской общественности—самокритика, соц. соревнование и т. д. и даже еще не разработан в сколько-нибудь достаточной степени вопрос о наиболее целесообразных формах применения этих методов к научной работе. Между тем эти методы должны найти широкое применение в научно-исследовательской работе.

Все эти новые задачи, ставшие перед Ком. Академией, а также значительное развитие научно-исследовательской работы институтов и секций Ком. Академии, приведшее к созданию ряда специальных журналов по отдельным отраслям научного знания,—требуют реорганизации „Вестника Ком. Академии“ в орган, который поставил бы своей задачей информацию советской общественности о научно-иссле-

довательской работе Ком. Академии и марксистко-ленинских учреждений, разработку вопросов, связанных с планированием и организацией научной работы, с подготовкой новых научных коммунистических кадров, и развернул бы самокритику в области теоретической работы на основе выдержанной марксистско-ленинской методологии, давая решительный отпор всяким извращениям марксизма-ленинизма откуда бы они ни исходили, и вскрывая методологические корни правого и „левого" оппортунизма.

Выпускаемый номер „Вестника Ком. Академии" и является первой пока еще слабой и явно недостаточной попыткой в указанном направлении.

Выпуск этого номера сильно запоздал в связи с тем, что чрезвычайно затянулось разрешение вопроса о реорганизации Ком. Академии.

В заключение редакция считает нужным указать, что материалы, помещаемые ею в отделе докладов и дискуссий, далеко не всегда выражают точку зрения редакции и потому к ним нужно относиться как к дискуссионным.

ОБ ИТОГАХ РАБОТЫ И НОВЫХ ЗАДАЧАХ, СТОЯЩИХ ПЕРЕД КОМАКАДЕМИЕЙ НА НОВОМ ЭТАПЕ [1]

Задачи Комакадемии как основного центра марксистско-ленинской теоретической работы определяются в первую очередь задачами, встающими перед пролетариатом и его партией на новом этапе революционной борьбы и социалистического строительства. Гигантские темпы развития социалистической индустрии, массовое вступление на путь коллективизации бедняцко-середняцкого крестьянства, переход на базе сплошной коллективизации к ликвидации кулачества как класса, небывалый в истории человечества трудовой подъем пролетарских и трудящихся масс Советского Союза, связанное со всем этим обострение классовой борьбы внутри страны, начавшийся развал капиталистической стабилизации, характеризующийся мировым кризисом, ростом революционного движения пролетариата и трудящихся масс колоний, растущей ненавистью к СССР со стороны мировой буржуазии, которая пускает в ход все имеющиеся в ее распоряжении средства насилия и идеологического воздействия на рабочие и трудящиеся массы, в целях подавления революции и подготовки войны против Советского Союза— все это ставит перед пролетариатом и его партией целый ряд новых задач как в области социалистического строительства, так и международного движения.

Разрешение этих задач потребует от пролетариата напряжения всех его творческих сил и огромной теоретической работы на основе последовательно проводимой марксистско-ленинской методологии и непримиримой борьбы со всякими ее извращениями.

ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ НАУЧНОГО ФРОНТА

Обострение классовой борьбы как на мировой арене, так и внутри Советского Союза неизбежно находит свое отражение и на идеологическом фронте. Выражением этого обострения являются те

[1] Резолюция пленума Комакадемии от 18/VI по докладу М. Н. Покровского.

дискуссии, которые за последнее время охватили целый ряд дисциплин: философия, политическая экономия, аграрные науки, история, право, литература, педагогика и т. д.

Истекший этап идеологической борьбы проходил под знаком внедрения марксизма в различные отрасли знания.

Прежде всего заслуживает быть отмеченной идеологическая борьба на философском фронте. К числу несомненных достижений этого фронта нужно отнести разоблачение механистических концепций, критику методологических корней правого оппортунизма, борьбу против идеализма (философские воззрения идеологов социал-демократии, неокантианство, философия Бергсона, Лосева и др.), разработку проблем философии марксизма-ленинизма на основе идейного наследства Маркса, Энгельса и Ленина.

Наряду с указанными достижениями на фронте философии необходимо отметить целый ряд крупных недочетов и ошибок. К их числу нужно прежде всего отнести отставание теоретической борьбы в области философии от задач социалистического строительства и конкретных отраслей научного знания, недостаточную связь с актуальными проблемами политики партии и Коминтерна, слабое внимание к проблемам исторического материализма, почти полное отсутствие критики методологических основ троцкизма, недостаточную борьбу с формалистическими извращениями материалистической диалектики и слабое развертывание самокритики среди философов-диалектиков, в основном стоящих на правильных позициях, но в отдельных случаях допускавших ошибки.

Научные силы экономистов за последнее время были в значительной степени отвлечены дискуссией, развернувшейся в области политической экономии. Основным недостатком этой дискуссии является ее схоластический характер, полный отрыв от проблем социалистического строительства и революционной борьбы пролетариата и неумение применить в области теории лозунг борьбы на два фронта, как против механистов, так и идеалистического ревизионизма Рубина. Экономическая секция Комакадемин почти не развернула своей работы и не могла обеспечить правильного руководства этой борьбой. Несмотря на некоторые наметившиеся за последнее время сдвиги, работа в области экономики все же остается одним из наиболее слабых участков работы Комакадемин. Необходимо переключить внимание экономистов-марксистов на актуальные проблемы советской экономики и империализма и добиться решительного перелома в работе Экономической секции Комакадемин.

На новом этапе исключительное значение приобретает идеологическое состояние аграрного фронта. В этом отношении большое зна-

чение имела конференция аграрников-марксистов, созванная Комакадемией, которая подвела итоги борьбе против буржуазных и мелкобуржуазных теорий в аграрном вопросе (Кондратьев, Макаров, Вайнштейн и т. д.), подвергла критике ревизионистские извращения марксизма-ленинизма в аграрном вопросе со стороны правых и левых оппортунистов и содействовала сплочению марксистских сил. Вместе с тем необходимо со всей решительностью отметить, что теоретическая работа в аграрном вопросе как по своим темпам, так и по охвату обнаруживает резкое отставание от задач социалистической реконструкции сельского хозяйства и что в этой работе все еще недостаточное внимание уделяется методологической критике правого оппортунизма и левых загибов в практике колхозного движения.

В области истории была развернута со стороны историков-марксистов критика ряда оппортунистических течений, как например, в дискуссии о «Народной Воле», разоблачение украинского шовинизма в лице Яворского и его школы и т. д. Наряду с этим приходится констатировать недостаточность работы со стороны историков в области критического разбора современных буржуазных и мелкобуржуазных концепций истории Запада, слишком медленное развертывание работы по советскому и зарубежному Востоку, большое отставание в области разработки исторических проблем новейшего периода (эпоха империализма, история рабочего движения послевоенного времени, гражданская война и интервенция и т. п.).

Фронт литературы и искусства ознаменовался развернувшейся за последнее время борьбой против механистической, вульгарно-материалистической концепции Переверзева. Вместе с тем необходимо отметить слабое развертывание борьбы с многочисленными буржуазными и мелкобуржуазными теориями, свившими себе гнездо в литературе и выступающими нередко под маской марксизма, и в частности—концепцией Воронского.

Продолжая борьбу с переверзевщиной и примиренческим отношением к ней, в то же время необходимо усилить борьбу с буржуазными и неонароднические течениями в области литературы, а также с правооппортунистическими извращениями литературно-политической линии партии и «левыми» загибами, добиваясь повышения теоретического уровня марксистского литературоведения и критики.

В области овладения со стороны марксистской методологии естествознанием мы имеем за последнее время некоторые достижения. Так, в результате дискуссии с механистами, развернувшейся главным образом на почве естествознания, впервые фактически была поставлена задача осуществления лозунга подчинения естественных наук методологическому руководству марксизма и началось на деле осу-

ществление этой задачи. Это нашло свое выражение в создании марксистских естественно-научных учреждений, в росте кадров марксистов-естественников, в усилении марксистского влияния на работу естественно-научных обществ, съездов и т. д. Однако еще до сих пор подавляющая часть отраслей естествознания находится под руководством чуждых марксизму буржуазных ученых, и отдельные ученые естественники-марксисты работают главным образом не столько над вопросом применения метода диалектического материализма к отдельным конкретным отраслям естествознания, сколько над проблемами общей методологии. Необходимо признать, что существующее положение на фронте естествознания явно не соответствует стоящим в этой области перед Комакадемией задачам. И здесь необходимо добиться решительного перелома.

За последнее время Комакадемией проделана работа по первичной консолидации марксистских сил, работающих в области техники, и начата разработка ряда проблем технической реконструкции. В этой работе должны быть взяты более быстрые темпы в соответствии с запросами социалистического строительства.

Подводя итоги этому краткому обзору идеологического состояния основных участков научного фронта, необходимо констатировать, что идеологическая борьба на научном фронте за последнее время значительно усилилась. Вместе с тем усилилось во всех областях науки влияние марксистской методологии, а в области общественных наук ей принадлежит решающая роль.

Однако если все эти достижения сопоставить с теми требованиями, которые предъявляются к коммунистической науке социалистической реконструкцией всего нашего хозяйства, то их придется признать совершенно недостаточными, в особенности в части положительной разработки проблем переходного периода и империализма.

РАБОТА КОМАКАДЕМИИ

Комакадемия и ее учреждения за последние годы значительно развернули свою работу. Вокруг Комакадемии создался кадр научных работников—коммунистов и близких беспартийных, она обросла целым рядом новых научных учреждений и научных обществ, выросла ее научная продукция. Теоретическая работа Комакадемии за последнее время обнаружила некоторые сдвиги в сторону большего сближения теории с практикой социалистического строительства и революционной борьбы пролетариата. Это нашло свое выражение в разработке и обсуждении целого ряда актуальных проблем, как-то: дискуссия об организованном капитализме, мировой экономический кризис, Лондонская морская конференция, проблема производительных сил и произ-

водственных отношений в реконструктивном периоде, проблема денег в переходный период, новый этап нэпа, вопросы коллективизации по материалам экспедиционных обследований, работа городских и сельских советов, проблема строительства социалистических городов, новейшая эволюция троцкизма и т. д. В ряде дискуссий, имевших место в различных областях научного знания, Комакадемия в лице своих институтов и секций действительно осуществляла идеологическое руководство в духе марксизма-ленинизма.

Вместе с тем должны быть решительно вскрыты—в особенности перед лицом новых огромных задач, со всей остротой поставленных перед Комакадемией на данном этапе социалистического строительства—имевшие место в ее работе весьма существенные недочеты. Одним из важнейших недостатков в работе Комакадемии является все еще совершенно недостаточный поворот ее к проблемам современности, резкое отставание теоретической работы от практики, чрезвычайно слабая связь с хозяйственными организациями по линии научно-методологической разработки важнейших проблем социалистического строительства, слабое научно-методологическое руководство со стороны Президиума работой научных учреждений Комакадемии, вследствие чего некоторые теоретические дискуссии прошли без всякого руководства со стороны Комакадемии. Так было например с дискуссией в области политической экономии. Точно также Комакадемия в своей работе не уделила достаточного внимания идеологической борьбе на философском фронте и до сих пор еще не высказалась о новых задачах, стоящих перед ней в этой области.

В научной работе Комакадемии наблюдается отсутствие достаточной плановости, организованности и трудовой дисциплины среди научных работников. Совершенно недостаточно внимания Комакадемия и ее учреждения уделяли в своей работе проблеме кадров и развертыванию массовой работы. Необходимо отметить общую организационную слабость Комакадемии, приводящую в отдельных случаях к идеологическим прорывам, как это имело место с книгой т. Бровкина, а также слабость социального и партийного состава работников Комакадемии, что в значительной мере объясняется недостаточным вниманием как со стороны Президиума, так и учреждений Комакадемии к подбору и изучению кадров.

ЗАДАЧИ КОМАКАДЕМИИ НА НОВОМ ЭТАПЕ

Отсюда перед Коммунистической академией встает ответственнейшая задача ликвидировать отставание теоретической работы от практики, теоретически обобщить богатейший опыт социалистического

строительства и на основе этого обобщения помочь в научном предвидении дальнейшего хода нашего развития и намечении правильных путей социалистического строительства, чтобы тем самым поднять на более высокий уровень и углубить практическую работу по построению социализма в нашей стране. В соответствии с этим Комакадемия должна коренным образом перестроить свою работу. В центре теоретической работы Комакадемии должны быть поставлены прежде всего проблемы социалистической реконструкции, как-то: проблемы пятилетнего и генерального плана социалистического строительства, теоретическое осознание нового этапа нэпа, изучение форм классовой борьбы в переходном периоде, проблемы плана и стихии, производительных сил и производственных отношений, проблемы воспроизводства в переходном периоде, новые формы коммунистического труда на предприятиях, проблема государства в переходном периоде, реконструкция госаппарата, изучение вновь создающихся форм пролетарской общественности (соцсоревнование, ударничество и т. д.), вопросы, связанные с выполнением промфинплана, борьбой за повышение качества продукции, рационализацией производства и т. д., целый ряд проблем, связанных с массовой коллективизацией бедняцко-середняцкого крестьянства, проблемы строительства социалистических городов и перестройки быта, проблемы подготовки и воспитания новых кадров, изучение новых форм идеологии и их роли в классовой борьбе и социалистическом строительстве и т. д.

Наряду с проблемами, выдвигаемыми ходом социалистического строительства в СССР, внимание нашей коммунистической науки должно быть привлечено в гораздо большей степени, чем это было до сих пор, к проблемам международной борьбы пролетариата, критике буржуазных и социал-фашистских теорий, разоблачению теории и практики II Интернационала, к изучению проблем, связанных с мировым кризисом капитализма, с революционным движением колониальных народов и т. д.

Разрешение всех этих проблем, равно как и обострение идеологической борьбы на научном фронте требует непримиримой борьбы со всякими уклонениями от марксизма-ленинизма. Не только ослабляя, но даже усиливая нашу борьбу с механистическим материализмом, вместе с тем необходимо всемерно усилить борьбу с идеалистическими извращениями материалистической диалектики, а также с опасностью ее формалистического толкования. Необходимо давать решительный отпор всякому примиренческому отношению к тем или другим извращениям марксизма-ленинизма и всемерно развернуть методологическую критику правого и левого оппортунизма. Комакадемия должна усилить идеологическое руководство этой борь-

бой и на деле стать руководящим, ведущим центром коммунистической теоретической работы.

Помимо развертывания научно-исследовательской работы Комакадемия должна поставить своей задачей развертывание массовой работы, повышение теоретического уровня, вооружение марксистско-ленинской теорией пролетарских масс и прежде всего партийно-комсомольского актива. В этих целях необходимо развернуть вечерние комуниверситеты, консультации, циклы лекций, заочное обучение, издание научно-популярных брошюр, делающих достоянием масс достижения научной работы Комакадемии и ее учреждений и т. д. Для усиления связи с массами необходимо практиковать устройство заседаний Комакадемии и ее институтов, а также проведение некоторых дискуссий непосредственно на предприятиях.

Как в своей научно-исследовательской, так и в научно-популяризаторской работе Комакадемия должна отражать запросы текущих политических кампаний, как например, разоблачение «крестового похода» против СССР и т. п.

ПРОБЛЕМА КАДРОВ

Огромный по своему размаху и темпу рост социалистического строительства, развитие сети новых научно-исследовательских учреждений, намечаемый по пятилетке чрезвычайно быстрый рост новых учебных заведений, необходимость замены идеологически-чуждых реакционных элементов из среды научных и преподавательских кадров, наконец, отмеченная выше слабость социального и партийного состава научных работников и вообще острый недостаток в научных работниках самой Коммунистической академии—все это с небывалой остротой выдвигает проблему подготовки новых научных кадров из рабочих, колхозников и коммунистов. Проблема кадров должна быть поставлена как одна из важнейших основных задач Комакадемии. Прежде всего Комакадемия должна взять на себя руководство разработкой пятилетнего плана подготовки научных работников в части марксистско-ленинских учреждений. Далее, необходимо принять решительные меры к обеспечению партийно-классового подбора аспирантуры.

Принимая во внимание острый недостаток в рабочих и коммунистах, достаточно подготовленных для научной работы, необходимо перейти к более активным методам комплектования аспирантами учреждений Комакадемии путем установления непосредственных связей с предприятиями и партийными организациями крупных центров Союза. Президиум Комакадемии должен принять немедленно меры для обеспечения всех условий, необходимых для подготовки аспирантуры, как-то: подбор преподавательского персонала, своевременная выра-

ботка учебных планов и программ, разработка вопроса о связи с производством и о производственной практике, соответствующие финансовые средства, подыскание учебных зданий и общежитий. Комакадемия и в особенности ее учреждения должны принять активное участие в методологическом и методическом руководстве подготовкой аспирантуры, находящейся в ведении хозорганов и ведомств, не входящих в систему марксистско-ленинских учреждений.

Вместе с тем необходимо со всей решительностью подчеркнуть, что Комакадемия не в состоянии будет справиться со стоящими перед ней задачами, если не будут приняты экстренные меры к закреплению кадров квалифицированных научных работников-коммунистов на основной работе в Комакадемии. Кроме того необходимо в большей степени вовлечь в работу Комакадемии научных работников, работающих в хозяйственных органах, и поставить учет и изучение научных кадров, выпускаемых марксистско-ленинскими учреждениями, с тем, чтобы наиболее рационально использовать имеющиеся в наличии и подготавливаемые научные коммунистические силы.

МЕТОДЫ И ОРГАНИЗАЦИЯ НАУЧНОЙ РАБОТЫ

Новые задачи, ставшие перед Коммунистической академией, требуют решительного изменения методов научной работы и ее организационной структуры.

Громадное значение в деле развертывания научной мысли имеет внесение в научно-исследовательскую работу планового начала. Коммунистическая академия должна составить пятилетний план своей научной работы и взять на себя руководство разработкой плана научно-исследовательской работы марксистско-ленинских научных учреждений. В своей научно-исследовательской работе учреждения Комакадемии должны перейти от методов индивидуального кустарничества к методам коллективной работы, основанным на строгом разделении труда между научными работниками, выполняющими часть общей работы, в соответствии с их квалификацией и общим планом Комакадемии.

Необходимо особое внимание обратить на координацию научно-исследовательской работы институтов и секций Комакадемии, всемерно развивая практику совместной разработки с разных сторон наиболее важных проблем силами всех учреждений Комакадемии, организуя группы в составе представителей разных институтов для разработки комплексных проблем. Необходимо рационализировать научную работу, поднять ответственность и трудовую дисциплину среди научных работников.

Основным вопросом в работе Коммунистической академии является вопрос о повышении качества научной продукции, выпускаемой Комакадемией. Необходимо повести решительную борьбу с халтурой в научной области, за углубление научно-исследовательской работы и ее бо́льшую методологическую и политическую выдержанность.

Одним из методов оживления научной работы Комакадемии должно явиться широкое развертывание практики созыва конференций марксистов по отдельным специальностям для обсуждения теоретических и научно-организационных проблем. Кроме того необходимо практиковать созыв специальных конференций совместно с хозорганами для разработки проблем, связанных с научно-исследовательской работой соответствующих ведомств.

Должно быть усилено руководство со стороны Комакадемии Ленинградским отделением и марксистско-ленинскими учреждениями и обществами, имеющимися в крупных республиканских и провинциальных центрах, а также работой научно-исследовательских учреждений и обществ, не входящих в систему марксистско-ленинских учреждений. Наряду с этим необходимо усилить обслуживание провинции центральными научными силами Комакадемии путем выездов, организации целого ряда научных докладов, дискуссий и т. д.

Организационная структура Комакадемии должна быть перестроена на основе укрупнения существующих в ее системе учреждений, разгрузки Президиума от части оперативной работы путем передачи ее институтам с одновременным усилением идеологического руководства, повышения ответственности руководящего состава за работу учреждений, сосредоточения оперативного руководства всей работы в руках узких правлений, или директоратов, состоящих из фактических руководителей учреждений, и создания для обсуждения научных вопросов широких совещательных коллегий в форме ученых советов с привлечением заинтересованных хозорганов. Одновременно с этим необходимо оживить работу пленумов Комакадемии и ее институтов путем постановки на их обсуждение наиболее важных научно-методологических проблем.

Необходимо совместными усилиями партийных и профессиональных организаций, при активном участии всей массы научных работников, аспирантуры и руководящих административно-научных органов Комакадемии добиться широкого развертывания самокритики, социалистического соревнования, ударничества, в особенности в борьбе за качество научной продукции, повышения трудовой дисциплины и улучшения качества подготовки аспирантуры.

Предстоящий XVI партийный съезд примет ответственнейшие решения по важнейшим вопросам революционной борьбы и социали-

стического строительства, которые должны будут послужить исходным пунктом для развертывания теоретической работы Комакадемии. Пленум выражает полную уверенность, что обновленная и перестроившая свои ряды Коммунистическая академия разовьет на основе этих решений свою теоретическую работу быстрым темпом и станет мощным фактором социалистического строительства на том всемирно-историческом этапе, который в настоящий момент проходит пролетарская революция.

ПРОБЛЕМА НАУЧНЫХ КАДРОВ

О. ШМИДТ

Несомненно научная жизнь сильно развилась у нас за 12 лет после революции. Клеветнические пророчества буржуазии о неизбежной гибели науки под властью пролетариата блестяще опровергнуты. Наука в СССР стоит гораздо выше, чем в царской России. Ряд крупных ученых стал в ряды активных строителей социализма, сделано много ценных научных работ, марксизм уже нащупывает позиции в науках, где его представителей раньше вовсе не было, кадры научных работников выросли,—но все эти явления надо брать относительно, по сравнению с потребностью и с теми темпами, которыми развивается хозяйство, идет обобществление и т. д. Такого сравнения наша наука пока не выдерживает.

Характерной чертой современного положения науки в СССР является резкое несоответствие между напряженным спросом на науку для разрешения задач социалистического строительства, громадными возможностями ее развития, с одной стороны, и недостаточностью научной продукции, малочисленностью научных кадров—с другой.

В то время как промышленность за 1928/29 г. повысила свою продукцию на 23% против предыдущего года, количество научных статей и книг за этот год не увеличилось (по данным комиссии по изданию индекса научной литературы). Качественные сдвиги также пока незначительны и разноречивы.

А между тем Октябрьская революция—сама плод научного социализма и научно обоснованной большевистской тактики—открыла эру небывалого в истории спроса на науку, небывалых просторов для нее. Социализм есть научная организация общества. В этом—целая программа научных работ в области общественных наук—работ как общетеоретических, так и в особенности научно-практических, по анализу каждого отдельного этапа продвижения к социализму, каждого общественного явления, каждого сдвига в классовых соотношениях. Советская экономика каждый день дает новые теоретические проблемы, от разрешения которых существенно зависит наше будущее, а в особенности темпы реализации этого будущего. Бродя ощупью, без теоретического анализа, мы давно потеряли бы правильную дорогу, единственно выводящую к социализму.

Надо признать, что теоретическая работа, теоретическое осмысливание современных проблем у нас есть,—но оно делается у нас чаще всего политическими мыслителями, вождями пролетариата, а не профессионалами-учеными, в том числе и марксистами.

А развитие производства, социалистическая реконструкция всего нашего хозяйства, осуществление лозунга «догнать и перегнать»,—все это ставит огромнейшие задачи перед прикладными науками и—через последние—перед теоретическим естествознанием. Наконец наше плановое хозяйство выдвигает комплексные проблемы невиданной широты.

Идет ли наука в ногу с этими проблемами? Надо признаться, что не идет.

Наша наука еще совершенно недостаточно пользуется теми возможностями, которые открыла перед нею Октябрьская революция. Чего стоит например одно лишь снятие религиозных пут—явных и скрытых, которые в возрастающей степени теперь сковывают европейскую науку. А возможность опереться на огромную периферию рабочей общественности, изобретательство, научно-технические кружки и т. д.—использована ли она? Наконец сделали ли заводские лаборатории наших государственных заводов хотя бы столько для науки, сколько дано частнокапиталистическими заводами Запада?

Темы большинства научных работ—в особенности по естествознанию—относятся к разнообразным вопросам, в худшем случае вовсе устарелым, в лучшем—модным в настоящее время на Западе. Лишь ничтожная часть этих теоретических работ продиктована конкретными задачами строительства. Ученые занимаются тем, что «их интересует», направление же этих «интересов» не совпадает часто с жизнью, свидетельствуя об оторванности данного ученого от жизни, казалось бы, достаточно яркой, чтобы влиять и на выбор научных «интересов».

Разумеется, надо приветствовать широту охвата нашей наукой разнообразных проблем, все проблемы должны найти себе разработку в стране советов. Но позволительно поставить вопрос о пропорции, о той доле, которую в общей научной продукции занимают вопросы, разрешения которых мы с трепетом ждем *сегодня*, ответ на которые нам нужен возможно скорее.

Итак, приходится констатировать несоответствие темпа развития советской науки темпу роста хозяйства и культуры, несоответствие преобладающей части разрабатываемых тем конкретным требованиям социалистического строительства и неиспользование наукой богатейших возможностей, открытых пролетарской революцией.

В чем же основная причина этих явлений? Ответ дает анализ классового лица ученых СССР. Правда, сами ученые всячески отрицают классовую причину своего отставания. Они выдвигают другие причины: во-первых, науке вообще свойственно развиваться медленно, «скороспелости» она не терпит; во-вторых, развитие науки происходит по своим внутренним законам и принципиально не может зависеть от «внешних» по отношению к науке давлений; в-третьих, наука—вне классов и классовой борьбы отражать не может, разве только ученые «случайно», физически пострадают во время борьбы и т. п.

Все эти доводы, долженствующие опровергнуть классовую причину отставания темпов нашей науки, сами носят столь явно классо-

вый характер, что только подтверждают тезис, против которого пытаются выступать.

Каков же классовый состав наших научных кадров?

Исчерпывающего учета научных сил в СССР нет, есть лишь разрозненные и между собой трудно сравнимые элементы. Попытка полного учета была сделана Академией наук, выпустившей адресный указатель «Научные работники СССР». Но этот указатель страдает большой неполнотой, совсем не охватывает научного молодняка и совершенно исключает сведения о классовой и партийной принадлежности. Более ценны для наших целей данные ЦЕКУБУ и украинской ВУКСУ. В частности по материалам экспертной комиссии ЦЕКУБУ и ЦБ Секции научных работников Цекпросом изданы таблицы «Научные кадры РСФСР» (изд. Раб. просвещения, М. 1930), представляющие большой интерес. Обработка их дана т. Тайцлиным в журнале «Научное слово» № 10 за 1929 г. Научные работники-коммунисты в 1929 г. взяты на особый учет ЦК ВКП(б), данные учета обработаны в статотделе ЦК и опубликованы в «Большевике» № 13—14 за 1929 г. (статья т. Н. Зимина). Наконец в ЦСУ (Госплане) СССР произведено обследование научных учреждений ВСНХ, материалом которого, представленным т. Бинеманом, мы также пользуемся. Общая картина такова. На 15 октября 1928 г. в РСФСР было 14 805 научных работников, зарегистрированных Секцией научных работников (охват почти 100%). Распространяя на СССР, получим около 18 500 человек.

Основной недостаток данных ЦЕКУБУ и СНР в том, что они не включают в себе такого важного признака, как социальное происхождение (в последнее время этот дефект восполняется). Зато мы имеем данные о партийности. Их интересно привести сразу по основным группам специальностей. Всего по РСФСР зарегистрировано было 678 научных работников-коммунистов. По группам специальностей они составили следующую часть общего состава научных работников тех же специальностей:

Общественные науки	10,3%
Естественные науки	1,3%
Медицина	3,3%
Техника и с. х.	1,9%
В целом	4,6%

Как и следовало ожидать, коммунисты завоевали довольно прочные позиции в общественных науках, в других же % партийцев ничтожно мал—гораздо меньше, чем в среднем среди членов профсоюзов вообще и даже профсоюза просвещенцев в частности.

Сведения о социальном происхождении дает учет ЦСУ по институтам ВСНХ.

Рабочих и детей рабочих	7,8%
Крестьян	5,8%
Служащих	75,8%
Прочих	10,6%

Важно отметить, что даже среди рабочих мы здесь имеем только 27% партийцев, всего же 6,3%. В институтах ВСНХ процент рабочих

конечно выше, чем в других. Произведенный ЦК учет выявил 1 590 научных работников-коммунистов на 1929 г. (по СССР в целом), т. е. 6,5% ко всему числу научных работников. Среди этих партийцев оказывается 16% рабочих [1].

Количество партийцев значительнее в младших возрастах, что указывает на улучшающийся состав молодой смены. Такого же улучшения от притока молодых мы могли бы ожидать и в смысле социального состава, но этого явления пока в заметной степени не наблюдается. Причина заключается в том, что значительные кадры рабочих могли влиться в состав ученых только после того, как окончили вуз первые рабфаковцы, т. е. не ранее 1929 г. Улучшившийся социальный состав вузов дает теперь уже возможность ожидать гораздо более решительного сдвига (на последнем курсе втузов в 1929/30 г. 39,7% рабочих [illegible] крестьян).

Приведенные цифры в особых комментариях не нуждаются. Они регистрируют то [illegible]кт, что революционный класс-гегемон не взял еще науки непосредственно в свои руки. Это дело все еще как бы передоверено им интеллигенции, более или менее тесно связанной с прежней буржуазией. Действует еще своеобразное разделение функций: к чисто производственным функциям пролетариата прибавились политические функции руководства и управления, функции же обучения и научной работы остались в прежних (в социальном смысле) руках. Конечно положение интеллигента (хотя бы буржуазного происхождения) в стране советов совершенно иное, чем в капиталистических странах. Конечно наша научная интеллигенция находится под возрастающим влиянием пролетариата и его партии, что выражается в росте политической сознательности, в образовании ВАРНИТСО, в возрастающей тяге ученых в партию, но при всем том интеллигенция старого типа в массе не обеспечивает тех темпов развития науки, того подхода к задачам, того научного мировоззрения, которое требуется творческим участием в строительстве социализма. Если выдвижение рабочих в аппарат управления уже оказало значительное влияние на улучшение работы учреждений, в том числе и на перевоспитание старых специалистов, то не меньших результатов мы твердо ожидаем от вхождения в научные кадры крупного пролетарского массива.

Орабочить научный состав на все 100% мы конечно не можем. Задача заключается в значительном, крутом поднятии процента рабочих и крестьян среди научных работников.

Эта задача не может решаться изолированно от общей количественной проблемы научных кадров. Наличие около 20 000 научных работников в СССР в 1928/29 г. или—ориентировочно—25 000 в 1930 г. совершенно недостаточно. Мы не будем сравнивать этого наличия научных работников с абсолютной нуждой в науке. Эта абсолютная

[1] Значительное увеличение числа коммунистов по учету ЦК по сравнению с учетом ЦЕКУБУ (1 590 чел. и 678 чел.) объясняется тремя причинами: 1) значительный рост за протекший между учетами год; 2) охват всего Союза в учете ЦК и только РСФСР у ЦЕКУБУ; 3) включение в учет ЦК низшего звена лабораторных работников, которые ЦЕКУБУ не учитывает. Оба учета вполне надежны и охватывают каждый почти 100% своего контингента.

нужда не ограничена. После завершения культурной революции, при всеобщей высокой образованности, при исчезновении грани между умственным и физическим трудом,—исчезнет также грань между ученым и неученым. Каждый человек будет на своей работе применять новейшие научные достижения человечества и вкладывать опыт и наблюдения своей работы в фонд материала для дальнейших научных продвижений. Весь мир—арена свободной человеческой деятельности—будет всеобщей научной лабораторией. И для нашего переходного времени даже нельзя указать верхний предел потребности в ученых. Наоборот, чем больше их будет, тем скорее, решительнее, экономнее, с меньшими ошибками мы будем продвигаться вперед. Но зато для нашего времени существует определенный нижний предел, определенный минимум, ниже которого число ученых не может опускаться без угрозы невыполнения наших народнохозяйственных и культурных планов.

Этот минимум дается для сегодняшнего дня пятилеткой и находит свое ближайшее выражение в пятилетке развития вузов и научных учреждений, которые требуют определенного количества преподавательских сил и научных кадров.

Контингент технических, сельскохозяйственных и экономических вузов увеличивается к концу пятилетки *в 6 раз*. При запроектированном развертывании контингентов (и соответствующем—сети втузов) наличию в 9 700 преподавателей в 1929 г. противостоит потребность в 37 300 в 1933, а с распространением на другие вузы (медицинские, педагогические и т. п.)—около 45 тыс. преподавателей. Эти цифры соответствуют уже осуществленному расширению контингентов, учитывают изменения в системе обучения, а также принимают в расчет совместительство в довольно широких (но не безграничных) пределах.

Число научно-преподавательских кадров предстоит таким образом более чем утроить.

Между тем уже теперь наблюдается значительное незаполнение профессорских кафедр и преподавательских должностей. Для более массовых работ (руководители групповых занятий), например по математике, в Москве привлечены и преподаватели средней школы и даже студенты физмата; учащаются случаи назначения профессором только что кончившего аспирантуру (минуя ассистентский и доцентский стаж) и даже случаи назначения профессором аспиранта, еще не кончившего даже аспирантского стажа. Само по себе быстрое выдвижение молодежи может нас только радовать, но во всяком случае оно свидетельствует о громадной напряженности положения. Вузам, как воздуха, нехватает квалифицированных преподавателей, а число вузов между тем ускоренно растет.

По кадрам научных учреждений столь же обоснованной пятилетки еще нет. Первоначальный и ориентировочный анализ приводит к следующей цифре к концу пятилетки. Вместе с научно-преподавательскими кадрами (и минус совмешающих работу по обеим линиям) мы ожидаем около 70 000 к 1933 г. Сюда надо прибавить еще не поддающуюся учету цифру потребности наркоматов и прочих учреждений в научных работниках для своих плановых и т. п. органов. Противостоит же этой цифре в 1929 г. даже не 20 000 тыс. номиналь-

ных, а гораздо меньше, т. к. в последнюю цифру входят и пенсионеры-ученые, уже не активные, и «приватные» ученые, и практики (врачи и т. п.) с научными работами и т. д.

Острота проблемы кадров этими цифрами выявлена с полной ясностью. Надо за 3 года увеличить в 3 раза число ученых. Возможно ли это? А между тем это должно быть сделано.

Громадные количественные потребности придают значительное своеобразие и большую трудность проблеме социально-качественного подбора кадров. Даже подготовляя для науки максимальную часть образованных рабочих (включая выпуски вузов ближайших лет), мы не покроем рабочими такой процент потребности, как это было бы желательно. Можем ли мы например решить проблему орабочения по отношению к преподавателям физики, если на старших курсах вузов студентов-физиков из рабочих не более 20, а преподавателей нужно немедленно 200? И однако же огромная трудность проблемы отнюдь не снимает самой проблемы, а, наоборот, заставляет заострить на ней еще больше внимания партии, всей советской общественности и самих научных и учебных учреждений. Надо добиться того, чтобы процент членов партии среди ученых в ближайшие же годы поднялся до 25%.

Использованы ли все возможности для увеличения % рабочих среди научных работников? Найдены ли новые формы для их вовлечения, для ускорения подготовки? Сделано еще очень мало. А как поставлена политическая работа среди научной интеллигенции? Делается ли достаточно для ее марксистского воспитания, для возможного приближения ее к пролетарской идеологии? Эти задачи качественного порядка так же не решены, как не решены еще количественные задачи подготовки. Величайший разрыв особенно ярко демонстрируется цифрой наличных в 1930 г. аспирантов по народнохозяйственным специальностям—около 2000 по СССР, т. е. 5% того, что требовалось бы для покрытия потребности аспирантами—наиболее организованным путем.

Состав аспирантуры непрерывно улучшается. Так среди указанных 2000 имеется 31% членов ВКП(б), 14,7% рабочих. Но это высокое процентное отношение могло быть достигнуто только при общем низком количественном уровне.

Путь выхода из трудного положения проясняется при более подробном анализе, причем общественные науки выделены особо. Каковы пути покрытия потребности в научных кадрах? Основной, так сказать классический, путь это—аспирантура (включая учреждения типа Института красной профессуры). Наши научные учреждения и вузы вполне приспособлены для подготовки гораздо более значительных количеств. Коммунистическая академия например по своей явно преуменьшенной пятилетке доведет их число со 148 до 1 774. Такое развертывание аспирантуры требует анализа тех источников, откуда аспирантура черпается.

В 1930 г. окончат вузы около 55 тыс. человек. Взяв только 10% для аспирантуры, получаем готовый кадр в 5 500 чел. аспирантов. Социальный состав оканчивающих даст 28% рабочих и 20% крестьян. Среди 10% отбираемых он может быть значительно выше—до 60%

рабоче-крестьянской части и не менее 40% одной рабочей. Мы видим, что проблема не так далека от разрешения. В последующие годы и общий выпуск и % рабочих будет повышаться. Конкретно запроектировано за 3 года, 1930/31 — 1932/33, принять по указанным выше дисциплинам 25 000 аспирантов, выпустить в тот же срок 10 000. Остается только преодолеть ряд организационных трудностей, правда, довольно значительных. Так, неблагоприятно географическое размещение. При большинстве провинциальных вузов, пока недостаточно оборудованных и, главное, не имеющих марксистского руководства, нецелесообразно сосредоточивать большие массы аспирантов. Их надо стягивать к таким центрам, как Москва, Ленинград, Харьков, отчасти— Киев, Свердловск, Баку, Тифлис и т. д. Затем надо считаться с естественной тягой хозорганов обеспечить за собой, путем контрактации, заманчивых условий работы немедленно после окончания вуза и т. д., лучшую часть студентов. А между тем отбор для аспирантуры должен конечно производиться среди наиболее способных. Надо считаться также с тягой как раз активнейших студентов на производственную работу, с известной неохотой отдавать много времени на дальнейшую длительную учебу, когда манит непосредственное участие в колоссально развернувшемся строительстве. Этим тенденциям—совершенно законным—надо противопоставить ряд мер, подлежащих основательному продумыванию. Энтузиазм непосредственного строительства, которым наша молодежь так ярко горит, грозит привести ее к некоторому забвению роли теории. Необходимо повторное, неослабное разъяснение ее значения как раз для этого строительства. На вербовке, производимой одними только научными институтами, нельзя строить массового мероприятия такого масштаба. Необходимо авторитетное разъяснение партийных органов, необходима своего рода «мобилизация на теоретический фронт». Необходимо наконец уничтожить материальные ножницы между положением аспиранта и положением человека, идущего немедленно по окончании вуза на практическую работу.

Значительные затруднения вырастают при разборе проблемы кадров по отраслям. У нас почти неоткуда черпать кадры для теоретических предметов. Число вузов и число студентов по теоретическим дисциплинам совершенно недостаточно. К тому же социальный состав как раз на теоретических факультетах (литературном, историческом, правовом, физико-математическом, педагогическом, экономическом) особенно слаб. Рабочие, естественно, предпочитали индустриальные специальности, и ничего не было сделано для их привлечения на теоретические факультеты, ничего ни в моральном, ни в материальном смысле. За эту близорукость мы теперь жестоко расплачиваемся. Вышеприведенный пример с физикой дает достаточную иллюстрацию создавшегося положения. Чтобы в будущем гарантировать себя от таких прорывов, необходимо теперь же заняться проблемой теоретических факультетов. Надо совершенно по-иному поставить их комплектование. Надо осознать, что они готовят—и не только в части, поступающей в аспирантуру—работников на идеологическом фронте: преподавателей, редакторов, литераторов, плановиков и т. д. Поэтому при их комплектовании надо обеспечить особенно сильное рабочее и пар-

тийное ядро. Некоторые из них надо прямо приблизить по комплектованию и обеспечению к типу комвуза.

Положение общественных дисциплин до некоторой степени смягчается наличием сети комвузов, из которых также должна формироваться аспирантура (с дополнительной подготовкой, где надо); с естественными же науками положение особенно серьезно. Физматы должны совершенно перестроиться, имея задачей подготовку преподавателей высших школ (и техникумов) и массового исследовательского персонала (лаборантов и т. д.) с особенно большим процентом аспирантуры. Поэтому комплектовать их придется с отбором наиболее научно одаренных, быть может с выбором их среди студентов втузов и с.-х. вузов и, конечно, с гораздо большим соблюдением классового отбора.

Оканчивающие вузы—не единственные кадры для аспирантуры. Вопреки прямой директиве ЦК еще совершенно недостаточно практикуется подбор аспирантов среди практиков, выдвинувшихся общественной активностью и одаренностью. Изобретательство, научно-технические общества и кружки, организации соцсоревнования выдвигают значительные кадры дарований и притом как раз главным образом из рабочей среды. Надо только уметь их взять и уметь их подготовить с учетом их своеобразия (большие знания и талант в одной области при неравномерном общем образовании и т. п.). Такие же кадры могут быть выделены среди педагогов-практиков в школьной сети.

Другим источником покрытия наряду с аспирантурой может служить привлечение к научной и преподавательской работе выдающихся практических деятелей—инженеров, агрономов и т. д. Господствовавшая до последнего времени оторванность вузов от производства сказалась, между прочим, и в том, что сравнительно мало практиков участвовало в преподавании. Проводимая решением партии и правительства коренная реорганизация вузов по отраслевому признаку с передачей их непосредственно хозобъединениям разрешит и эту задачу. Опытнейшие инженеры должны тут же в производственном обучении, а также на теоретически обобщающих занятиях, передавать свой опыт студентам, значительно пополняя научно-преподавательские кадры (то же относится к научным учреждениям).

Особо необходимо остановиться на общественных науках. Они не просто представляют собою одну из отраслей науки, требующей кадра для развития своих научных иститутов и обеспечения преподавания на своих сравнительно малочисленных факультетах. Нет, значение работников общественных наук в нашей проблеме гораздо шире. На них—поскольку они окажутся подлинными марксистами—ляжет задача марксистского воспитания всей аспирантской массы, по всем специальностям, и задача переподготовки значительной части уже сформированных научных работников в смысле сообщения им начал марксистской методологии. Ни один аспирант—будь он химик или геолог—не должен впредь оставаться вне работы марксистских семинариев, без основательной проработки общих основ марксизма и применения марксистской диалектики в своей специальной науке. Этой задаче соответствует все усиливающаяся за последнее время тяга среди широких слоев научных работников к изучению марксизма.

Одним из интереснейших фактов современности является спрос на философов-марксистов среди естественников. Этот спрос не удовлетворен и в ничтожной степени. Философы (особенно подготовленные в естествознании) принадлежат к наиболее редким разновидностям на рынке интеллектуального труда.

А между тем марксистская подготовка беспартийных аспирантов-интеллигентов должна в известной степени ослабить недостаточность имеющейся пока прослойки рабочих среди ученых. Конечно в массе эти ученые из буржуазной и мелкобуржуазной среды не станут подлинными марксистами, но все же их научная работа подымется на высшую ступень, обогатится методологически и приблизится к актуальным потребностям строящегося социализма. Эта же марксистская подготовка усилит процесс диференциации в среде ученых, ускоряя и облегчая переход одних на сторону пролетариата и обнаженно выявляя реакционную физиономию других.

Научные кадры—узкое место в проблеме кадров, которая в свою очередь стала узким местом, задерживающим социалистическое строительство. Ряд решений партии привлекает внимание к этой проблеме. Условия для развития науки у нас исключительно благоприятны, спрос на науку напряжен до крайности, нужны новые кадры в огромном количестве. Под руководством коммунистической партии пролетариат, преодолевший уже столько препятствий, завоюет и эту позицию и создаст новые кадры марксистских ученых, подлинных участников социалистического строительства.

НАУЧНЫЕ КАДРЫ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

К. ГИДЛЕВСКИЙ

ЦК ВКП(б) в своем постановлении о мероприятиях по укреплению научной работы, в связи с итогами 2-й всесоюзной конференции марксистко-ленинских научно-исследовательских учреждений, подчеркнул, что «темп развертывания работы марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений отстает от предъявляемых к ним современными условиями требований и запросов, что объясняется главным образом совершенной недостаточностью выделяемых на научную работу сил и средств».

Это верно конечно не только для марксистско-ленинских учреждений, но верно и для всего научно-исследовательского дела СССР.

Не следует при этом думать, что дело сводится к чисто количественному недостатку в научных кадрах. Не меньшее значение имеет качественная сторона как в отношении социально-классового состава имеющихся кадров, так и их марксистско-ленинской подготовки.

Из докладной записки социально-культурной инспекции об обследовании подготовки научных кадров, поданной в коллегию НК РКИ РСФСР, мы узнаем, что «наличный состав научных кадров, распределение его по основным отраслям знаний ни в количественном, ни в качественном отношении не может удовлетворить быстро растущую потребность в исследовательской и преподавательской работе и ни в какой степени не соответствует задачам и темпам социалистического строительства (менее всего обеспечены научными кадрами индустриальный и с.-х. секторы)». Далее, в той же докладной записке приводятся данные о социальном и партийном составе научных работников, который признается явно неудовлетворительным, в особенности по индустриально-техническому разделу. Всего членов ВКП(б) среди научных работников—4,6%, а по индустриально-техническому—1,3%. Такой же процент по точным наукам и немного выше—3,1% по с.-х. разделу. Из состава членов ВКП(б) начали научную работу до 18 года только 22,8%.

Данные о социальном составе научных работников по вузам Наркомпроса показывают, что молодые научные работники (ассистенты, доценты), приступившие к научной работе в своем большинстве в революционный период, очень мало по своему социальному составу отличаются от основной профессуры, что свидетельствует об отсутствии какого-либо регулирования и влияния на рост научных кадров. По индустриальным вузам из 514 профессоров — рабочих — 2,5% — крестьян—10,8%. Из 1 113 ассистентов—рабочих—3,5%, крестьян—14%.

Такая же картина по с.-х., ветеринарным и др. вузам. (Докл. записка соц.-культ. инспекции).

Если к этому прибавить огромный размах по развертыванию сети новых высших учебных заведений, требующих очень большого количества научно-педагогического персонала (предварительные данные Госплана РСФСР говорят, что «на расширение сети и покрытие естественной убыли по индустриальным, с.-х. и соц.-экономическим разделам требуется новых преподавателей в 1930/31 г.—4 517 чел., 1931/32 г.—7 465 чел. и в 1932/33 г.—8 464 чел.)», то совершенно очевидно, что «проблема кадров является теперь решающей проблемой социалистического строительства» (Сталин).

В деле разработки теоретических проблем, связанных с успешным развертыванием социалистического строительства, особенно в реконструктивный период народного хозяйства, с одной стороны, и в подготовке высококвалифицированного научно-педагогического состава—с другой, Коммунистическая Академия должна играть первостепенную и руководящую роль.

Для осуществления этой роли она должна обладать соответствующими научными кадрами как в количественном, так и в качественном отношениях.

Не ставя себе задачи в полном объеме исчерпать и осветить проблему кадров для Комакадемии, мы тем не менее считаем необходимым остановиться пока на одной части проблемы—на выяснении *наличных* кадров Комакадемии и на их характеристике.

НАУЧНЫЕ РАБОТНИКИ

Из общего количества 581 штатных единиц Комакадемии (без аспирантов и без Ленинградского отделения), состоявших на 1/IV—1930 г., наличные научные кадры (руководящий персонал, старшие и младшие научные работники) составляют 298 чел. Социально-классовая характеристика их рисуется следующей таблицей:

	Всего	Из них				
		Раб. и дети рабочих	Крест. и дети крестьян	Служ. и дети служащих	Прочие	Не выяснены
Руков. персон. .	48	1	4	32	9	2
Ст. науч. сотр. .	177	7	5	123	30	11
Мл. „ „ .	73	9	7	47	11	—
Всего .	298	17	16	202	50	13

т. е. 69,9% составляют лица, относящиеся к категории служащих. Если же сюда еще прибавить 50 человек из группы «прочие», куда вклю-

чены лица по своему социальному происхождению чуждые рабочему классу (торговцы, представители религиозных культов и т. п.) и 13 человек из группы «не выяснено»,—о которых есть все основания полагать, что они в громадном большинстве служащие, то процент непролетарского состава повысится до 88,9%.

Если же проследить за отдельными группами научных работников, то оказывается, что особенно высокий процент «служащих», «прочих» и «невыясненных» падает на группу старших научных сотрудников (93%). Руководящий персонал дает около 90% и даже группа младших научных сотрудников, которые вербовались, главным образом, из окончивших вузы в послереволюционное время, дает 79%.

Таким образом положение с научными кадрами Комакадемии в социально-классовом отношении приходится признать совершенно неудовлетворительным.

Что касается партийного состава, то он конечно гораздо выше социального, но все же не может быть признан удовлетворительным, что видно из следующей таблицы:

	Чл. ВКП(б)	Кандидаты в чл. ВКП(б)	Чл. ВЛКСМ	Беспарт.	Невыяснен.	Всего
Руковод. персон. .	34	—	—	12	2	48
Ст. научн. сотр. .	81	2	1	82	11	177
Мл. „ „ .	28	—	3	42	—	73
Всего .	143	2	4	136	13	298

Общее количество членов ВКП(б) по всем 3 группам (143) составляет около 50% всего состава научных кадров и достигает 50% при условии присоединения к ним кандидатов и комсомольцев. При этом необходимо иметь в виду, что в группе руководящего состава беспартийные плюс «невыясненные» играют довольно значительную роль—29,2%.

Если принять во внимание, что основная научно-исследовательская работа ведется старшими научными сотрудниками, каковые являются вполне сформировавшимися научными силами, то придется констатировать, что *около* 53% *(по чисто формально-количественному признаку) нашей продукции изготовляется беспартийными.* Этот процент необходимо еще увеличить, принимая во внимание большую общественную нагрузку членов партии, которой, в своем большинстве, беспартийные не имеют.

Конечно ни в какой степени не следует думать, что Комакадемия должна отказаться на данном этапе от сотрудничества беспартийных научных сотрудников. В ближайшем будущем, как и в настоящее

время, Комакадемия должна будет привлекать вполне проверенных, марксистски выдержанных крупных научных работников из беспартийных, особенно в области естественных и точных наук, где мы очень еще бедны коммунистическими кадрами. Тем не менее приведенные данные сигнализируют о необходимости принятия решительных мер по регулированию состава научных кадров Комакадемии.

Не лишена интереса характеристика научных кадров со стороны их научной квалификации.

Естественно, что мерилом для определения такой квалификации может служить главным образом как теоретическая, так и практическая значимость в научной работе, в деле борьбы рабочего класса за строительство социализма. К сожалению, такого статистического мерила, которое могло бы нам выявить эту сторону в цифровом отношении, у нас нет, а потому мы позволим себе подойти к этой характеристике с чисто формальной меркой, беря при определении квалификации образовательный ценз научного сотрудника.

Если к характеристике квалификации подойти с этой меркой, то она выясняется из следующей таблицы:

	Образование				
	Высшее	Среднее	Низшее	Самообраз.	Всего
Руков. персон.	46	2	—	—	48
Ст. науч. сотр.	162	13	—	1	176
Мл. „ „	47	24	2	1	74
Всего . .	255	39	2	2	298

Настоящая таблица рисует довольно высокий процент научных кадров с высшим образованием. Если же принять во внимание, что лица с незаконченным высшим образованием отнесены к группе со средним образованием, то эта картина изменится в сторону дальнейшего улучшения. Необходимо отметить, что начинающие научные силы—младшие научные сотрудники,—как видно из таблицы, вербуются менее строго, чем старшие, группа со средним образованием составляет среди них 61,2%. Это следует признать отрицательным явлением.

Если обратиться к отдельным, *главным* научно-исследовательским учреждениям Комакадемии, то, как правило, по социально-классовому и партийному признаку в худших условиях оказываются учреждения естественно-научного сектора (Ин-т им. Тимирязева, Ин-т Высшей нервной деятельности и др.).

Рассматривая наличные кадры по их научной специальности, мы получим следующую картину:

Всего	Из них					
	Экономистов	История, право и сов. строит.	Естеств. и точн. науки	Философия	Литература	Другие специальности
298	52	101	105	18	6	16

Бросается в глаза бедность научными силами по экономическим специальностям. Если принять во внимание, что Комакадемия включает в себя такие учреждения, как Аграрный институт, Институт мирового хозяйства, Экономическую секцию, Кооперативную секцию, на которые на данной стадии развития всего народного хозяйства ложится разработка первостепенной важности народно-хозяйственных проблем, то станет понятной серьезность положения, которое создается для Комакадемии из-за ничтожного количества экономистов, которыми она располагает в настоящее время. Вне всякого сомнения, бедность научными силами наблюдается и по другим специальностям, но тем не менее особо следует заострить внимание на группе экономистов. Из 52 человек экономистов—13 аграрников, 5 кооператоров, 16 работников в области мирового хозяйства и 18 падают на все остальные экономические специальности.

Период социалистической реконструкции всего нашего хозяйства и в частности коллективизации сельского хозяйства выдвигает колоссальной важности проблемы, которые при наличии имеющихся сил не смогут быть проработаны, а это знаменует собой не изживание имеющейся диспропорции между теоретической мыслью и практикой социалистического строительства, а ее обострение.

Так обстоит дело с научными кадрами Комакадемии.

Перейдем к рассмотрению и характеристике начинающих научных сил—аспирантов.

АСПИРАНТЫ

Комакадемия только в 1929/30 г. учредила в некоторых своих институтах аспирантуру, которая по ряду учреждений перешла из Раниона. Общее количество аспирантов на 1/IV—1930 г. равнялось 148. По отдельным учреждениям и по курсам они разбиваются таким образом (см. табл. на след. стр.):

Следовательно, больше 60% падает на 1 курс и только 28,5% на оканчивающих. Отметим притом, что среди них нет совершенно экономистов

С точки зрения количественной наличная аспирантура лишь в самой ничтожной мере сможет смягчить тот «голод» на фронте научных кадров, который мы имеем к настоящему времени. Очевидно, должны быть приняты экстренные меры к изживанию этого катастрофического положения, от правильного и своевременного разрешения которого зависит в значительной степени успешность социалистического строительства.

	Всего	Из них		
		I к.	II к.	III к.
Кооператив. секция	18	18	—	—
Ин-т миров. хозяйст. . . .	5	5	—	—
Аграрный институт	11	11	—	—
Ин-т высш. нерв. деят. . .	4	4	—	—
Тимирязевск. институт . .	13	7	1	5
Институт истории	36	10	7	19
„ права и сов. строит.	30	11	7	12
„ философии	31	14	11	6
	148	80	26	42

Но количественная сторона, как было отмечено раньше, еще не решает вопроса. Для нас важна качественная сущность научной смены, т. е. ее социально-классовое лицо.

Рассматривая социально-классовую характеристику аспирантов, необходимо отметить, что и среди них не наблюдается резкого перелома в сторону пролетаризации научных кадров. Из 148 аспирантов—20% рабочих, а общее количество рабочих и крестьян составляет 50%. Таким образом группа «служащих» и «прочих» составляет 50%, что безусловно является совершенно неудовлетворительным. Ставить в вину этот отрицательный факт Комакадемии не приходится, т. к. в подавляющем большинстве аспирантура ей была передана из Раниона, и в ее комплектовании она не принимала никакого участия.

В отношении партийного состава дело обстоит более благополучно (63% членов ВКП(б), а с кандидатами и комсомольцами около 80%), но все же и с этой стороны необходимо добиваться улучшения.

К сожалению, неразработанность анкетных данных не позволяет в полной мере судить об аспирантуре с точки зрения партийного стажа и прежней общественной работы, каковые являются довольно верным показателем (конечно при наличии других дополнительных данных) для суждения об общественном лице, но отрывочные сведения говорят, что наличная аспирантура молода по времени пребывания в партии и не имеет большого опыта общественно-практической работы.

Рассматривая аспирантуру по отдельным учреждениям Комакадемии, следует отметить, что по Институту истории, Институту советского строительства и права и особенно по Тимирязевскому институту—процент беспартийных довольно высок (Тимирязевский ин-т—69,5%; Ин-т истории—38%; Ин-т сов. строит. 30%), причем процент бес-

партийных растет от 1 курса к последнему, что объясняется условиями приема прежних наборов, не ставивших надлежащих требований для обеспечения как социально-классового так и партийного состава аспирантуры.

Отметим, что группа экономистов и среди аспирантов является весьма незначительной по трем институтам—34 человека, что составляет 23% всех аспирантов.

Приведенные данные в своей совокупности позволяют констатировать:

1) Низкий процент рабочего ядра среди наличных научных кадров, включая сюда и аспирантуру.

2) Низкий процент партийцев и комсомольцев.

3) Эти моменты более резко выявлены по учреждениям естественно-научного сектора.

4) Недостаточность научных кадров в Комакадемии по всем специальностям вообще и экономистов в частности.

5) Полнейшее несоответствие между потребностью в научных кадрах и существующим контингентом аспирантов как со стороны количественной, так и социально-классовой.

Эти итоги ставят во весь рост проблему кадров для Комакадемии, являющейся центром теоретической марксистско-ленинской мысли и готовящей кадры для кадров. Должны быть приняты чрезвычайные меры по выполнению этой центральной задачи.

ОТДЕЛ ДОКЛАДОВ И ДИСКУССИЙ

СТАЛИН КАК ТЕОРЕТИК БОЛЬШЕВИЗМА В НАЦИОНАЛЬНОМ ВОПРОСЕ [1]

ДОКЛАД С. ДИМАНШТЕЙНА

Наряду с Лениным, создавшим национальную программу и руководившим национальной политикой нашей партии, чрезвычайно велико значение т. Сталина в разработке национального вопроса. Тов. Сталин в настоящее время является вождем ВКП(б) и Коминтерна, руководителем всего нашего социалистического строительства. Но здесь мы касаемся лишь одной ограниченной области, в которой т. Сталин и начал свою работу как теоретик большевизма.

Необходимо учесть, что в нашей партии в старое время наблюдался слабый интерес к национальному вопросу. Только Ленин и Сталин в течение почти всего периода своей революционной деятельности обращали усиленное внимание на теорию и практику национального вопроса. Наследство меньшевиков в этой области в количественном отношении гораздо значительнее. Достаточно указать на Плеханова, Мартова, Семковского, Залевского или на бундовцев—Медема, Либмана, Гейликмана и др. Мы не будем распространяться о теоретической ценности этих работ, представляющих собой преимущественно интерпретацию или популяризацию теорий австро-марксизма или Каутского в национальном вопросе. Занимались этим вопросом и польские с.-д. в лице Розы Люксембург, Радека и др., главным образом в связи с польской проблемой. В нашей же партии имеются только два основные теоретика национального вопроса—тт. Ленин и Сталин [2].

Работы т. Сталина по национальному вопросу имели большое влияние на всю нашу партийную работу в национальных районах, на всю нашу борьбу с меньшевиками и мелкобуржуазными национальными партиями.

При общем недостаточном внимании к национальному вопросу в особенности недооценивалось значение национальной проблемы российского Востока. Меньшевистские «теоретики», касавшиеся национального вопроса, обычно ограничивались Польшей, Украиной; очень много внимания уделяли также еврейскому вопросу. О национальном же вопросе *на Востоке* говорилось очень мало. Например в труде Залевского по национальному вопросу в XX в., в части, касающейся национального вопроса в России, совершенно не упоминается национальный вопрос в пределах Средней Азии. Автор просто забыл отметить его существование. Этот факт достаточно говорит за себя.

---

[1] Доклад был зачитан на объединенном заседании ИСПС, нацкомиссии и НАВ. Передается в сокращенном виде.

[2] Не говоря о таких «теоретиках» национального вопроса, как тт. Бухарин и Пятаков, пришедших к национальному вопросу только во время войны и не создавших ничего оригинального, а давших лишь разновидность люксембургианства.

Особая заслуга т. Сталина заключается в том, что он взялся за серьезное изучение национальной проблемы Востока, и в этом отношении он стоит рядом с Лениным. Первый важнейший труд т. Сталина по национальному вопросу—«Марксизм и национальный вопрос»—появился в период нового подъема рабочего движения после 1905 г., когда наметились революционные контуры нового периода и в то же время довольно явственно стало ощущаться приближение серьезных военных столкновений в Европе. Национальная идеология стала усиленно пропагандироваться великорусской буржуазией. Среди угнетенных национальностей также росли национальные течения, причем националистические партии освобождались все более от «социалистической» одежды, которую они взяли на прокат в период 1905 года.

К тому времени, когда Сталин начал писать упомянутый труд, Ленин еще не написал своих основных работ по национальному вопросу. У Ленина были работы, относившиеся к прежним годам, особенно к 1903—1904 гг., в связи с разногласиями на II съезде партии с Бундом и ПСД. После этого наступил длительный перерыв до 1910 г. Самые серьезные работы Ленина по национальному вопросу датируют с 1913 года.

«Марксизм и национальный вопрос», ставший для нас в то время своего рода vademecum'ом марксизма по национальному вопросу, был написан в конце 1912 г., а задуман, понятно, еще значительно раньше. Это был первый основной систематический большевистский труд по национальному вопросу в легальной печати (он был напечатан в журнале «Просвещение» в начале 1913 г.). Первым большевиком, *систематически* разработавшим национальный вопрос, был т. Сталин. Оригинальность т. Сталина иллюстрируется уже тем фактом, что во всей книжке Сталина «Марксизм и национальный вопрос» нет ни одной цитаты не Ленина. Это объясняется тем, что Сталину фактически пришлось самостоятельно разрабатывать все сложные конкретные моменты национального вопроса на основании общего учения Маркса и Ленина, общей большевистской теории, в то время как сам Ленин еще писал по этому вопросу сравнительно редко, я бы сказал — лишь от случая к случаю. У нас нет, к сожалению, первых статей т. Сталина, где он, возможно, касался и национального вопроса, напечатанных на грузинском языке в 1906—1907 гг. То, что он писал тогда в национальной печати, объясняется тем обстоятельством, что Сталин получил свое боевое крещение как большевик, как революционер на национальных окраинах, в Закавказье, где национальный вопрос играл очень большую роль, где армяно-тюркская резня, армяно-грузинский антагонизм и другие национальные конфликты тормовили революционное движение.

Большевики вообще начали сравнительно поздно работать в национальных центрах, как западных, так и восточных. В Польше, в Варшаве, национальным вопросом занимались ПСД, а мы, большевики, работали там только в военной организации. Отметим однако, что трактовка национального вопроса у т. Сталина уже в тот период меньше всего связана пределами Грузии или Закавказья. Он с самого начала ставит этот вопрос в принципиальном разрезе и во всероссийском масштабе.

Брошюра Сталина вышла в 1914 г. за подписью «К. Сталин-Коба» [8]. Редакция «Прибоя» в предисловии как бы оправдывается в выпуске бро-

[8] Насколько мне помнится, псевдоним «Сталин» появляется только с его статьей по национальному вопросу в журнале «Просвещение». Вообще т. Сталин был известен в партии под псевдонимом «Коба».

шюры, указывая на то, что статьи т. Сталина с интересом читались передовыми рабочими на окраинах России и по просьбе их и предпринимается издание этой брошюры. Брошюра т. Сталина «Национальный вопрос и марксизм» издается не как материал по вопросу, интересующему всю партию, а как нечто, затрагивающее лишь некоторые партийные элементы на окраинах! Это характерно для оценки национального вопроса в то время влиятельными партийными кругами.

Брошюра т. Сталина еще и до сих пор недостаточно оценена по существу всей нашей партией, недостаточно оценена в нашей марксистской литературе. Уже в ней рельефно выявились его недюжинная логика, большевистская твердость, сила диалектического мышления. По существу это была не брошюра, а краткий учебник по национальному вопросу, такой, какого у нас, большевиков, еще не было и который сохранил в основном свое значение и до наших дней.

Одним из основных вопросов в брошюре т. Сталина является вопрос об определении нации—вопрос, вызывавший в наших рядах оживленные дискуссии и служивший предметом наших споров с бундовцами, с эсерами, с пепеэсовцами, эсэсовцами и т. д. Но у нас самих по этому вопросу господствовала неразбериха; имелось множество взглядов и оттенков, и почти ни у кого не хватало смелости усомниться в марксистской доброкачественности определения нации, данного Бауэром, хотя и считали, что оно подходит лишь к австрийским, а не российским условиям.

Формула нации, данная т. Сталиным (нация—это исторически сложившаяся устойчивая общность языка, территории, экономической жизни, психического склада, проявляющегося в общности культуры) дала нам в руки оружие, которым мы могли бить всех наших противников, ибо это была подлинно большевистская марксистская формула нации,—формула, обоснованная, построенная на доскональном разборе концепций наших противников по этому вопросу. Никто из противников не осмеливался оспаривать эту формулировку по существу, несмотря на ее ярко выраженный большевистский характер. Спорили (напр. на страницах «Нашей Зари») о деталях, по третьестепенным вопросам. Отметим например выступления по вопросу, тогда довольно актуальному, о том, являются ли евреи нацией. Согласно теории т. Сталина евреи не обладают всеми признаками нации. Наши противники из меньшевистского лагеря соглашались с тем, что евреи не являются единой нацией, соглашались с тем, что нельзя брать как одно целое евреев, говорящих по-грузински или по-татарски, и евреев, живущих в черте оседлости и говорящих на другом языке. При этом однако выдвигалось такое допущение, что если евреи в целом и не являются единой нацией, то та или иная часть,—например часть еврейства, живущая в черте оседлости,—имеет право трактовать себя как нация. Это возражение бьет мимо т. Сталина, вовсе не касавшегося этого частного вопроса в своем труде.

Но никто из теоретиков-меньшевиков и не пытался опровергнуть основную установку т. Сталина, его определение нации.

Единственным оппонентом т. Сталина по существу определения нации был меньшевик Залевский. Залевский ставил вопрос о том, что является основным признаком нации: территория или историческая устойчивость. Он утверждал, что основным моментом является исторически сложившаяся устойчивость, общность людей—первая часть формулы т. Сталина,—а территория является важным, но не решающим моментом, который будто бы в последнее

время теряет свое значение признака нации. В доказательство он ссылался на то, будто американцы считали себя единой нацией с англичанами, несмотря на разность территорий. Он утверждал, что ирландцы, живущие в Америке, относят себя к той же нации, что и ирландцы, живущие на родине. Отрицая значение хозяйственного фактора в консолидации нации, он утверждал, что «наиболее характерным признаком современной нации является духовная культура». Не приходится останавливаться на этих шатких и исторически неверных утверждениях. Никому в наше время не может прийти в голову мысль считать американцев единой нацией с англичанами. Точно так же нельзя говорить, что ирландцы в Ирландии и в Америке являются одной и той же нацией. Ирландцами по национальности являются лишь первые. Ирландцы в Америке либо ассимилировались и превратились в стопроцентных американцев, либо находятся на пути к такому превращению.

Столь же «серьезны» были другие возражения, основанные на смешении понятия «нации» с французским и английским «nation» и «national», часто употребляемыми в совершенно другом смысле.

Сталин как теоретик большевизма в национальном вопросе ставит по существу вопрос о национальных революциях: Сталин хотел построить не принципы национальной политики вообще, не теорию нации вообще, а национальную политику для революционной большевистской партии, готовившейся к крупнейшим революционным схваткам, ставившей перед собой огромнейшие революционные задачи, опиравшейся на пролетариат и проникнутой пролетарской идеологией. Именно с этой точки зрения и необходимо подойти к определению, данному Сталиным. Что является для Сталина основным? Разоблачение немарксистского, антимарксистского, мелкобуржуазного характера австрийской школы и ее меньшевистских, бундовских и тому подобных интерпретаций. Учение Бауэра исходило из австрийского государства, этого уродливого «лоскутного» образования, как из чего-то данного раз навсегда, незыблемого и необходимого, и сводилось к тому, чтобы дать теоретическое обоснование разрешения национального вопроса как средства сохранения Габсбургской империи.

Сталин с самого начала утверждает невозможность разрешения национального вопроса при существующем крепостническом строе. Для него национальный вопрос связан неразрывно с вопросом свержения этого строя, с революцией—тогда у нас была еще установка на демократическую республику. Национальный вопрос в России мы брали как составную часть демократической революции, связывая его со всеми остальными вопросами революции, в частности и в особенности—с аграрной революцией. Всякое абстрагирование национального вопроса от всего сложного комплекса конкретных проблем революции было для нас недопустимым.

Тов. Сталин учил, что нет и не может быть каких-либо общих решений национального вопроса, годных при всяких условиях. Одна из величайших заслуг т. Сталина состоит в том, что он показал, как применять диалектику в разрешении национального вопроса, ибо именно к национальному вопросу особенно необходим диалектический подход. Какое решение более совместимо с интересами трудящихся масс? это зависит от конкретных исторических условий, в которых находится данная нация. Условия, как и все, меняются, и решение, правильное для данного момента, может оказаться совершенно неприемлемым для другого момента, — так утверждал т. Сталин еще в 1912 г.

Уже тогда т. Сталин сумел диалектически подойти к вопросу и указывал, что нельзя построить какой-либо твердой, зафиксированной, детализованной программы по национальному вопросу и что программа партии по этому вопросу может содержать только основные принципиальные положения, а не конкретные «рецепты».

Когда мы уточнили нашу национальную программу, внеся в старую формулу 1903 г.—о праве наций на самоопределение—добавление «вплоть до отделения», мы еще не дали конкретного решения национального вопроса для отдельных национальностей. Меньшевики требовали от нас положительной программы в национальном вопросе, мы же дали не положительную, а так сказать отрицательную программу. «Никто не может запретить нации отделиться», «никаких привилегий по национальному вопросу». Это была отрицательная формулировка нашей программы. Другие партии, меньшевистские, давали «конкретные» решения. Они выдвигали «конкретную» теорию культурно-национальной автономии. С разными вариантами их поддерживали расплодившиеся после 1905 г. национально-социалистические партии: литовские, армянские, грузинские, украинские, еврейские и т. д. На первый взгляд основные расхождения между ними, с одной стороны, и большевиками, с другой—сводились к национальному вопросу, к вопросу о культурно-национальной автономии, о сепаратизме и т. д. Но это по существу неверно. Эти расхождения были по *всем областям* работы, по *всему фронту* революции. Это были принципиальные расхождения между мелкобуржуазным и пролетарским подходом к вопросу о революции, о вооруженном восстании, об интернациональном воспитании масс, о борьбе классов, о партийном строительстве и т. д. Прав был т. Сталин, утверждая, что национальный вопрос у каждой партии, у каждого течения—это отражение всего ее мировоззрения, ее принципиальной установки во всех кардинальных вопросах революции, всей идеологии класса, представляемого данной партией, и т. д. И действительно, эти партии с каждым этапом революции все больше скатывались и по национальному вопросу к ревизионизму, к национализму, к контрреволюции. Разногласия по национальному вопросу выпячивались этими партиями в целях завоевания широких масс данной нации. Окончательный раскол в партии сопровождался и обострением разногласий по национальному вопросу, поскольку августовский блок фактически санкционировал австрийско-бундовскую программу. Не осмелившись выставить прямо культурно-национальную автономию, они прибегли к скрытой формулировке, придуманной Мартовым и заключавшейся в том, что национально-культурная автономия «*не противоречит*» программе партии. Социал-демократ, марксист, считающий себя революционером, может по этому компромиссу согласиться с требованием культурно-национальной автономии для отдельных наций. Таким образом *оппортунизм в общих вопросах революции немедленно отразился и на позиции в национальном вопросе.*

Тов. Сталин дал уничтожающую критику этой оценке культурно-национальной автономии. При поверхностном рассмотрении можно было обвинить Ленина и Сталина в непоследовательности. С одной стороны, они признают «право наций на самоопределение», право каждой нации решить самой, как ей жить. Почему же нация не может решить о своем желании культурно-национальной автономии? Не входит ли культурно-национальная автономия тоже в самоопределение нации? Рассуждать так можно, лишь выхолостив основное большевистское содержание требования права наций на самоопределение. Вот как отвечает т. Сталин: «Нации имеют право устроиться по

своему желанию... но это еще не значит, что социал-демократия не будет бороться... против вредных учреждений наций, против нецелесообразных требований наций. Наоборот, социал-демократия обязана вести такую агитацию и повлиять на все нации так, чтобы нации устроились по форме, наиболее соответствующей интересам пролетариата. Именно поэтому она, борясь за право наций на самоопределение, в то же время будет агитировать... против культурно-национальной автономии кавказских наций, ибо... не идя вразрез с правами этих наций, культурно-национальная автономия идет однако вразрез с «точным смыслом» программы, т. е. с интересами кавказского пролетариата». Большевики никогда не обязывались поддерживать во имя самоопределения всякие реакционные принципы, например, верховенство духовенства, в том случае, если нация поставит во главе себя духовенство (Сталин говорит о такой возможности в отношении Азербайджана). Если мы подходим к самоопределению нации с точки зрения программы революционно-пролетарской партии, исходя из интересов пролетариата, то мы должны самоопределение нации сообразовать с соответственными требованиями революции и революционизирования нации. Итак, если нация выставит требование культурной автономии, то соответствует ли это самоопределению нации? Соответствует. Но соответствует ли это программе партии? Нет, не соответствует, ибо противоречит основной линии программы партии, интересам интернациональной солидарности трудящихся. Таким образом т. Сталин вооружал большевистскую партию боевыми лозунгами для борьбы с противниками партии из мелкобуржуазного лагеря.

Нельзя конечно сказать, что в те годы мы могли уже выработать детальную и конкретную программу для отдельных национальностей на случай пролетарской революции. Я процитирую для примера следующее место из брошюры т. Сталина, где идет речь о самоопределении Грузин. Как следует определить Грузию в национальном отношении? Тогда было еще невозможно сказать что-нибудь определенное по этому вопросу. Тов. Сталин говорит: «К какому национальному союзу отнести аджарцев, говорящих на грузинском языке, но живущих турецкой культурой и исповедующих ислам? Не организовать ли их отдельно от Грузии на почве религиозных дел? А кобулетцы? А ингуши? А ингилойцы?» [4] Те недоговоренности, которые встречаются в нашей национальной программе того времени, объясняются тем, что, разрабатывая нашу программу по национальному вопросу, мы исходили из буржуазно-демократической революции, делали ставку именно на такую революцию. Мы исходили из того, что, как бы велики ни были завоевания этой революции, у нас все же сохранится еще буржуазный строй, при котором господствующие классы будут прививать свою культуру, свою национальную идеологию широким слоям нации. Но жизнь показала, что период буржуазной демократии в России был лишь кратковременным эпизодом, введением к социалистической революции.

Какова была установка Сталина в национальном вопросе в период Февральской революции, особенно в связи с выявившимися разногласиями в партии?

Надо сказать, что в силу своеобразного «разделения труда» Сталину пришлось больше всего вести борьбу в области национального вопроса с правыми элементами—с меньшевиками и бундовцами, между тем как борьбу

[4] Как известно, после советизации Грузии, аджарцы получили автономию в виде автономной советской республики Аджарии; ингуши выделены у нас в автономную область в составе Северокавказского края и т. д.

с нашими противниками «слева»—как Люксембург, Радек и др.—взял на себя Ленин. В практической работе в России люксембургианство не играло особой роли. Его влияние ограничивалось исключительно *польской* частью партии—ПСД. Сталин же преимущественно касался тех вопросов, которые были более актуальны в нашей практической работе (национальный вопрос в Белоруссии, Прибалтике, Кавказе, Закавказьи и др.) Период Февральской революции характеризовался необычайным обострением национального вопроса. Путаница и хаос, унаследованные от самодержавия, усложнились империалистической войной. Выступления Ленина и Сталина по национальному вопросу были отчасти связаны с обострением национального вопроса именно в период непосредственно перед войной и в период войны. Балканская война, вопрос о проливах, усиление великодержавного национализма среди либеральной буржуазии (Струве, Милюков), усиление национального гнета и репрессий со стороны самодержавия (дело Бейлиса), не говоря уже о национальном и патриотическом моментах войны,—все эти факты свидетельствовали о необычайном обострении национальных взаимоотношений, достигшем своего апогея в период Февральской революции. Чем определялась наша позиция в национальном вопросе в этот период? Мы поставили вопрос о мировой революции, о социалистической революции в самой России. Для выполнения этой гигантской задачи мы должны были хорошо учесть все резервы революции и все трудности, стоящие на ее пути.

Не подлежит никакому сомнению, что национальный вопрос в 1917 г. был одним из решающих вопросов. Наши классовые враги не сумели использовать национальное движение в пользу буржуазии. Они не были способны на это уже вследствие самой своей классовой природы. Национальный вопрос был одним из вопросов демократической революции. Разрешить национальный вопрос можно было, только разрешив коренным образом такие вопросы революции, как вопросы земли, войны, аннексий и т. д. Ясно, что российская буржуазия, стремившаяся к расширению территории России, к захвату части Турции, к объединению Польши под своей гегемонией и т. д., не была в состоянии разрешить национальный вопрос у себя. Национальная эксплоатация была для нее одной из основ классового господства. Но если бы буржуазия знала, что на карту поставлен вопрос о самом существовании капитализма и буржуазного строя в России, она быть может и поступилась бы частью своих национально-великодержавных привилегий, купив тем самым поддержку буржуазии национальностей, что затруднило бы до крайности нашу революционную борьбу. Но, как известно, обреченный класс никогда не сознает своей обреченности [5].

Значение национального вопроса глубже всего поняли большевики, руководимые Лениным. Эта мысль была высказана с полной рельефностью в докладе т. Сталина на конференции в 1917 г. Один тот факт, что на нашей первой легальной партийной конференции был поставлен национальный вопрос в полном объеме, достаточно говорит за себя. Мы сумели на определенном этапе революции ухватиться за одно из основных звеньев. Но надо сказать, что в нашей среде и тогда было много товарищей, не понимавших этого. Только благодаря тт. Ленину и Сталину, благодаря их огромному весу в партии и огромному авторитету по этим вопросам, удалось преодолеть те-

[5] См. подробнее об этом периоде в моем предисловии к сборнику «Революция и национальный вопрос», т. III.

чения и уклоны—группу Бухарина, Пятакова и др., решительно выступавших в национальном вопросе в то время против Ленина и Сталина [6]. Для характеристики этой группы достаточно привести здесь следующую фразу, сказанную т. Пятаковым на VIII съезде партии: «Вокруг лозунга о самоопределении сконцентрировалось все контрреволюционное». Тов. Бухарин утверждал, что мы должны пропагандировать индиферентизм в национальном вопросе, т. е. хотел ввести своего рода непротивленчество в программу революционной партии. Эти высказывания в достаточной мере характеризуют полную беспомощность этой группы в разрешении национального вопроса по существу. Она утверждала, что мы должны игнорировать национальные массы как отсталые, идущие за буржуазией, что мы можем делать ставку только на пролетариат, на рабочий класс национальностей, отнюдь не на большинство их трудящихся масс. А Пятаков еще резче заявил, что решение по национальному вопросу не должно выноситься какой-либо отдельной нацией, а вопрос должен решаться международной организацией, т. е. Интернационалом, который решает вопрос за нацию.

На апрельской конференции была организована национальная комиссия. В нее вошли от Украины—Пятаков, от поляков—Дзержинский и от Кавказа—группа Махарадзе. Комиссия, состоявшая из 9 человек, должна была выработать резолюцию для партийной конференции, и вот получилось, что против линии Ленина и Сталина в этой комиссии высказалось 7 человек, и только 2 человека в этой комиссии были за линию партии, за линию Ленина. Партии грозила величайшая опасность в смысле правильного решения национального вопроса. Понадобились выступления Ленина, Сталина, Зиновьева. по этому вопросу для того, чтобы получить на партийной конференции большинство всего в 6 голосов за линию партии в этом вопросе.

Бухаринско-пятаковская оппозиция тогда не понимала, что Ленин и Сталин ставят национальный вопрос в *мировом масштабе*, что они имеют перед собой перспективу мировой революции, перспективу социалистической революции в России и рассчитывают на все те резервы, которыми революция может располагать. Разрешать вопросы, затрагивающие многомиллионные трудящиеся массы, игнорируя при этом их стремления и интересы и уровень развития этих масс,—было бы величайшей «левой» ошибкой в этом вопросе.

Укажем мимоходом на неправильность установившейся традиции называть люксембургианство, уклон Бухарина, Пятакова и т. д.—левым уклоном; в действительности это не левый, а в полном смысле *правый*, в основе своей великодержавный, уклон, выражающий давление буржуазных элементов в разрешении национального вопроса и недооценку интересов пролетариата и революции. Левые фразы сочетались с фактически правой установкой.

Переходим к периоду советской власти и к роли т. Сталина в разрешении задач национальной политики. После Октябрьской революции был немедленно организован специальный Народный комиссариат по делам национальностей. Никогда и нигде, ни в одном государстве еще не было такого «министерства», которое ставило бы своей задачей облегчение положения

---

[6] Насколько плохо разбирались в национальном вопросе некоторые из видных большевиков показывает тот факт, что в начале империалистической войны мы были свидетелями такого печального явления, как увлечение части большевистских работников патриотической волной. Только часть этих товарищей признала впоследствии свою ошибку (см. мою статью «Ленин и национальный вопрос» в «Молодой гвардии», 1924).

бывших угнетенных народов и разрешение национального вопроса. Во главе этого комиссариата, само собой разумеется, был поставлен т. Сталин. Задачи нового наркомата были чрезвычайно обширны и сложны. Необходимо было добиться определенного перелома в отношении великорусских трудящихся масс к национальному вопросу и упрочить советскую власть среди национальностей.

Одним из первых актов революции была «Декларация прав народов России», установившая основные принципы нашей национальной политики. Она была написана т. Сталиным и подписана Лениным и Сталиным. Эта декларация провозгласила равенство и суверенность народов России, отмену всяких национальных привилегий, право каждой нации на политическое самоопределение.

Дело, разумеется, не в одних декларациях. Перед нами стоял колоссальной трудности и важности вопрос о приспособлении к тем специфическим национальным отношениям, которые мы получили в наследство от рухнувшей «тюрьмы народов». Необходимо было сразу найти правильную линию в решении этих разнообразных проблем, варьировавших от места к месту, от одной национальности к другой. Октябрьская революция выдвинула на первое место вопрос о диктатуре пролетариата. Одновременно с этим надо было уметь подойти диалектически к разрешению национального вопроса, т. е. суметь сочетать диктатуру пролетариата, основное ядро которого состояло главным образом из великорусского пролетариата, с особенностями разных национальностей России, находящихся на самых разных ступенях хозяйственного и культурного развития, имеющих в своем составе незначительную пролетарскую прослойку, большие массы мелкой буржуазии и национальной интеллигенции. Все это требовало гибкого маневрирования, умения учесть все специфические особенности каждой национальной проблемы в отдельности. Национальная проблема Востока и национальная проблема Запада являлись проблемами не только нашего российского Востока и Запада, но Востока и Запада, находящихся за советским рубежом. Наша революция являлась мостом между Западом и Востоком. Это чрезвычайно усложняло национальный вопрос и придавало ему исключительную важность. Нам необходимо было дать пример революционной тактики одновременно и пролетариям Запада и революционным элементам Востока. Между тем Запад и Восток требовали совершенно разной тактики. Если на Востоке от нас требовались максимальная уступчивость и величайшая осторожность в применении революционных методов и в выявлении острых сторон диктатуры пролетариата, то в то же самое время пролетариям Запада мы должны были дать урок, как делать революцию, как подавлять сопротивление буржуазии. И если на Востоке мы еще не имели дело с вполне выкристаллизовавшейся, как особый класс, буржуазией, с четкой классовой диференциацией вообще,—то на Западе мы имели перед собой вполне оформленную классовую структуру общества и в то же время сильное национальное движение. Надо сказать однако, что ударение у нас ставилось на национальной проблеме *Востока*. У нас на первом месте «по рангу» в отношении национальной политики в таких вопросах, как вопросы коренизации и т. п. стоял Туркестан, на втором месте — Украина. И это объясняется тем, что перед нами во весь рост встал вопрос о вовлечении большинства человечества, в лице колониального Востока, в борьбу с империализмом. «Без борьбы рабочих и крестьян Востока нечего и думать об окончательном торжестве социализма» заявил Ленин в середине 1918 г. Национальный вопрос

перерастает в колониальный. «Великое мировое значение Октябрьского переворота,—писал т. Сталин в 1918 г.,—главным образом и состоит в том, что он расширил рамки национального вопроса, превратив его из частного вопроса о борьбе с национальным гнетом—в общий вопрос об освобождении угнетенных народов колоний и полуколоний от империализма».

Если мы более правильно оценили значение национальной проблемы на Востоке, то одна из наших ошибок в национальной политике на Западе заключалась в том, что, несмотря на правильную оценку революционных перспектив, мы все же недостаточно вели борьбу за правильную постановку национального вопроса в наших западных областях, например на Украине, где люксембургианство в национальном вопросе свило на известное время прочное гнездо в наших рядах.

Оглядываясь с высоты наших достижений на пройденные этапы нашей работы в области национальной политики, мы начинаем понимать всю сложность обстановки наших первых лет и всю гениальность тактики т. Сталина, руководившего нашей национальной политикой в труднейших обстоятельствах. При этом мы наталкиваемся на моменты, для нас сейчас почти непостижимые,—настолько мы продвинулись с тех пор; однако в свое время они составляли необходимый этап, который должен был быть пройден и преодолен.

На первом съезде наших восточных организаций т. Сталин говорил следующее:

«Необходимо... установить такую форму объединения мусульманских и немусульманских коммунистов, которая обеспечила бы наибольшую сплоченность наших сил. Такой формой является объединение мусульманских коммунистических организаций в единую секцию РКП во главе с бюро секции... Таково мнение партии, сообщить которое мне поручено ЦК партии».

Итак, объединение всех мусульманских (тогда это был законный термин для обозначения восточных народов) организаций разных народов и отдаленных друг от друга областей в особую секцию РКП. А до этого времени у нас существовало даже не бюро, а ЦК мусульманских организаций. После этого съезда название этой организации—«Российская партия коммунистов (большевиков) мусульман»—было переименовано в «Секцию мусульманских организаций РКП».

Это было в 1918 г. Но вот более поздний период.

8 ноября 1920 г. состоялся съезд народов Терской области, на котором от Наркомнаца и СНК выступил т. Сталин. Этот съезд собрался в накаленной атмосфере, созданной казачьим восстанием, подавленном нами в союзе с горскими народами: чеченцы, ингуши и др. выступили на стороне советской власти и помогли нам ликвидировать восстание. На этом съезде Сталин заявил: «Если будет доказано, что будет нужен шариат, да будет шариат. Советская власть не думает объявлять борьбу шариату».

В Дагестане дела шли не лучше, чем на Северном Кавказе. Достаточно указать на выступление Гоцинского, на ряд других серьезных контрреволюционных выступлений. Сталин заявляет на съезде дагестанских народов в том же 1920 г.: «Нам сообщают, что среди дагестанских народов шариат имеет особое значение. До нашего сведения также дошло, что враги советской власти распространяют слухи, что советская власть против шариата. Я здесь от имени правительства РСФСР уполномочен заявить, что эти слухи неверны и ложны. Советское правительство считает шариат таким же вполне правомочным обычным правом, какие имеются у других народов, населяющих Россию.

Если дагестанский народ желает сохранить своя законы и обычаи,—они должны быть сохранены».

Только такие стратеги рабочего класса, как Ленин, как Сталин, могли пойти на такие уступки на национальном фронте и в момент, когда вопрос о шариате являлся одним из решающих вопросов революции на этом участке, уклониться от боя по этому вопросу.

Принципиальная установка т. Сталина была им сформулирована в одной статье 1920 г. следующим образом: «Если дагестанские массы, сильно зараженные религиозными предрассудками, идут за коммунистами «на основании шариата», то ясно, что прямой путь борьбы с религиозными предрассудками в этой стране должен быть заменен путями косвенными, более осторожными... От кавалерийских набегов по части «немедленной коммунизации» отсталых народных масс необходимо перейти к осмотрительной и продуманной политике *постепенного вовлечения этих масс в общее русло советского развития*».

Эту осторожность т. Сталин сочетал с широчайшей революционной перспективой, с взглядом на советские национальные окраины как мощное орудие революционизирования всего Востока—Персии, Индии, Афганистана и Китая, выдвигая в то же время в качестве первостепенной задачи: «социалистическое просвещение народов Востока... как внутри, так и вне».

Только благодаря мудрой политике т. Сталина мы смогли повести быстрым темпом социалистическое *перевоспитание* отсталых масс восточных национальностей, добившись под конец решительных успехов и на этом самом трудном участке борьбы. На том этапе революции все революционные задачи в этой области были подчинены одной: усилить тяготение масс национальностей к Советской республике, добиться благоприятного разрешения вопроса об их вхождении в Советскую федерацию.

Разногласия с группой Бухарина и с Пятаковым на VIII съезде партии были уже нами упомянуты. Им был дан бой т. Лениным. На этом съезде, правда, т. Сталин не выступал по национальному вопросу. Однако характерно, что т. Рязанов, выступая по поводу программы партии по национальному вопросу, назвал ее «сталинской программой» [7].

Помимо выступлений Бухарина и Пятакова против линии партии в национальном вопросе на этом съезде имели место характернейшие выступления со стороны ряда товарищей, как например речь т. Суницы, заявившего, что пролетарская революция может победить только в том случае, если будет игнорировать национальные моменты, и что «принцип права наций на самоопределение должен быть отвергнут самым решительным образом». Или вот для примера выступление такого видного члена партии, члена Политбюро, как т. Томский:

«Я думаю, что в этом зале не найдется ни одного человека, который бы сказал, что самоопределение наций, национальное движение является нормальным и желательным. К этому мы относимся, как к *неизбежному злу* (курсив наш—*С. Д.*), и как бы ни было *рискованно с точки зрения интернационализма* (курсив наш—*С. Д.*), все-таки приходится сказать, что до некоторой

---

[7] В связи с этим интересно отметить, что на VII съезде партии во время выборов комиссии по составлению программы партии выступил т. Урицкий против включения т. Сталина в комиссию. Ленин ему ответил, что т. Сталин должен быть включен в комиссию по выработке программы партии как крупнейший работник по национальному вопросу. Таким образом программа партии по национальному вопросу неразрывным образом связана с работой т. Сталина.

степени и еще некоторое время нам приходится считаться с национальным самоопределением, но первым шагом для нас является инициатива к интернациональному объединению».

Все эти выступления говорят о непонимании революционного характера нашей программы по национальному вопросу, о непонимании того, что она вытекает из всей программы пролетариата, а не есть лишь «неизбежное зло» на «некоторое время».

Процитируем еще характерную выдержку из речи Зиновьева, который также не сумел диалектически подойти к вопросу. Он говорит:

«Очень трудно представить себе на длительное время такую чересполосицу: единая централизованная партия и рядом с этим федерация государств. Тут одно должно уступить другому. Я думаю, не надо быть пророком, чтобы предсказать, что элементы федерации в государственном строительстве в будущем уступят чисто пролетарской тенденции к единству».

Эти товарищи не сумели подойти диалектически к этой важнейшей проблеме так, как к ней подошли Сталин и Ленин, сумевшие увязать демократический централизм в руководстве по партийной линии с самодеятельностью трудящихся масс национальностей в формах советской федерации и союзного государства. Необходимо полностью учесть все историческое значение этих выступлений, показывающих, что если бы у нас не было необходимого твердого руководства со стороны Ленина и Сталина по национальному вопросу, то не была бы исключена возможность важнейших ошибок и ложных шагов, которые могли бы иметь катастрофические последствия для революции в стране с пестрейшим национальным составом и сложнейшим переплетом национальных взаимоотношений. Вопреки выступлениям этих товарищей съезд под руководством Ленина и Сталина признал, что «РКП стоит на *исторически классовой* точке зрения, *считаясь* с тем, на какой ступени исторического развития стоит данная нация».

На X съезде партии был поставлен доклад т. Сталина по национальному вопросу. Ко времени X съезда мы имели уже достаточную практику в разрешении национального вопроса, в организации национальных республик. Однако уклоны, проявившиеся на VIII съезде партии, еще не были окончательно изжиты. Если на партийной конференции в 1917 г. и на VIII съезде партии были разногласия о том, как решать национальный вопрос, то на X съезде партии разногласия перешли на новый этап: некоторые товарищи утверждали, что национальный вопрос вообще уже разрешен, что с созданием национальных республик уже сделано все, что надо. Даже т. Затонский, который не разделял «нигилистического» отношения к национальному вопросу, и тот считал, что незачем было ставить на X съезде партии национальный вопрос. А ведь одна постановка национального вопроса сама по себе уже много значила. Она означала, что национальный вопрос у нас еще не разрешен, что мы только приступили к его разрешению, что основное впереди, что речь идет о чем-то большем, чем образование советских автономий, а именно о ликвидации фактического экономического неравенства, созданного политикой национального и колониального гнета.

На X съезде впервые был рассмотрен опыт Средней Азии, явившийся первым применением наших национальных принципов в широком масштабе (содоклад т. Сафарова).

Выявление момента *экономики* в национальном вопросе, упор на вопросе о великодержавном шовинизме—таковы основные результаты работ X съезда

по докладу т. Сталина и содокладу Туркестанской организации, разработанному т. Сафаровым и мною.

Дальнейшим этапом работы Сталина в национальном вопросе является XII съезд партии. XII съезд отличается остротой дискуссии по национальному вопросу. На нем развернулась борьба с уклонами как «левыми», так и правыми, в частности и с правым уклоном «левых». У Бухарина на XII съезде обнаружился уклон, на первый взгляд противоположный его «историческому» уклону. Это был уже ничем не прикрытый правый уклон. Бухарин выступил против требования т. Сталина о борьбе на два фронта: с великодержавным шовинизмом—с одной стороны, и местным национализмом—с другой. По мнению Бухарина совершенно неправильно ставить вопрос о борьбе с двумя шовинизмами, ибо вопрос о местном шовинизме не имеет будто бы принципиального значения. У Бухарина получилось своего рода перегибание палки в другую сторону. «Снисходительность» Бухарина к местному национализму объясняется не большей терпимостью к национальностям, но тем, что по его мнению эти народы настолько незначительны, что не стоит особо о них говорить. «Незачем возиться с таким червячком, как местный шовинизм»,— как излагает его т. Сталин. «Какое значение,—спрашивал например Бухарин,—имеет узбекский шовинизм в международном масштабе?» Другое дело— русские; если они ущемляют другие национальности, то против этого и стоит протестовать. В этой недооценке значения «мелких» народностей и заключается по существу великодержавный подход, несмотря на антивеликодержавную фразеологию.

Сталин решительно выступил против бухаринской постановки национального вопроса. Он отчетливо показал, что если мы не поставим с достаточной четкостью вопроса о борьбе с местным шовинизмом то мы тем самым смажем и вопрос о борьбе с великодержавным русским шовинизмом.

В этой отчетливой и последовательной большевистской постановке вопроса о борьбе на два фронта и заключается важнейшая заслуга т. Сталина на том этапе национальной политики, когда под его ближайшим руководством партия осуществляла государственное оформление свободного сожительства наций под эгидой диктатуры пролетариата в виде Союза советских социалистических республик с «двухпалатной» системой. Роль т. Сталина в выработке этой высшей формы советского строя, в которой воплощались достижения нашей национальной политики, как известно, чрезвычайно велика.

В последующие годы т. Сталин выступал по национальному вопросу в КУТВе и в Коминтерне по югославскому вопросу. Недостаток места не дает нам возможности подробно остановиться на этих важнейших выступлениях. Выступление т. Сталина в КУТВе дало нам основную формулу по вопросу о национальной культуре и культурном строительстве национальностей. Он указал, что «пролетарская по своему содержанию, национальная по форме—такова та общечеловеческая культура, к которой идет социализм...» «Пролетарская культура не отменяет национальной, а дает ей содержание. И наоборот, национальная культура не отменяет пролетарской культуры, а дает ей форму. Лозунг национальной культуры был лозунгом буржуазным, когда у власти стояла буржуазия... Лозунг национальной культуры стал лозунгом пролетарским, когда у власти стал пролетариат, а консолидация наций стала протекать под эгидой советской власти». Сила диалектики не изменила т. Сталину и в этом вопросе, как во всех других.

Надо указать, что такой подход к национальному вопросу, как к моменту формы, за которой скрывается классовое содержание, мы находим уже у Маркса. В своей «Критике готской программы» Маркс утверждает, что «не по содержанию», а «по форме», как говорит Коммунистический манифест, классовая борьба «национальна». Ту же мысль развивал Энгельс, утверждавший, в связи с движением западных и южных славян, что, если это национальное движение соответствует интересам пролетариата, оно должно быть поддержано, но если оно препятствует освобождению пролетариата ив-под ига капитала,—с ним следует бороться.

Этому соответствует утверждение т. Сталина во время его выступления в Коминтерне по югославскому вопросу, где он заявил: «Национальный вопрос следует рассматривать не изолированно, а в неразрывной связи с вопросом о победе революции, как часть общего вопроса о революции».

Бросая ретроспективный взгляд на историю национального вопроса в нашей партии, т. Сталин в своей речи в комиссии Коминтерна отмечает, что «постановка национального вопроса в истории русского марксизма имела две стадии: первую, т. е. «дооктябрьскую», вторую, т. е. октябрьскую. В первой стадии национальный вопрос рассматривался как часть общего вопроса о буржуазно-демократической революции, т. е. как часть вопроса о диктатуре пролетариата и крестьянства. Во второй стадии, когда национальный вопрос расширился и превратился в вопрос о колониях... национальный вопрос рассматривался уже как часть общего вопроса о пролетарской революции, как часть вопроса о диктатуре пролетариата. И там и здесь подход был... строго революционный». Этими словами, как нельзя лучше характеризующими установку самого т. Сталина на разных этапах нашей национальной политики, мы и закончим наш доклад.

О НОВОМ ЭТАПЕ *

ДОКЛАД К. РОЗЕНТАЛЯ

В. П. Милютин (председатель).—Разрешите объявить заседание открытым. Для доклада слово предоставляется т. Розенталю.

К. Розенталь.—Я не имею в виду повторять свою статью, а хочу в докладе лишь заострить внимание на некоторых основных ее положениях и уточнить некоторые неточные формулировки, которые у меня имелись, в частности, в определении нэпа.

Общепризнано конечно, что в ходе развития нашей революции мы переживаем крутой перелом и вступили в новый этап, переходный от капитализма к социализму период.

В чем суть нового этапа? Что позволяет утверждать, что в ходе развития нашей революции произошел крутой перелом и мы вступили в новый исторический этап в деле социалистического строительства? На все эти вопросы с исчерпывающей ясностью дал ответ еще ноябрьский пленум ЦК партии. В революции о контрольных цифрах народного хозяйства на 1928—1929 г. говорится: «Решительный перелом в отношении бедняцко-середняцких масс к колхозам, явившийся прямым результатом правильной политики рабочего класса и партии в деревне, усиления руководящей роли рабочего класса в его союзе с бедняцко-середняцким крестьянством, мощного роста социалистической индустрии и усиления производственных форм смычки, *означает новый исторический этап в деле строительства социализма в нашей стране*».

«Решительный перелом в отношении бедняцко-середняцких масс к колхозам», вот что характеризует новый этап, вот что позволяет нам говорить, что мы вступили в новый исторический этап в деле строительства социализма.

Почему однако этот перелом в отношении бедняцко-середняцких масс к колхозам позволяет говорить о новом этапе в ходе нашей революции? Это будет ясно, если мы проследим ход развития нашей революции и особенности отдельных ее этапов.

В чем заключается содержание переходного от капитализма к социализму периода? Это всем известно, — в уничтожении классов, в создании новых производственных отношений, исключающих эксплоатацию и классовый антагонизм. Это мы начали делать, как только рабочий класс пришел к власти и установил пролетарскую диктатуру. Классы капиталистов и помещиков были свергнуты, фабрики национализированы, отношения эксплоатации на них

---

* Стенограмма дискуссии в Экономической секции Комакадемии (29/IV—23/V 1930 г.). Некоторые речи приводятся в несколько сокращенном виде.

уничтожены и государственные предприятия были превращены в предприятия последовательно-социалистического типа.

Таким образом, *рост и расширенное воспроизводство национализированной государственной промышленности, происходящий на рельсах нэпа, означал рост и расширенное воспроизводство производственных отношений последовательно-социалистического типа или, иначе говоря, осуществление непосредственного социалистического строительства.*

Однако в деле уничтожения классов и создания новых производственных отношений свержение помещиков и капиталистов и превращение промышленных предприятий в предприятия последовательно-социалистического типа, как это подчеркивал Ленин, явилось не самой трудной задачей. Чтобы уничтожить классы, надо было, писал Ленин, «уничтожить разницу между рабочим и крестьянином, сделать *всех работниками*. Этого нельзя сделать сразу. Это — задача несравненно более трудная, и в силу необходимости, длительная» [1]. И именно наличием в хозяйственной системе мелкого товарного производства, его ролью и удельным весом в народном хозяйстве определяются условия, характер и особенности переходного от капитализма к социализму периода. Величайшей бессмыслицей было бы думать, что формы, в которых будет совершаться переход от капитализма к социализму, находятся вне зависимости от специфичности как международной обстановки, так и внутренней хозяйственной структуры страны, совершающей переход к социализму. Об этой необходимости величайшей гибкости всей политики переходного периода говорил и подчеркивал Ленин. «Переход от капитализма к социализму, — писал Ленин,—мыслим в различных формах, в зависимости от того, имеем ли мы в стране уже преобладание крупных капиталистических отношений или в ней преобладает мелкое хозяйство» [2].

И еще раньше: «Нет ни одного социалиста, который не признавал бы той очевидной истины, что между социализмом и капитализмом лежит долгий более или менее трудный переходный период диктатуры пролетариата и что этот период в своих формах будет во многом зависеть от того, преобладает ли мелкая собственность или крупная, мелкая культура или крупная» [3]. С предельной простотой и ясностью формулировал Ленин это различие форм переходного периода в зависимости от степени развития страны, вступившей на путь социалистического строительства.

«Если бы мы имели государство,—говорил Ленин,—в котором преобладает крупная промышленность, или же, скажем, даже не преобладает, но очень сильно развита, и очень развито крупное производство в земледелии, тогда прямой переход к коммунизму возможен» [4]. Тогда возможен прямой переход к непосредственному социалистическому строительству, к установлению социалистических производственных отношений во всем народном хозяйстве, что отнюдь не исключало наряду с этой ломкой старого общественно-экономического уклада и известного его—до поры до времени—оживления. Но если в странах передового капитализма, где мелкое хозяйство играет незначительную роль и наоборот крупное хозяйство в земледелии преобладает, возможен переход к непосредственному социалистическому строительству, то, говорил Ленин, «социалистическая революция в стране, где громадное большинство

[1] *Ленин*, Соч., т. XVI, с. 351.
[2] *Ленин*, Соч., т. XVIII, ч. I, с. 151.
[3] *Ленин*, Соч., т. XV, с. 75.
[4] *Ленин*, Соч., т. XVIII, ч. I, с. 151.

населения принадлежит к мелким земледельцам-производителям, возможна лишь путем целого ряда особых переходных мер, которые были бы совершенно не нужны в странах развитого капитализма, где наемные рабочие в промышленности и земледелии составляют громадное большинство» [5]. Таким образом, уничтожив помещиков и капиталистов, мы разрешили только первую задачу и притом, — как говорил Ленин, — не самую трудную задачу; в дальнейшем перед нами стояла другая задача, задача переделки мелкого индивидуального, бедняцко-середняцкого хозяйства.

Как эту задачу можно было разрешить?

Надо было убедить крестьянина в преимуществах крупного хозяйства перед мелким. Но как можно убедить крестьян в преимуществах крупного коллективного хозяйства перед мелким индивидуальным хозяйством?

«Мы знаем, — говорил Ленин, — что мелкое производство никаким декретом перевести в крупное нельзя, что здесь нужно постепенно ходом событий убеждать в неизбежности социализма. Эти элементы никогда не станут социалистами по убеждению, прямыми, настоящими социалистами. Они станут социалистами, когда увидят, что выхода нет». Они станут социалистами тогда, когда на практике убедятся в преимуществах крупного коллективного хозяйства перед мелким. Показать же эти преимущества крупного хозяйства перед мелким, коллективного перед индивидуальным можно только тогда, когда налицо имеется крупная промышленность, способная в корне перестроить материальную техническую базу сельского хозяйства и тем самым переработать всю психологию и все навыки мелкого земледельца.

Вот почему Ленин подчеркивал, что «единственной материальной основой социализма может быть крупная машинная промышленность, способная реорганизовать и земледелие» [6], ибо «убедить» мелкого производителя, «доказать» ему все выгоды и преимущества крупного хозяйства, «оздоровить, так сказать, всю его психологию может только материальная база, техника, применение тракторов и машин в земледелии в массовом масштабе» [7].

Как известно, эту политику мы и начали проводить после того как была установлена диктатура пролетариата. Но гражданская война заставила нас пойти дальше того, что мы хотели, гражданская война заставила нас перейти к таким мерам, на которые мы не предполагали идти, когда переходили к делу социалистического строительства после Октябрьской революции. И именно под влиянием гражданской войны мы сделали попытку, минуя ряд «посредствующих» звеньев и переходных мер, приступить к разрешению задачи *непосредственного* социалистического строительства, задачи *непосредственного* перехода к социалистическим формам производства и распределения во всем народном хозяйстве, включая и сельское хозяйство.

В период военного коммунизма наш план и задачи нашей экономической политики были «просты».

«Восстановим крупную промышленность и наладим непосредственный продуктообмен ее с мелким крестьянским земледелием, помогая его обобществлению. Для восстановления крупной промышленности возьмем с крестьян в долг известное количество продовольствия и сырья посредством разверстки. Вот какой план (или метод, систему) проводили мы свыше трех лет, до весны

---

[5] *Ленин*, Соч., т. XVIII, ч. I, с. 137.
[6] *Ленин*, Соч., т. XVIII, ч. I, с. 316.
[7] *Ленин*, Соч., т. XVIII, ч. I, с. 139.

1921 г. Это был революционный подход к задаче, в смысле прямой и полной ломки старого для замены его новым общественно-экономическим укладом» [8].

Иначе говоря, «при оценке возможного развития мы исходили большей частью, я даже не припомню исключений,—говорил Ленин в своей речи на Московской губпартконференции 29/X 1921 г.,—из предположений, не всегда, может быть, открыто выраженных, но всегда молчаливо подразумеваемых,— *из предположений о непосредственном переходе к социалистическому строительству.* Я нарочно перечитал то, что писалось, например, в марте и апреле 1918 г. о задачах нашей революции в области социалистического строительства, и убедился в том, что *такое предположение у нас действительно было*» [9].

«Наша предыдущая экономическая политика, если нельзя сказать рассчитывала (мы в той обстановке вообще расчитывали мало), то до известной степени *предполагала непосредственный переход старой русской экономики к государственному производству и распределению на коммунистических началах*» [10].

Была ли эта экономическая политика «военного коммунизма», политика, предполагавшая *непосредственный* переход к социалистическому строительству, т. е. установлению социалистических форм производственных отношений во всем народном хозяйстве, включая и сельское хозяйство, неверной и ошибочной? Конечно нет.

Эта политика была необходима и закономерна, потому что только проводя такую политику мы могли победить в гражданской войне.

Политика военного коммунизма в отличие от той политики, которую мы начали проводить с момента установления диктатуры пролетариата, и в отличие от «новой экономической политики» исходила из предположения о непосредственном социалистическом строительстве, т. е. из установления социалистических форм производственных отношений во всем народном хозяйстве, включая и сельское хозяйство, минуя тот ряд посредствующих звеньев, переходных мер, которые были необходимы для разрешения этой задачи.

Исторически полностью оправданная, эта политика не могла однако разрешить задачи построения социализма. Между тем среди отдельных групп нашей партии эту в основном вынужденную попытку перейти к разрешению задач непосредственного социалистического строительства, т. е. к установлению социалистических форм производственных отношений во всем народном хозяйстве, включая и сельское хозяйство, минуя ряд посредствующих звеньев и переходных мер, рассматривали как единственно правильную политику в деле разрешения задач социалистического строительства, доводя ее до логического конца. С особенной яркостью это было выражено в писаниях *левых коммунистов и в частности т. Осинского.* Я позволю себе несколько подробнее привести высказывания по этому поводу т. Осинского, всячески подчеркивая при этом, что речь идет о работе «*Государственное регулирование крестьянского хозяйства*», выпущенной еще в период военного коммунизма и потому носящей в концентрированном виде идеологию этого периода.

---

[8] *Ленин*, Соч., т. XVIII, ч. I, с. 409.

[9] *Ленин* Соч., т. XVIII, ч. I, с. 390. Курсив мой—*К. Р.*

[10] *Ленин*, Речь на II Всероссийском съезде политпросветов, Соч., т. XVIII, ч. I, с. 371. Курсив мой—*К. Р.*

«Надеяться перестроить ее (деревню—*К. Р.*) только путем постепенного укрепления совхозов и примыкающих к ним добровольческих коллективов—значит,—писал т. Осинский,—итти по утопическому пути. *Социализм строится только путем преобразования всего хозяйства и всех хозяйств одновременно, не путем распространения «кооперативных» фабрик-базисов в буржуазной пустыне*» (с. 9).

Итак, «утопией» объявлялись постепенное преобразование народного хозяйства, посредствующие ввенья и переходные меры и «правильной», «неутопической» — непосредственное социалистическое переустройство *всего* народного хозяйства (включая и сельское хозяйство) и *всех хозяйств одновременно*».

Но как это можно было сделать при наличии хилой, разоренной промышленности, неспособной дать сельскому хозяйству в массовом масштабе необходимые ему средства и орудия производства, в стране, где преобладающую массу населения составляют мелкие товарные производители?

На этот вопрос т. Осинский отвечал именно *так*, как это считал глубоко *ошибочным и вредным* Ленин.

«Мы именно полагаем,—писал т. Осинский,—что строительство совхозов и коллективов *не* есть главный фактор социалистической перестройки русского сельского хозяйства. *Главным фактором будет принудительное государственное регулирование сельско-хозяйственного производства в целом*, регулирование, которое будет проникать все глубже и перейдет в государственную организацию этого производства» (с. 8).

«Центр работы социалистического строительства—*в массовом принудительном вмешательстве государства*» (с. 9).

«Центр работы социалистического строительства» т. Осинский искал *не* в создании фундамента социалистической экономики, а в «массовом принудительном вмешательстве государства», т. е., иначе говоря, — в том самом «декретировании», которое Ленин всячески осуждал, от которого всячески предостерегал, против которого он самым беспощадным образом боролся.

И не случайным в этой концепции т. Осинского периода военного коммунизма являлось следующее его утверждение:

«Мы до сих пор совершенно не давали себе отчета в том, что так наз. *милитаризация хозяйства и проведение всеобщей трудовой повинности* должны найти *первое свое приложение именно в сельском хозяйстве*» (с. 10).

Но если вся политика военного коммунизма была вынуждена гражданской войной, если мы вынуждены были к ней перейти, ибо без этого мы не смогли бы вынести тягот гражданской войны, то думать о том, что мы могли разрешить задачи хозяйственного строительства методами военного коммунизма, было бы конечно утопично. Это не замедлило сказаться. На этих путях наши попытки непосредственного социалистического строительства, т. е. установления социалистических форм производственных отношений в народном хозяйстве, потерпели поражение и Ленин так и писал:

«... к весне 1921 г. выяснилось, что мы потерпели поражение в попытке «штурмовым» способом, т. е. самым сокращенным, быстрым и непосредственным, перейти к социалистическим основам производства и распределения. Политическая обстановка весны 1921 г. показала нам, что неизбежно в ряде хозяйственных вопросов отступить на позицию государственного капитализма, перейти от «штурма» к «осаде».

И в крестьянских волнениях, которые волной прокатились по стране, и в кронштадтском восстании нашел себе выражение тот факт, «что мы в своем экономическом наступлении слишком далеко продвинулись вперед, не обеспечив себе достаточной базы. Массы почувствовали то, чего мы тогда еще не умели сознательно формулировать, но что и мы вскоре, через несколько недель, признали, а именно: *что непосредственный переход к чисто социалистическим формам, к чисто социалистическому распределению превышает наши наличные силы*, и что если мы окажемся не в состоянии провести отступление и ограничиться более легкими задачами, то нам угрожает гибель» [11].

Именно этим и объясняется тот факт, что «с весны 1921 г. мы на место этого подхода, плана, метода, системы действий ставим (еще не «поставили», а все еще только «ставим» и не вполне это осознали) совершенно иной, типа реформистского: не *ломать* старого общественно-экономического уклада, торговли, мелкого хозяйства, мелкого предпринимательства, капитализма, а оживлять торговлю, мелкое предпринимательство, капитализм, осторожно и постепенно овладевая ими, или получая возможность подвергать их государственному регулированию *лишь в меру* их оживления.

«Совершенно иной подход к задаче.

«По сравнению с прежним революционным, это—подход реформистский (революция есть такое преобразование, которое ломает старое в самом основном и коренном, а не переделывает его осторожно, медленно, постепенно, стараясь ломать как можно меньше)» [12].

Убедившись на опыте, что «штурмом» не могут быть разрешены задачи перехода к социалистическим формам, что для этого еще нехватает необходимых «сил», мы должны были коренным образом изменить и нашу экономическую политику. Не ломать старого общественно-экономического уклада, а оживлять, овладевая в меру оживления,—вот классически ясная и четкая характеристика содержания той экономической политики, которую мы начали с весны 1921 г.

А это означало, что без ряда *опосредствующих* звеньев мы не можем приступить к осуществлению непосредственного перехода к социализму, без *предварительного периода, приспособляющего старую экономику к социалистической*, не можем *непосредственно*, без ряда *опосредствующих* звеньев, вступить «в другую, по сравнению с предыдущей, экономическую систему производства и распределения» [13]. А это, в свою очередь, требовало отступления в целом ряде областей экономики с тем, чтобы, *отступив и перестроив* свои ряды, сообразно новым задачам, начать *наступление*, но уже на основах «новой экономической политики», постепенно, осторожно, рядом обходных движений.

«Задача перехода к новой экономической политике в том и состоит, что после опыта *непосредственного* социалистического строительства в условиях неслыханно трудных, в условиях гражданской войны, в условиях, когда нам буржуазия навязывала формы ожесточенной борьбы,—перед нами весной 1921 г. стало ясное положение: *не непосредственное социалистическое строительство, а отступление* в целом ряде областей экономики *к государственному капитализму, не* штурмовая *атака, а* очень тяжелая, труд-

---

[11] *Ленин*, Соч., т. XVIII, ч. 2, с. 90. Курсив мой—*К. Р.*
[12] *Ленин*, Соч., т. XVIII, ч. 1, с. 410.
[13] *Ленин*, Соч., т. XVIII, ч. 1, с. 391.

ная и неприятная *задача длительной осады, связанной с целым рядом отступлений*. Вот что необходимо для того, чтобы подойти к решению экономического вопроса, т. е. обеспечения экономического перехода к основам социализма» [14].

И именно это обстоятельсто Ленин неустанно подчеркивал: «Перед нами сейчас главным образом экономические задачи, и мы должны помнить, что *ближайший переход не может быть непосредственным переходом к социалистическому строительству*» [15].

Значит ли это, что из того состояния, от того уровня экономического развития, в котором находилась Россия вообще, невозможен *непосредственный* переход к социализму? Отнюдь нет. Но для того, «чтобы мы могли успешно решить задачу нашего непосредственного перехода к социализму, для этого надо понять,—писал Владимир Ильич,—какие *посредствующие* пути, приемы, средства, пособия нужны для перехода от *докапиталистических отношений* к социализму». И дальше Ленин указывал совершенно точно, при каких условиях мыслимо осуществление «непосредственного» перехода к социализму без «переходных ступеней» и без «посредствующих звеньев». «Это условие—электрификация. Если мы построим десятки районных электрических станций... если мы проведем энергию от них в каждое село, если мы добудем достаточное количество электромоторов и других машин, тогда не *потребуется переходных ступеней, посредствующих звеньев от патриархальщины* к социализму, или почти не потребуется» [16].

Но именно этого-то «если» у нас и не было, именно этого-то условия у нас тогда не имелось. Между тем, как указывал там же Ленин, одно только это условие требовало для своего осуществления долгих лет. И потому-то нам потребовался ряд *переходных ступеней, ряд посредствующих звеньев* в деле социалистического строительства, которое мы вели «на рельсах» нэпа, прежде чем будут созданы условия для осуществления перехода от опосредствованного социалистического строительства к *непосредственному* социалистическому строительству во всем народном хозяйстве, включая и сельское хозяйство, т. е. прежде чем будет создана *основа социализма—крупная социалистическая промышленность, «способная социалистически реорганизовать земледелие»*.

Создание крупной социалистической промышленности, в *массовом* масштабе производящей тракторы и с.-х. машины, в *массовом* масштабе производящей и электрическую энергию, в *массовом* масштабе производящей химические удобрения и на этой основе способной реорганизовать земледелие—вот задача, вставшая перед нами во весь свой рост с окончанием гражданской войны и переходом к мирному хозяйственному строительству.

Но как можно было приступить к разрешению задачи восстановления и создания крупной социалистической промышленности, способной реорганизовать и земледелие, в условиях неслыханной разрухи и разорения, в условиях *почти* полного распада хозяйственных связей, дезорганизации транспорта и крушения кредитно-денежной системы? «Мы не могли подготовить социалистического хозяйства прямым путем, мы принуждены были сделать это окольными путями» [17].

---

[14] *Ленин*, Соч., т. XVIII, ч. 1, с. 396–397. Курсив мой - *К. Р.*
[15] *Ленин*, Соч., т. XVIII, ч. 1, с. 399.
[16] *Ленин*, Соч., т. XVIII, ч. 1, с. 221.
[17] *Ленин*, Соч., т. XVIII, ч. 2, с. 96.

«.... в первую голову нужны немедленные и серьезные меры для поднятия производительных сил крестьянства» [18]. «В первую голову», ибо без «поднятия производительных сил крестьянства», без восстановления сельского хозяйства немыслимо было разрешение задачи обеспечения города продовольствием и фабрик и заводов—сырьем и топливом.

Начать следовало с того, чтобы «добиться подъема производительных сил хотя бы на ступени крестьянского хозяйства и *пока* на основе мелкой промышленности, если так трудно восстановление крупной» [19].

И «на то время, пока мы *не восстановим крупной промышленности полностью*, а это время может исчисляться не меньше как десятком лет», мы «должны дать такие формы отношений между рабочим классом и крестьянством, между этими двумя единственными классами, на основе которых мы должны строить нашу экономику, должны между этими классами совдать такой союз, который удовлетворил бы обе стороны хозяйственно, *такой союз, который считался бы с мелким крестьянином как с мелким крестьянином, пока мы не можем ему дать всех продуктов крупной промышленности*». «Это основа всей новой экономической политики» [20].

Мы можем разрешить задачу установления социалистических форм производственных отношений во всем народном хозяйстве, но для этого нужно было разрешить труднейшую задачу революции—установление социалистических форм производственных отношений в деревне. В городе эти отношения были установлены уже Октябрьской революцией: захватом и национализацией фабрик и заводов; в деревне эта задача разрешена не была и разрешить эту задачу мы могли только при условии создания крупной социалистической промышленности, способной реорганизовать земледелие. Тогда мы сможем перейти к непосредственному социалистическому строительству и в деревне, тогда мы сумеем перейти к установлению социалистических форм производственных отношений в деревне в массовом масштабе.

Какие же сроки вдесь перед нами стояли? Ленин говорил:

«Минимальный срок, в течение которого можно было бы наладить крупную промышленность, чтобы она создала фонд для подчинения себе сельского хозяйства, исчисляется в 10 лет. Этот срок минимальный и неслыханный». И только при условии наличия крупной социалистической промышленности, способной приступить к разрешению задачи технического переустройства и реконструкции материальной и технической базы сельского хозяйства, мы можем перейти и к разрешению задачи установления социалистических форм производственных отношений в деревне в массовом масштабе.

Отказавшись от политики военного коммунизма, отказавшись от политики непосредственного социалистического строительства во всем народном хозяйстве, т. е. отказавшись на первом этапе нэпа от задачи установления социалистических форм производственных отношений в деревне, мы этим отнюдь не отказались от разрешения задачи социалистического строительства. *Мы изменили только методы, только пути разрешения этой задачи.* Мы перешли от политики непосредственного социалистического строительства в деревне к политике посредствующих звеньев и переходных мер. А это значит, что центральная проблема нэпа—проблема переделки мелкого индиви-

---

[18] *Ленин*, Соч., т. XVIII, ч. 1, с. 213.
[19] *Ленин*, Соч., т. XVIII, ч. 1, с. 437.
[20] *Ленин*, Соч., т. XVIII, ч. 1, с. 291.

дуального товаропроизводителя в производителя социалистического. Именно этим и аргументировал Ленин переход от военного коммунизма к нэпу.

Надо однако сказать, что особенно при переходе от военного коммунизма к нэпу у многих не было ясного представления о том, *что нэп является той единственной политикой, которую мы можем вести и которая единственно нам обеспечивает успешное разрешение задачи построения социализма.* Попытки обосновать переход от военного коммунизма к нэпу были самые различные и наиболее любопытна в этом отношении, пожалуй, была попытка т. Ларина.

Чем был вызван нэп, каковы были причины, заставившие нас перейти от политики военного коммунизма к нэпу?

На эти вопросы в весьма категорической форме т. Ларин давал в свое время такой ответ: «. . . те не понимают ничего в нашем нэпе, кто не понимает прежде всего того, что наш русский нэп явился ответом на замедление развития рабочей революции в Европе».

« . . . нэп является отражением замедления революции в Европе. Я повторяю, тот ничего не понимает в русском нэпе, кто не понимает, что поражение революционного рабочего движения в Европе неизбежно должно было отразиться и на внутреннем положении России в смысле ее экономического уклада».

«Мы поставили ставку на свободную игру экономических сил, отчаявшись в итогах планового хозяйства при военном коммунизме».

Итак, т. Ларину нэп представляется, во-первых, как чисто русское явление, а во-вторых, как следствие «поражения революционного движения в Европе». Не будь действительно этого «поражения революционного движения», мы бы не поставили ставку «на свободную игру экономических сил, отчаявшись в итогах планового хозяйства при военном коммунизме». Мы бы продолжали строить социализм методами военного коммунизма.

Сейчас подобного рода утверждения могли бы вызвать только улыбку своим жестоким противоречием нашему представлению о нэпе. Но когда-то оно облекалось в столь категорическую форму, что все противники этой сакраментальной формулы объявлялись «ничего не понимающими в русском (!) нэпе».

Нет ничего удивительного, что после такого представления о социалистическом строительстве, какие были, например, у т. Осинского, многим товарищам, «верившим», что крестьянина нужно не убеждать, не доказывать преимущества крупного хозяйства перед мелким, а, «милитаризовать», в порядке «принуждения» заставить сделаться «убежденным социалистом»,—переход к «новой экономической политике» казался результатом «отчаяния», «поражения» революционного движения на Западе.

Логическим продолжением военно-коммунистических представлений о социалистическом строительстве является характеристика нэпа только как отступления, нашедшая свое выражение у ряда авторов, но наиболее развернутая т. Зиновьевым в его книге «Ленинизм».

«Новая экономическая политика (нэп)—это самое широко задуманное отступательное движение ленинизма. Это самый крупный, самый ответственный, самый решающий стратегический маневр пролетарской партии. Это отступление, исторический смысл которого до сих пор далеко еще не всем ясен. Это отступление, имеющее кардинальное значение не только для судеб русской революции, но и для судеб революции международной» (с. 223).

«Неправильно, поэтому, изображать дело так, будто то отступление, каким бесспорно является нэп, вовсе не есть отступление» (с. 227).

«Изучая пройденный русский революционный путь, мы должны ясно и недвусмысленно сказать теперь, вслед за Лениным, что нэп был отступлением» (с. 227).

Такими и подобными им характеристиками нэпа пестрит вся книга т. Зиновьева «Ленинизм».

Ошибочность подобного рода изображения нэпа только и единственно как отступления была разоблачена давно и нам незачем вновь приводить аргументы против этого неверного представления о нэпе.

Конечно нэп предполагал отступление, но только для того, чтобы, перегруппировав силы, изменив методы и приемы социалистического строительства, начать новое наступление. И отличается новая экономическая политика от политики военного коммунизма *не тем, что там было наступление на капитализм, а здесь отступление перед капитализмом, а тем, что наступление* это *ведется* существенно *иными приемами, иными методами, что в действие пущены иные рычаги для социалистического переустройства народного хозяйства, включая и сельское хозяйство.*

В чем же именно выражалось тогда наше отступление по сравнению с политикой военного коммунизма?

В отказе от непосредственного социалистического строительства в деревне, т. е. от революционной ломки старого общественно-экономического уклада деревни и установления там последовательно-социалистического типа производственных отношений, *до тех пор пока для этого не будут созданы необходимые экономические условия.*

А это означало, что мы должны были строить свою политику, исходя из необходимости установления хозяйственных связей между городом и деревней не на началах последовательного социалистического продуктообмена, а на началах рыночных форм хозяйственной связи, на началах известной свободы торговли.

Это означало, что мы должны были строить свою политику, исходя из необходимости поднимать сельское хозяйство на базе мелкого, индивидуального, простого товарного хозяйства, «считаясь с мелким крестьянином как мелким крестьянином».

А все это, в свою очередь, означало, что мы должны будем в интересах обеспечения развития мелкого товарного хозяйства допустить известную свободу капитализма и в городе и в деревне.

В этом, в основном, и заключалось то отступление, которое мы произвели при переходе от военного коммунизма к нэпу. Но именно с этих-то позиций, перегруппировав силы, мы и начали то наступление, которое принесло нам ряд крупнейших побед над отечественным капитализмом.

Именно «на рельсах» новой экономической политики было в кратчайшие сроки восстановлено народное хозяйство, именно «на рельсах» нэпа были обеспечены неслыханные темпы развития производительных сил народного хозяйства, именно «на рельсах» нэпа были достигнуты величайшие успехи в деле развития нашей крупной социалистической промышленности. И что особенно важно, что необходимо особенно подчеркнуть,—наиболее бурно рос социалистический сектор в народном хозяйстве, оттесняя и вытесняя элементы капитализма. В борьбе социализма с капитализмом за господствующее положение в народном хозяйстве, за влияние на мелкое товар-

ное хозяйство социализм отвоевывал позиции у капитализма одну за другой. И в ряде решающих областей народного хозяйства социалистический сектор играет преобладающую роль, приближаясь к полному господству в цензовой промышленности и в торгово-посредническом обороте.

Но что все это означало? Это означало, что в рамках нэпа шел бурный процесс непосредственного социалистического строительства, шел бурный процесс расширенного воспроизводства производственных отношений последовательно-социалистического типа. Борьба двух тенденций в нэпе—социалистической и капиталистической—шла и идет под знаком все большего возрастания роли социалистических элементов в ущерб элементам капиталистическим, все большего сужения сферы действия и влияния капиталистических производственных отношений и все большего расширения сферы действия и влияния последовательно-социалистического типа производственных отношений.

Нет сомнения, повторяю, тот, кто видит в нэпе *только* отступление, тот безнадежно слеп, тот ничего не понял в нэпе. Ибо само отступление являлось только предварительным условием для того, чтобы перейти в новое наступление, предполагающее более трудный, более окольный путь, чем это нам быть может и хотелось. Но зато это такое наступление, которое обеспечивает нашу победу, победу социализма и поражение капитализма.

Конечной же задачей нэпа является установление социалистических форм производственных отношений во всем народном хозяйстве, включая и сельское хозяйство, т. е. разрешение задачи непосредственного социалистического строительства, когда минет необходимость в ряде посредствующих звеньев и переходных мер.

Классическая характеристика нэпа была дана т. Сталиным в его заключительном слове по политическому отчету ЦК на XIV съезде партии.

«Нэп,—говорит там т. Сталин,—есть особая политика пролетарского государства, рассчитанная на допущение капитализма при наличии командных высот в руках пролетарского государства, рассчитанная на борьбу элементов капиталистических и социалистических, рассчитанная на возрастание роли социалистических элементов в ущерб элементам капиталистическим, рассчитанная на победу социалистических элементов над капиталистическими элементами, рассчитанная на уничтожение классов, на постройку фундамента социалистической экономики».

И соответственно этому своему определению сущности новой экономической политики т. Сталин в не менее ясной и четкой форме дает ответ, когда и при наличии каких условий мы «отбросим нэп к чорту».

«Известную фразу в моей речи на съезде аграрников-марксистов надо понимать так,—отвечает т. Сталин на вопросы свердловцев,—что мы «отбросим нэп к чорту», когда уже не будем нуждаться в допущении известной свободы торговли, когда такое допущение будет давать лишь минусные результаты, когда мы получим возможность наладить хозяйственные связи между городом и деревней через продуктообмен, без торговли с ее частным оборотом, с ее допущением известного оживления капитализма».

При каких же условиях мы перестанем нуждаться в известной свободе торговли и известном оживлении капитализма? Здесь мы вплотную подходим к идее «посредственного» и «непосредственного» социалистического строительства.

Прежде всего необходимо подчеркнуть, что *в основе нэпа лежало два различных начала: крупная социалистическая промышленность и мелкое*

индивидуальное, разобщенное сельское хозяйство, или, что выражает то же самое,—последовательно-социалистический тип производственных отношений в одном секторе народного хозяйства и производственные отношения простого товарного хозяйства—в другом. И конечная задача нэпа заключалась в том, чтобы *из этих двух различных основ сделать одну,* переделав производственные отношения простого товарного хозяйства в производственные отношения социалистического типа.

Однако, не имея необходимых экономических условий и предпосылок, не имея той крупной промышленности, которая была бы способна разрешить задачу социалистического переустройства сельского хозяйства, мы, осуществляя непосредственно социалистическое строительство в государственном секторе народного хозяйства, т. е. расширенно воспроизводя последовательно-социалистический тип производственных отношений, должны были до поры до времени «считаться с мелким крестьянином как мелким крестьянином», не ломая общественно-экономического его уклада, а оживляя, овладевая им по мере его оживления и используя это оживление для создания крупной социалистической промышленности, которая, как это подчеркивал Ленин—«одна и только одна является действительной и единственной базой для упрочения ресурсов, для создания социалистического общества» [21].

Нет сомнения, что важнейшей задачей, которую должна разрешить «новая экономическая политика», является задача переделки крестьянского хозяйства. Совершенно очевидно, конечно, что если бы пролетарская революция произошла в такой «идеальной» капиталистической стране, стране, где совершенно отсутствует мелкотоварное производство и в промышленности и в земледелии и где, напротив, безраздельно господствует крупное хозяйство, там были бы излишни и рыночные формы хозяйственной связи и прочие «посредствующие звенья» в деле социалистического строительства. Там возможно было бы осуществление непосредственного социалистического строительства во всем народном хозяйстве, короче говоря, там, но и только там, излишен был бы нэп. Но, как известно, таких капиталистических стран в природе не существует и существовать не будет. Но это значит, что центральная проблема нэпа—крестьянство, мелкотоварное хозяйство. *Центральная задача нэпа* и этим нэп исчерпывает себя—*переделка простых товаропроизводителей в производителей социалистических. Разрешив эту задачу,* а следовательно *и разрешив задачу замены торговли социалистическим продуктообменом, нэп делается излишним, ненужным, вредным и тогда мы «отбросим нэп к чорту».*

Как же подходили к разрешению этой задачи переделки простого товарного хозяйства, превращения простых товаропроизводителей в производителей социалистических и уничтожения класса капиталистов различные направления в нашей партии?

На эту тему, как известно, высказывались многие, но едва ли не первое выступление здесь принадлежит т. Преображенскому. Несмотря на «давность» этого первого высказывания, оно не потеряло своей политической остроты и свежести и небезынтересно как с точки зрения последующих высказываний этого же автора, так и с точки зрения «предвосхищения» некоторых теоретических положений правооппортунистических теорий о «врастании» кулака в социализм.

---

[21] *Ленин,* Соч., т. XVIII, ч. 1, с. 260.

Перенесясь в отдаленное будущее, т. Преображенский перед широкой рабочей аудиторией в зале Политехнического музея так рисовал картину вовлечения даже не середняка, а деревенского кулака в социалистическое строительство:

«Какой-нибудь кулачок из Тульской или Курской губернии, понявший бессмысленность хранения своих денег в собственном «земельном банке»— погребе, нес их в отделение Госбанка, кредитное товарищество или ссудо-сберегательную кассу в целях получения процента.

«...капиталы кулачков служили теперь делу расширения социалистического производства.

«Так капиталистическое накопление в стране делалось орудием социалистического накопления [22].

Так идиллически-мирно и бевмятежно представлялись т. Преображенскому взаимоотношения между «каким-нибудь» «кулачком» и пролетарской диктатурой. Впрочем, такой «мирный» характер взаимоотношений рисовался т. Преображенскому и в отношениях между капиталистическими элементами города и советской властью. «С момента проведения в жизнь новой экономической политики резкие проявления классовой борьбы всех буржуазных и части мелкобуржуазных сил против пролетарской диктатуры, имевшие своим апогеем кронштадтское восстание, совершенно прекратились» (с. 88).

Правда, была сделана одна попытка капиталистической реставрации, начатая городскими торговцами и выразившаяся в повышении цен. К ним присоединились зажиточные элементы деревни. Однако это движение «не могло принять форму открытой вооруженной и организованной борьбы с Советской властью» (с. 94), и прежде всего, потому, что «... в буржуазном лагере не было единодушия. Целый ряд капиталистических предприятий как торговых, так и промышленных, так тесно вплелись во всю экономическую систему данного хозяйственного организма, что они были лишены всякой свободы движения, опасаясь в то же время, в случае неудачи буржуазной реставрации, потерять все свои приобретения, сделанные во время нэпа» (с. 92). Таким образом «переход к новой экономической политике отвратил опасность со стороны мелкобуржуазной контрреволюции» (с. 115) и все хозяйственные несоциалистические уклады вкупе с капитализмом начали «врастать» в социализм, «растворяясь» в социализме. «... Социалистическая форма хозяйства в этом винегрете разных хозяйственных форм сделалась господствующей и сначала подчинила, а затем растворила в себе все остальные» (с. 22).

Но орудием социалистического строительства явились не только «кулачки» из Тульской и Курской губернии, не только охотнорядские торговцы и все прочие представители «отечественного» капитализма. Поддержал нас в международный капитализм.

В фантазии т. Преображенского это рисовалось так: «Большие. успехи в России сделала аэропланная промышленность, которая развилась при содействии германского капитала» (с. 42—43). «Некоторую поддержку транспорту оказали также небольшие железнодорожные займы за границей» (с. 43). «...значительная часть торговли находилась в руках частного, в том числе иностранного капитала» (с. 73). «Нефтяной кризис 1923 и 1924 гг. был ликвидирован как благодаря увеличению продукции собственными средствами, так и при помощи иностранных концессионеров» (с. 42). «Что касается мор-

[22] *Преображенский*, От нэпа к социализму, с. 72.

ского транспорта, то вследствие дешевизны фрахтов английского флота и возможности покупки нужных судов за границей создание собственного торгового флота для Советской России оказалось нецелесообразным» (с. 42).

Итак, социализм строится совместными усилиями рабочего класса, «кулаков», охотнорядских «социалистов», германского, английского и прочего иностранного капитала, восстанавливавшего целые отрасли народного хозяйства!

Не нужно было много времени для того, чтобы «кулачок» превратился у т. Преображенского в «кулачище» и от «финансирования» «кулачка» и аккуратной уплаты «процента» за деньги, хранимые «кулачком» в ссудосберегательной кассе и кредитном товариществе, т. Преображенский перешел к утверждению, что «власть пролетарского государства... распространяется на прибавочный продукт частного хозяйства (конечно в пределах экономически возможного, целесообразного и технически досягаемого)» и что «социалистическое накопление будет вынуждено опираться на эксплоатацию досоциалистических форм хозяйства и тем больше, чем больше будет удельный вес этого частнохозяйственного сектора». Начав с полной свободы «кулачку», т. Преображенский «диалектически» перешел к «эксплоатации» простого товарного хозяйства, превратив его в «колонию» пролетарского государства и предоставив ему одну перспективу—быть «пожранным» пролетарским государством.

Задача т. Бухарина в конституировании его взглядов на проблему переделки крестьянского хозяйства была сильно облегчена. С неменяющими существо дела поправками он всего лишь «реставрировал» прежние взгляды т. Преображенского.

В самом деле, что вносит т. Бухарин нового, по сравнению с т. Преображенским, так сказать, «первого издания», когда пишет:

«Может быть, это слишком смелое пророчество, но я думаю, что даже кулаку на определенной стадии развития не особенно будет выгодно потрясать наш режим».

Что вносит т. Бухарин нового, по сравнению с т. Преображенским, когда пишет, что обострение классовой борьбы «бывает обычно там, где еще советский местный аппарат является слабым. По мере улучшения этого аппарата, по мере укрепления всех низовых ячеек советской власти, по мере улучшения и усиления местных деревенских партийных и комсомольских организаций такого рода явления будут, как это совершенно очевидно, становиться все более редкими и в конце концов бесследно исчезнут». Что вносит нового, по сравнению с т. Преображенским «первого издания» т. Бухарин, когда он пишет, что «мы (?) не препятствуем накоплению у кулака», что «кулацкие кооперативные гнезда будут точно так же, через банки и т. д. врастать в эту же (социалистическую—*К. Р.*) систему».

Тов. Бухарин лишь «реставрировал» т. Преображенского и против идей «сверхиндустриалиста» Преображенского выставил батарею идей..... «либерала» Преображенского.

Как известно, в этом споре о путях развития сельского хозяйства оказались неправы обе спорящие стороны—и т. Преображенский «первого издания» плюс т. Бухарин и т. Преображенский в его «втором», сверхиндустриалистском издании. Ни та, ни другая из спорящих сторон не могли правильно подойти к разрешению коренной задачи нашей революции—социалистической переделки мелкотоварного хозяйства.

Не «врастание», не «растворение», но и не «пожирание» крестьянского хозяйства были содержанием политики партии в деревне. В определении своей политики в деревне партия исходила из совершенно иной концепции. Суть этой политики сводилась к тому, чтобы на основе роста крупной социалистической промышленности и усиления производственно-технического обслуживания деревни, на основе кооперирования растущего крестьянского (бедняцко-середняцкого) хозяйства, ведя политику ограничения и вытеснения капиталистических элементов как в городе, так и в деревне, на определенном этапе социалистического строительства перейти к социалистическому переустройству сельского хозяйства, к массовой переделке производственных отношений простого товарного хозяйства в производственные отношения, соответствующие социалистическим формам хозяйства. До тех пор пока эти необходимые условия для массовой переплавки отношений простого товарного хозяйства в отношения социалистические созданы не будут,—«считаться с мелким крестьянством как мелким крестьянством» и на этой основе поднимать и развивать сельское хозяйство. Такая политика конечно не «похожа» ни на «пожирание», ни на «врастание».

Но что это значило? Это значило, что партия, осуществляя непосредственное социалистическое строительство, т. е. расширенно воспроизводя последовательно-социалистический тип производственных отношений в городе, до поры до времени сознательно воздерживалась от непосредственного социалистического строительства в деревне, не только оставляя там производственные отношения простого товарного хозяйства, но и ведя политику, содействующую и помогающую росту сельского хозяйства *на этой основе*.

Однако, как это отмечал т. Сталин, нельзя «в продолжение более или менее долгого периода времени базировать советскую власть и социалистическое строительство на двух разных основах—на основе самой крупной и объединенной социалистической промышленности и на основе самого раздробленного и отсталого мелкотоварного крестьянского хозяйства». И всей своей политикой—индустриализацией страны, усилением производственного обслуживания сельского хозяйства, усилением производственных форм смычки, широким кооперированием крестьянского населения и внедрением идеи кооперации в толщу крестьянских масс, ростом последовательно-социалистического типа производственных отношений в городе, форсированным наступлением на кулака—партия подготовила необходимые условия и предпосылки для перехода к переплавке отношений простого товарного хозяйства в отношения, соответствующие социалистическим формам, для исторической важности перехода к непосредственному социалистическому строительству в деревне.

До сих пор непосредственное социалистическое строительство, т. е. расширенное воспроизводство последовательно-социалистического типа производственных отношений, *шло мимо деревни*, не затрагивая деревню. *Теперь* мы вступили в такой период в ходе развития нашей революции, когда *непосредственное социалистическое строительство началось в деревне*, когда в процессе колхозного строительства производственные отношения простого товарного хозяйства в массовом масштабе начинают переплавляться в производственные отношения, соответствующие социалистическим формам хозяйства. *В этом суть того этапа, в который мы вступили*, и в этом его величайшее историческое значение.

Отказавшись на первом этапе нэпа от задачи непосредственно социалистического переустройства сельского хозяйства, мы должны были найти те

посредствующие звенья и переходные меры, которые позволили бы нам в конечном счете перейти к разрешению и этой задачи—главной и труднейшей задачи нашей революции. Именно в этом и заключался тот величайший стратегический маневр, который мы называем «новой экономической политикой».

Что же это были ва посредствующие ввенья и переходные меры, которые должны были нас подвести к разрешению задачи непосредственного социалистического строительства, т. е. установления и расширенного воспроизводства социалистических форм производственных отношений в сельском хозяйстве?

Таким «посредствующим звеном» была прежде всего крупная социалистическая промышленность. Являясь делом непосредственного социалистического строительства, поскольку наши предприятия являются предприятиями последовательно-социалистического типа, создание крупной социалистической промышленности в свою очередь являлось лишь посредствующим звеном (основой, условием, предпосылкой) к непосредственному социалистическому строительству в сельском хозяйстве, во всем народном хозяйстве.

Таким «посредствующим звеном» являлась далее кооперация, рост которой, как указывал Ленин, тождественен с ростом социализма. Кооперируя мелкое простое товарное производство в сфере обращения, внедряя идею кооперации в толщу бедняцко-середняцких масс, мы тем самым подготовляем почву для перехода к высшим формам кооперации—производственному кооперированию, колхозам.

Таким «посредствующим звеном» является наконец рост пролетариата, рост его культурного раввития и политического уровня, рост его влияния среди трудящихся и. в первую очередь, среди бедняцко-середняцких масс крестьянства.

Но все это те «посредствующие звенья», которые по сути своей являлись выражением непосредственного социалистического строительства. До тех пор пока эти «посредствующие звенья» не получили такого вначения, которое позволило бы нам перейти к непосредственному социалистическому строительству в сельском хозяйстве, мы вынуждены были «считаться с мелким крестьянином как мелким крестьянином». А это овначало, что мы должны были пойти на такие «посредствующие ввенья», как допущение иввестной свободы торговли, как допущение иввестного оживления капитализма, как допущение концессий и т. д.

И все эти «посредствующие ввенья» и переходные меры должны были служить одной генеральной вадаче: непосредственному социалистическому строительству в деревне, установлению и расширенному воспроизводству социалистических форм проивводственных отношений в сельском хозяйстве, а, следовательно, и непосредственному социалистическому строительству во всем народном ховяйстве, ибо *только на основе социалистического переустройства сельского хозяйства можно перейти к последовательно-социалистическим формам связи сельского хозяйства и промышленности.*

Но если привнать, что иввестная свобода торговли не является непосредственным социалистическим строительством, а лишь «посредствующим звеном» в деле социалистического переустройства сельского ховяйства (а не привнать этого нельзя!), если привнать, что иввестное оживление капитализма не является непосредственным социалистическим строительством, а лишь посредствующим ввеном в деле социалистического строительства (а не привнать

этого нельзя!) [23], если признать, что известная свобода кулачеству не является непосредственным социалистическим строительством, а лишь посредствующим звеном в деле социалистического строительства (а не признать этого нельзя!), если привнать, наконец, что и концессии являются лишь посредствующим звеном в деле социалистического строительства, но отнюдь не выражением непосредственно социалистического строительства (а не признать этого нельзя!), то мы вправе сказать, что *новая экономическая политика была совокупностью таких мероприятий пролетарского государства в деле социалистического строительства, которые через ряд посредствующих звеньев и переходных мер* (ив которых одни, как социалистическая промышленность, кооперация и т. д., являлись в то же время выражением уже осуществляемого непосредственного социалистического строительства) *должны были подвести к разрешению задач непосредственного социалистического строительства в объеме всего народного хозяйства, к коренной ломке старого* общественно-экономического *уклада деревни на базе мощной социалистической крупной промышленности—основы основ социализма и кооперации.*

И тогда, наконец, мы вправе сказать, что когда будут созданы необходимые условия и предпосылки для того, чтобы перейти к разрешению задач непосредственного социалистического строительства, когда минует необходимость переходных мер и посредствующих звеньев, эта экономическая политика будет не нужна, будет излишней и мы должны будем перейти к иной политике—политике непосредственного социалистического строительства.

Мы «отбросим нэп к чорту,—говорил т. Сталин,—когда не будем нуждаться в известной свободе торговли», «когда мы получим возможность наладить хозяйственные связи между городом и деревней через продуктообмен, без торговли с ее частным оборотом, с ее допущением известного оживления капитализма».

Именно в этом и заключается двойственная природа и диалектика нэпа. Допустив рыночные формы хозяйственной связи, считаясь с мелким крестьянином как мелким крестьянином, допустив известную свободу капитализма как в городе, так и в деревне, социализм вступил в бой с капитализмом, пользуясь его собственным оружием, оттесняя и завоевывая в этом бою у капитализма одну позицию за другой, одерживая над ним одну победу за другой, подводя к разрешению основной и труднейшей задачи—социалистическому переустройству сельского хозяйства, уничтожению классов и созданию фундамента социалистической экономики, и тем самым превращая в излишние, ненужные и вредные такие «посредствующие звенья» и «переходные меры», как известная свобода торговли, известная свобода капитализма и т. д.

Начав с торговых форм смычки, мы все больше переходим к производственным формам смычки.

Начав в значительной степени со стихийно-рыночных форм хозяйственной связи города и деревни, мы постепенно начали переходить к иным формам—системе договоров и контрактации.

---

[23] „Поскольку мы еще не в силах осуществить непосредственный переход от мелкого производства к социализму, постольку капитализм неизбежен в известной мере, как стихийный продукт мелкого производства и обмена, и постольку мы должны использовать капитализм (в особенности направляя его в русло государственного капитализма) как посредствующее звено между мелким производством и социализмом: как средство, путь, прием, способ повышения производительных сил" (*Ленин*, Соч., т. XVIII, ч. 1, с. 222).

Начав с известного оживления капитализма, мы все больше и все стремительнее его ограничивали и вытесняли.

Начав с оживления старого общественно-экономического уклада в деревне, мы все в большей степени им овладевали и подчиняли своему влиянию.

И в этом отношении известным рубежом в развитии нэпа явился XV съезд партии. Достаточно напомнить революции XV съезда по отчету ЦК и по докладу о работе в деревне.

В революции по отчету ЦК говорится: «Необходимо поставить в качестве первоочередной задачи на основе дальнейшего кооперирования постепенный переход распыленных крестьянских хозяйств на рельсы крупного производства (коллективная обработка земли на основе интенсификации и машинизации земледелия), всемерно поддерживая и поощряя ростки обобществленного сельскохозяйственного труда». «В настоящий период,—говорится в революции о работе в деревне,—задача объединения и преобразования мелких индивидуальных крестьянских хозяйств в крупные хозяйства должна быть поставлена в качестве основной задачи партии в деревне».

И дальше: «В соответствии с задачей всемерного поощрения объединения мелких крестьянских хозяйств в крупные коллективные хозяйства система сельхозкредита должна направить свое главное внимание на поддержку и развитие производственного кооперирования широких бедняцко-середняцких масс».

Таким образом, если до XV съезда партии непосредственное социалистическое строительство, т. е. расширенное воспроизводство производственных отношений последовательно-социалистического типа в основном шло мимо деревни, не затрагивая основ производственных отношений в деревне, то уже XV съезд эту задачу социалистического переустройства деревни выдвигает в качестве «основной задачи в настоящий период», требуя, чтобы на ее разрешение было направлено «главное внимание».

В этом же направлении идет и решение партии о системе договоров и контрактации с.-х. продукции. «Эта форма,—говорится в революции о работе в деревне,—может и должна служить в дальнейшем одним из важнейших средств кооперирования самого крестьянского производства в подлинном смысле этого слова, т. е. добровольного объединения мелких производителей, связанных через кооперацию с социалистической промышленностью».

И дальше революция прямо требует: «Оказывать всемерную поддержку развитию практики договорных отношений (контрактации и т. п.) между кооперированным крестьянством и госорганами, устанавливающих непосредственную смычку между крестьянским хозяйством и соответствующими отраслями социализированной промышленности (сахарная промышленность, текстильная и др.) и облегчающих государственно-плановое регулирование сельского хозяйства соответствующих районов и отраслей».

Таким образом XV съезд партии прямо указывает те пути, по которым пойдет преодоление рыночных форм хозяйственной связи, переход от стихийно-рыночных методов регулирования сельского хозяйства к государственно-плановому его регулированию. Вся последующая практика показала величайшую жизненность этих решений XV съезда и система договоров и контрактации уже превратилась в важнейшую форму хозяйственных связей города и деревни.

Наконец именно в этом же направлении действовали и решения XV съезда партии о необходимости перейти к политике «еще более решительного хозяйственного вытеснения» частнокапиталистического хозяйства,

перейти «к дальнейшему, более систематическому и настойчивому ограничению кулака и частника». Ибо этим решением, помимо прямого вытеснения кулака, значительно подревался стимул у середняка «перерасти» в кулака.

Таким образом, если говорить о «датах» в периодизации «нэпа», то можно сказать, что решениями XV съезда партии было положено начало преодолению мелкого товарного бедняцко-середняцкого хозяйства, начало преодоления торговли.

Чем же в таком случае характеризуется тот новый этап в развитии нашей революции, в который мы вступили с лета 1929 г.?

Бурными процессами коллективизации, все большим переходом бедняцко-середняцких масс деревни к коллективным формам хозяйства. Что это значит? Это значит, что если раньше непосредственное социалистическое строительство, т. е. расширенное воспроизводство последовательно-социалистического типа производственных отношений простого товарного хозяйства осуществлялось в городе, то теперь мы вступили в такой период, когда в этот процесс непосредственно социалистического строительства оказалось вовлеченным и притом, что особенно важно, в массовом масштабе бедняцко-середняцкое крестьянское хозяйство. Рушатся «привычные» устои крестьянского хозяйства, рушатся традиции веков, и крестьянство широкой лавиной двинулось к коллективным формам труда. Один за другим создаются районы сплошной коллективизации, перерастающие в области сплошной коллективизации.

Вся прошлая политика партии дала теперь свои «итоги», период посредствующих звеньев и переходных мер начал перерастать в период непосредственного социалистического строительства во всем народном хозяйстве.

И этот процесс не мог не найти своего отражения в экономической политике партии.

Торговля, один из основных конститутивных признаков нэпа — «начинает—но только начинает — перерастать в социалистический продуктообмен. При этом агентом со стороны сельского хозяйства выступает не индивидуальное крестьянское хозяйство, а колхоз. Торговля начинает—но только начинает—переставать быть основным связующим звеном города и деревни, промышленности и сельского хозяйства, перерастая через контрактацию—договор, через производственные формы смычки в социалистический продуктообмен».

Роль местного рынка и местного товарооборота в районах сплошной коллективизации уже начинает сужаться и будет сужаться все больше, по мере перехода к высшим формам колхозного строительства, и замещаться социалистическим продуктообменом. Когда этот процесс будет завершен, тогда мы «отбросим нэп к чорту», тогда мы перейдем к развернутой—в объеме всего народного хозяйства—политике непосредственного социалистического строительства.

Что мы имеем сейчас? Какие формы хозяйственной связи и формы социалистического продуктообмена, находящиеся, правда, еще только в начальной стадии развития, имеем мы между городом и деревней? Является ли социалистический продуктообмен «конститутивным» признаком нэпа? Конечно нет. Переход к социалистическому продуктообмену означает, что нэп окончательно завершен и может быть отброшен за прямой ненадобностью. Значит, политика социалистического продуктообмена является отличной от «новой экономической политики», является новой по отношению к этой последней.

В каком направлении идет развитие хозяйственных связей между городом и деревней? От торговли через контрактацию, через производственные

формы смычки к социалистическому продуктообмену. Иначе говоря, «новая экономическая политика» в том основном и решающем, что является «конституитивным» признаком нэпа—в самой форме хозяйственных связей,—начинает перерастать в другую политику, политику непосредственного социалистического строительства. Но, повторяю, только тогда, когда этот процесс будет завершен, мы «отбросим нэп к чорту».

Результатом чего является этот процесс перерастания торговли в социалистический продуктообмен? Результатом бурных процессов коллективизации, результатом социалистического переустройства сельского хозяйства, результатом установления и расширенного воспроизводства социалистических форм производственных отношений в сельском хозяйстве. Результатом того, что с переходом к непосредственному социалистическому строительству в деревне мы вступили в такой период, когда «посредствующие звенья» и «переходные меры» к этому непосредственному социалистическому строительству начинают—но только начинают—становиться нелишними, ненужными.

Такое же положение мы имеем и в нашей политике по отношению к кулаку. Известное допущение кулака было «посредствующим звеном», было «переходной мерой», когда нашей задачей было во что бы то ни стало, какой угодно ценой поднять не бездны разрухи сельское хозяйство, когда нашей основной задачей в деревне было поднятие индивидуального бедняцко-середняцкого крестьянского хозяйства. В этих условиях известная свобода кулаку была необходима потому, что запретительными мерами против кулака мы неизбежно задели бы и хозяйственные интересы середняка. И политика партии сводилась не к «запрещению» кулака, а к его ограничению и вытеснению.

XV съезд партии, поставив в качестве первоочередной и основной задачи постепенный переход к коллективным формам хозяйства, одновременно (ибо это сторона того же процесса) дал лозунг перейти «к дальнейшему более систематическому и настойчивому ограничению кулака и частника». В принципе однако политика партии в отношении кулака оставалась неизменной: ограничивать и вытеснять. Таким образом в качестве «посредствующего звена» и «переходной меры» сохранилась известная свобода кулаку.

Положение в корне изменилось, когда в районах сплошной коллективизации мы выдвинули лозунг: «ликвидация кулачества как класса», тем самым превратив лозунг «ограничения и вытеснения» в районах не сплошной коллективизации в лозунг вспомогательный, подсобный к главному лозунгу. Изменилось ли что-либо в нашей политике в отношении кулака или этот лозунг ликвидации кулачества как класса является продолжением нашей прежней политики ограничения и вытеснения?

Тов. Сталин на этот вопрос дал исчерпывающий ответ в своей статье «К вопросу о политике ликвидации кулачества как класса». «Понятно,—пишет т. Сталин,—что политика ликвидации кулачества как класса не могла упасть с неба. Она была подготовлена всем предыдущим периодом ограничения, а значит и вытеснения капиталистических элементов деревни. Но это еще не значит, что она не отличается коренным образом от политики ограничения (и вытеснения) капиталистических элементов деревни, что она является будто бы продолжением политики ограничения. Говорить так, как говорит наш автор — значит отрицать наличие перелома в развитии деревни с лета 1929 г. Говорить так—значит отрицать тот факт, что мы проделали за этот период поворот в политике нашей партии в деревне. Говорить так, значит создавать некоторое идеологическое укрытие для правых элементов нашей

партии, так же как цеплялся в свое время т. Фрумкин за решения XIV съезда против политики насаждения колхозов и совхозов.

«Из чего исходил XV съезд, провозглашая усиление политики ограничения (и вытеснения) капиталистических элементов деревни? Из того, что несмотря на это ограничение кулачества, кулачество как класс все же должно оставаться до поры до времени. На этом основании XV съезд оставил в силе закон об аренде земли, прекрасно зная, что арендатором в своей массе являются кулаки. На этом основании XV съезд оставил в силе закон о найме труда в деревне, потребовав его точного проведения в жизнь. На этом основании была еще раз провозглашена недопустимость раскулачивания. Противоречат ли эти законы и эти постановления политике ограничения (и вытеснения) капиталистических элементов деревни? Безусловно нет. Противоречат ли эти законы и эти постановления политике ликвидации кулачества как класса? Безусловно да! Стало быть, эти законы и эти постановления придется теперь отложить в сторону в районах сплошной коллективизации, сфера распространения которой растет не по дням, а по часам. Впрочем, они уже отложены в сторону самим ходом колхозного движения в районах сплошной коллективизации.

«Можно ли после этого утверждать, что политика ликвидации кулачества как класса есть продолжение политики ограничения (и вытеснения) капиталистических элементов деревни? Ясно, что нельзя».

«Стало быть, нынешняя политика партии в деревне есть не продолжение старой политики, а поворот от старой политики ограничения (и вытеснения) капиталистических элементов деревни к новой политике ликвидации кулачества как класса».

Что все это значит? Это значит, что известная свобода кулаку, предоставление ему возможности существовать «до поры до времени» было на определенном этапе развития нашей революции необходимым «посредствующим звеном», необходимой «переходной мерой». Но по мере того, как мы начали переходить к непосредственному социалистическому строительству в деревне, по мере того, как начали создаваться районы сплошной коллективизации, необходимость в этом «посредствующем звене» начала исчезать, превращалась во *вредную* помеху в районах сплошной коллективизации. Выражением чего является в таком случае этот «поворот от старой политики ограничения (и вытеснения) капиталистических элементов деревни к новой политике ликвидации кулачества как класса»? Выражением начавшегося процесса перерастания «новой экономической политики» в политику непосредственного социалистического строительства.

Движение широчайших бедняцко-середняцких масс к колхозным формам хозяйства, создание районов сплошной коллективизации и ликвидация кулачества как класса, начавшийся процесс перерастания торговли в социалистический продуктообмен и т. д.—все это непреложное свидетельство того, что мы вступили в процесс перерастания новой экономической политики в политику непосредственного социалистического строительства во всем народном хозяйстве, когда одни из «посредствующих звеньев» становятся излишними, вредными и выбрасываются за ненадобностью вон (как это имеет место с кулаком в районах сплошной коллективизации), когда другие начинают, но только начинают становиться излишними, как это имеет место с торговыми формами хозяйственных связей между городом и деревней, и начинают замещаться другими формами, соответствующими социалистическому продуктообмену.

И когда завершится этот процесс перерастания «новой экономической политики» в политику непосредственного социалистического строительства, тогда мы «отбросим нэп к чорту» и будем, так сказать, в «чистом» виде осуществлять политику непосредственного строительства, т. е. политику расширенного воспроизводства социалистических производственных отношений во всем народном хозяйстве.

Что же у нас сейчас—две политики или одна? Глупый вопрос, выдающий с головой механистическое мышление вопрошающего. «Новая экономическая политика» будет отброшена к чорту с завершением в основном переходного периода. Эта формула—формула процесса и ее не поймет тот, кто привык мыслить: да-да, нет-нет, а что свыше, то от лукавого.

Можно ли сказать, что это новое в экономической политике снимает прежнюю экономическую политику—нэп—и делает ее лишней, ненужной и мешающей? Конечно нет. Это было бы в корне ошибочно и вредно. Мы находимся в таком периоде, когда «новая экономическая политика» только постепенно разворачивается и по мере роста и усиления крупной социалистической промышленности, по мере все большего развития колхозного строительства и увеличения районов сплошной коллективизации, по мере перехода от торговли к социалистическому продуктообмену будет все больше перерастать в политику непосредственного социалистического строительства во всем народном хозяйстве.

И именно потому-то неверным, ошибочным и политически вредным являются разговоры об «отмене» и «ликвидации» нэпа, о «смерти» нэпа и т. п. Мы только находимся у самого начала этого движения, этого процесса перерастания новой экономической политики, политики «посредствующих звеньев» и «переходных мер», в политику непосредственного социалистического строительства; и мы должны это отчетливо понимать для того, чтобы избежать как «левооппортунистических» заскоков (рассматривающих существующую систему хозяйства как «сплошное социалистическое плато» и потому считающих возможным уже снять вопрос: «кто кого?»), так и правооппортунистических попыток задержать, приостановить начавшийся процесс непосредственного социалистического переустройства всего народного хозяйства.

Мы «отбросим нэп к чорту», «когда он перестанет служить делу социализма». С этими словами т. Сталина как будто все согласны. Но надо обладать исключительной наивностью, надо быть «пустобаем-пустобрехом», для того чтобы думать, что это «отбрасывание» нэпа к чорту произойдет одним махом, в таком-то часу такого-то дня и числа, такого-то месяца и такого-то года.

ПРЕНИЯ ПО ДОКЛАДУ К. РОЗЕНТАЛЯ

Я. Лейбман. Мы вправе были ожидать от сегодняшнего доклада либо последовательной защиты т. Розенталем своей точки зрения на новый этап, изложенной им в «Большевике» № 5, либо решительного отказа от этой своей концепции, как явно неправильной и расходящейся с действительным содержанием того нового, что мы на данном этапе имеем. Тов. Розенталь предпочел пойти по линии поправок и поправочек к своей первоначальной концепции и в результате этого создал в докладе еще большую путаницу и непоследовательность, нежели в статье.

Одна из основных методологических погрешностей т. Розенталя заключается в том, что он идет не от нэпа к новому этапу, а наоборот. Дело, понятно, не в том, что ход *изложения* у него от нэпа к новому этапу, а в ходе осмысливания. Создав определенную концепцию нового этапа, т. Розенталь уже под нее подгоняет определение нэпа, скатываясь, в значительной степени в результате этого, к право-«левым» толкованиям его.

Ошибки т. Розенталя (мы следуем ходу изложения) начинаются с неправильной оценки существа нэпа, оценки, категорически расходящейся с теми определениями, которые давались и даются в партийных документах и высказываниях тт. Ленина и Сталина. Партия исходила и исходит в своей оценке содержания нэпа из того, что нэп это есть политика строительства и построения социализма. Партия неизменно исходила из того, что наличие простого товарного хозяйства в нашей экономике требует от пролетариата такой системы экономических мероприятий, которые через ряд переходных форм и этапов привели бы в конечном счете к закрытию тех пор, из которых «ежедневно, ежечасно, вновь и вновь рождается капитализм». Партия исходила из того, что переходный период кончается с построением фундамента социалистической экономики и, следовательно, нэп, назначение которого как раз в этом и заключается, является единственное возможной и единственно правильной экономической политикой переходного периода.

Вот как оценивает нэп Владимир Ильич:

«Люди, по многим вопросам расходившиеся, с различных точек врения оценивающие положение, единодушно и очень быстро пришли, без всяких колебаний, к тому, что у нас подхода настоящего к социалистической экономике, построению ее фундамента нет и единственный способ найти этот подход — это новая экономическая политика. Мы знаем, что у нас никаких разногласий не было потому, что практическая необходимость иного подхода к постройке фундамента социалистической экономики для всех была ясна» [35]. В духе этого же определения дает установку и т. Сталин в своем заключительном слове на XIV съезде партии, раскрывая диалектическое содержание, двойственную природу и историческую ограниченность нэпа.

«Нэп есть особая политика пролетарского государства, рассчитанная на допущение капитализма при наличии командных высот в руках пролетарского государства, рассчитанная на борьбу элементов капиталистических и социалистических, рассчитанная на возрастание роли социалистических элементов в ущерб капиталистическим, рассчитанная на победу социалистических элементов над капиталистическими, *рассчитанная на уничтожение классов, на постройку фундамента социалистической экономики*. Кто не понимает этой двойственной природы нэпа, тот отходит от ленинизма».

После этих предварительных замечаний разрешите напомнить определение, которое дает нэпу т. Розенталь.

«В истории переходного периода»,—говорит он,—«*новая экономическая политика является «предисторией» к непосредственному социалистическому строительству* во всем народном хозяйстве, когда минует надобность в длинном ряде переходных мер и посредствующих звеньев и когда на основе окрепшей и выросшей социалистической индустрии мы сумеем подойти вплотную «к крупному общественному машинному земледелию» [36]. И еще ярче.

---

[35] *Ленин*, т. XVIII, ч. 2 «Доклад на XI съезде РКП».
[36] «Большевик» № 5, с. 69—70.

«Короче говоря, *новая экономическая политика была совокупностью таких мероприятий пролетарского государства* в деле социалистического строительства, *которые* через ряд посредствующих звеньев и переходных мер *должны были подвести к разрешению задач непосредственного социалистического строительства в объеме всего народного хозяйства*, к коренной ломке старого общественного экономического уклада деревни на базе мощной социалистической крупной промышленности, основе основ социализма и кооперации» [37].

Итак нэп—есть лишь предистория непосредственного социалистического строительства, есть лишь подготовка и накопление предпосылок для этого непосредственного социалистического строительства. Необходимо отметить, что в своем определении нэпа т. Розенталь далеко не оригинален. Не касаясь того, что т. Розенталь повторяет тут и троцкистов и т. н. объединенную оппозицию, укажем на т. Ташкарова, который в своей статье в «Спутнике коммуниста», от которой, кстати, редакция отмежевалась, [38] говорит:

«Не непосредственный переход к социализму, а переход через ряд переходных мероприятий, не немедленное наступление на капиталистические элементы в народном хозяйстве СССР, а наступление, подготовленное предварительным отступлением, обходными действиями и перегруппировкой сил—вот каков исторический смысл нэпа по Ленину. *В подготовке этого наступления, в создании всех необходимых материально-технических, культурных и иных условий для него и есть историческая задача и цель нэпа*».

Я спрашиваю, может ли нас удовлетворить такое определение нэпа? Нет, не может! Совпадает ли оно с оценками, которые нэпу давала партия? Достаточно сопоставить вышепроцитированные места из работ тт. Ленина и Сталина, чтобы убедиться, что не совпадает. Тов. Розенталь приводит кучами цитаты из Ленина, но он все время берет те его высказывания, которые фиксируют внимание партии на той или иной данной очередной задаче, исходя из того, что

«Диктатура пролетариата есть руководство политикой со стороны пролетариата. Пролетариат как руководящий класс, как господствующий класс, должен уметь направить политику так, *чтобы решить в первую голову самую неотложную, самую «больную» задачу. Неотложнее всего теперь меры, способные поднять производительные силы крестьянского хозяйства немедленно*».

Тов. Розенталь совершенно обходит молчанием те общие характеристики нэпа, которые неоднократно Ленин давал. Это понятно облегчает ему задачу, в дальнейшем, при переходе к новому этапу, но ведь такое обращение с высказываниями Ленина называется... стрижкой Ленина под Розенталя.

Тов. Розенталь далее говорит, что нэп был политикой осады впротивовес политике военного коммунизма, которая была штурмом. Понятно и в осаде могут быть элементы наступления. Но все же основной и решающей чертой осады является выжидание. Кстати сказать, Ленин, когда говорил о переходе от штурма к осаде, связывал это, во-первых, *с периодом отступления*, и во-вторых, с переходом на позиции госкапитализма. Когда Розенталь весь нэп хочет уложить в понятие «осада», то тут мы имеем завуалированную форму трактовки нэпа лишь как отступления. Куда же действительно девается наступление, которое мы в товарообороте стали осуществлять решениями

---

[37] Там же, с. 74.
[38] См. № 23—24 за 1929 год.

XIII съезда партии? Где же форсированное наступление на кулацко-капиталистические элементы, которое мы стали осуществлять решениями XV съезда партии? Или все это тоже можно вогнать в понятие осады, выжидания?

Раз т. Розенталь считает нэп предисторией непосредственного социалистического строительства, то иного места для нэпа в своей триединой формуле «штурм—осада—штурм», он отвести никак не может. Но чем же тогда отличается его определение нэпа от уже преодоленных и отвергнутых партией определений, которые давались нэпу «левой» и т. н. объединенной оппозицией? Как и у последних—нэп у т. Розенталя принимает вид только отступления. Наступательные черты из него выпали.

Посмотрим, можно ли так механистически делить «на опосредствованное и непосредственное» социалистическое строительство *в рамках переходного периода*, как то делает т. Розенталь. Развитие на протяжении всего минувшего периода нэпа наших социалистических командных позиций—было непосредственным социалистическим строительством? Очевидно непосредственным. Но если для нэпа главным образом характерно именно опосредствованное социалистическое строительство, то... т. Розенталь вступает в острейший конфликт с самим ходом социалистического строительства в нашей стране. Ведь это непосредственное социалистическое строительство охватывало непосредственно не меньше половины нашей экономики, оказывая социалистическое воздействие на другую его часть. Из этого видно, насколько необосновано деление Розенталя и насколько неправильно приписывать нэпу лишь опосредствованное социалистическое строительство. Но как же иначе может получиться у т. Розенталя, когда нэп является лишь предисторией непосредственного социалистического строительства?

Коминтерн считает нэп явлением не специфически русским, а интернациональным. В программе Коминтерна имеется специальный раздел о международном значении нэпа. Мы прекрасно при этом отдаем себе отчет, что не во всех странах этот нэп по формам, методам и продолжительности применения будет одинаков. Но поскольку в любой стране перед победившим в революции и закрепившим свою власть пролетариатом будет стоять задача социалистической переделки (а не экспроприации) простых товаропроизводителей, постольку система экономических мероприятий, в основных принципах, сходная с нэпом, будет необходима в любой стране. Посмотрим, что говорит по этому поводу т. Розенталь:

«Именно в этом суть, задача и содержание тех особых переходных мер от капитализма к социализму, *которые не нужны в странах с развитой крупной промышленностью*, способной разрешить задачу непосредственного социалистического переустройства деревни, и которые совершенно необходимы в странах, где преобладает мелкое хозяйство и где нет той крупной промышленности, которая способна реорганизовать земледелие» (с. 65). И еще: «*Если в странах передового капитализма, где мелкое хозяйство играет незначительную роль, и где*, наоборот, крупное хозяйство и в промышленности и в земледелии преобладает, *возможен переход к непосредственному социалистическому строительству*, то социалистическая революция в стране...» и т. д. (с. 63).

Международное значение тут выпало. И как же может быть иначе? Раз смысл нэпа, по Розенталю, в подготовке сил и накоплении предпосылок, то победивший пролетариат той страны, где эти силы и предпосылки имеются,

не будет нуждаться в нэпе как политике опосредствованного социалистического строительства.

Тов. Розенталь говорит, что нэп был лишь подготовкой непосредственного социалистического строительства. Этим он грубо разрывает кооперативный план Ленина. Достаточно известно, что кооперативный план предполагает не только кооперирование процессов обращения, но самую эту первую стадию рассматривает как подготовку производственного кооперирования бедняцко-середняцкого крестьянства, его коллективизацию, которая как раз и венчает собой этот кооперативный план. Достаточно также известно, что не кто иной, как идеологи правого уклона, пытались представить переход к коллективизации как ликвидацию нэпа, как скат партии к политике военного коммунизма. Тов. Розенталь немало облегчает такого рода утверждения своей разбивкой на непосредственное и опосредствованное социалистическое строительство. Очевидно, и это т. Розенталь и утверждает, коллективизация есть непосредственное социалистическое строительство. А в рамках нэпа возможно лишь опосредствованное социалистическое строительство, т. е. кооперирование лишь процессов обращения. Таким образом процесс коллективизации оказывается за пределами нэпа, и кооперативный план Ленина оказывается разорванным. Желая выпятить новое на данном этапе, в чем мы с ним абсолютно согласны, т. Розенталь прибегнул для этого к такому пути доказательства, который объективно играет на руку, в данном случае, правому уклону, продолжающему быть главной опасностью на данном этапе.

Таким образом мы видим, что в вопросе о сущности нэпа т. Розенталь занимает позицию, отличающуюся от оценок его партией.

Перехожу к оценке, которую т. Розенталь дает новому этапу. Необходимо, во-первых, отметить, что в другой своей статье «Два года пятилетки» [39] Розенталь еще оценивает настоящий этап как этап нэпа. В своей статье в № 5 «Большевика» он уже с некоторыми оговорками, существенного значения не имеющими, выводит настоящий этап за пределы нэпа. У него получается такая схема: штурм (политика военного коммунизма), осада (нэп), новый штурм (новый этап). Тут необходимо, во-первых—упрекнуть т. Розенталя за то, что он не дал отличия между нынешним штурмом (раз он этот образ решил использовать) от штурма эпохи военного коммунизма. А то ведь действительно выходит, что новый этап есть повторение политики военного коммунизма, над обоснованием чего так стараются идеологи правого уклона. Смешно доказывать, что происходящее на данном этапе никак не напоминает то голое декретирование социалистического производства и распределения (единый народнохозяйственный план, посевкомы, милитаризация труда, запрет торговли), которое имело тогда место.

Механистичность подразделения на опосредствованное и непосредственное социалистическое строительство мы уже выше вскрыли.

Теперь далее. Одно из двух:

Или непосредственное социалистическое строительство качественно совпадает со строительством в рамках построенного социализма. И тогда вопрос ясен. Тогда выходит, что мы уже вступили в первую фазу коммунизма и нэп уже снят. Но не поспешно ли это? Не стоят ли перед нами как раз на данном этапе такие задачи, лишь разрешение которых может нам позволить

---

[39] См. «Коммунистическая революция» № 22–23 за 1929 г.

перейти к строительству в рамках построенного социализма. Ясно, что видеть в настоящем этапе в целом строительство, качественно совпадающее со строительством в рамках построенного социализма—безусловно неверно. Нам надо до того решить две сложнейших задачи настоящего этапа, в разрешении которых как раз и заключается особенность настоящего этапа. Ведь такое понимание «непосредственного социалистического строительства» на данном этапе ведет прямехонько к утверждению, что вопрос «кто—кого» уже снят, социализм уже построен.

Но может быть и другое «или»: или непосредственное социалистическое строительство, являющееся, по мнению т. Розенталя, основной чертой настоящего этапа—*этапа в переходном периоде*, качественно отличается и от нэпа и от строительства в рамках построенного социализма. Но тогда нужно сформулировать это качественное отличие. В отношении нэпа т. Розенталь по-своему это делает, но он совершенно не указывает, каково же качественное отличие этого непосредственного социалистического строительства *на настоящем этапе переходного периода* от строительства в рамках построенного социализма. Прочтите последние абзацы его статьи там, где он говорит об условиях исчезновения остатков нэпа, и вы убедитесь, что никакого качественного отличия в вышеуказанном смысле не получается. А потому остается только лишь первое, столь неприятное «или», а именно, что нэпа уже нет, что нэп уже кончился. Тов. Розенталь это в сущности и заявляет, говоря, что «новое», что имеется в нашей экономике, в нэп не укладывается.

Тов. Розенталь хотел дать три типа социалистического строительства: опосредствованное социалистическое строительство на протяжении нэпа, непосредственное социалистическое строительство на настоящем этапе *переходного периода* (уже не являющегося нэпом) и социалистическое строительство в рамках построенного социализма. А по сути получилось только *два* типа: опосредствованное социалистическое строительство в рамках нэпа, который уже кончился, и непосредственное социалистическое строительство данного этапа, качественно не отличающееся от строительства в рамках построенного социализма. Иначе говоря, нэп уже кончился, мы уже вступили в социализм.

Не приходится объяснять, к каким неправильным выводам ведет такое утверждение, ведя к снижению классовой бдительности пролетариата, ведя к снижению уровня его боеспособности, питая собой «левые» загибы на практике.

Рассуждая о сущности нэпа, мы указывали, что его назначением является построение фундамента социалистической экономики, что его стержнем является переделка крестьянского хозяйства на социалистический лад, что особенностью его является двойственная природа. Основными чертами настоящего этапа является сплошная коллективизация, охватившая широчайшие массы бедняцко-середняцкого крестьянства, и ликвидация кулачества как класса на этой основе. Что же представляет собой настоящий этап в его отношении к нэпу и социализму?

К нэпу. Это этап нэпа, ибо фундамент социалистической экономики еще не построен. Это этап нэпа, ибо сплошная коллективизация—это процесс, который на сегодняшний день охватил лишь 40—50% бедняцко-середняцких хозяйств в основных зерновых районах. Это этап нэпа, ибо ликвидацию кулачества как класса мы осуществляем лишь на базе сплошной коллективизации. Это этап нэпа, ибо наряду с основным лозунгом ликвидации сохранил еще свою силу в качестве подсобного лозунг ограничения и вытеснения кулака.

Это этап нэпа, ибо партия решительно борется с «лево»-загибными лозунгами типа «ликвидация нэпмана как класса». Это этап нэпа, ибо мы сейчас еще не ставим перед собою, как ближайшую очередную задачу, полный переход к социалистическому распределению и продуктообмену.

Но вместе с тем неверно было бы видеть в новом этапе простое развитие и продолжение предыдущего его этапа. Ведь в нашей экономике происходит сейчас процесс превращения индивидуального крестьянского хозяйства в хозяйство социалистическое и на основе этого съужение простого товарного хозяйства. А ведь именно наличие простого товарного хозяйства и необходимость его социалистической переделки и вызвало к жизни нэп. Грубо ошибочно было бы поэтому видеть тут простое развитие и продолжение старого, когда основным лозунгом в отношении капиталистических элементов стало не—допущение, ограничение и вытеснение, а ликвидация.

Поскольку сердцевиной, стержнем нэпа является социалистическая переделка простого товарного хозяйства, поскольку сейчас *мы переживаем этап скачка этого простого товарного хозяйства в хозяйство социалистическое через обобществление средств и процессов производства*, постольку *настоящий этап, будучи этапом нэпа, вместе с тем является этапом преодоления нэпа.*

Когда и при каких условиях нэп как определенная система экономических мероприятий пролетарского государства может стать лишним? Только тогда, когда будет выполнен его стержень—социалистическая переделка простого товарного хозяйства. Мог ли бы стать нэп лишним на стадии кооперирования, главным образом процессов обращения, характерной для предыдущего этапа его? Нет. Ибо тогда еще не был решен основной вопрос—вопрос о характере собственности в сельском хозяйстве. Можно ли следовательно говорить, что и первый этап нэпа также был этапом преодоления нэпа. Нет. *Это было подготовкой перелома в крестьянском хозяйстве, подготовкой скачка, о котором мы выше говорили.*

Настоящий этап поэтому и является решающим и переломным, что именно на протяжении его происходит ломка старых отношений собственности в деревне, подготовленная всем предыдущим периодом развития. Вот почему, именно в применении *к данному этапу нэпа* можно говорить о нем, как об этапе преодоления нэпа.

В нэпе, двойственную природу которого мы выше подчеркнули, все больше берут верх социалистические его черты и преодолеваются черты, вызванные фактом наличия капиталистических элементов и их мелкобуржуазной базы. Тем самым подготавливается переход к политике социалистического строительства в рамках построенного социализма. В меру успешного осуществления задач настоящего этапа нэпа мы все больше преодолеваем нэп, приближаясь к тому моменту, когда задачи переходного периода будут в основном разрешены и в связи с этим нэп станет лишним. Таким образом настоящий этап есть этап нэпа, который вместе с тем означает процесс преодолевания нэпа.

В. Карпинский. Я считаю, что основным недостатком заслушанного доклада и статьи т. Ровенталя является самый метод подхода к освещению и решению вопросов, которые он ставит. Этот метод характеризуется схематизацией и склонностью к дефинициям (употребляя выражение т. Ленина), к злоупотреблению отвлеченными определениями, понятиями без конкретного анализа их содержания.

В самом деле, какова схема т. Розенталя? Мы практиковали политику непосредственного социалистического строительства. Это был первый этап. Второй этап—отказ от политики непосредственного социалистического строительства, переход к посредствующим мерам. Третий этап—возвращение к политике непосредственного социалистического строительства.

Схематизация сразу же ведет автора к разрыву с действительностью, к неправильному изображению хода развития и неверному пониманию нэпа. И у т. Розенталя, как уже отметил предыдущий оратор, волей-неволей получается (хотя он и делает ряд оговорок), что нэп был, в сущности, сплошным отступлением или сплошным обходным движением, и только теперь мы опять осуществляем переход к наступлению на капиталистические элементы в порядке непосредственного строительства социализма. В действительности же непосредственное социалистическое строительство, начавшись в первом периоде, продолжалось и во втором, напр. в индустрии мы продолжали непосредственное социалистическое строительство, употребляя термин т. Розенталя. Это—во-первых. Во-вторых—в оба эти периода—и особенно во втором периоде—закладывался фундамент социалистической экономики. В-третьих, продолжалась борьба с капиталистическими элементами, и эти капиталистические элементы отнюдь не были «пособниками социализма», как выходит у т. Розенталя. (*Шум*). Эти самые капиталистические элементы такого рода «пособниками социализма», как т. Розенталь это хочет изобразить, во всяком случае не являлись. В-четвертых, укреплялась смычка крестьянской экономики с социалистической экономикой.

Вот что происходило в действительности во время второго периода и все это у т. Розенталя смазано, и нэп, как закладка фундамента для социалистической экономики, у него вовсе не оценен правильно.

Далее у т. Розенталя получается разрыв между вторым и третьим этапом. У него сказано, что коллективизация имеет своим *исходным* пунктом рост крупной социалистической промышленности. А так как рост крупной социалистической промышленности начался совсем недавно, то выходит, что до этого не было никакой коллективизации. И это действительно должно так получиться, если мы станем на ту точку зрения, что нэп—сплошное отступление, сплошное обходное движение. В действительности исходным пунктом коллективизации является *диктатура пролетариата*. Так, по крайней мере ставил этот вопрос т. Ленин, например, в полемике с Каутским [40].

Дальше наблюдается у т. Розенталя, как мы сказали, склонность к дефинициям, к употреблению отвлеченных определений без анализа их конкретного содержания. Он правильно обрушивается на недостаточность определения современного этапа нэпа, как «заката», «начала конца нэпа» и т. д. Но, к сожалению, сам он ничего конкретного не дает. Я процитирую из его статьи некоторые места. Например, он пишет: «...Период «посредствующих звеньев»

---

[40] Можно привести, например, следующее место. Ленин, возражая Каутскому, утверждавшему, что «нигде еще и никогда крестьяне под влиянием теоретических убеждений не переходили к коллективному производству», писал: «Нигде и никогда мелкие крестьяне большой страны не были под влиянием пролетарского государства. Нигде и никогда мелкие крестьяне не приходили к открытой классовой борьбе беднейших крестьян с богатыми, вплоть до гражданской войны между ними *при условии* пропагандистской, политической, экономической и военной поддержки беднейших крестьян пролетарской государственной властью» и т. д. (*Ленин*, Соч., т. XV, с. 519. Курсив Ленина—*Н.*).

и «переходных мер» к непосредственному социалистическому строительству перерастает в новый период—период *непосредственного социалистического строительства*». Это последнее понятие, которое он употребляет бессчетное число раз, так и остается у него без малейшей попытки определить конкретное его содержание. Еще пример: «торговля начинает, но только начинает перерастать в социалистический продуктообмен». В чем конкретно это выражается, так и остается неизвестным. Тов. Розенталь не дает нам конкретного анализа употребляемых им терминов, он тоже «играет словами».

Я мог бы привести еще несколько примеров, но за недостатком времени не буду на этом останавливаться. Можно еще сказать о частном капитале. Это опять-таки новый момент в переживаемом этапе.

«...Частный капитал все больше будет терять свое значение». Видите ли: еще «будет терять», даже еще не «теряет»,—явная неверность. И дальше: «...поскольку производственной базы он лишен». Уже лишен. С одной стороны, частный капитал только еще *будет* терять свое значение (в то время как он уже потерял его в громаднейшей мере), а, с другой стороны, он уже лишен производственной базы,—опять фактическая неверность, ибо известная производственная база у него еще есть... (*Розенталь*: «Это говорил т. Сталин»). Вы берете отдельные мысли т. Сталина, ставите их в свой контекст, и получаются две совершенно разные вещи.

Тов. Розенталь указывает на новые бесспорные факты нового этапа,—это ликвидация кулачества, но что это означает конкретно в смысле перехода к непосредственному социалистическому строительству, он конкретно не выясняет.

Построение крупной социалистической индустрии. Это было и в первом этапе и особенно во втором этапе. Извольте объяснить, в чем дело теперь, на третьем этапе. Вы этого не сделали со всей конкретностью. Коллективизация? Она развивалась и в первом и, особенно, во втором этапе. В чем разница теперь, на третьем этапе? Тут, правда, вы отметили существенный момент, это—перелом в крестьянских массах в сторону коллективизации. Но как вы характеризовали этот перелом в смысле непосредственного социалистического строительства? Чем отличается сейчас построение колхозов от того периода, когда колхозы были в небольшом количестве? Чем отличалась по типу своему тогдашняя организация колхозов от теперешнего этапа, когда мы строим их в массовом количестве? Чем отличается колхозное построение от прежнего теперь в период, как вы утверждаете, непосредственного строительства? Этого вы не объяснили.

Точно так же и с раскулачиванием. Чем отличается раскулачивание первого этапа от раскулачивания в третьем этапе? Возврат ли это к старому? И на этот сравнительно простой вопрос у вас нет ответа.

Из этих моих кратких замечаний я делаю тот вывод, что вопрос о новом этапе нэпа чрезвычайно сложен. Поэтому особенно необходим конкретный анализ экономических фактов переживаемого момента и сугубо недопустимо схематизирование.

Новый этап, в который мы сейчас вступаем, вырастает непосредственно из второго этапа. К чему приводит это вырастание? Какие изменения требуются в нашей политике, например, в политике по отношению к капиталистическим элементам? Частью наша политика уже изменена, но, например, в отношении середняка нужна ли какая-то иная политика? Вы знаете, что многие товарищи, целые парторганизации, работающие в деревне, вообразили,

что уже настал такой новый этап, когда нужно изменить нашу политику по отношению к середняку, что ленинская политика по вопросу о середняке уже устарела, и начали применять методы принудительной организации колхозов. Эти товарищи вообразили, что мы вступили в такую фазу социалистического строительства, когда прежние отношения с середняком уже стали ненужными. Очень характерно, что у т. Розенталя *этот вопрос обойден*. Нигде ни одного слова он о нем не сказал.

Ленин в первом этапе подчеркивал три момента: 1. восстановление крупной промышленности, 2. налаживание непосредственного продуктообмена с мелким крестьянским земледелием, при содействии его обобществлению и 3. заем у крестьянина для восстановления крупной промышленности. Вот политика первого этапа. Вы знаете, что из этой политики первого этапа был осуществлен только заем, во всем остальном план за первый период остался неосуществленным.

Так вот, т. Розенталь, возникает вопрос, чем же существенно отличается ваш третий этап от первого? Вы говорите, что третий этап есть возвращение к непосредственному строительству социализма,—тогда нужно конкретно определить разницу. Или ее нет? Конечно разница бросается в глаза. Промышленность теперь не только восстановлена, но в значительной степени развита. Контрагентом выступает в нашей хозяйственной связи с сельским хозяйством не только единоличник, а все более коллектив. Кроме того, в сельскохозяйственном производстве у нас имеются теперь мощные государственные предприятия—совхозы, предприятия последовательно-социалистического типа. Здесь у нас нет больше вынужденной необходимости прибегать к методам военного коммунизма. Крестьянство, правда, должно еще нести известные жертвы для развития промышленности. Но теперь у нас имеются возможности крепкой связи с единоличником—бедняком и середняком—и подчинения его хозяйства государственным социалистическим планам помимо даже вовлечения его в колхоз, возможности решительной борьбы с кулаком вплоть до ликвидации его как класса, и в результате всего этого есть действительная возможность организации планового продуктообмена между городом и коллективной деревней.

В чем сейчас конкретно выражается социалистическое строительство, если мы в самом деле приступили к тому, что т. Розенталь называет непосредственным строительством социализма? Вот вопрос, который поставлен: находимся ли мы на каком-то новом этапе, или мы еще в него не вступили?

Позвольте вам напомнить, как ставил этот вопрос Ленин в своей известной статье о кооперации. Он утверждал, что у нас имеется в наличии все необходимые и достаточные элементы для построения социализма. Первый элемент—политическая власть пролетариата. Второй—экономическая власть пролетариата, в руках которого все крупные средства производства. Третий элемент—союз с бедняцко-середняцким крестьянством. Четвертый—руководство им. Пятый—кооперация.

Но, думаю, вы все помните, как в той же самой статье подчеркнуто, что, при, наличии всех необходимых и достаточных элементов для построения социализма, *это все-таки еще не построение социалистического общества*.

В свое время мы заостряли этот вопрос о построении социализма против оппозиции и утверждали, что мы *строим социализм*. Это безусловно верно, ибо когда мы строим крупную промышленность, конечно, мы строим социализм, когда мы строим совхозы—это тоже строительство социализма, когда

мы строим колхозы, это постройка и развитие производственно-потребительских ячеек социалистического типа для будущего социалистического общества.

Когда мы строим сельскохозяйственные кооперативные предприятия, то это нельзя рассматривать иначе, как подготовку к постройке колхозно-кооперативных организаций, этих ячеек будущего социалистического общества. В целом мы безусловно строим социализм, в разных частях народного хозяйства по-разному. Это строительство в разных частях народного хозяйства находится в разных стадиях. Все это вместе есть сложный процесс постепенного построения социализма.

Можно сказать так, что в той части народного хозяйства, где еще нет непосредственного социалистического строительства в смысле построения предприятий последовательно-социалистического типа, мы переживаем колхозно-кооперативную стадию строительства. *Но от этой стадии еще лежит целый переходный период к непосредственному построению социалистического общества.* Я напомню место из одной статьи Ленина, где он сравнивает переход к социализму от различных хозяйственных форм. Он сравнивал два случая: переход от концессионного предприятия и переход от кооперативной организации. Первый случай простой: это переход от одной формы крупного производства к другой форме крупного же производства. Второй случай гораздо сложнее: это переход от *мелкого* хозяйства к *крупному* [41].

Я полагаю, что те товарищи, которые думают, будто мы теперь уже вступили в стадию непосредственного построения социалистического общества, во-первых, упускают из вида, что до этого построения лежит еще целая переходная стадия от кооперативно-колхозных объединений к крупному механизированному сельскохозяйственному производству последовательно-социалистического типа. Во-вторых, они упускают из вида все те особенности, которыми эти колхозно-кооперативные объединения отличаются в настоящий период в смысле неизжитых еще экономических противоречий, элементов классовой борьбы, имеющихся в них. И очень характерно, что докладчик этот момент обошел как в своей статье, так и в заслушанном нами докладе. А упускать этот момент никак нельзя, ибо он имеет громадное значение для всего колхозного строительства, и несомненно, корень ошибок и извращений, наделанных в колхозном строительстве за последнее время, лежит как раз здесь.

Казбек Бутаев.—Основной проблемой как доклада, так и прений, я считаю один вопрос: является ли тот новый этап, который мы сейчас переживаем, этапом нэпа или выходит за рамки нэпа. Я постараюсь ответить на этот вопрос в том смысле, что новый этап, который мы сейчас переживаем, является этапом нэпа и не выходит из рамок нэпа.

Что такое нэп? Не нужно говорить здесь о тех основаниях, которые обусловили переход к нэпу, и о том, что такое нэп вообще. Но нужно сказать, что нэп был отступлением, подготовкой к наступлению и самим этим наступлением. Если с этой точки зрения подойти к оценке теперешнего

[41] Мы имеем в виду следующее место в работе Владимира Ильича о продовольственном налоге: «Переход от концессий к социализму есть переход от одной формы крупного производства к другой форме крупного производства. Переход от кооперации мелких хозяйчиков к социализму есть переход от мелкого хозяйства к крупному, т. е. переход более сложный, но зато способный охватить, в случае успеха, более широкие массы населения, способный вырвать более глубокие и более живучие корни старых, досоциалистических, даже докапиталистических отношений, наиболее упорных в смысле сопротивления всякой „новизне“ (*Ленин*, Соч., т. XVIII, ч. 1, с. 220).

этапа, то на поставленный выше вопрос нужно ответить в том смысле, что наш теперешний этап—это есть новый этап нэпа и, я бы сказал, последний его этап.

Я возьму только три вопроса: вопрос о товарообмене, вопрос о классах и классовой борьбе и вопрос об основном содержании нового этапа. Каково основное содержание нынешнего нового этапа—то ли, которое дает т. Ровенталь,—как непосредственное строительство социализма во всем народном хозяйстве,—или нужно как-то иначе понимать и выражать содержание нового этапа.

Вы все помните положение, которое выдвинул Ленин, когда обосновывал политику нэпа. Он говорил: «правильной политикой пролетариата, осуществляющего свою диктатуру в мелкокрестьянской стране, является обмен хлеба на продукты промышленности, необходимые крестьянину. *Только такая продовольственная политика отвечает задачам пролетариата, только она способна укрепить основы социализма* и привести его к полной победе. Продналог есть переход к ней» [42].

С точки зрения такой правильной экономической политики мы должны сказать, что нэп, как отступление от политики разверстки к политике продуктообмена, как правильной политике в условиях нашей мелкокрестьянской страны, нельзя считать отступлением. Ленин говорил дальше: «Социализированная фабрика дает крестьянину свои продукты, а крестьянин за это дает хлеб. Это единственно возможная форма существования социалистического общества, единственная форма социалистического строительства в стране, где мелкий крестьянин составляет большинство» [43].

Выходит по Ленину, что единственной правильной политикой в стране с преобладанием мелкого крестьянского производства является обмен продуктов промышленности социализированной фабрики на продукты этого мелкого сельского хозяйства. А продналог был *переходом* к этой политике. Значит, с этой точки зрения, нэп нельзя считать отступлением. Он был скорее наступлением, ибо мы от политики разверстки перешли к продналогу и следовательно подошли ближе к этой правильной политике.

Но вы знаете, что на этом шаге к правильной политике мы не удержались. Продуктообмен из-за разорения и отсталости страны не был осуществлен: нам пришлось отступить несколько дальше и перейти от желательного непосредственного продуктообмена к товарообмену, а дальше просто к торговле, к купле-продаже. Если мы проследим нэп по этой форме связи и отношений, скажем, крупного производства социализированной промышленности и мелкого крестьянского хозяйства, то воочию увидим, что мы тут имеем *отступление* к товарообмену и дальше к торговле, *подготовку к наступлению*, которая заключается в обобществлении торговли, регулировании торговли и подчинении торговли государственному регулированию, и затем переход от регулируемого нэповского товарооборота к социалистическому продуктообмену, т. е.—*наступление*. Этот последний момент и является содержанием нового этапа по линии формы связи и отношений нэпа. Тот социалистический продуктообмен, который мыслил Ленин, когда говорил, что мы переходим к социалистическому продуктообмену, ибо продналог есть один этап к этому переходу, был обменом социализированной фабрики с крестьян-

---

[42] *Ленин*, Соч., т. XVIII, ч. 1, с. 214.
[43] *Ленин*, Соч., с. 331.

ским мелким производством. Переход, который мы совершаем сейчас, от нэповского товарооборота ведет не к этому своеобразному социалистическому продуктообмену, а ведет к социалистическому продуктообмену уже с другим содержанием, на более высокой основе, на основе обмена продуктов социалистической промышленности с коллективизированной деревней, с социалистической деревней.

Новый теперешний этап нэпа имеет своим содержанием именно этот переход к настоящему правильному социалистическому продуктообмену. Включается ли этот момент перехода к социалистическому продуктообмену в содержание нэпа? Я твердо полагаю, что включается. Мы имеем здесь, следовательно, отступление, подготовку к наступлению и само это наступление. Окончанием этапа наступления, начавшегося частично еще и в первый период отступления, нэп завершает свой диалектический цикл, переходя к своему отрицанию.

Нэповский товарооборот, как форма нэпа, как форма политики, известная внешняя форма проявления этой политики—двойственен. Ленин утверждал, что фактически наш товарообмен включает в себя и продуктообмен, ибо обмен продуктов социалистической фабрики на крестьянский хлеб, на крестьянское продовольствие не есть товарообмен в полном смысле этого слова. Продукты социалистической фабрики не являются товаром в политико-экономическом смысле. Но с другой стороны, Маркс говорил следующее: «Каков бы ни был способ производства, на основе которого производятся продукты, входящие в обращение как товар, будет ли это первобытная община и хозяйство или производство, основанное на рабском труде, или мелкокрестьянское, мелкобуржуазное, или капиталистическое производство,—это нисколько *не изменяет их характера как товаров, и в качестве товаров они одинаково должны пройти процесс обмена и сопровождающие его изменения формы*» [44].

Следовательно, при всяком способе производства, если продукты последнего входят в обращение, как товары, так или иначе должен происходить процесс перемены формы, метаморфоза формы. Наш нэповский товарообмен, с одной стороны, включает в себя элементы продуктообмена, с другой стороны, это есть и товарообмен. В этом суть двойственной природы нэповского товарообмена. И отсюда же неизбежность метаморфозы форм. Чем является новый этап, если с этой точки зрения подойти к нему? Я полагаю, что теперешний новый этап является этапом преодоления и в конце концов победы второй стороны нэповского товарообмена, именно продуктообмена, а следовательно, уничтожения стоимостных отношений и той стороны нэповского товарообмена, которая выражает собой подлинный товарообмен.

Тов. Розенталь в своей статье говорит, что все то новое, что мы имеем теперь, не укладывается в рамках нэпа. «Можно ли сказать, что та новая экономическая политика, которая уже имеется, укладывается в рамки нэпа? Конечно, нет, это разная политика» [45].

Выходит так, что нэпом по существу является то, что мы имели до сих пор, т. е. отступление к торговле, подготовка к наступлению в области товарооборота, являющаяся по существу наступлением, а то, что мы сейчас имеем, т. е. непосредственный переход от товарообмена, от товарных отно-

---

[44] «Капитал», т. III, ч. 1, с. 309.
[45] «Большевик», № 5, с. 84.

шений, купли-продажи—к социалистическому продуктообмену, это уже не является содержанием нэпа,—это уже новая политика, выходящая за рамки нэпа.

Это положение т. Ровенталя нельзя считать правильным, ибо нэп есть не только отступление и подготовка к наступлению, но и само наступление по линии этой формы отношений между городом и деревней, между промышленностью и сельским хозяйством. Вот первое положение, которое я хотел подчеркнуть.

Второе положение касается классов и классовой борьбы. В своем заключительном слове на XIV съезде т. Сталин наиболее ярко выразил содержание нэпа по линии классовых отношений. Он говорил, что «нэп является особой политикой пролетарского государства, рассчитанной на уничтожение капитализма, рассчитанной на возрастание роли социалистических элементов в рассчитанной на *уничтожение классов*». Является ли нынешний новый этап с этой точки зрения этапом уничтожения классов. На этот вопрос надо дать положительный ответ. Новый этап является этапом уничтожения классов. С одной стороны, мы уничтожаем кулачество как класс. Но мало этого. Ликвидация кулачества как класса должна происходить на базе сплошной коллективизации, т. е. переделки мелких производителей в работников социалистического хозяйства, следовательно, уничтожения их, как класса мелких частных собственников. Не надо сказанное понимать в таком смысле, что это уничтожение проводится теми же методами, которые применяются при ликвидации кулачества как класса. Мы переводим мелкие бедняцко-середняцкие хозяйства в крупные коллективизированные хозяйства, а значит тем самым мы лишаем мелких производителей тех классовых характеристик, которые они имеют, как индивидуальные, частно-собственнические производители. Если собственность этих крестьян обобществляется в коллективах, то отношение их к собственности, отношение их к средствам производства в значительной мере изменяется. Это не есть еще полное уничтожение их как класса мелких собственников, но это уже есть начало процесса этого уничтожения. Я мог бы сослаться на ряд высказываний Ленина по этому поводу, который в этом отношении прямо ставит вопрос. Хотя бы только одно следующее: «Мы ведем классовую борьбу, и наша цель—*уничтожить классы*, ибо пока остаются *рабочие и крестьяне*, до тех пор социализм остается неосуществленным на практике, на каждом шагу происходит непримиримая борьба» [46].

В ряде других мест Ленин говорит об уничтожении классов, в том числе и мелких крестьянских производителей. Уничтожить классы, это значит уничтожить, прежде всего, помещиков и капиталистов—эта задача нами выполнена. Чтобы уничтожить классы, нужно еще уничтожить равнину между крестьянами и рабочими. Это задача более трудная. Она решается экономической, организационной и культурной работой по переводу мелких хозяйств в коллективное крупное производство, по переделке мелких производителей в работников коллективного крупного производства. Я полагаю, что в этом отношении новый этап есть этап уничтожения классов в нашей стране.

Есть ли тут диалектика в самом содержании нэпа и в развитии его? Нэп был вначале отступлением по линии классовых соотношений и Ленин

---

[46] *Ленин*, Соч., т. XVII, с. 102.

говорил, что нэп — это есть соглашение с мелким крестьянином как классом, с мелким крестьянином как мелким крестьянином. Дальше мы имели подготовку к наступлению, т. е. к уничтожению классов. Какую подготовку? Мы подготовили ту базу, которая позволила нам перейти теперь к решению задачи сплошной коллективизации мелкого сельского хозяйства. Это есть наступление социализма. А раз это так, то новый этап есть одновременно этап уничтожения классов в нашей стране, — кулачества посредством ликвидации, частно-собственнических производителей—посредством их переделки.

Третий вопрос. Что является основным содержанием нового этапа нэпа? Ответ на этот вопрос я формулирую так: *новый этап нэпа есть этап непосредственного перехода от мелкого производства к социализму.* Положение т. Розенталя о том, что новый этап это есть этап непосредственного строительства социализма во всем народном хозяйстве, слишком неопределенно. Разве у нас не было непосредственного строительства социализма до этого нового этапа? Этого ведь и сам т. Розенталь не отрицает. Разве мы в области промышленности непосредственно не переходили к социализму, не занимались расширенным воспроизводством социалистических отношений? Разве то же самое мы не имели в области товарооборота, в области связи между различными секторами и т. д.? Формула т. Розенталя, что новый этап есть непосредственное строительство социализма, сама по себе предполагает, что до этого этапа как будто этой формулы не существовало. Вернее будет сказать, что мы сейчас на новом этапе переживаем такой период, который характеризуется в основном своем содержании—переходом от мелкого производства к социализму. В области крупного производства мы были заняты непосредственным социалистическим строительством и в предыдущий период нэпа, а в области мелкого производства прямым образом задача непосредственного перехода от мелкого производства к социализму перед нами не стояла до настоящего этапа. Ленин говорил, что *пока мы не имеем непосредственного перехода от мелкого производства к социализму,* до тех пор кулачество у нас будет расти, до тех пор неизбежны товарные отношения, до тех пор, следовательно, неизбежно сохранение классовых отношений и обостренной борьбы классов, до тех пор неизбежна самая ожесточенная борьба между различными классами и различными хозяйственными секторами в нашей стране. Самый этот переход от мелкого производства к социализму проходит и должен проходить в обостреннейшей классовой борьбе, ибо уничтожение корней капитализма, корней мелкого производства в стране не дается простой непосредственной эволюцией, автоматическим врастанием мелкого производства в социализм. Непосредственный переход от мелкого производства к социализму изменяет существующие отношения, изменяет и формы проявления этих отношений, изменяет соотношения между различными секторами, изменяет и содержание нэпа в новый период.

Включается ли задача непосредственного перехода от мелкого производства к социализму в содержание нэпа? Нэп есть политика, рассчитанная на построение фундамента социалистической экономики. Ленин не раз говорил о том, что нэп, являясь отступлением, в то же время есть наступление, а наступление, нужно полагать, есть строительство социализма в нашей стране, где преобладает мелкое производство, следовательно, есть перевод мелкого производства в крупное социалистическое. Ленин говорил, что «Россия неповская» должна стать «Россией социалистической». О чем эта формула говорит? Эта формула говорит о том, что непосредственный переход от мелкого

производства, переделка мелкого производства в социалистическое—включается в содержание нэпа.

В этом отношении и т. Розенталь тоже, как будто, стоит на такой же точке зрения. Он в своем докладе, между прочим, заявляет, что «центральной проблемой нэпа является проблема переделки мелкого хозяйства в социалистическое крупное». Но если это так, если центральной проблемой нэпа является переделка мелкого хозяйства в крупное социалистическое, то следовательно, то, что мы сейчас переживаем, есть этап нэпа, есть период наступления, период решения этой центральной задачи. Следовательно, то, что мы имеем теперь нового—это не выключается из рамок нэпа, а находится в них, подготовляя изнутри изживание и снятие нэпа, как особой политики. Новое, что мы имеем сейчас, есть дальнейшее развитие, дальнейшее осуществление содержания нэпа как политики наступления и социалистического строительства. Новый этап поэтому нельзя считать этапом, который выходит за рамки нэпа. Можно по-разному подходить к вопросу о новом этапе и к вопросу о нэпе вообще. Есть люди, которые считают нарушением нэпа, а, следовательно, противоположностью нэпа развитие регулирования хозяйства, расширение области непосредственного планирования не только крупного производства, но и мелкого.

Вспомните те оппортунистические установки, которые выставлялись правыми по этому вопросу. А вот что пишет Устрялов: «Индустриализация в порядке дня. Наступление на рельсах нэпа. Между тем, последний исчерпывает себя. Он имманентно нуждается в углублении, а его теснят и сокращают. Реконструкция национального хозяйства на условиях широкого огосударствления промышленности и торговли немыслима без крайне напряженного подъема сил народа. Либо нужно продолжить и, следовательно, расширить нэп, ставя ставку на частную заинтересованность и личную предприимчивость в деле восстановления народного хозяйства, либо приходится принуждать население к новым жертвам, взывать к его революционному долгу, перестраивать всю систему на *военноподобный манер*» [47]. Иначе говоря, либо неонэп, либо решительное антибуржуазное наступление. Либо нэп, развитие товарных отношений, свободное развитие частной инициативы, либо все, что противоречит этому,—военноподобная политика, т. е. возврат к военному коммунизму. При этом, как видите, нэп понимается, как совершенно свободное развитие, совершенно свободные товарные отношения. Большего, конечно, требовать от Устрялова нельзя. Он так же, как и правые, совершенно неправильно понимает нэп, который в действительности включает в себя и регулирование хозяйства, и построение фундамента социалистической экономики и уничтожение классов, который рассчитан на уничтожение капитализма и на победу социализма. Нэп понимается ими как свобода хозяйственной инициативы, свобода частнохозяйственного развития, и все, что противоречит этому, является военным коммунизмом,—это уже не нэп, а отрицание, противоположность ему.

Так понимать нэп, это значит не понимать его, не понимать диалектики его развития. Если в нэпе не видеть его двойственной природы, то безусловно придешь к заключению, что все то новое, что мы имеем в смысле наступления социализма, в смысле увеличения второй стороны нэпа, все это—антинэп, все это выходит за рамки нэпа.

---

[47] *Устрялов*, На новом этапе, Харбин.

В этом отношении и т. Розенталь делает ошибку, когда он считает, что все то, что есть нового, уже не нэп, а выходит за рамки его. Все то, что есть нового—это вытекает из содержания нэпа, все то, что мы имеем сейчас нового—это происходит в рамках нэпа, вырастает из нэпа, все то, что мы осуществляем теперь в области социалистического строительства подготавливает снятие нэпа как особой политики и заключает диалектический цикл развития нэпа.

В самом деле, если мы сейчас представим себе, что и сплошная коллективизация, и усиленное строительство совхозов, и развитие социалистического продуктообмена—уже не нэп, что все это выключается из нэпа, все это противоположная нэпу другая политика, то это было бы некоторой теоретической основой тех «левых» перегибов, которые мы недавно имели на практике. Разве не в рамках нэпа, не в условиях нэпа мы должны проводить коллективизацию сельского хозяйства? Если все это проводить не на рельсах нэпа, то неизбежно закрытие нэповских моментов в хозяйственной политике, закрытие товарооборота, известной свободы обмена и усиление административного нажима. С другой стороны, я полагаю, что в этих «левых» перегибах есть некоторое практическое применение слишком большого увлечения только формой производства. Есть известное диалектическое соотношение между формой и содержанием. Форма развития производственных сил в наших условиях—социалистическая форма—обгоняет развитие содержания. Но если этот обгон идет так далеко вперед, что диалектическая связь с содержанием не сохраняется, то этим самым форма отрывается от содержания и обречена на гибель. Повидимому и эта неправильная трактовка диалектического соотношения между формой и содержанием сказалась в так называемых «левых» перегибах в практике коллективизации. В результате получилось искусственное административное насаждение колхозов в ряде районов, которые, не имея достаточной организационной подготовки, должны были распасться.

Учитывая все сказанное мною, я позволю себе сформулировать содержание нового этапа нэпа как последнего этапа его, как этапа, который является выражением наступательных моментов нэпа. (*Баевский*: «А раньше не было наступления»?). Было. Но сейчас исключительное наступление. До сих пор было наступление в области промышленности, товарооборота и даже и в области сельского хозяйства. Но это была вместе с тем подготовка к тому наступлению, которое мы имеем сейчас в области сельского хозяйства и которое есть не что иное, как перевод мелкого сельского производства в крупное социалистическое производство. (*Баевский*: «Так было наступление до этого периода или не было?») Я отвечаю еще раз: было. Я об этом говорил. А то наступление, которое мы сейчас имеем, конечно отличается от того наступления, которое мы имели до сих пор. Сейчас содержание наступления расширяется в области мелкого производства, ибо мы имеем переход от мелкого производства к социализму.

Я сформулирую содержание нового этапа нэпа следующим образом: Во-первых — новый этап является процессом последнего решительного боя за решение проблемы «кто-кого». До этого этапа проблема «кто-кого» решалась, но еще не решилась окончательно, как неправильно об этом говорил недавно т. Богушевский.

Во-вторых, новый этап является этапом глубокой, социалистической реконструкции сельского хозяйства, проходящей по линии сплошной коллективизации, следовательно, уничтожения мелкотоварной и натурально-патриар-

хальной форм производства, поскольку они охватываются сплошной коллективизацией, и одновременной ликвидации на базе сплошной коллективизации капиталистического сектора в сельском хозяйстве.

В-третьих—новый этап является процессом уничтожения противоречий между сельским хозяйством и промышленностью, а следовательно противоположности между городом и деревней. Сейчас этот процесс безусловно начался.

В-четвертых—новый этап является процессом обеспечения расширенного воспроизводства мелкому крестьянскому хозяйству по линии социалистического укрепления. Мелкое крестьянское хозяйство, как мелкое хозяйство, неспособно к расширенному воспроизводству. Новый этап обеспечивает этому хозяйству расширенное воспроизводство по линии социалистического укрупнения социалистической формы.

В-пятых—новый этап означает уничтожение классов, с одной стороны, по линии переделки мелких товаропроизводителей, с другой стороны—по линии ликвидации кулачества как класса.

В-шестых—новый этап является процессом превращения товарооборота нэповского, товарооборота с двойственным содержанием в социалистический продуктообмен между социалистическим городом и социалистической промышленностью и социалистическим сельским хозяйством, коллективизированной деревней.

В-седьмых—мы имеем процесс ликвидации стихийно-рыночных отношений в стране и большой охват всего народного хозяйства непосредственным прямым планированием.

Дальше, новый этап является процессом реорганизации всей системы хозяйствования и приспособления этой системы хозяйствования к системе социалистического хозяйствования. Вслед за этим, скорее параллельно этому, идут безусловно задачи ломки старых бытовых отношений, переделки природы социалистических строителей и т. д.

Вот то основное содержание нового этапа, которое, развиваясь, будет снимать нэп как особую политику, ибо осуществление уничтожения классов, перевод мелких хозяйств в крупное социалистическое производство снимает нэп как особую политику, и мы непосредственно вступаем в социалистическое хозяйство.

А. Романский. В чем заключается концепция т. Розенталя? Я думаю, что выступавший здесь т. Карпинский был прав, обвиняя т. Розенталя в схеме, представляющей собой такую последовательность: наступление, отступление, новое наступление. Правильная ли эта схема? Мне кажется, что эта схема неправильна. Почему? Я попытаюсь подойти к этому вопросу с точки зрения расширенного воспроизводства. Проблема расширенного воспроизводства является, мне кажется, или центральной или одной из центральных проблем, которые стоят перед социалистическим строительством.

Проблема расширенного воспроизводства, которая встала перед советской властью, представляет собой систему мер, не имеющих ничего общего с красногвардейской атакой на старый быт в смысле немедленной ломки отношений между мелкими товаропроизводителями. Что было? Был захват власти, была социализирована, по существу, национализирована, земля, были национализированы фабрики и заводы. Думать, что непосредственно после Октября мы имели какое-то бешеное наступление вперед, думать, что мы имели какую-то дальнейшую красногвардейскую атаку на старый экономический быт,—это, по-моему, неверно.

Военный коммунизм не был дальнейшим наступлением по сравнению с той политикой, которая была раньше. А к чему сводится схема т. Розенталя? Наступление, отступление и дальнейшее наступление. Я считаю, что никакого «бешеного наступления» после захвата власти, после захвата командных высот в 1917 году и в начале 1918 года не было.

Наступает гражданская война. Можно ли говорить, что во время гражданской войны мы сделали следующий прыжок вперед, что мы перешли вновь в дальнейшее наступление?

В момент военного коммунизма мы имели не наступление вперед, а качественное изменение экономической политики. Разве можно говорить о том, что в эпоху гражданской войны, в эпоху военного коммунизма мы строили социализм, что мы шли дальше того, что было накануне политики военного коммунизма в стране? Разве это утверждение верно? Это совершенно неверно. В обстановке военного коммунизма расширенное воспроизводство было снято с порядка дня. Поставленная в порядок дня после Октябрьской революции, эта проблема в обстановке гражданской войны и военного коммунизма была снята. Мы не только не имели расширенного воспроизводства, но даже простого воспроизводства. Мы имели систему потребительскую, это была экономика осажденной крепости. Достаточно вспомнить призывы Ленина к крестьянству дать рабочему классу «в долг», «в ссуду» хлеб, нужный для военной защиты диктатуры пролетариата. Мы имели военный союз рабочего класса с середняком. Что отсюда следует? Что нельзя говорить о том, что нэп является отступлением. Спрашивается, отступлением от чего? Какое отступление? Куда мы шли в обстановке военного коммунизма? К строительству социализма?—Нет, на очереди была другая задача—военная защита пролетарской диктатуры.

Могут сказать, что об отступлении говорил сам Ленин. Но о каком отступлении? Нужно вспомнить, в какой обстановке совершался переход к нэпу. Вся ли партийная масса быстро осознала тогда огромную историческую роль нэпа как этапа в истории развития пролетарской революции в России? Нет, это было не так. На деле многие товарищи восприняли нэп как сдачу октябрьских позиций, как начало капитуляции. Почему? Потому, что экономика уравненного потребления эпохи гражданской войны явилась для них формой социалистического производства, методом социалистического расширенного воспроизводства. Таким образом, в момент введения нэпа мы имели ликвидацию военно-потребительской экономической политики и военно-потребительской психологии в связи с новым наступлением на капитализм путем организации расширенного воспроизводства.

Установка т. Розенталя политически совершенно неверна. Эта неверная теоретическая установка влечет за собой ряд существенных практически-политических выводов.

Чего стоит следующее утверждение Розенталя: «Мы вправе утверждать, что когда будут созданы условия и предпосылки для того, чтобы перейти к решению задачи непосредственного социалистического строительства во всем народном хозяйстве, когда минует необходимость переходных и посредствующих звеньев, эта экономическая политика будет ненужной, и мы должны будем перейти к иной политике, политике непосредственного социалистического строительства». Развивая свою мысль, т. Розенталь продолжает, выбросив с похвальной проницательностью этот абзац из стенограммы: «От ряда долгих, постепенных, осторожных, реформистских (?) действий мы должны будем (?)

перейти к новым штурмам, но в иных условиях, в иной обстановке, в иной организованности и с иным взаимоотношением сил борющихся классов»[48].

Тут, что ни фраза, то—ошибка.

В самом деле. Что значит *будущее* время в фразе: «Когда будут созданы условия и предпосылки для того, чтобы перейти к решению непосредственного социалистического строительства во всем народном хозяйстве?». Что же, сейчас, в условиях социалистической реконструкции промышленности и коллективизации сельского хозяйства, мы не имеем «непосредственного социалистического строительства во всем народном хозяйстве»? С этой установкой логически увязывается опущенный т. Розенталем при правке своей стенограммы тезис о «реформистских действиях» в настоящем и «новых штурмах» в будущем—«в иных условиях, в иной обстановке, в иной организованности и с иным взаимоотношением сил борющихся классов». Вот уже повстине редкое сочетание «загибов». Сейчас—«долгие, постепенные, осторожные, реформистские действия». Робким зигзагом, медленным шагом—так, что ли? Зато, «потом»—«новые штурмы». Какие?—Не те ли, о которых писал т. Сталин в статье «Головокружение от успехов» С детской прозрачностью видно здесь как *правая* установка ведет к *левым загибам*. Политический импрессионизм мешает т. Розенталю охватить правильную перспективу развития социалистической революции в СССР,—социалистической революции, заключающейся в ломке старых, защите и строительстве новых отношений.

Это не случайно у т. Розенталя. Передо мной лежит стенограмма доклада т. Розенталя с очерченными местами. Я мог бы показать, как т. Розенталь в своем докладе определял нэп—то в виде стратегического маневра, то в виде отступления. Я утверждаю, что нэп—по существу—не был ни стратегическим маневром, ни отступлением. Достаточно сказать, что ленинский кооперативный план, являющийся органической составной частью нэпа, датируется 1918 годом. Уже в то время Ленин писал: «Кооператив, если он охватывает все общество, в котором социализирована земля и национализированы все фабрики и заводы, есть социализм»[49]. О чем это говорит?—О том, что нэп был политической линией. Разве можно сказать в отношении нэпа, который оформился в 1921 году и который продолжается сейчас, что мы продолжаем какое-то обходное движение, что мы маневрируем, что мы от чего-то отступаем. По-моему, политически это неверно.

Тов. Розенталь, квалифицируя нэп как отступление, говорил в своем докладе о том, что мы допустили оживление капитализма, «допустили» кулака и т. д.

Но, товарищи, ведь невольно напрашивается вопрос: что же за все время существования нэпа, с первого дня до сегодняшнего дня, «допуская» кулака, разве партия не вела борьбы с кулаком? Можно ли говорить о допущении кулака, о допущении капитализма, характеризуя этими моментами нэп, не говоря о борьбе с кулаком? По-моему нельзя. И вот то, что Розенталь считал необходимым сказать о допущении кулака, об оживлении капитализма, о допущении капитализма и т. д., мне кажется, вытекает из его общей установки, что мы нэп начали, отступая откуда-то, что сначала было отступление, потом наступление. Я думаю, т. Бутаев, прав в том отношении, что нэп был от начала до конца наступлением. Изменяются только этапы наступления.

---

[48] Восклицательные и вопросительные знаки мои—*А. Р.*

[49] *Ленин*, Соч., Нов. изд., т. XXII, с. 413.

Этап, который мы сейчас переживаем, характеризуется тем, что наступление, которое первоначально мы вели в сфере товарообмена, которое вели затем в сфере промышленности, ставя в порядок расширенное воспроизводство в городе, расширенное воспроизводство в индустрии, сейчас это наступление мы переносим в сельское хозяйство. На очередь ставится вопрос о расширенном воспроизводстве в сельском хозяйстве. В чем заключается расширенное воспроизводство в сельском хозяйстве? В том, что до сих пор мы имели разрыв между расширенным воспроизводством в промышленности и сельском хозяйстве. Это расширенное воспроизводство в промышленности находилось в противоречии с замедленным темпом, не деградацией, а замедленным темпом, в сельском хозяйстве. Сейчас мы переносим расширенное воспроизводство в сельское хозяйство. Таким образом, с точки зрения правильной политической перспективы, мы наблюдаем непрерывную цепь наступлений, а не отступлений. Тут постепенное, упорное, систематическое строительство социализма—без рывков, без отскакиваний и колебаний.

Доклад т. Розенталя, ориентировав дискуссию в сторону оценки нэпа, ничего не сказал об отличительных чертах нового современного периода нэпа. В чем существо нового периода нэпа?—Я думаю—в гигантских, все возрастающих темпах социалистического строительства, выдвигающих проблему пропорциональности отдельных частей народного хозяйства, ставя на очередь социалистическую переделку быта.

М. Рыльский.—Хотя трактовка нэпа как отступления была в значительной мере разоблачена на XIV партсъезде, тем не менее, поскольку в данный момент имеются попытки возрождения этой теории под новым соусом, следует вскрыть исходные методологические позиции подобной теории и те политические выводы, какие из нее вытекают.

На XIV партсъезде Зиновьев ставил вопрос о том, что нэп является только отступлением и, исходя из этого положения, делал следующий вывод: поскольку нэп есть только отступление, а притти к социализму исключительно этим путем нельзя, то, очевидно, что между нэпом и социализмом должен быть еще какой-то новый, переходный этап. Этот тезис Зиновьева вытекает из следующего его положения. Он так ставит вопрос: «Союз рабочего класса с крестьянством—это всерьез, надолго и навсегда, вплоть до уничтожения классов вообще (т. е. вплоть до социализма—*М. Р.*). Нэп—это всерьез и надолго, но не навсегда, (т. е. нэп не до социализма—*М. Р.*), отсюда еще какой-то новый переходный этап между нэпом и социализмом».

Методологические корни подобной неверной концепции заключаются в следующем: во-первых, в том, что здесь мы имеем рассмотрение нэпа *в статике, а не в динамике.* Действительно, если рассматривать нэп в статике, то это значит, что берется первый этап нэпа 1921—22 г., когда действительно имело место отступление, и то, что характеризует первый этап нэпа, исходя из этой статической установки, переносится механически на весь нэп (последующие годы).

Исходя из такой установки, уже нельзя отличить различных этапов нэпа, нельзя понять те этапы нэпа, где мы уже имеем наступление. Все окрашивается в черный цвет отступления, а там, где наступление, там уже не нэп.

Другой корень этой установки заключается в игнорировании двойственной природы нэпа. Известно, что нэп, с одной стороны, является допущением в известных пределах рыночных отношений и капиталистических отно-

шений, с другой стороны—он является преодолением капитализма, укреплением командных высот, социалистическим наступлением, преодолением классов и т. д.

В установке Зиновьева нет двойственной природы нэпа, а лишь одна сторона нэпа, — допущения рыночных отношений, допущения капиталистических элементов и т. д. Зиновьев не видит второй стороны нэпа, которая характеризует собою социалистическое наступление. *Если свести двойственную природу нэпа к одной стороне*, к стороне, характеризующей допущение рыночных и капиталистических отношений и только, то отсюда, действительно, получается, что нэп—это есть сплошное отступление.

Какие отсюда вытекают политические выводы? Во-первых, отсюда вытекает троцкистская теория о невозможности построения социализма в одной стране. Ибо если нэп есть отступление, то, естественно, что на рельсах нэпа и в союзе со середняком построить социализм невозможно. Отсюда вытекает антисередняцкий уклон, отсюда вытекает теоретическое обоснование левых загибов. Вот почему я считаю, что когда в данных конкретных условиях, когда практика левых загибов и антисередняцкий уклон имеют довольно сильное распространение, в нашей дискуссии вместо разработки новых положений вытаскиваются эти старые теории, которые уже побиты жизнью и отвергнуты партией, и преподносятся нам под несколько новой приправой, то с этими опасными поползновениями необходимо бороться, их необходимо разоблачить до конца.

Если мы возьмем статью Розенталя, то мы увидим, что в этой статье как раз именно эти старые, побитые жизнью теории преподносятся под несколько новой приправой. Из той его установки, что современный этап есть уже этап не нэпа [50] вытекает трактовка нэпа, как отступления.

Высказывания Ленина не оставляют никаких сомнений в том, что нэп покрывает собой переходный период к социализму: «Россия нэповская станет Россией социалистической»; и далее: «Итог: вполне достаточно у нас средств для победы в нэпе: и политически и экономически. Вопрос «только» в культурности» (XIII Ленинск. сборник). Из классического определения нэпа, данного Сталиным, вытекает, что на базе нэпа происходит уничтожение классов и построение фундамента социалистической экономики. А по Розенталю, происходящие сейчас процессы сплошной коллективизации и т. д., ведущие к построению фундамента социализма и к уничтожению классов, выходят уже за рамки нэпа. Это и есть трактовка нэпа, как отступления, игнорирование второй стороны нэпа, означающей преодоление капитализма.

Проводимое им противопоставление непосредственного социалистического строительства посредственному кроме путаницы и неправильностей ничего дать не может.

Нилен:—А что говорил Ленин?

Ленин никогда не воздвигал китайской стены между непосредственным социалистическим строительством и опосредствованным. Из такой механистической установки, в которой трактуется, что у нас в промышленности, в отличие от остальных отраслей хозяйства, было непосредственное социалистическое строительство, остается непонятным, какие же следы до последнего этапа социали-

---

[50] Можно-ли сказать, что т о н о в о е в экономической политике, которое у нас имеется, укладывается в рамки нэпа. Конечно, нет. Это разная политика". („Большевик", № 5, с. 84).

стическая промышленность оставила в сельском хозяйстве и куда девался кооперативный план Ленина, который мы проводили не с прошлого года, а на протяжении ряда лет.

Правда, здесь в своем докладе т. Розенталь заявил, что неправильна установка рассматривать нэп только как отступление, но, к сожалению, эта правильная мысль находится в резком противоречии со всей его схемой, со всем его построением. Если принять этот правильный вывод, надо отказаться от неправильной схемы, из которой вытекают неправильные и политические вредные выводы.

В понимании сущности нэпа, мы имеем смыкание правых и «левых» установок. Правые (Бухарин и др.) сводят нэп только к рыночным отношениям. У них «выпадает» капитализм, но зато «выпадает» и та сторона нэпа, которая означает преодоление капитализма. Отсюда нэп у них также является отступлением, а мероприятия, вытекающие из этой стороны нэпа (государственное регулирование рынка, контрактация, ликвидация кулачества как класса и т. д.) они рассматривают как отмену нэпа. Различие между правыми и «левыми» лишь в том, что последние рассматривают отмену нэпа, как положительное явление, тогда как первые видят в этой мнимой ликвидадации нэпа угрозу разрыва союза пролетариата с середняком и источник всяких хозяйственных потрясений.

Теперь я хотел бы перейти уже непосредственно к характеристике современного этапа нэпа. Прежде всего нужно заметить, что этот этап и лозунги этого этапа, в частности, лозунг ликвидации кулачества как класса, не являются какой-то взорвавшейся бомбой, неожиданно появившейся у нас; что основные характерные черты нового этапа нэпа были теоретически предвидены Лениным. Достаточно сослаться на известную всем цитату о том, что когда мы сомкнемся с крестьянской массой, мы получим такое ускорение движения, о котором мы и не мечтали. Несомненно, что сейчас мы имеем такой момент, когда колоссальное быстрое ускорение движения наступило. Я хотел бы привести еще одну цитату из Ленина: «Если ты сможешь дать государству машины, этим ты подымешь его, когда ты дашь машины и электрификацию, тогда десятки и сотни тысяч мелких кулаков будут убиты». Ясно, что когда речь идет о десятках и сотнях тысяч кулаков, то речь идет не о политике ограничения, которая может приводить к вытеснению отдельных кулаков, а здесь идет речь о ликвидации кулачества как класса, т. е. мы видим у Ленина уже задолго до современного этапа теоретическое предвидение основных моментов этого нового этапа.

Каковы эти основные моменты данного этапа? Во-первых, мы должны отметить, что сейчас происходит чрезвычайно бурное развитие производительных сил, причем новое в этих производительных силах заключается в том, что мы сейчас уже начали довольно ощутительно создавать материальную базу для сельского хозяйства. Можно сказать, что чем дальше мы уходим от линии капиталистического развития хозяйства, тем более бурно сказывается влияние наших производственных отношений на производительные силы. Наши производственные отношения являются не только толкачами производительных сил, но они являются своего рода дополнительным материальным фактором. Если мы имеем сейчас например 70 тысяч тракторов на селе, то часть этих тракторов — собственного производства, но подавляющее большинство тракторов мы получаем в силу известного планирования нашего хозяйства, в силу того, что мы умеем урезывать те потребности, которые не

имеют отношения к производственной базе и, наоборот, расширяем получение средств производства для деревни и т. д. Таким образом здесь планирование в конце концов превращается в определенное количество дополнительных тракторов, и производственные отношения выступают как дополнительный материальный фактор.

Если мы возьмем такой момент, как национализация земли, мы увидим, что лишь на данном этапе в полной степени сказалась вся сила производственных отношений, которые концентрируются в факторе национализации земли. Это сказалось в том, что если мы сейчас имеем широкую волну создания колхозов, если крестьянин так относительно быстро, свободно и легко соглашается итти в колхоз, то здесь несомненно громадную роль сыграл тот тип производственных отношений, который у нас создала национализация земли, отучившая крестьянина цепляться за «собственный» клочок земли.

Второй момент, который нужно отметить, заключается в том, что если у нас длительный период было сосуществование, с одной стороны, обобществленного хозяйства в городе, с другой стороны—распыленного хозяйства на селе, то такое сосуществование не могло все время продолжаться. Возьмем условия капиталистические, там процесс расширенного воспроизводства крестьянского хозяйства происходит таким образом, что фактически мы там имеем расширенное воспроизводство только кулацкого хозяйства. Если взять середняцкое хозяйство, то процесс разорения середняка в любой буржуазной стране показывает, что в громадной массе середняцких хозяйств процесс расширенного воспроизводства не имеет места совсем, и это несмотря на то, что уровень потребления середняцких масс везде стоит чрезвычайно низко. В условиях же диктатуры пролетариата, когда пути развития производительных сил на базе мелкого хозяйства тем более ограничены,—единственный выход для расширенного воспроизводства заключается в том, что *это расширенное воспроизводство может происходить на базе не единоличных хозяйств, а лишь на базе социалистической реконструкции сельского хозяйства.*

Несомненно, этот момент, т. е. стремление осуществить расширенное воспроизводство является сильным толкачом для вступления крестьянства в колхозы. Тут несомненно решающую роль сыграла материальная база в деле перехода на сплошную коллективизацию. Если необязательно иметь для каждого колхоза трактор, то для того, чтобы провести сплошную коллективизацию сельского хозяйства, все-таки необходимо иметь *известный минимум материальной базы* в виде тракторных колон, в виде всякого рода мероприятий, связанных со средствами производства. Этот минимум мы в состоянии сельскому хозяйству теперь дать.

Следует отметить, что современный этап характеризуется некоторыми видоизменениями характера диспропорции в нашей стране. Мы имели двустороннюю диспропорцию. С одной стороны, наша промышленность отставала от потребностей сельского хозяйства, с другой стороны, сельское хозяйство сильно отстало от потребностей промышленности. Современный этап характеризуется тем, что мы теперь уже имеем известное начало (и довольно солидное начало) *изживания диспропорции* между промышленностью и сельским хозяйством. Сейчас уже промышленность начинает давать сельскому хозяйству ту материальную базу, которая необходима для сплошной коллективизации. И ясно, что этот момент производит и обратное действие в том смысле, что отставание сельского хозяйства от промышленности таким образом тоже должно смягчиться. Особенность нынешнего состояния производительных сил заклю-

чается в том, что на данном этапе мы можем вместо производительных сил кулачества, которыми последние использовывались для подрыва пролетарской диктатуры, поставить производительные силы колхозов и совхозов. И несомненно, что это обстоятельство также способствует разрешению зерновой проблемы и ослаблению диспропорции между сельским хозяйством и промышленностью.

Следующая характерная особенность нынешней фазы современного нэпа такова. Мы приступили к ликвидации кулачества как класса, с другой стороны мы имеем еще сохранение рыночных отношений. Однако эти рыночные отношения резко отличаются от тех рыночных отношений, которые мы имели до данного этапа. Это уже такие рыночные отношения, которые характеризуются большим развитием организованного обмена города и деревни на базе (контрактации и т. п.). Чем отличаются рыночные отношения данного момента? Их характерная особенность заключается в том, что на данной стадии мы начинаем (проводя сплошную коллективизацию, ликвидацию кулачества как класса, развивая контрактацию и т. д.) решительно суживать сферу зарождения капитализма. Отсюда вовсе не вытекает, что проблема «кто—кого» снимается на данном периоде. Наоборот. Гибнущий класс—кулачество будет отчаянно отстаивать свое существование. И совершенно ясно, что по мере того как будет осуществляться сплошная коллективизация, по мере того как наши колхозы будут превращаться в предприятия последовательно социалистического типа, встанет вопрос о переходе уже этих трансформированных рыночных отношений в отношения нерыночные, которые характеризуют собой начальную стадию социализма.

Б. Баевский. Спор у нас идет вокруг того, является ли этот новый этап новым этапом в рамках нэпа или этот новый этап выходит за пределы нэпа. И в связи с этим мы возвращаемся вновь и вновь к вопросам определения содержания нэпа, к определению основ нэпа. Тов. Бутаев в своем выступлении заявил, что нэп это отступление, подготовка к наступлению и само наступление. Такого рода определение нэпа ровным счетом ничего не дает и является абсолютно бессодержательным постольку, поскольку оно дает оценку новой экономической политики лишь под известным углом врения, а не оценку содержания новой экономической политики в целом. Ведь говорить о том, что нэп есть отступление, подготовка к наступлению и само наступление и только, это вначит рассматривать нэп однобоко, только под углом врения вопроса о том, имелись ли в нэпе наступление или нэп был только отступлением. Между тем, вдесь идет речь об определении содержания и основ нэпа в целом. Такой подход к определению нэпа напоминает нам слова Ленина по поводу недиалектичности Бухарина в дискуссии о профсоюзах. О такого рода подходе, о такой однобокости Ленин говорил, что это есть спор о стакане в такой плоскости—что это, сосуд для питья, или предмет для размозжения головы кому-нибудь или что-нибудь другое (*С места*: «А нэп какой сосуд?»), Я сейчас перейду к тому, каким сосудом является нэп. Во всяком случае, если давать определение нэпа в таком разреве, что нэп есть отступление, подготовка к наступлению и само наступление, то отсюда никакой градации, никакого критерия для определения и характеристики нового этапа мы не будем иметь. Тов. Бутаев начал с того, что у нас до сих пор, до последнего времени была подготовка к наступлению. К концу он поправился и заявил в ответ на брошенную мною реплику, что у нас была и подготовка к наступлению и само наступление до настоящего нового этапа социалистического

строительства, а сейчас—наступление, но другое наступление. Это верно, но однако это недостаточно. Если мы будем здесь подходить только с этой точки зрения и только так ставить вопрос, то какой же критерий мы будем иметь для нового этапа?—При такой постановке вопроса мы никакого критерия для нового этапа иметь не будем.

Если перейти с этой точки зрения к тому анализу нэпа, который мы имеем в докладе т. Розенталя, то в нем нет отрицания наступления, поскольку во всей его концепции нет отрицания имеющихся в нэпе элементов социализма и социалистического строительства. Содержание нэпа как политики пролетариата сводится к такой системе мероприятий, которые рассчитаны на вовлечение основной массы крестьянства в социалистическое строительство и на победу социалистических элементов над капиталистическими. Значит ли это, если нэп рассчитан на вовлечение крестьянства в социалистическое строительство и рассчитан на построение фундамента социализма, что при нэпе мы полностью будем иметь вовлечение в социалистическое строительство основной массы крестьянских хозяйств, т. е. будем иметь перестройку мелкотоварного крестьянского производства в коллективное обобществленное хозяйство, включение крестьянских хозяйств в социалистическую систему хозяйства? Нэп хотя и обеспечивает построение фундамента социализма, однако это еще не значит, что вплоть до самого построения фундамента мы будем иметь нэп во всем его объеме, в полном смысле этого понятия, и что политику, которую мы сейчас начали вести, можно квалифицировать как нэп. Когда Ленин говорил о главной, решающей основе нэпа, он выражал это в следующих словах: Мы «должны дать такие формы отношений между рабочим классом и крестьянством, между этими двумя единственными классами, на основе которых мы должны строить нашу экономику, должны между этими классами создать такой союз, который бы удовлетворял обе стороны хозяйственно, такой союз, который бы считался с мелким крестьянином как с мелким крестьянином, поскольку мы не можем ему дать все продукты крупной промышленности». *«Это основа всей новой экономической политики»* [51].

Значит, основа всей новой экономической политики—это мелкий крестьянин, которого мы рядом переходных мер при помощи сохранения и развития в руках пролетарского государства командных высот должны включить в систему социалистического строительства, должны подготовить к участию в непосредственном социалистическом строительстве.

Что значит рассматривать нэп только как отступление? Это означает отрицание наличия социалистического строительства в рамках нэпа. Это значит, (если вспомнить позицию Зиновьева и других, стоявших на троцкистской точке зрения), что наша промышленность не имеет последовательно-социалистического характера, — это значит трактовать фактически невозможность социалистического строительства в нашей стране, это значит ставить вопрос в такую плоскость, что победа возможна лишь тогда, когда нам окажет помощь международный пролетариат. Вот что значит концепция, трактующая нэп, как отступление.

Отсюда вытекает, что нэп имеет преобладающим содержанием не непосредственное социалистическое строительство, а ряд переходных мероприятий, позволяющих и патриархальное крестьянское хозяйство и мелких товаропроизводителей путем ряда посредствующих звеньев привести к социализму. В нэпе

---

[51] *Ленин*, Соч., т. XVIII, ч. 1, с. 291.

мы идем к социализму не прямыми, не непосредственными, а обходными путями,—это понимание нэпа нельзя относить к трактовке нэпа как отступления. И напрасно т. Рыльский распространялся здесь на тему о том, что бессодержательным является понятие непосредственного и опосредствованного движения к социализму. Это, по меньшей мере, бездоказательное утверждение. Тов. Рыльскому надо было внимательно почитать Ленина, которого он цитировал сегодня, и он увидел бы относительно непосредственного перехода и опосредствованных путей, обходных путей движения к социализму, что Ленин неоднократно упоминает в своих статьях и речах и дает совершенно конкретное содержание этим обходным путям. Это конкретное содержание заключается в том, что путем строительства крупной социалистической промышленности, путем регулирования товарооборота, путем раввития кооперации и т. д. мы смыкаем крестьянскую экономику с экономикой крупного социалистического производства, этим обеспечиваем непосредственный переход к социалистическому строительству в объеме всего народного хозяйства. (*С места*: «Непосредственный переход, а не непосредственное строительство»). Что вы хотите этим сказать? (*С места*: «Не надо смешивать переход к социализму и непосредственное строительство»). Непосредственное строительство к социаливму и есть переход. Ленин, говоря о непосредственном переходе, и имел в виду непосредственное социалистическое строительство. (*С места*: «Где?»). Я сейчас не имею при себе цитат Ленина (*Смех*). (*С места*: «Вы путаете два понятия»). Я нисколько не путаю. Когда речь идет о переходе к непосредственному строительству социаливма, то это вначит непосредственное строительство социализма. Ленин в этом смысле разбирал например ошибки в эпоху военного коммунивма, когда он указывал на то, что мы здесь вашли слишком далеко в смысле непосредственного перехода к социализму. Что вы понимаете под переходом? Вы думаете, что понятие перехода не включается в понятие строительства? Я лично думаю, что понятие перехода включается в понятие социалистического строительства и если говорят, что возможен прямой переход к социалистическому строительству,—это значит непосредственное социалистическое строительство, а когда невозможен прямой переход к социалистическому строительству, то это вначит, что тут налицо ряд переходных мероприятий.

Когда главным было регулирование товарооборота и невовможен был непосредственный переход к социалистическому продуктообмену, мы принуждены были в начале нэпа раввывывать рыночные отношения, потом в рамках раввывывания рыночных отношений начать наступление в смысле постепенного подчинения их регулирующему государственному вовдействию.

Главное отличие между тем этапом, который мы сейчас переживаем, и тем, что мы имели в нэпе, по-моему, ваключается в том, что правильно сформулировано тов. Розенталем как главная вадача, главная характерная черта содержания нового этапа, а именно непосредственное социалистическое строительство. Это не вначит, что уже тем самым отпадают и известные переходные мероприятия (в том числе существование товарооборота и его регулирование), не имеющие характера непосредственного социалистического строительства. Иными словами, это не вначит, что нэп уже целиком преодолен, что нэп уже целиком перерос в новый этап социалистического строительства. И вот тут ставят вопрос такого порядка: что же у вас получается—одна или две политики—новая экономическая политика или же новый этап социалистического строительства, уже выходящий из рамок нэпа?

Когда речь идет об определении нового этапа, как нового этапа социалистического строительства, то спор здесь идет не о статике, как здесь правильно говорил, кажется, т. Рыльский, а о динамике, т. е. о процессе перерастания одного в другое. Это значит, что мы имеем сейчас сочетание и старого и нового, сочетание остатков, элементов новой экономической политики и элементов новой политики—политики непосредственного социалистического строительства. Мы имеем на данном этапе сочетание и того и другого, причем в этом сочетании лишь начинают преобладать элементы уже непосредственного социалистического строительства. Вот почему можно говорить о настоящем этапе как о начале непосредственного социалистического строительства в отличие от новой экономической политики в целом. (*С места.* «Сельскохозяйственная артель—это опосредствующая политика или не опосредствующая?»). Так вот дальше насчет двух политик. Я т. Лейбмана спросил бы: когда вы ставите вопрос о двух политиках, скажите пожалуйста, ликвидация кулачества как класса и ограничение кулацких тенденций—это одно и то же или не одно и то же? Нет, не одно и то же. Несомненно правильно говорил т. Сталин, что мы имеем сейчас *главным решающим* лозунгом ликвидацию кулачества как класса и в качестве вспомогательного лозунга—ограничение эксплоататорских тенденций кулачества.

Тут и элементы новой экономической политики и вместе с тем элементы новой политики. Элементы новой экономической политики (являющейся уже старой) действуют наряду с новой, старый лозунг ограничения кулачества действует наряду с новым—ликвидацией кулачества как класса на основе сплошной коллективизации. Последний лозунг становится главным лозунгом и является элементом новой политики, характеризующей новый этап. При этом прежний лозунг ограничения и вытеснения кулачества является вспомогательным в отношении последнего. Я считаю, что мы имеем одну политику, что у нас еще сохраняется и политика подъема мелких крестьянских хозяйств и началась политика массовой коллективизации крестьянских хозяйств, массовой перестройки в социалистические формы мелкого товарного производства. Но главной задачей сейчас является уже не подъем мелких крестьянских хозяйств, как таковых, а подъем крестьянского хозяйства на базе крупного коллективного хозяйства, на базе все более и более обобществленного сельского хозяйства.

И вот, когда ставят вопрос о двух политиках, как раз не понимают процесса перерастания, не понимают того, что всегда, как правило, в новом есть элементы старого. Это и есть диалектика. Где вы видели чистый капитализм? Мы все очень хорошо знаем, что в капитализме были элементы феодализма. Если мы поставим по аналогии с этим вопрос о новом этапе, то и здесь, в начале нового этапа социалистического строительства, мы имеем еще в значительной мере элементы новой экономической политики. Но чем дальше, тем больше элементы новой экономической политики будут преодолеваться, перерастать в политику непосредственного социалистического строительства. И вот тут следует отметить характерный момент, показывающий, что в частности т. Лейбман не имеет критерия для того, чтобы определить различие этапов в нашем социалистическом строительстве. Я имею в виду поставленный им вопрос о том—чем же в таком случае, если мы сейчас вступили в этап непосредственного социалистического строительства, чем же тогда будет отличаться политика в рамках уже построенного социализма от политики в том этапе непосредственного социалистического строительства, который

мы сейчас переживаем. Так он поставил свой вопрос. С таким же правом можно было т. Лейбману поставить следующий вопрос: если вы считаете критерием для различных этапов развития нашей революции, развития нашего социалистического строительства, социалистическое строительство как таковое, тогда скажите, где у вас начинается социализм. Право же, если стать на эту точку зрения и брать в качестве критерия социалистическое строительство, то тогда вы никакой периодизации, никаких этапов социалистического строительства не сумеете установить. Ибо т. Лейбман вынужден будет констатировать, что мы вообще на протяжении всей революции имеем социалистическое строительство,—что будет правильно, но тем не менее это не даст никакой возможности сколько-нибудь разграничить один этап социалистического строительства от другого.

И дальше, если считать, как т. Лейбман и др. товарищи, что нэп является политикой на весь переходный период, вплоть до социализма, тогда возникает следующий вопрос. У нас сейчас известные элементы нэпа отмирают, отживают, преодолеваются. Так вот, допустим, что мы уже прожили пяток или десяток лет, осталась какая-то тысячная доля движения на путях к социализму. И вот на следующий день, когда эта тысячная доля, очевидно, так решается дело т. Лейбманом, исчезнет, то он проснется и скажет: а, кажись, я проспал окончание нэпа. Только так можно понимать точку зрения этих товарищей. Когда нет понимания *процесса перерастания* одной политики в другую, когда нет понимания того, что при определении того этапа, который мы сейчас переживаем как нового этапа непосредственного социалистического строительства, речь здесь идет не о том, что *упраздняется* новая экономическая политика и вовсе не о том, что под нэпом понимается такое отступление. Речь идет о том, что новая экономическая политика, разумеется, означала не только отступление, но и наступление, которое включало в себя и ограничение кулачества, и подчинение товарооборота регулирующему воздействию государства, и рост социалистической промышленности и т. д., и что это наступление, которое мы начали вскоре же после произведенного отступления и перегруппировки сил, сменилось другим наступлением, имеющим другой характер, наступлением, основное содержание которого заключается в том, что *мы приступаем к непосредственному социалистическому строительству во всем народном хозяйстве*, поскольку в это социалистическое строительство наряду с промышленностью, транспортом включается и одна из основных частей нашего народного хозяйства—сельское хозяйство, один из двух основных классов нашей страны—бедняцкое и середняцкое крестьянство, т. е. основная масса крестьянства. Вот это нужно иметь в виду. И вот этот переход из новой экономической политики в политику непосредственного социалистического строительства означает лишь известное постепенное преодоление элементов новой экономической политики, постепенное преодоление двойственной природы нэпа, а тем самым и нэпа, при нарастании элементов непосредственного социалистического строительства. Это начало нового этапа, где политика непосредственного социалистического строительства становится главной, все себе подчиняющей, означает в своем развитии, что элементы непосредственного социалистического строительства получают все более и более преобладающее значение и наконец займут главенствующее преобладающее значение, и тем самым окончательно будет возведен фундамент социалистического общества.

Р. Вайсберг. Я не собираюсь ответить на все поставленные здесь вопросы. В моем выступлении я затрону только некоторые из них. Скоро минет десятилетие нэпа, и я думаю, что мы должны говорить об этом пройденном пути не только на основании специально подобранных отдельных цитат, но и на основании того огромного политического и экономического опыта, который за этот период накопила партия. В докладе мы имеем общую «лапидарную» постановку вопроса—какой путь мы прошли: отступление или наступление? Если так поставить вопрос, то мне кажется, что тут двух мнений быть не может. Мы прошли огромную полосу великого наступления. То, что мы прошли до сих пор, не оставляет никаких сомнений на этот счет. Но одновременно начинают вводить диалектические «поправки».

В каком смысле можно говорить об отступлении? Мне кажется, что в первую очередь здесь нужно отметить первую полосу нэпа, когда, как говорил и Ленин, и вся партия, мы отступили от тех позиций, которые мы заняли во время военного коммунизма. Определяет ли это отступление весь дальнейший период? Я думаю, что здесь надо говорить только о кратковременном историческом отрезке, который характеризует собой отступление от определенных позиций, какие мы вынуждены были занять в период военного коммунизма. Стоит ли на этот счет приводить цитаты? Я думаю, что они достаточно запечатлелись в памяти у каждого из присутствующих здесь товарищей.

Дальше. У нас первый же этап нэпа уже диалектически включает в себя некоторые моменты подготовки наступления, и затем начинается развертывание самого наступления с различной силой, с различной степенью успеха на отдельных этапах, что зависит от ряда чрезвычайно сложных объективных условий. Можно ли сказать, что в дальнейшем у нас было только сплошное наступление? Конечно у нас и в дальнейшем были отдельные маневры, у нас были периоды тех или иных временных уступок, например вопрос о введении аренды, наемного труда в деревне, вопрос о повышении хлебных цен в 1928 году. Не все у нас идет гладко. Но даже эти отдельные маневры, эти отдельные виды отступлений шли на общем фоне большого наступления. Мне думается, что это нужно было в основном твердо запомнить,—что в целом, несмотря на отдельные зигзаги и несмотря на первый этап отступления от тех высот, которые мы заняли во время военного коммунизма, все-таки весь пройденный этап представляет собой этап наступления.

Что представляет собой наш капитализм, с которым нам приходится вести борьбу все время в различных формах? Я думаю, что здесь надо все-таки подчеркнуть, что и тогда, когда мы давали наибольшие возможности для развития капитализма, тогда, когда мы особенно решительно отступали после военного коммунизма и когда мы на определенных этапах нэпа развязывали силы капитализма, все-таки мы никогда не доходили до восстановления капитализма в той форме и в тех масштабах, в каких он был до войны и в каких он имеется в Западной Европе. Возьмем хотя бы один пример. Финансовый капитал у нас не был восстановлен ни на одном этапе, и это одно из наших величайших преимуществ. Нам удалось вести свою политику так, что классовому врагу мы не дали восстановиться вполне развернуто и не давали ему таких позиций, с которых он мог бы по *всему* фронту атаковать нас. Это конечно ни в коей степени не умаляет значения необходимости борьбы с капитализмом на всех этапах нэпа, но в этом все-таки отличие того капитализма, который мы имеем за весь пройденный этап, от того, что мы имели до войны, и от того, что имеется в капиталистических странах.

Мне кажется, это тоже нужно учесть. Непонимание того, что мы имеем дело с процессами нэпа, которые еще не закончились, непонимание тоге, что мы должны обращать внимание в первую очередь на те процессы, которые происходят в области производства, опять-таки наиболее ярко выступает у т. Богушевского. Раньше, чем я перейду к положительным формулировкам, разрешите мне сказать еще несколько слов относительно тех формулировок, которые дает по этому вопросу т. Богушевский.

Я не буду говорить о его понимании проблемы «кто—кого», об этом достаточно много раз писалось и говорилось, я не буду говорить о противоположной его крайности, о его паникерстве по поводу «оперативной паузы». Я хочу остановиться только на одном моменте, который, мне кажется, является ошибкой, особенно распространенной и поэтому заслуживающей исключительного внимания. Сколько мы ни говорим на словах о примате производства над всем остальным, все-таки применение этого положения к конкретным условиям нашей действительности часто дает осечку. Это особенно ярко выступает у т. Богушевского. Он дает буквально следующую формулировку: «Переделывается,—говорит он,—вся надстройка. Никогда еще так интенсивно не происходила переделка надстройки, как именно сейчас. Это конечно внамение времени». И дальше т. Богушевский подчеркивает: «Это,—говорит он,—то существенно новое, чем еще ревко характеризуется новый этап переходного периода». Существенно новое он находит в наших надстройках, и дальше у него начинается перечисление отдельных аппаратов, которые мы реорганизуем. В этом он видит центр тяжести того, что у нас происходит на новом этапе. Богушевский подменяет экономику администрированием. Это равносильно примерно тому, как подмена реконструкции промышленности реорганизацией ВСНХ, подмена социально-технической реконструкции сельского хозяйства реорганизацией Наркомзема и колхозного аппарата. Невольно конечно тут приходится вспомнить об «административном восторге».

Что касается наших аппаратов, то огромную организующую роль правильно построенного аппарата отрицать ни в коем случае не приходится. Если говорить о надстройках в целом, то они конечно у нас должны забегать несколько вперед по отношению к производительным силам, но не отрываться от них. Они должны создавать ту форму, которая толкает вперед раввитие производительных сил. Все это, мне кажется, достаточно ясно. Но сводить вопрос исключительно к этому—абсолютно неверно. Я фиксирую внимание на этом моменте, который, по-моему, является концентрированием наиболее распространенных в наше время ошибок. Вот эта манера приводит к тому, что иногда за лесом надстроек можно проглядеть базу производства,—это та опасность, на которую сейчас нужно обратить особое внимание и решительно преодолеть.

Если говорить о новом этапе, то какие здесь моменты нужно отметить?

Первое и основное—это то, что мы вступили в период таких больших темпов раввития нашего социалистического сектора, которые дают нам возможность повести все остальное хозяйство столь решительно по направлению к социализму, как это мы до сих пор делать не могли. Темпы развития социалистического сектора в данный период усилились. Перед нами только теперь раскрываются огромные потенциальные возможности в самом социалистическом секторе, которые на данном этапе еще далеко неполностью проявили себя, их проявление еще впереди. Социалистическое соревнование, непрерывное производство, ударничество, первые побеги коммунистических методов

работы у нас начали развиваться особенно сильно с прошлого года, но в достаточно полной форме они себя еще не выявили. Здесь у нас огромные возможности, которые далеко еще не исчерпаны. Это второй момент.

Третий момент. Резко возросла роль плана в народном хозяйстве и культурном строительстве, чего у нас в такой степени до сих пор все-таки еще не было.

Четвертый момент. Мы теперь впервые ставим на более реальные рельсы проблему «догнать и перегнать». Конечно в этом отношении мы еще чертовски отстаем, но на отдельных участках, даже в смысле качества работы у нас уже проявляются в этом отношении первые положительные результаты.

Пятый момент. Рост совхозов и колхозов. Мы вдесь решительно отошли от тех убогих темпов, которые были у нас примерно 5—6 лет тому назад. После преодоления левых перегибов и после введения колхозов в нормальное русло все-таки надо констатировать, что вдесь мы стоим перед таким огромным переломом, которого у нас до сих пор еще не было. Конечно это в первую очередь происходит на основе роста социалистического сектора в городе, на основе роста нашей организованности и плановости. Но темпы можно считать в этом отношении прочно завоеванными, хотя внутри самих колхозов предстоит еще огромная работа по действительному перевоспитанию крестьянских масс и созданию из них коммунистических отрядов.

Шестой момент. Вывод по отношению к капиталистическим элементам деревни. Мне думается, что именно благодаря тому огромному перелому, который совершился на этом участке, объективные условия для роста капитализма начинают сокращаться, и это целиком оправдывает лозунг ликвидации кулачества как класса. Разрешите вдесь привести только одно соображение. Мы знаем, что мелкое товарное хозяйство выделяет из себя «химически» капиталистические элементы.

Объективные возможности для выделения капиталистических элементов конечно еще остаются, но колхозное движение вступило в такую стадию своего развития, когда начинают сокращаться абсолютные размеры индивидуального крестьянского хозяйства. Я позволю себе в этом случае оперировать теми цифрами, которые у нас были запроектированы при принятии плана на текущий 1929/30 г. Мы исходили из того, что если считать, что естественный рост крестьянских дворов даст даже увеличение на 1 млн., то переключение огромной массы крестьянских дворов в совхозы и колхозы должно повести к сокращению на 2 200 тыс., т. е. мы получаем такой расчет, по которому рост совхозов и колхозов поглощает больше рабочей силы и больше крестьянских дворов, чем их дает естественный прирост населения в деревне. Такого явления мы до сих пор не имели еще. Это новое явление, которое особенно характерно для «года великого перелома». Отсюда и выход для наемного труда, отпускаемого бедняцким и отчасти середняцким хозяйствами, для труда, который раньше служил предметом эксплоатации, а также для той земли, которую бедняцкие и батрацкие элементы должны были отдавать в аренду кулаку и т. д. Такого рода новое явление у нас в деревне уже началось. Является ли оно уже повсеместным, всепокрывающим? Можно ли на основании этого говорить, что мы уже покончили с индивидуальным крестьянским хозяйством, что мы уже покончили с середняком, бедняком и т. д.? Конечно так говорить было бы абсурдно, но этот новый процесс нужно отметить и вместе с тем сказать, что сегодня все-таки объекты эксплоатации еще остаются, что сегодня возможности для выделения капиталистических элементов еще имеются, но они на-

чинают по объему своему сокращаться. Отсюда экономическая обоснованность лозунга: сперва ограничение, вытеснение, потом ликвидация кулачества как класса, отсюда особенная его актуальность для районов сплошной коллективизации. Но конечно этот лозунг у нас базируется не только на объективных экономических предпосылках, но и на тех административных мероприятиях, которые надо с умом, а не головотяпски, в отдельных случаях применять.

Седьмой момент. Вместе с этим надо отметить (на этой сужающейся для капитализма базе) наибольшее обострение классовой борьбы и в городе и в деревне. Тут и вредительство и кулацкие выступления и пр. явления классовой борьбы, которые вам всем известны. Ясно, что этот новый этап и момент сокращения объективных возможностей для капитализма ни в коей мере классовой борьбы не ослабляют, но на определенных участках это ведет к еще большему ее обострению.

Восьмой момент. В самом колхозном движении центральной и решающей является форма переходная, артель, а не коммуна, что подготовлено предыдущим ходом нашего развития и что является в свою очередь подготовительной ступенью для перехода на высшую фазу развития.

Девятый момент. Усиливается руководящая роль партии и в городе и в деревне. Факт вступления рабочих целых предприятий в партию, факт такого тесного союза между рабочим классом и партией именно на данном этапе является новым моментом, характеризующим весь новый этап.

Десятый момент. Аппарат управления, о чем я говорил выше в связи с критикой т. Богушевского. Этот момент является тоже важным и играющим значительную роль, но конечно не моментом самодовлеющим. Мы на новом этапе реорганизуем некоторые звенья нашей государственной и кооперативной системы с таким расчетом, что они должны помогать нашему дальнейшему развитию, снять некоторые отдельные помехи, которые стоят у нас на пути, и способствовать созданию новых форм для более мощного развития производительных сил.

Наконец послёдние два момента: усиливается роль контроля рабочих над государственным аппаратом, шефство над отдельными учреждениями, вливание целых колонн пролетариата в государственный аппарат,—все это характеризует также переход на более высокую ступень и некоторое начало сращивания между аппаратом управления и аппаратом производства, что в дальнейшем должно конечно у нас получить наиболее яркое выражение.

И последний момент—строительство новых городов, изживание противоречий между городом и деревней, то, что является наиболее ощутимым злом в капиталистическом обществе.

Я, как видите, попытался набросать основные моменты, и на первый взгляд кажется, что тут есть ряд противоречивых явлений. Меня могут упрекнуть в том, что не все тут даже внутренне стройно увязано. Но мне представляется, что именно избегая схематизма, именно избегая того, чтобы попытаться в одном надуманном, искусственно натянутом слове сказать, в чем новый этап, мы должны брать эти сложные моменты в их диалектической взаимозависимости, потому что они так даны действительностью, потому что они так движутся на данном историческом этапе. Именно из них мы должны исходить, чтобы иметь некоторый материал для понимания того нового этапа, в который мы вступили.

Я, товарищи, в заключение подчеркиваю, что я не пытался здесь дать что-то вполне законченное, я рассматриваю свои наброски просто как мате-

риал для той общей работы нашей коллективной мысли, которая должна нам помочь общими усилиями уяснить себе тот новый этап нэпа, в котором наша страна находится.

Вообще мы капиталистическое развитие в необходимой степени все время обуздывали. Это тоже являлось одним из необходимых условий нашего наступления. Конечно, сила обуздывания различна в различные периоды нэпа и в различные периоды того этапа нэпа, который мы уже прошли. Мы говорим о нэпе как о политике, которая строит фундамент социалистического общества. И здесь мне представляется необходимым особенно учитывать то, что нэп является именно не статикой а динамикой, является движением по направлению к социалистическому обществу.

Мне думается, что крупнейшие ошибки в этом смысле совершает т. Богушевский, который охарактеризовал 1928 г. в своей статье, как год, в который, якобы, стали лицом к лицу два величайших титана в стране: социализм и капитализм. Ведь он говорил таким образом. Я этой цитаты не имею под рукой, я полагаю, что товарищи эту статью читали. Он говорит, что мы находились в таком положении, когда малейшая уступка по отношению к капитализму смогла бы передать всю инициативу в его руки, что мы действительно погибли бы немедленно именно в 1928 г. Какое-то чудо случилось, что мы не погибли, а какое—по Богушевскому неизвестно. Мне представляется, что тут т. Богушевский не учитывает того простого обстоятельства, что ведь весь пройденный период до 1928 г. представлял собой процесс нарастания удельного веса социалистических элементов и процесс снижения удельного веса частнохозяйственных элементов, и капиталистических в особенности. Ведь уже с 1926 г. у нас началось даже абсолютное сокращение тех капиталистических форм, которые имелись в промышленности и торговле. Вот это непонимание результатов движения всего пройденного пути, непонимание того, что мы все время находились в процессе борьбы между социализмом и капитализмом и в процессе борьбы за влияние на простое товарное мелкокрестьянское хозяйство, — непонимание этого, мне кажется, является чрезвычайно характерным для всего построения т. Богушевского. Это предопределяет и непонимание им современного этапа нэпа, который он также рассматривает статически, а не динамически.

Ведь кажется избитой истиной, что нэп есть движение, что тут имеются диалектические противоречия и пр. и пр., но к сожалению об этом приходится говорить, когда сталкиваешься с тем, что люди на отдельных конкретных явлениях, за анализе конкретного исторического процесса как раз обнаруживают непонимание простых, азбучных и ясных вещей. Цель этого движения—диалектическое преодоление самого нэпа, диалектическое преодоление той экономической и политической структуры, которая у нас налицо. И в этом смысле мы можем прямо сказать, что мы являемся тем единственным государством в мире, которое не только не стремится в исторической перспективе сохранить существующий экономический и политический строй, но, наоборот, стремится его уничтожить, заменить его другим. И в этом смысле наша экономическая политика придает всему нашему народному хозяйству сугубую динамичность и предопределяет его особую изменчивость.

Вопрос о посредствующих звеньях. О чем здесь речь идет? Мне кажется что в этом вопросе, при анализе того, что у нас было до сих пор, и в попытке понять новый этап, т. Розенталь совершает определенную ошибку. Ведь как получается у т. Розенталя? Он включает в посредствующие звенья

все—и рост рабочего класса, и рост промышленности, и рост кооперации. (*С места*: «И рост капитализма»). И рост капитализма. Верно ли это? Вообще можно конечно перечислить эти и еще ряд других элементов, но в какой связи? в какой расстановке классовых сил? Мне думается, что эту расстановку классовых сил и эту необходимую политическую связь для правильного понимания проделанных этапов и нового этапа как раз т. Розенталь здесь не дает. Мы привыкли говорить о посредствующих рычагах, о передаточных ремнях, о государстве и государственной промышленности как о ведущем начале для крестьянского хозяйства. Далее мы говорим о кооперации, говорим о контрактации, говорим о целом ряде связующих элементов, которые нам дают возможность преобразовать сельское хозяйство. Но на другом полюсе остается всегда и неизменно до полной ликвидации его — капитализм, с которым мы ведем борьбу. Вот такой расстановки классовых сил мы, к сожалению, не находим у т. Розенталя. Я, товарищи, не говорю, что моя характеристика в данном случае исчерпывающая, но мне кажется, что в анализе т. Розенталя мы не получаем того элементарного, наиболее важного, что нам надо получить для уяснения себе расстановки классовых сил. И тут конечно открывается возможность для ватушевания тех социальных противоречий, которые имеются в нашем народном хозяйстве, которые нам необходимо учитывать и для прошлого этапа нэпа и для того этапа, в который мы сейчас вступаем.

Я не могу согласиться с тем, что кулак является у нас посредствующим звеном. Здесь конечно мы должны вести борьбу на уничтожение, используя для этого все и в том числе наши посредствующие звенья. И тут, мне кажется, необходимо учесть еще и этот процесс перерастания самих посредствующих звеньев, процесс перерастания, скажем, такой формы, как кооперация. Ясно, что мы вступили сейчас в такой период, когда мы получаем возможность действительно врезаться в производственный процесс мелкого индивидуального сельского хозяйства, повести решительную политику социально-технической реконструкции именно в области производства. И вот с этой точки зрения особенно важно учесть процесс перерастания, скажем, кооперирования в области обращения в процесс кооперирования в области производства. И тут я хочу напомнить ту постановку, которую давал т. Бухарин. Когда Бухарин говорит, что «коллективное хозяйство—это не главная магистраль, не столбовая дорога, не главный путь, по которому крестьянство пойдет к социализму, что столбовая дорога пойдет по кооперативной линии, а главный путь это—организация социализма через кооперацию в сельском хозяйстве»,—то мне кажется, что здесь получается недиалектический разрыв, такое противопоставление одной формы другой, которое с точки зрения нашего понимания исторического процесса и с точки зрения нашей действительности ничем не оправдывается. И Энгельс и Ленин говорили о кооперации, включая в нее также и производственное кооперирование, т. е. колхозное движение. Я на этом моменте останавливаюсь не только потому, что мы встречаемся с ним у т. Бухарина, но еще и потому, что это одна из тех ошибок, которые являются наиболее распространенными среди наших практических работников; на практике очень часто можно как раз с этим встретиться.

Если бухаринское понимание всеми своими корнями сидит в непонимании того, что процессы и явления нэпа перерастают в процессы социалистические при активнейшем воздействии пролетариата на крестьянство, если Бухарин механистически «стабилизирует» нэп, то другие пытаются из рамок нэпа выпрыгнуть, не понимая необходимости его активного преодоления.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО т. РОЗЕНТАЛЯ

Товарищи, я постараюсь не отнимать у вас особенно много времени, поскольку в дискуссия было сказано мало такого, что заслуживало бы специального ответа в заключительном слове. С другой стороны, в дискуссии, было очень много наносного, я бы сказал, привходящего извне, т. е. такого, что делало, вообще говоря, не особенно плодотворной всю дискуссию.

Теоретическое осознание нового этапа—дело коллективной мысли. К сожалению именно *положительных* формулировок, углубляющих или дополняющих наше понимание нового этапа, было дано очень мало. Критика же была не столько критикой творческой, т. е. критикой, преследующей цели помочь теоретическому осознанию нового этапа, сколько критикой преследующей одну цель — во что бы то ни стало «пришить» уклон. Одни обвиняли меня в «правом уклоне», другие в «левом», но никто не говорил о моей концепции нового этапа в целом. Своих же положительных формулировок критикующие товарищи, как правило, не давали. Это может быть тоже объясняется тем, что дело предсъездовское, и народ не хочет выступать до съезда. Мне, во всяком случае, по «Большевику» был известен такой случай, когда товарищ в ответ на мое предложение писать на дискуссионные темы, связанные со съездом, от этого предложения отказался, «равумно» ответив, что он предпочитает выступать после съезда.

Должен прямо сказать: такая «разумность» и такая «предусмотрительность» не вывывает уважения и восхищения и во всяком случае не достойна подражания. Я до сих пор полагал и полагаю, что наша—т. е. людей целиком и полностью разделяющих линию партии и активно ее защищавших и защищающих от всякого рода оппортунистических теорий и теориек,—прямая обязанность именно перед партийным съездом развернуть наибольшую активность в деле теоретического осмысливания происходящих в нашей стране процессов, с тем, чтобы этой своей работой помочь работе партийного съезда. К сожалению, как это можно было убедиться хотя бы и из дискуссии по моему докладу (как в стенах Комакадемии, так и особенно во-вне), до сих пор кое-кто стоит в этом вопросе на другой точке врения и считает для себя возможным даже не пытаться самостоятельно осмысливать происходящие сдвиги в нашей стране, а ограничиваться одной только критикой, да к тому же еще не всегда добросовестной.

Основное обвинение, которое мне было предъявлено, сводилось к тому, что я характеризую нэп только и исключительно как отступление. Я думаю, что это неверно ни с какой стороны. Неверно и формально, поскольку у меня и в статье и в докладе было чрезвычайно много сказано насчет того, что нэп включает и отступление, и перегруппировку сил, и наступление. Неверно это и по существу, поскольку вся моя статья, в частности весь тот раздел в статье, который у меня был озаглавлен «От штурма к осаде», показывал и как именно шло это наступление, и в чем конкретно оно выражалось.

Чтобы не быть голословным в этом своем утверждении, я позволю себе напомнить, что я писал в своей статье и что я говорил в своем докладе, где на этой стороне—характеристика нэпа как наступления—я останавливался особенно подробно и обстоятельно.

В своей статье «На новом этапе» [52], дав характеристику перехода от военного коммунизма к нэпу и указав, в чем именно заключалось проделанное нами отступление, я дальше писал:

[52] „Большевик" № 5.

«На этих позициях *отступление было приостановлено*, на этих позициях была *произведена необходимая перегруппировка сил* и с этих позиций началось постепенное *наступление на капитализм*» (с. 71).

Несколько выше (стр. 67) я писал:

«А это, в свою очередь, требовало отступления в целом ряде областей экономики с тем, чтобы *отступив* и *перестроив* свои ряды, сообразно новым задачам, начать *наступление*, но уже *на основах «новой экономической политики»*, постепенно, осторожно, рядом обходных движений».

Сказано, кажется, совершенно ясно.

Но поскольку кое-кто из товарищей (кто посторонние интересы ставил выше интересов теоретического осознания проблем нового этапа), пытался, игнорируя сказанное мной в статье совершенно ясно, четко и недвусмысленно, утверждать, что я трактую нэп только как отступление, я в своем докладе на этой стороне нэпа остановился, как это, вероятно, помнят товарищи, особенно подробно.

Что же я говорил в своем докладе?

«Логическим продолжением военно-коммунистических представлений о социалистическом строительстве является характеристика нэпа только как отступления, нашедшая свое выражение у ряда авторов, но наиболее полно развернутая т. Зиновьевым в его книге «Ленинизм».

„Новая экономическая политика (нэп)—это самое широкое задуманное *отступательное*, движение ленинизма. Это самый крупный, самый ответственный, самый решающий стратегический маневр пролетарской партии. Это *отступление* имеющее кардинальное значение не только для судеб русской революции, но и для судеб революции международной“ (с. 223).

„Неправильно, поэтому, изображать дело так, будто то *отступление*, каким бесспорно является нэп, вовсе не есть *отступление*“ (с. 227).

„Изучая пройденный русский революционный путь, мы должны ясно и недвусмысленно сказать теперь, вслед за Лениным, что *нэп был отступлением*“ (с. 227).

Такими и подобными им характеристиками нэпа пестрит вся книга т. Зиновьева «Ленинизм».

Ошибочность подобного рода изображения нэпа только и единственно как отступления была разоблачена давно, и нам не-зачем вновь приводить аргументы против этого неверного представления о нэпе. *Конечно нэп предполагал отступление, но только для того, чтобы, перегруппировав силы, изменив методы и приемы социалистического строительства, начать новое наступление. И отличается новая экономическая политика от политики военного коммунизма не тем, что там было наступление на капитализм, а здесь отступление перед капитализмом, а тем, что наступление это ведется существенно иными приемами, иными методами, что в действие пущены иные рычаги для социалистического переустройства всего народного хозяйства, включая и сельское хозяйство*».

И дальше:

«Нет сомнения, тот кто видит в нэпе только отступление, тот безнадежно слеп, тот ничего не понял в нэпе. Ибо само отступление являлось только предварительным условием для того, чтобы перейти в новое наступление, предполагающее более трудный, более окольный путь, чем это нам быть может и хотелось, но зато такое наступление, которое обеспечивает нашу победу, победу социализма и поражение капитализма.

Конечной задачей нэпа является установление социалистических форм производственных отношений во всем народном хозяйстве, включая и сельское хозяйство, т. е. разрешение задачи непосредственно социалистического строительства, когда минует необходимость в ряде посредствующих звеньев и переходных мер».

Кажется ясно. Я бы даже сказал ясно до приторности. Ибо в 1930 году, после девяти лет нэпа, после тех результатов в деле социалистического строительства, которых мы достигли на рельсах нэпа и при помощи нэпа, тратить время на то чтобы пространно доказывать, что нэп был не только отступлением, но и наступлением, можно только при условии, что есть люди, которых интересует все что угодно, но только не интересы дела, т. е. опять таки не дело теоретического осмысливания нового этапа. Поскольку, повторяю, были попытки со стороны отдельных товарищей, в ряду которых вместе с Богушевским и Черниховым, оказались и такие товарищи как Рыльский, который, впрочем, не только в этом солидарен с Богушевским, утверждать, что я нэп трактую только как отступление, я счел себя обязанным внести в это дело полную ясность. Надо, однако, сказать, что несмотря на то, что на этой стороне нэпа я остановился в своем докладе особенно подробно, тт. Рыльский, Карпинский и др. с достойным лучшего применения упорством и настойчивостью по прежнему твердили, что я понимаю нэп только, как отступление. Одним словом «вобла оказалась зубаста, затвердила—наоборот и баста».

Тов. Рыльский, правда, вынужден был признать, что я в докладе подчеркнул неправильность той установки, которая рассматривает нэп только как отступление (как будто об этом же я не говорил и в своей статье), но зато авторитетно разъяснил, что такое признание с моей стороны противоречит-де всей моей концепции. Вот тут-то т. Рыльский и должен был показать все свои качества и *доказать* чем, почему и в чем противоречит это моей концепции. К сожалению т. Рыльский именно на этом самом интересном месте неожиданно остановился, и махнув хвостом, скрылся в далекие глубины, так и оставив неразъясненным и недоказанным это свое утверждение.

Нет сомнения, и смешно, повторяю, это здесь доказывать, что нэп был не только отступлением, но и перегруппировкой сил и наступлением. Но наша задача заключается не в том, чтобы твердить «наступление, наступление, наступление»,—этого мало. Наша задача, во всяком случае именно так представлял себе ее я, заключается в том, чтобы показать, что *нового* имеется в том наступлении, которое мы ведем на данном этапе и чем отличается *это* наступление от того, которое мы вели до сих пор. В этом вся суть. Между тем и здесь к сожалению не было дано того, что следовало от товарищей ожидать и что они должны были бы дать.

Тов. Казбек Бутаев на брошенный т. Баевским вопрос, чем отличается теперешнее наступление на капитализм, от того, которое мы вели до сих пор, ответил так: и раньше было наступление, «но сейчас *исключительное* наступление». *Такая* характеристика теперешнего наступления, того особого и нового, что имеется в том наступлении, которое мы ведем, ровным счетом ничего не дает. Прибавляйте к слову наступление какой угодно эпитет: «исключительное», «ударное», «боевое» и т. д., но если вы не вскроете и не покажете того *содержания*, которое скрывается за этими эпитетами,—грош цена всем вашим характеристикам.

Именно этим страдал ряд выступлений отдельных товарищей, но едва ли не т. Карпинскому принадлежит здесь первенство.

У т. Карпинского получилась вообще довольно странная концепция. Он искал новый этап и говорил: «Непосредственное социалистическое строительство было и при военном коммунизме, и до нового этапа, и теперь на новом этапе, коллективизация была и на первом этапе, и на втором этапе, и на третьем этапе, строительство фундамента социалистической экономики было и на первом этапе, и на втором этапе и на третьем этапе». Все кошки оказались серы. Никаких особенностей ни одного из этих этапов т. Карпинский вообще не заметил. Разумеется, что с этакой установкой, с этакой концепцией, с этаким подходом к анализу нового этапа ничего получиться не могло. И все рассуждения т. Карпинского оказались бесплодны, как библейская смоковница.

Итак, нет сомнения, что нэп был не только отступлением, но и перегруппировкой сил и наступлением.

Но чем же характеризуются и в чем особенности наступления на данном этапе? Здесь я опять, хотя бы и очень кратко, вынужден остановиться на вопросе о нэпе.

Нэп предполагал наличие двух типов хозяйства, двух форм производственных отношений, основных и решающих: последовательно социалистическую форму производственных отношений и производственные отношения простого товарного хозяйства. *В этом основа нэпа.* Отнимите одну из этих форм производственных отношений, и у вас основы нэпа не получится.

Задача нэпа. Задача нэпа заключается в том, чтобы из этих двух различных форм производственных отношений сделать одну—социалистическую. *Это задача нэпа.*

Дальше мы подходим к вопросу, как добиться разрешения этой задачи. И вот здесь в процессе разрешения этой задачи проходит водораздел между новым этапом и тем, который был до сих пор. На выяснении отличительных особенностей этого нового этапа и прожитого нами этапа в ходе развития нашей революции и разрешите мне остановиться.

Когда мы говорим, что мы базируем советскую власть и социалистическое строительство на двух различных основах, а именно в этом заключалась основа нэпа, то шел естественно вопрос о том, какие посредствующие звенья будут связывать эту социалистическую форму производственных отношений с производственными отношениями простого товарного хозяйства. Таким посредствующим звеном был рынок. Рынок рождал капитализм. Тут был брошен мне упрек со стороны т. Вайсберга, что нельзя считать посредствующим звеном капитализм. Он говорил: «Мне кажется, что в этом вопросе при анализе того, что у нас было до сих пор, чтобы понять новый этап, *т. Розенталь совершает определенную ошибку. Ведь как получается у т. Розенталя? Он включает в посредствующие звенья все—и рост рабочего класса, и рост промышленности, и рост кооперации, и рост капитализма*».

И дальше: «Я не могу согласиться с тем, что кулак является у нас посредствующим звеном».

Насчет того, что я не капитализм, а *рост* капитализма считал посредствующим звеном, это сказано, т. Вайсбергом для красного словца. Я во всяком случае этого нигде и никогда не говорил. Но капитализм я действительно считал посредствующим звеном между мелким производством и социализмом. Прав я или не прав? Вот что говорил Ленин:

«Поскольку мы еще не в силах осуществить непосредственный переход от мелкого производства к социализму, постольку капитализм неизбежен в известной мере, как стихийный продукт мелкого производства и обмена, и постольку мы должны использовать капитализм (в особенности направляя

его в русло государственного капитализма), как *посредствующее звено* между мелким производством и социализмом: как средство, путь, прием, способ повышения производительных сил»[53].

С кем же т. Вайсберг не соглашается—со мною или с Лениным?

Когда мы говорим о посредствующих звеньях, которые связывают простое товарное хозяйство и социалистический сектор, мы говорим об определенных посредствующих звеньях: рынок и торговля. Мы не могли на первом этапе нэпа ставить своей задачей переделку мелкого крестьянского хозяйства и именно потому-то наша задача на том этапе нэпа была такова: с одной стороны—развитие социалистического сектора, т. е. непосредственное социалистическое строительство, с другой стороны—подъем бедняцко-середняцкого хозяйства на индивидуальных основах, на основах простого товарного хозяйства.

Было у нас такое положение? Конечно было. В чем же заключалось тогда наше наступление? Сущность наступления социализма на капитализм заключалась на том этапе, во-первых, в том, что мы должны были посредствующими звеньями, которые связывают социалистический сектор и простое товарное хозяйство, овладеть. А это означало ограничение и вытеснение капиталистического сектора из торгово-посреднического оборота, вытеснение капиталистических элементов из других секторов народного хозяйства. Таким образом наступление на этом этапе нэпа заключалось в том, чтобы овладеть этими посредствующими звеньями. Было ли это наступлением? Конечно было.

Вот почему в своей статье «На новом этапе» я и писал:

«Но успех новой экономической политики не ограничивается оживлением народного хозяйства «вообще», подъемом производительных сил «вообще». Вытаскивая народное хозяйство из состояния всеобщей разрухи и разорения, добившись неслыханного подъема производительных сил, оживив весь народнохозяйственный организм, мы в то же время *все больше овладевали им по мере его оживления. На основе общего подъема производительных сил, стимулируя и ускоряя этот подъем и в то же время обгоняя его, рос социалистический сектор народного хозяйства.* Гнилые пророчества и зловещие предсказания об «эволюции» в сторону капитализма были безнадежно биты. Медленно, осторожно и постепенно, рядом обходных движений, отвоевывал социализм одну за другой позиции у капитализма, подготовляя почву для нового штурма, для последнего и решительного боя с отечественным капитализмом, для коренной и решительной ломки старого общественно-экономического уклада деревни, для ликвидации кулачества как класса, а затем и—по мере того, как допущение свободной торговли «будет давать лишь минусные результаты» (Сталин),—ликвидации остатков нэпманства, остатков торговой буржуазии, уже лишенных производственной базы, но еще имеющих корни в необобществленном секторе сельского хозяйства.

Как проходил этот процесс обобществления народного хозяйства и рост его социалистического сектора, красноречиво говорит приводимая ниже таблица:

Удельный вес обобществленного сектора

	1925—26	1926—27	1927—28	1928—29	1929—30
Капитальные вложения	42,5	48,1	55.2	65,2	75,9
Основные фонды	50,2	50,6	51.8	54,2	58,9
Валовая продукция	35,1	37,5	41,9	43,5	51,2
В т. ч. ценовой пром. . . .	96.0	97,7	98,6	99.1	99,3
Торг.-посреди. оборот	75,5	81,1	88,7	93,4	96,7

[53] *Ленин*, соч., т. XVIII, ч. 1, с. 222.

Иначе говоря, во всех решительно областях социалистический сектор играет преобладающую роль, приближаясь к полному господству в цензовой промышленности и торгово-посредническом обороте.

Но дело не только в относительном падения удельного веса необобществленного сектора и относительном росте обобществленного сектора. С определенного этапа нашего хозяйственного развития началось и прямое, абсолютное сокращение частнокапиталистического сектора, а затем и сектора простых товаропроизводителей, переходящих к коллективным формам хозяйства.

Частная и концессионная промышленность, дававшая в 1923/24 году валовой продукции на 1 467 млн. рублей и доведшая выпуск валовой продукции до 2 478 млн. рублей в 1925/26 году, уже со следующего 1926—1927 г.—начинает сокращать производство и к 1928/29 году доводит его до 1 975 млн. рублей. Особенно резко сократилась продукция частной и концессионной цензовой промышленности.

В торгово-посредническом обороте произошло то же самое явление. Значительный рост частного сектора в первые годы нэпа сменяется затем резким сокращением не только относительного, но и абсолютного участия частного сектора в торгово-посредническом обороте. За годы 1925/26—1928/29, частный сектор в торгово-посредническом обороте сокращается с 6 100 млн. рублей до 3 110 млн. руб., в том числе в оптовой торговле с 945 млн. руб. до 270 млн. руб., а в розничной—с 5 115 млн. руб. до 2 830 млн. рублей.

Таким образом как в промышленности, так и в торгово-посредническом обороте не только относительное, но и абсолютное сокращение частнокапиталистического сектора началось, примерно, с 1926/27 года. Частнохозяйственный капитализм как «пособник социализма» начал себя исчерпывать и все больше оттесняться и замещаться обобществленным, социалистическим сектором—социалистической промышленностью и кооперацией.

После XV съезда партии, бросившего лозунг «перейти к дальнейшему более систематическому и настойчивому ограничению кулака и частника», потребовавшего «дальнейшего хозяйственного наступления на капиталистические элементы» и «еще более решительного хозяйственного вытеснения» частнокапиталистических хозяйств, процесс абсолютного сокращения частнокапиталистического сектора еще больше усилился, захватив и капиталистические, кулацкие элементы деревни. И в 1928/29 году мы имели такое положение, когда кулацкие хозяйства начали резко сокращать как валовую, так и товарную продукцию своих хозяйств. Одновременно с этим, именно в 1928/29 году, произошел великий перелом в развитии миллионных масс бедняцко-середняцких хозяйств, решительно вставших на путь отказа от индивидуальных форм хозяйствования и перехода к коллективным формам хозяйствования. Причем, что особенно важно подчеркнуть, этот рост колхозного движения, чем дальше, тем больше усиливал свой темп. В преимуществах коллективных форм земледелия убедился и середняк и мощной лавиной двинулся в колхоз, вслед за бедняком и батрацкими элементами деревни. И мы уже имеем ряд районов сплошной коллективизации».

Так я писал в своей статье. И надо только удивляться тому, как это товарищи, прочитавшие все это в моей статье, могли умудриться обвинять меня в характеристике нэпа только как отступления. Мы наступали, *овладевая* теми посредствующими звеньями, которые были совершенно необходимы в тот период, когда советскую власть и социалистическое строительство мы базиро-

вали на двух разных основах: крупной социалистической промышленности и мелком, индивидуальном раздробленном крестьянском хозяйстве.

Мы *наступали*, развивая и укрепляя социалистическую промышленность, кооперацию, транспорт и т. д. И об этом я говорил настолько подробно в своей статье, что здесь я позволю себе на этом подробно не останавливаться. Это—общеизвестно.

Мы наступали, развивая социалистический сектор, промышленность, кооперацию и т. д.; наступали, когда ограничивали и вытесняли капиталистические элементы из сферы товарооборота и из остальных отраслей народного хозяйства. Тем самым по-новому, по мере этого наступления, устанавливались взаимоотношения и между социалистическим сектором и мелким товарным производством, поскольку рынок, торговля переходили постепенно из рук частного сектора в социалистический сектор. И тем самым создавались необходимые условия и предпосылки для перехода в более решительное наступление на капиталистические элементы в народном хозяйстве. Я уже говорил в докладе, что известным рубежом в этом отношении явился XV с'езд. Но по-новому был поставлен вопрос о наступлении, когда на базе сплошной коллективизации был выдвинут лозунг ликвидации кулачества как класса в качестве главного лозунга.

Чем же характеризуется наступление на данном этапе? Прежде всего тем, что если раньше мы наступали, имея в виду наличие двух основ, на которых базировалась советская власть и социалистическое строительство, то теперь мы вступили в процесс бурной переделки простого товарного хозяйства, когда из двух основ благодаря этой переделке простого товарного хозяйства начинает рождаться одна основа—социалистическая форма хозяйства не только в городе, но и в деревне. А отсюда уже вытекает целый ряд выводов и в отношении торговли и в отношении рынка. Что с ними происходит? Происходит процесс перерастания из торговли в социалистический продуктообмен.

Что это значит? Это значит, что посредствующие звенья, которые были характерны для первого этапа нэпа, эти посредствующие звенья начинают, но только начинают становиться излишними. А это предполагает и говорит о новой форме наступления.

Если *раньше* наступление выражалось в форме овладения социализмом посредствующих звеньев, связывающих социалистический сектор и сектор простого товарного хозяйства, а, следовательно, и ограничения и вытеснения капиталистических элементов, то *теперь* наступление выражается в форме постепенного замещения этих форм связи города и деревни другими формами связи. Мы стоим у начала процесса перерастания торговли, которой мы в основном овладели, в социалистический продуктообмен.

Если *раньше* наступление выражалось в форме кооперирования по преимуществу в сфере обращения, то *теперь*, в основном овладев сферой обращения, мы наступаем, кооперируя в процессе *производства*, т. е. коллективизируя в массовом масштабе простое товарное хозяйство.

Если *раньше* наступление выражалось в форме ограничения эксплоататорских тенденций капитализма и вытеснения капитализма, то *теперь* в районах сплошной коллективизации мы перешли к прямой ликвидации кулачества как класса.

Именно потому я и считаю, что когда мы говорим о нэпе, мы должны прекратить говорить о нем одними и теми же словами. Мы должны наконец уметь видеть, что нового в каждом данном моменте. Это новое заключается,

в том, что целый ряд явлений, которые мы наблюдаем в нашей экономике, глубоко отличны от того, что мы имели раньше.

Значит ли это, что, поставив перед собой новые задачи, мы тем самым уже сняли все те задачи, которые перед нами стояли? Отнюдь нет. Но те задачи, которые стояли перед нами на первом этапе нэпа, превратились в задачи подсобные и вспомогательные. И с этой точки зрения я никак не могу согласиться с т. Бомштейном [54], что нельзя-де ставить вопрос так: и коренная ломка и оживление старого общественного уклада деревни. Почему я не согласен в данном вопросе с т. Бомштейном? Потому, что на определенном отрезке времени мы, наряду с разрешением нашей основной задачи—коллективизации деревни, должны будем помогать бедняцко-середняцкому крестьянству поднимать их хозяйство на прежней основе мелко-товарного производства. Кстати сказать теория и практика «левых» загибов как раз и характеризуется забвением этого очень существенного момента в нашей политике в деревне.

И недаром, не зря в тезисах т. Яковлева к XVI съезду говорится: «Съезд предупреждает партийные организации от какого бы то ни было игнорирования единоличного хозяйства, которое в ряде районов страны будет существовать еще относительно долго».

Но если единоличное хозяйство в ряде районов «будет существовать еще относительно долго», то разве это не значит, что наряду с разрешением главной задачи—привлечения единоличников в колхоз—мы не отказываемся от поднятия их хозяйств на прежней основе—основе простого товарного хозяйства.

Мне это тем более странно объяснить т. Бомштейну, что он сам пишет: «Мы в текущей посевной кампании должны уделить самое серьезное внимание бедняцко-середняким хозяйствам индивидуального сектора». Но что это значит, если это не является для т. Бомштейна лишь вынужденной «данью» времени? Это значит, что мы должны добиваться расширения единоличником посевных площадей, проведения агроминимума, протравки семенного материала, увеличения скота и т. д. А все это и есть расшифровка того самого «оживления», которого так испугался т. Бомштейн. Является ли эта необходимость оживления и подъема индивидуальных бедняцко-середняцких хозяйств главным лозунгом? Конечно нет. Но это не значит, что задача подъема индивидуального бедняцко-середняцкого хозяйства может быть уже снята. Вот почему я и писал, что, приступив к коренной ломке старого общественно-экономического уклада деревни, мы еще не снимаем задачи оживления и подъема индивидуального бедняцко-середняцкого хозяйства.

Чтобы закончить разговор о нэпе, я позволю сказать несколько слов по поводу выступления т. Романского. Тов. Романский выступил с утверждением, что ни в каком смысле нэп не являлся отступлением. «Политически не вполне доброкачественно» является представление, что «начало нэпа, по крайней мере, было отступленнем». Я не знаю, является ли доброкачественным проявленное т. Романским знание Ленина. Боюсь, что нет. Ибо не кто другой, как Ленин говорил: «Мы сейчас *отступаем* назад, но мы это делаем, чтобы сначала *отступить*, а потом разбежаться и сильнее *прыгнуть вперед*. Только под этим условием мы *отступаем* назад в проведении нашей новой экономической политики» [55]. Таким образом по т. Романскому эти слова Ленина «поли-

[54] «Правда» № 150.
[55] *Ленин*, Соч., т. XVIII, ч. 2, с. 103, курсив мой—*К. Р.*

тически не вполне доброкачественны», ибо здесь говорится об «отступлении». Вольному, конечно, воля. Тов. Романский может иметь свою отличную от Ленина точку зрения. Но если т. Романский «политически недоброкачественным» считает следовать Ленину, то для нас, считающих себя ленинцами, действительно политически недоброкачественным и без кавычек является подобное выступление т. Романского.

Разрешите больше на этом не останавливаться и перейти ко второму предъявленному мне обвинению, гласящему, что я считаю нэп уже завершенным и что между нэпом и социализмом я мыслю еще какой-то переходный период.

С особенной резкостью это обвинение было формулировано тт. Богушевским и Черниным. Надо признать, что в данном случае мы являемся свидетелями совершенно исключительного в нашей литературе случая. Я не хочу употреблять резких слов и выражений, но все же должен отметить, что эти товарищи в данном случае напоминают мне тех «ловких» и предприимчивых молодцов, которые, как говорится «на ходу подметки режут» и выдают их за свои.

Кто следил за моей дискуссией с этими товарищами, тот знает в чем дело. Я позволю себе однако на этом все же остановиться, поскольку и в этом вопросе должна быть достигнута предельная ясность и, в частности, до конца должны быть разоблачены те малопочтенные приемы, которыми пользуются названные выше товарищи.

Итак, тт. Богушевский и Чернин обвиняют меня в том, что я мыслю между нэпом и социализмом некий переходный период, который не нэп, но который и не социализм, а нэп считаю уже завершенным. Зная специфические особенности этих моих критиков, я вынужден буду прибегнуть *к документам*, которые легко может проверить каждый товарищ и которых никто, какой бы ловкостью рук и предприимчивостью он ни обладал, опровергнут не сможет.

Прежде всего о высказываниях т. Чернина на эту тему. Вот что писал сей молодой, но по применяемым им приемам многообещающий, муж в своей статье «Ленин о переходном периоде», помещенной в газете «За индустриализацию» (21/I 1930), т. е. газете, редактируемой т. Богушевским, без всяких примечаний со стороны редакции, т. е. опять таки того же самого Богушевского.

«*Нэпом не покрывается переходный период. Остается концессионный капитал, отношение к которому будет определяться конкретной ситуацией в тот период, когда в основных чертах будет решена задача обобществления всех средств и способов производства.* Потребуется длительное время на «переваривание», на «усвоение», на обучение пользоваться, на подделку грубой, топорной, первоначальной постройки. *Остается на длительный период товарно-денежная форма хозяйства. Наконец, что чрезвычайно важно*, в области принципов заработной платы мы вынуждены будем еще длительный период сохранять неравенство.

Вот *преодоление этой массы «остатков» и составит, повидимому, содержание того периода, который будет промежуточным периодом между нэпом и построением полного социалистического общества*».

Итак, т. Чернин писал, а редактор—т. Богушевский—счел это совершенно правильным, не подлежащим обсуждению и оспариванию, что, *во-первых*, «нэпом не покрывается переходной период», *во-вторых* «между нэпом и построе-

нием полного социалистического общества» будет еще некий «промежуточный период» и *в-третьих* после нэпа «остается концессионный капитал» и «на длительный период товарно-денежная форма хозяйства», преодоление которых и составит задачу этого посленэповского периода.

Так *писал* т. Чернин, с согласия редактора т. Богушевского *в январе* сего года. А в мае эта же парочка товарищей обвиняет меня, что именно я и есть тот, кто мыслит некий «промежуточный период» между нэпом и социализмом. Кто же после этого опровергнет мое утверждение, что эта предприимчивая парочка товарищей уподобляется той самой блудливой кукушке, которая грехи своей собственной молодости норовит положить в карман своему ближнему.

И когда т. Чернин в своей статье в «Правде» читает мне нравоучение: «Тов. Розенталь забывает, далее, то обстоятельство, что историческое назначение нэпа—это уничтожение классов»,—то в чернинских устах это звучит совершенно анекдотически. Ведь это говорит все тот же Чернин, у которого после нэпа, да еще на длительный период, оставалась «товарно-денежная форма хозяйства», а, следовательно, и классы. Ибо нет и не может быть товарно-денежной формы хозяйства без классов. Ведь это говорит все тот же Чернин, у которого после нэпа оставался концессионный капитал. Или т. Чернин мыслил себе концессионный капитал без классов?

Богушевские и Чернины—это та разновидность литературных Иванов-Непомнящих, беспринципность и непристойная блудливость у которых возведена в основной принцип их полемических приемов.

Но может Чернино-Богушевские правы хотя бы в том отношении, что я не выступил своевременно с критикой выставленных ими положений о том, что нэпа уже нет и что между нэпом и социализмом есть некий переходной период? Может быть эта парочка Иванов-Непомнящих недовольна, что им своевременно не была разъяснена ошибочность их утверждений? Не думаю. Во всяком случае, если они следят за ЦО нашей партии «Правдой», то они легко могли бы убедиться в обратном. Именно на страницах «Правды» в статье «О новом этапе и очередной разновидности оппортунизма» (20/III—1930 г.) я дал резкую критику ошибочных положений и Богушевского и Чернина. Я позволю себе подробно остановиться на этом, поскольку до конца и полностью должны быть разоблачены клеветнические утверждения этой парочки товарищей. Что я писал в этой статье? Взяв утверждение т. Богушевского, что у нас вопрос «кто—кого» уже снят, я писал в этой статье:

«Как могло возникнуть подобное утверждение, что вопрос: «кто—кого» снят? Является ли оно случайной обмолвкой или же является выражением определенной концепции? На этот вопрос дает ответ статья т. Богушевского «О новом этапе», помещенная в «За индустриализацию» и написанная в целях, так сказать, теоретического обоснования снятия вопроса «кто—кого».

„Командные высоты, которые пролетариат оставил в своих руках в начале нэпа,—пишет т. Богушевский в этой статье,—разрослись постепенно в сплошное (!) социалистическое плато (!), только кое-где (!) прорезанное расщелинами (!) частнохозяйственного сектора. Отсюда возможность перехода к прямому (!) оперативному воздействию на все отрасли народного хозяйства“.

Хорошие побуждения и добрые пожелания т. Богушевский выдает за нечто уже совершившееся.

«*Сплошное социалистическое плато*». Вот уже, воистину, куда ни плюнь—социализм. Разве только в «расщелину» попадешь.

«Кое-где прорезанное расщелинами частнохозяйственного (заметьте: «частнохозяйственного») сектора».

Это «кое-где» непередаваемо.

Это «кое-где»—«какие-то» 12—13 миллионов крестьянских хозяйств, не считая всего прочего.

И, разумеется, после такой операции, когда исчезла неизвестно куда примерно *половина* индивидуальных крестьянских хозяйств, т. Богушевский мог приступить и к *«прямому»* (!) оперативному воздействию на все отрасли народного хозяйства.

Проблема *рынка* т. Богушевским таким образом уже *снята*. Из свойственной ему скромности он, правда, не рассказывает, чем же оказался заменен рынок. Но «косвенное»—*через рынок*—воздействие *«на все отрасли* народного хозяйства» оказалось замененным «прямым оперативным» воздействием, *минуя рынок и помимо рынка*.

Тов. Богушевскому нельзя отказать в известной «логичности». В самом деле, если мы уже имеем «сплошное социалистическое плато», то рынок—варварский пережиток далекой старины. А если *снята* проблема рынка и рынок оказался уже замененным «прямым оперативным воздействием», то, следовательно, *снята* и вся проблема частнохозяйственного (торгового) капитализма, и уж, конечно, и задача ограничения и вытеснения кулачества и задача ликвидации кулачества как класса. Да где им собственно и быть, когда налицо уже «сплошное социалистическое плато».

И напрасно т. Богушевский скромничает, когда говорит о «сумерках» и «закате» нэпа. От нэпа в его постановке остались только «рожки да ножки». И нэп, наряду с прочими памятниками «седой старины», сдан в исторический музей за ненадобностью.

Но т. Богушевский, конечно, поспешил. И, несмотря на всю его «нелюбовь» к нэпу, ему придется подождать расставаться с этим «инструментом», который пока-что еще не выметен в числе прочего исторического мусора метлой истории.

Мы пошлем нэп «к чорту»,—писал т. Сталин в своем ответе свердловцам,—но только тогда, «когда уже не будем нуждаться в допущении известной свободы торговли, когда такое допущение будет давать лишь минусные результаты, когда мы получим возможность наладить хозяйственные связи между городом и деревней через продуктообмен без торговли с ее частным оборотом, с ее допущением известного оживления капитализма».

Нэп «еще не выметен в числе прочего исторического мусора метлой истории», писал я; Богушевские и Чернины «поспешили» нэп сдать «в исторический музей за ненадобностью». Богушевские и Чернины вынуждены признать, что они действительно «поспешили». Но как выйти из затруднительного положения? И они хватаются, не раздумывая, за старый испытанный прием: «Держи вора». И с этим боевым кличем бросаются в атаку на.... меня, обвиняя меня в том, что я «сдал нэп в архив».

Как это назвать, товарищи? Какая политическая и моральная характеристика должна быть дана этим моим, с позволения сказать, критикам?

И в этой же своей статье я подверг столь же обстоятельной критике утверждение Чернина, что между нэпом и социализмом лежит некий переходной период. Может быть Чернины и иже с ними запамятовали это? Может быть вообще они не помнят, что они писали и за что их критиковали? Это, конечно, мало говорит в их пользу и в пользу доброкачественности их лите-

ратурной деятельности. Литературные однодневки отнюдь не положительное явление в нашей литературе. И я вынужден в данном случае, пользуясь документальными данными, вытащить «за ушко да на солнышко» т. Чернина и показать в «подлинном» виде истинную «сущность» его обвинений меня в допущении некоего переходного периода между нэпом и социализмом.

Вот что я писал:

«Отметив, что «нэпом не покрывается переходной период» и что остается много «*остатков*», которые нужно будет «преодолевать», т. Чернин, перечисляя эти «остатки» меланхолично добавляет:

«*Остается на длительный период товарно-денежная форма хозяйства*».

«Товарно-денежная форма хозяйства», форма, рождающая капитализм, а в своем развернутом виде этот самый капитализм и представляющая. Недурной «остаточек», который придется «преодолевать» после окончания нэпа».

И дальше:

«Мы «отбросим нэп к чорту», но не для того, чтобы перейти к «товарно-денежной форме хозяйства», не для того, чтобы перейти к товарно-капиталистической форме хозяйства, а для того, чтобы полностью перейти к завершению задач социалистического строительства», уже на базе в основном построенного социализма.

Нет, и этого мыслимого со стороны Черниных-Богушевских обвинения, что я не дал своевременно отповеди им в этих вопросах, они мне предъявить не могут. Именно своевременно и достаточно обстоятельно в статье, пущенной ЦО без всяких с его стороны оговорок и примечаний, я дал критику ошибочных утверждений Богушевского-Чернина, что нэп уже закончен и что между нэпом и социализмом лежит некий переходной период.

И если теперь авторы этих утверждений эти свои ошибочные положения, мною подвергнутые критике, пытаются приписать мне, то это только яркий штрих в их характеристике и ничего больше.

Величайшим пустяком являются попытки приписать мне взгляд, что я считаю нэп законченным. Именно за такого рода утверждение я подверг критике взгляды Чернина-Богушевского. В моих же статьях указано совершенно точно и ясно, что нэп еще не завершен. Новое же на данном этапе я видел в том, что нэп начинает, но только начинает перерастать в другую политику—политику непосредственного социалистического строительства во всем народном хозяйстве. Вот почему в своей статье «На новом этапе» я и писал:

«Можно ли сказать, что это новое в экономической политике снимает прежнюю экономическую политику—нэп—и делает ее лишней, ненужной и мешающей. Конечно, нет. *Это было бы в корне ошибочно и вредно*. Мы находимся в таком периоде, когда «новая экономическая политика», только начав, постепенно, по мере роста и усиления крупной социалистической промышленности, по мере все большего развития колхозного строительства и увеличения районов сплошной коллективизации, по мере перехода от торговли к социалистическому продуктообмену, будет все больше перерастать в политику непосредственного социалистического строительства во всем народном хозяйстве.

И именно потому-то *неверными, ошибочными и политически вредными являются разговоры «об отмене» и «ликвидации» нэпа, о «смерти» нэпа и т. п.* Мы только находимся у самого начала этого движения, этого процесса перерастания новой экономической политики, политики «посредствующих звеньев» и «переходных мер» в политику непосредственного социалистического строительства; и мы должны это отчетливо понимать для того, чтобы избежать

как «левооппортунистических» васюков (рассматривающих существующую систему хозяйства, как «сплошное социалистическое плато» и потому считающих возможным уже снять вопрос: «кто—кого»), так и правооппортунистических попыток задержать, приостановить начавшийся процесс непосредственного социалистического переустройства всего народного хозяйства.

Мы «отбросим нэп к чорту», «когда он перестанет служить делу социализма». С этими словами т. Сталина как будто все согласны. Но надо обладать исключительной наивностью, надо быть «пустобаем - пустобрехом», для того чтобы думать, что это «отбрасывание» нэпа к чорту произойдет одним махом в таком-то часу, такого-то дня и числа, такого-то месяца и такого-то года.

«Новая экономическая политика» будет отброшена к чорту с завершением в основном переходного периода. Это формула—формула процесса, и ее не поймет тот, кто привык мыслить: да-да, нет-нет, а что свыше, то от лукавого».

Тут в большом употреблении была одна цитата из моей статьи относительно того, что нэп есть «предистория» к непосредственному социалистическому строительству. Правильно это? Я считаю, что правильно. Но, конечно, не в такой форме, как эта фраза цитировалась. Элементарное требование цитировать фразу до конца. К сожалению этого товарищи не делали. Между тем, после этих слов у меня стоит не точка, а запятая, а после этой запятой сказано, что нэп есть предистория «к непосредственному социалистическому строительству во всем народном хозяйстве, *когда минует народность в длинном ряде посредствующих звеньев и переходных мер*», т. е. по существу дела нэп будет завершен тогда, когда не нужно будет таких посредствующих звеньев, как торговля, рынок и т. д., когда будет закончен переходной период и мы вступим в социализм.

В этом именно духе высказывался т. Сталин в ответе свердловцам.

«Известную фразу в моей речи на съезде аграрников-марксистов надо понимать так,—писал т. Сталин,—что мы «отбросим нэп к черту», когда уже не будем нуждаться в допущении известной свободы торговли, когда такое допущение будет давать лишь минусные результаты, когда мы получим возможность наладить хозяйственные связи между городом и деревней через продуктообмен, без торговли с ее частным оборотом, с ее допущением известного оживления капитализма».

Но что такое «известная свобода торговли», что такое «допущение известного оживления капитализма» — непосредственное социалистическое строительство или посредствующие звенья в деле социалистического строительства? Нет сомнения—посредствующие звенья. А это значит, что мы «отбросим нэп к чорту» когда минет надобность в этих посредствующих звеньях.

Последний большой вопрос, который затрагивался в дискуссии, это—вопрос об опосредствованном и непосредственном социалистическом строительстве. Тов. Рыльский выступил с весьма решительным утверждением, что такое противопоставление—неверное противопоставление и что у Ленина такой постановки вопроса нет. Я склонен думать, что подобное утверждение—результат простого незнакомства с Лениным. И т. Рыльский, который критиковал мою статью, даже тех цитат из Ленина, которые я привел, не прочел как следует. Между тем из этих цитат явствует с полной определенностью, что Ленин переход от военного коммунизма к нэпу характеризовал, как переход от непосредственного социалистического строительства во *всем народном хозяйстве* к длинному ряду посредствующих звеньев и переходных мер.

Ленин еще говорил—снисходил т. Рыльский,—о непосредственном *перехода* к социалистическому строительству, но нигде не говорил о *непосредственном социалистическом строительстве*. Должен признаться, что я не вижу какой-либо разницы в этих постановках. Но если т. Рыльский с апломбом и самоуверенностью отнюдь не молодого профессора утверждает, что в этих двух формулах содержится принципиально различное содержание и что вторая формула,—формула не ленинская, то я вынужден буду показать т. Рыльскому, что быть красным профессором еще не значит, к сожалению, знать Ленина.

«Задача перехода к новой экономической политике в том и состоит, что после опыта *непосредственного* социалистического строительства в условиях неслыханно трудных, в условиях гражданской войны, в условиях, когда нам буржуазия навязывала формы ожесточенной борьбы,—перед нами весной 1921 г. стало ясное положение: *не непосредственное социалистическое строительство, а отступление в целом ряде областей экономики к государственному капитализму, не штурмовая атака, а очень тяжелая, трудная и неприятная задача длительной осады, связанной с целым рядом отступлений*. Вот что необходимо для того, чтобы подойти к решению экономического вопроса, т. е. обеспечения экономического перехода к основам социализма» [56].

И именно это обстоятельство Ленин неустанно подчеркивал:

«Перед нами сейчас, главным образом, экономические задачи и мы должны помнить, *что ближайший переход не может быть непосредственным переходом к социалистическому строительству*» [57].

Я позволю себе не приводить целого ряда цитат, где Ленин говорит и о непосредственном *переходе* к социалистическому строительству и о непосредственном социалистическом строительстве и о посредствующих звеньях и переходных мерах и т. д. Товарищи, знающие Ленина, приведут подобного рода цитат из работ Ленина сколько угодно сами. А товарищей, которые хотя и называются красными профессорами, но Ленина до сих пор как следует быть не знают,—вроде например т. Рыльского,—я отошлю к своей статье, где длинный ряд подобного рода выдержек из работ Ленина приведен.

В этой же связи я останавливаюсь и на обвинении, брошенном мне т. Бомштейном, который приписывает мне такое утверждение: «Поскольку имеет место непосредственное социалистическое строительство, мы выходим за пределы нэпа». Это и верно и неверно. *Это—неверно*, поскольку я писал, что в рамках нэпа шло и непосредственное социалистическое строительство. Соответствующую цитату приводит сам т. Бомштейн. *Это—верно*, если говорить о непосредственном социалистическом строительстве, т. е. установлении социалистических форм производственных отношений и на этой базе их расширенного воспроизводства в объеме всего народного хозяйства, включая и социализм, ибо это есть уже социализм.

Надо сказать, что в вопросе о том, что можно считать опосредствованным и непосредственным социалистическим строительством и, в частности, в выступлении т. Бутаева, было сказано много неверного. Тов. Бутаев выступил с утверждением, что социалистический продуктообмен полностью включается в нэп. Если мы будем говорить о том социалистическом продукто-

---

[56] *Ленин*, Соч., т. XVIII, ч. 1, с. 396—397, курсив мой—*К. Р.*
[57] *Ленин*, Соч., т. XVIII, ч. 1, с. 399.

обмене, о котором говорил Ленин, когда мы переходили к нэпу, т. е. о социалистическом продуктообмене между социалистической промышленностью *и индивидуальным* крестьянским хозяйством, тогда это утверждение т. Бутаева несомненно правильно. Но тот социалистический продуктообмен, который у нас начинается сейчас, он существенно отличается от того продуктообмена, о котором говорил Ленин в начале нэпа. Сейчас у нас начинает устанавливаться продуктообмен между крупной социалистической промышленностью *и коллективизированной*, а не индивидуальной деревней. Это качественно совершенно иное. И этот социалистический продуктообмен, эта форма новых хозяйственных связей между городом и деревней, она уже не является конститутивным признаком нэпа.

В своей статье «О новом этапе нэпа», помещенной в № 7—8 «Большевика», т. Бутаев прямо писал: «Обобществление товарооборота в формах государственной и кооперативной торговли не есть еще продуктообмен. Но это обобществление есть подготовка перехода к продуктообмену и обеспечение этого перехода. Переход же к продуктообмену, к правильному, социалистическому продуктообмену есть последний этап той новой экономической политики, которая началась с провозглашением продналога, как одной из форм перехода к социалистическому продуктообмену, но которая на этом лозунге не удержалась и отступила к торговле, к простой купле-продаже».

Итак, по т. Бутаеву социалистический продуктообмен укладывается в рамки нэпа. Надо прямо сказать, что здесь т. Бутаев вступает в прямое противоречие с высказываниями т. Сталина по этому же вопросу. Мы «отбросим нэп к чорту,— писал т. Сталин,—когда мы получим возможность наладить хозяйственные связи между городом и деревней через продуктообмен». Переход к социалистическому продуктообмену означает по т. Сталину завершение нэпа («отбросим нэп к чорту»), а по т. Бутаеву лишь последний этап нэпа.

Есть несомненная опасность того, что может быть непонят тот факт, что мы находимся только в состоянии процесса перерастания одной политики в другую. Если этого не понять, отсюда неизбежно должны последовать самые неприятные политические последствия. Если вы не поймете, что *начался*, но только начался, этот процесс перерастания одной политики в другую, если вы будете пытаться держаться на тех позициях, на которых мы держались до сих пор, то вы неизбежно будете тянуть назад, будете тянуть на позиции правого оппортунизма.

Есть другая опасность, опасность перескочить через этот процесс, как перескочил, допустим, т. Богушевский, в результате чего у него получилось, что вопрос «кто—кого» снят. Такую же ошибку, какую допустил в свое время т. Богушевский, теперь в этой дискуссии повторил т. Рыльский. Тот самый т. Рыльский, который пытался доказать, что моя концепция есть концепция по существу дела троцкистская. Но здесь по всей видимости сотоварищи по теоретическим «загибам»—Богушевский и Рыльский—не договорились: один обвинил меня в правизне, другой—в левизне.

Что говорил здесь т. Рыльский, когда он характеризовал этот новый этап, и что он видел нового в этом этапе? Он говорил: «Эти рыночные отношения, конечно, резко отличаются от тех рыночных отношений, которые мы имели до данного этапа». «Чем отличаются рыночные отношения данного этапа,—спрашивал т. Рыльский и отвечал: «Их характерная особенность заключается, во-первых, в том, что если в прошлое время из рыночных отношений вырастал капитализм, то *на данном этапе все клапаны и поры*

для вырастания капитализма закрыты». Вы говорите, т. Рыльский, здесь совершенно ясно, чем отличаются рыночные отношения *данного* этапа. Но я полагал и полагаю, что если у вас есть рыночные отношения, то, простите т. Рыльский, ведь вы, кажется, профессор-экономист, эти отношения неизбежно будут порождать капитализм. Из этого вы не выскочите. Больше того. Даже в тех случаях, когда мы имеем колхоз, где обобществлены средства производства, где зерновая продукция сдается по плану, но где остается в руках у крестьянина, у колхозника, целый ряд таких продуктов, которые он может реализовать на рынке, то и в этих условиях надо очень внимательно еще изучать те процессы, которые будут происходить в сфере обращения и которые еще могут питать капитализм. Но если вы утверждаете, что на данном этапе такие хорошие рыночные отношения, при которых все поры и клапаны для развития капитализма закрыты, то надо сказать, что вопрос «кто—кого» снят. Это совершенно ясно и бесспорно для каждого грамотного экономиста. Как при такой постановке вопроса можно быть несогласным с Богушевским, что вопрос «кто—кого» не снят? Так ставить вопрос нельзя. Так ставить вопрос, выступать с таким утверждением, значит совершать большую ошибку. Отсюда неизбежно вытекает, что все благополучно, капитализм нам не страшен, потому что все клапаны и поры для развития капитализма закрыты, никакой экспансивности у этого капитализма не может быть. Все корни капитализма уже вырваны и, следовательно, вопрос «кто—кого» снят. Здесь т. Рыльский делает ту же ошибку, которую делает и Богушевский. Ошибка т. Рыльского и ошибка Богушевского в этом отношении однотипны. Я позволю себе не характеризовать политического смысла этой ошибки. Напомню лишь только, что по этому поводу говорил т. Молотов в своей статье «О наших задачах»:

«Срывы в проведении политики партии и теперь нередкое явление, они встречаются на каждом шагу. Мелкобуржуазной бесхарактерности и истеричности, столь характерной для настроений троцкистского типа, немало даже еще в партийной среде. Они находят себе выражение в проявлениях такого рода «левизны», как подмена административным нажимом действительной работы в массах при проведении коллективизации, как «раскулачивание» некоторых середняков, не повернувших пока́ что на путь коллективизации, а также в головотяпстве с закрытием церквей в административном порядке и т. п. Сюда же относятся рассуждения о том, что ввиду наших успехов, ленинский вопрос «кто—кого» уже будто бы снят. Такое перепрыгивание через этап обостренной классовой борьбы, каким является настоящий период, является одним из ярких примеров оппортунистического смазывания классовых задач пролетариата под флагом «левых» фраз и потому несовместимо с ленинизмом. Борьба с такой «левизной», на деле представляющей разновидность оппортунизма, является нашей большевистской обязанностью. Без борьбы с такой «левизной» не может быть серьезной борьбы с правым «оппортунизмом».

Нет сомнения, что теоретическое осмысливание нового этапа требует коллективной работы и что в процессе выработки концепции нового этапа отдельными товарищами будут допущены и ошибки и неудачные формулировки. Но уже в процессе этой коллективной работы над проблемами нового этапа обнаружились такие высказывания, которые выходят за пределы нашей общеполитической линии, и с этими ошибками надо, конечно, бороться и бороться достаточно резко.

Я позволю себе остановиться в заключение на некоторых высказываниях т. Карпинского. Тов. Карпинский выступил с очень длинной, и я бы сказал, с очень претенциозной речью, менторски поучал и, надо сказать, наговорил целую бездну грубых ошибочных вещей.

Прежде всего т. Карпинский счел нужным дать определенную политическую оценку той моей фразы, где было сказано, что капитализм у нас являлся «пособником» социализма, причем слово «пособник» у меня было взято в кавычки. Тов. Карпинскому эти кавычки доставили особенное удовольствие. Он говорил: «Как бы вы ни ставили кавычки, какие бы кавычки ни ставили, но пособником социализма капитализм никогда не был». Это явный оппортунизм. Я думаю, что здесь т. Карпинскому изменила та самая диалектика, которой он здесь перед нами клялся. Я могу прочесть ту самую цитату Ленина, из которой я взял слово, эту характеристику капитализма, как «пособника» социализма. И именно потому, что это выражение Ленина, я слово «пособник» социализма и взял в кавычки. Ленин писал в статье «О продналоге»:

«Это может показаться парадоксом: частнохозяйственный капитализм в роли пособника социализму.

Но это нисколько не парадокс, а экономически совершенно неоспоримый факт. Раз налицо мелкокрестьянская страна с особенно разоренным транспортом, выходящая из войны и блокады, руководимая политически пролетариатом, который в своих руках держит транспорт и крупную промышленность, то из этих посылок совершенно неизбежно вытекает первостепенное значение в данный момент местного оборота, во-первых, и возможность оказать содействие социализму через частнохозяйственный капитализм (не говоря уже о государственном), во-вторых» [58].

Я думаю, что такого рода менторское выступление, которое было у т. Карпинского, должно подкрепляться большим и лучшим знанием Ленина.

Второй упрек, который бросил мне т. Карпинский, сводится к следующему: т. Карпинский взял под усиленный обстрел мое положение, что «коллективизация имеет своим исходным пунктом рост крупной *социалистической* промышленности». Тов. Карпинский был этим чрезвычайно недоволен. И он опять таки выступил с длинным поучением на тему, что «коллективизация имеет своим исходным пунктом не промышленность, а диктатуру пролетариата». Ну, если т. Карпинский думает, что социалистическая промышленность может быть и не при диктатуре пролетариата, а напр. при капитализме или при феодализме, тогда т. Карпинский делает ценнейшее открытие. Но ему следовало бы это своеобразное утверждение несколько аргументировать. Но т. Карпинский решил итти в этом отношении несколько дальше и заявил, что это не только не верно, но что моя формулировка ему напоминает формулировки Каутского. Вспомните,—говорил он,—что Ленин говорил Каутскому, как он подчеркивал важность значения диктатуры пролетариата. Это просто смешно. И вы, конечно, можете мне поверить, что я не собираюсь ни в какой мере оспаривать значение диктатуры пролетариата. Но речь идет о том, что же в условиях диктатуры пролетариата является исходным пунктом, базой коллективизации. Если т. Карпинский, сославшись на Ленина, все же не привел соответствующей цитаты из «разговора» Ленина с Каутским, я могу

---

[58] *Ленин*, Соч., т. XVIII, ч. 1, с. 225.

в этом отношении помочь т. Карпинскому и напомнить, в чем заключался разговор на тему о коллективизации между Лениным и Каутским.

В своей работе «Пролетарская революция и ренегат Каутский» Ленин писал:

«И напрасно повторяет Каутский беззубые либеральные остроты: «Нигде еще и никогда мелкие крестьяне под влиянием теоретических убеждений не переходили к коллективному производству».

«А что, любезный Каутский, если у крестьян *нехватает* орудий для мелкого производства, а пролетарское государство *помогает* им доставать машины для коллективной обработки земли, есть ли это «теоретическое убеждение» [59].

Если т. Карпинский хотел мне сделать удовольствие, проводя параллель между мною и Каутским, то я позволю себе ответить т. Карпинскому этими словами Ленина. А выводы пусть делает сам т. Карпинский.

Третий пункт обвинения, который был предъявлен мне т. Карпинским, заключался в оспаривании положения, что частный торговый капитал лишен у нас производственной базы. Это, говорил т. Карпинский, совершенно неверно. Это, говорил он, нигде не сказано. Это, говорил он, значит недооценивать торговый капитал и крупную буржуазию. На мою реплику, что на этот счет есть высказывания т. Сталина, т. Карпинский, как будто ориентируясь на мою реплику, заявил, что у т. Сталина другой контекст. Я позволю себе указать, как писал Сталин в своем ответе свердловцам:

«Для точности следует заметить,—писал т. Сталин,—что партия не давала указания распространить лозунг ликвидации кулачества как класса на новую городскую буржуазию. Нужно видеть разницу между нэпманами, давно уже лишенными в основном *производственной* базы и не имеющими поэтому сколько-нибудь серьезного веса в нашей хозяйственной жизни, и между кулаками, которые до последнего времени имели огромный хозяйственный вес в деревне и которых мы *теперь только* лишаем их *производственной* базы».

Таким образом т. Карпинский, воюя со Сталиным, изобразил дело так как будто он воюет со мной. Должен прямо сказать, что я согласен здесь с т. Сталиным, а не с Карпинским.

Последний пункт обвинения, который был мне предъявлен Карпинским, заключается в том, что у меня не сказано, чем отличается раскулачивание первого этапа, т. е. этапа военного коммунизма, от теперешнего этапа. Я должен сказать, что т. Карпинский и здесь обнаружил совершенно изумительные приемы и методы полемики. У меня специально целых два абзаца статьи посвящены критике бухаринских положений, что новый этап характеризуется как этап антикулацкой революции.

«Ошибку делают и те товарищи,—писал я,—которые нынешний этап переходного периода характеризуют, как период «антикулацкой революции». Не ликвидация кулачества как класса характеризует новый этап, а те бурные процессы коллективизации, которые привели к созданию ряда районов сплошной коллективизации и тем самым выдвинули лозунг ликвидации кулачества как класса. «Антикулацкая революция»—это скорее характеристика того, что мы имели в период военного коммунизма, период раскулачивания и комбедов, период свержения господства кулаков в деревне и уничтожения его экономической мощи, а не в период массового колхозного строительства

[59] *Ленин*, Соч., т. XV, с. 519.

и социалистической реконструкции сельского хозяйства. Именно тогда скорее можно было говорить об «антикулацкой революции», ибо именно в этом была суть того периода, который Ленин назвал «Октябрьской революцией в деревне», когда сброшена была власть кулака и установлена советская власть как форма пролетарской диктатуры. Именно тогда можно было говорить об «антикулацкой революции», ибо борьба с кулаком была сутью этого периода, ибо в «раскулачивании» кулака была задача того периода, ибо, «раскулачивая» кулака, мы передавали его имущество не в колхоз, а деревенской бедноте в ее индивидуальное пользование и тем самым укрепляли мелкое индивидуальное крестьянское хозяйство. И конечно коренным образом отлично обстоит дело в нынешний период. Ликвидация кулачества как класса является лишь одной из «сторон» того процесса колхозного строительства, которой завершилось создание районов сплошной коллективизации.

И именно потому-то вопрос о ликвидации кулачества мы ставим в прямой связи с созданием районов сплошной коллектививации и только с ним. Там, где колхозное движение не доросло до создания районов сплошной коллектививации, там ловунг ликвидации кулачества преждевременен и потому политически ошибочен и вреден (там действует ловунг ограничения и вытеснения, хотя и в качестве вспомогательного и подсобного к главному лозунгу—лозунгу ликвидации кулачества как класса.—*К. Р.*). Мы ликвидируем кулачество только там, где налицо имеются все необходимые предпосылки и где исчерпавший свою роль капитализм превращается из «неизбежного зла» в «зло», которое может и должно быть уничтожено, ибо оно существенно вредит делу перехода к более высоким формам колхозного строительства.

И «раскулачивая» кулака мы его имущество используем не для усиления индивидуального хозяйства бедняка или маломощного середняка, а для укрепления колхоза. Допустить обратное, допустить осуществление ловунга ликвидации кулачества как класса там, где нет строительства коллективных хозяйств, «это вначило бы подменить политику обобществления в колхозах конфискованного кулацкого имущества политикой дележки этого имущества для личного обогащения отдельных крестьян. Такая подмена была бы шагом назад, а не вперед» (Сталин).

Тов. Милютин.—Я бы хотел подвести некоторые итоги нашему обсуждению. Вопрос, поднятый т. Розенталем, несомненно крайне существенный и важный, но обсуждение вопроса пошло не по тому направлению. Противники докладчика стали искать у него обязательно право-уклонистское направление. Докладчик признал неправильность некоторых своих формулировок, и дал ответ на возражения, которые ему были представлены, когда его обвиняли в том, что он недооценивает социалистическое наступление в период нэпа.

Сейчас заниматься вопросом, что такое нэп, был ли нэп наступлением или был ли нэп в начальном периоде отступлением, после прожитого, откровенно говоря, даже несколько странно. Перед нами стоит огромная задача—дать оценку экономической политике и наметить ее основные пути для настоящего периода. По моему, в докладе т. Розенталя существенным недостатком является то, что помимо неправильных формулировок, о которых он говорил, он, несмотря на различные ссылки, неисторически поставил анализ всего развития нэпа. Ведь мы имели целый ряд этапов нэпа: первоначальный период, нэп в период восстановления народного хозяйства и нэп реконструктивного периода, и мне представлялось, что центр тяжести нужно сконцентри-

ровать именно на последней части. А тут и в его статье и в его докладе эта последняя часть как раз была наиболее увко, тесно, неполно поставлена.

Действительно, кто скажет, что сейчас реконструктивный период закончен? Но вместе с тем, нужно особенно подчеркнуть то принципиально новое на данном этапе развития, что мы имеем в различных областях.

В области индустриализации страны — можем ли мы сказать, что мы индустриализацию заканчиваем? Нельзя, несмотря на огромнейшие темпы развития индустриализации, несмотря на то, что у нас темп развития промышленности из года в год происходит в возрастающем проценте: если мы в прошлом году повысили валовую продукцию промышленности на 24%, а нынешний год за первую половину его дал 29% с лишним, почти 30%, то возможно, что во вторую половину мы будем иметь до 32%, а для следующего года повидимому темп развития промышленности будет свыше 40%. Итак, мы имеем удвоение промышленной продукции по сравнению с довоенным временем. Мы имеем ушестерение производства с.-х. машин, в области металлургии мы перешагнули довоенный уровень. Это — колоссальнейшие достижения. В области электрификации у нас тоже такие же огромные достижения. В области электроэнергии мы имеем в несколько раз больше довоенного уровня. Но все же мы отстаем и не достигли еще того плана, который был намечен ГОЭЛРО, еще в большей степени не достигли плана ГОЭЛРО в области производства электроэнергии.

Затем, вне всякого сомнения, мы в области целого ряда отраслей промышленности, в области химической промышленности, в области машиностроения только лишь разворачиваем, начинаем разворачивать по настоящему производство. Мы еще не можем сказать, что мы уже превратились в промышленно-аграрную страну. У нас в области индустриализации занято меньшинство населения. Так что при этих условиях, несмотря на то принципиально новое, что мы имеем в индустрии, огромного возрастания ее ведущей роли, мы еще не можем сказать, что мы индустриализацию даже заканчиваем. (С места: а можно ли ее, вообще закончить?) — Конечно, когда мы превратимся в индустриальную, промышленную страну. Ведь наша цель какая? Можем ли мы сказать, что мы всегда будем аграрно-промышленной страной? Мы не ставим вопроса так абстрактно. Конечно, мы будем дальше экономически развиваться, но не об этом стоит вопрос. Мы были аграрной страной. Сейчас стали становиться аграрно-промышленной. У нас валовая продукция промышленности в прошлом году в ценностном выражении достигла валовой продукции сельского хозяйства. Мы постепенно начинаем превращаться в индустриальную, в промышленно-аграрную страну. После завершения этого процесса, мы скажем, что задача индустриализации разрешена, но это не значит, что мы приостановим дальнейшее экономическое развитие, развитие промышленности и т. д. Теперь перед нами стоит конкретная задача— превратиться в промышленно-аграрную страну. Выбрали мы пути ее решения твердо, но перескочить через этап, начать убаюкивать себя тем, что мы эту задачу решили,—это неправильно.

Дальше, в области сельского хозяйства, что мы имеем? Вы знаете, что на основе индустриализации страны мы имеем по существу переворот в сельском хозяйстве. Несмотря на ошибки, перегибы, загибы, имеющиеся в деревне, мы имеем колоссальный сдвиг, мы имеем такой сдвиг, который носит принципиально новый характер, по сравнению с тем, что было. Зерновая проблема в значительной степени может считаться решенной экономиче-

ски у нас. Могут быть колебания, но тут достигнуты такие результаты в смысле крупного обобществленного сельского хозяйства, которых уже не вычеркнешь. Это не значит, что перед нами еще не стоит целый ряд новых проблем, — проблема животноводческая, технических культур и т. д. Но можно ли сейчас перескочить через этот этап и сказать, что мы уже здесь отживаем целый ряд отношений, рыночных, производственных и т. д., ликвидируем проблему индивидуального сектора, рынка, денег и вступаем в совершенно новую конъюнктуру в этом смысле? Нельзя. Это тот перескок, который приносит нам большой вред, а не пользу.

Далее, возьмем такой принципиально новый вопрос, как ликвидация кулачества как класса в районах сплошной коллективизации. Эта проблема в области классовой борьбы впервые поставлена в этом году. Если вы проанализируете эту задачу — что она означает? Что значит ликвидация кулачества как класса в районе сплошной коллективизации? Поставьте перед собой этот вопрос. Многие разрешали его так, что это тот район, где все на сто процентов коллективизировано. Будет ли это правильно?—Несомненно, неправильно. Это тот административный перескок, который делается в области и практической и теоретической сплошь и рядом. Район сплошной коллективизации в данных конкретных условиях—это район, который коллективизировал, примерно основную массу середняцко-бедняцкую (около 60—70%) и соответствующие основные средства производства. Но 30% или около того, остаются вне коллективизации. Но что нового вносится в районе сплошной коллективизации? Почему в районе сплошной коллективизации мы можем поставить проблему ликвидации кулака как класса? Потому что мы имеем в районах сплошной коллективизации новую ситуацию по сравнению с той, которая имеется в индивидуальном секторе сельского хозяйства, потому что мы имеем здесь *центр хозяйства*, который дает новую законосообразность и значит необходимость сделать новые выводы о классовых отношениях. Крупное обобществленное хозяйство, когда оно охватывает большинство хозяйств, дает новую ситуацию, новую законосообразность, и на основании этого мы можем притти к ликвидации кулачества как класса, потому что процесс воспроизводства происходит уже на базе обобществленных средств производства. В своих последних произведениях троцкисты полностью обнаруживают мелкобуржуазную социалдемократическую сущность троцкизма, когда говорят, что в коллективных условиях мы имеем воспроизводство капиталистических отношений, и что, когда мы говорим о ликвидации кулачества как класса в районах сплошной коллективизации, мы делаем ошибку, потому что сама коллективизация будет порождать кулака. Такая оценка является несомненно мелкобуржуазной оценкой, оценкой, которую давал Каутский нашему социалистическому строительству. В этом случае Троцкий повторяет Каутского.

Правые также совершенно неверно оценивали коллективизацию, ее роль и значение не только в области экономической реконструкции сельского хозяйства, но в области классовых отношений. Середняк и бедняк в колхозе — это не тот середняк и бедняк, которые находятся в индивидуальном секторе. Нужно себе представить совершенно ясно и определенно, что если в индивидуальном секторе середняк и бедняк в своем экономическом развитии могут итти по двум направлениям, по капиталистической линии развития и по социалистической линии развития, потому что процесс развития совершается на базе средств производства, находящихся в частной собственности, на базе рыночных отношений, где планового хозяйства нет, а есть только

регулирование планового хозяйства, то при коллективных условиях, где развитие совершается на базе обобществленных средств производства, на базе планового хозяйства, здесь середняк и бедняк находятся в особых условиях развития, при которых различия между ними будут значительно быстрее нажиты. Здесь мы уже будем иметь в *развитии* групповые интересы, будем иметь известное имущественное неравенство и т. д. Но середняк и бедняк в колхозе—это не тот середняк и бедняк, который находится вне колхоза, он поднялся на несколько новых ступеней в своем развитии по пути социалистического строительства. И в тезисах Яковлева мы читаем, что опора на колхозника иная сейчас, чем опора на бедняка и середняка, находящегося вне колхоза. Это не снимает тех задач, которые мы ставили в отношении индустриального сектора. Отнюдь не снимаются все те проблемы, которые мы ставили себе в деревне—в области союза с середняком, в области содействия его развитию—в сторону социализма, а не в сторону капитализма, в области определенной политики в рыночных отношениях, в области снабжения, заготовок и т. д. и т. д.

В области, например, контрактации у нас на местах был допущен перегиб, пожалуй, не меньшего масштаба, чем в области коллективизации. Это важнейшая область, которая играла колоссальнейшую роль, служа нам одним из средств регулирования мелкого сельского хозяйства, вовлечения его на путь социализма. И здесь было наделано тоже немало ошибок. Это нужно признать со всей определенностью, со всей откровенностью. Поэтому прав т. Розенталь относительно того, что здесь оставаться на старых позициях, не видеть нового, думать, что мы не имеем ничего принципиально нового и в этом смысле приспособлять к старинке нашу политику, как это делают правые,— это несомненно было бы движением вспять. Но с другой стороны, учитывая это принципиально новое, делать перескок через него, не учитывать всего своеобразия и всей трудности и ответственности, которые мы сейчас переживаем в области нашего хозяйства, нельзя. Действительно, труднейшие задачи стоят перед нами, несмотря на разрешение в области сельского хозяйства такой проблемы, как зерновая проблема. Она более или менее разрешена конечно, тут, так сказать, нащупано полностью решение задачи, и повидимому мы получим в течение ближайшего и следующего годов определенные практические результаты. Но еще величайшая трудность и затруднения материального характера нам предстоят в области животноводства, в области продовольствия, в области важнейших отраслей нашего народного хозяйства. И в области индустриализации мы еще будем иметь величайшие трудности, несмотря на то, что путь нам ясен.

Учитывая своеобразие данного момента, мы должны построить наши выводы. Сейчас несомненно мы начинаем пожинать *первые результаты реконструктивного периода нэпа*, в области индустриализации, в области реконструкции сельского хозяйства. Но мы еще находимся в реконструктивном периоде нэпа и в труднейшем периоде, когда мы только начинаем решать элементарные задачи реконструкции народного хозяйства, когда мы начинаем подходить к разрешению таких проблем в области промышленности, как топливная, проблема электрификации и т. д., когда только начинаем пробивать себе дорогу в целом ряде производств и в целом ряде отраслей промышленности, которые до сих пор находятся на старом положении, когда в области сельского хозяйства начинаем решать зерновую проблему на основе крупного обобществленного хозяйства и только ставим перед собою проблему

животноводства. Поэтому у нас несомненно будут огромнейшие затруднения на предстоящий год в различных областях.

Точно также в области классовых отношений. Мы имеем огромное укрепление диктатуры пролетариата, его ведущей, организующей роли, колоссальнейшее укрепление и расширение базы. Мы в этом отношении имеем новую ситуацию, но вместе с тем, ставим проблему ликвидации остатков капитализма в деревне. Здесь нельзя переоценивать положение, делать перескоки, ибо это было бы величайшей ошибкой, величайшей опасностью.

Я бы хотел закончить еще одним замечанием. Чисто теоретическую работу представляют себе так, что чуть ли не каждый месяц и обязательно для каждого периода необходимо рождать новые законы. Это неправильно.

Теория, наша марксистско-ленинская теория — передовая теория, другой более передовой теории нет. Но теоретическая работа наша, т. е. использование теоретических достижений, с помощью методологии этой теории проработка текущей действительности, установление правильных отношений в области общественных явлений, оценка их в историческом разрезе и в перспективном разрезе — эта работа у нас несомненно отстает. Мне представляется, что, при огромном недостатке наших сил, эта работа очень трудная в поэтому снижать эту работу в Комакадемии, как делают некоторые товарищи, переводя иногда полемику и борьбу в область исключительно словесных нападок, формулировок и т. д., было бы несомненно неправильным. Тут конечно каждый шаг будет достигаться с большим трудом, особенно у нас, когда мы являемся все больше практиками, чем теоретиками. У нас теоретическая работа для каждого из нас чаще всего, к сожалению, является работой лишь в свободное время от другой работы. Это колоссальнейший минус. Одна из причин отставания теоретической работы заключается в том, что ей не придается до сих пор должного значения. Кроме того особо должен быть поставлен весьма острый вопрос о кадрах.

В заключение я хотел сказать, что поменьше, действительно, таких упражнений, как ловля на словесных формулировках, как книжное сопоставление тех или иных положений и побольше анализа живой действительности с помощью метода марксистско-ленинской теории. На этом пути мы получим несомненно огромные и ценные выводы, которые будут иметь и теоретическое и практическое значение.

ПРОТИВ ВОИНСТВУЮЩЕГО МИСТИЦИЗМА А. Ф. ЛОСЕВА *

ДОКЛАД Х. ГАРБЕРА

Товарищи! Идеализм существовал в Советском Союзе в течение всех революционных лет. Всем известно, что, после того как начался нэп, идеализм даже обзавелся целым рядом журналов и в них выступал открыто против марксизма и против нашей революции. Скоро эти журналы прекратили свое существование, а реакционные профессора, их издававшие, оказались за границей. Все же, разумеется, идеализм продолжает существовать. Прямым доказательством этого является появление целого ряда философских и других произведений. Я имею в виду сборники «Пути реализма», «Научные известия», двухтомное сочинение Рубинштейна «О смысле жизни», ряд сочинений Шпетта и др. и наконец Лосева, автора наиболее плодовитого, выпустившего целый ряд книг, если не ошибаюсь семь работ, между 1925 и 1930 гг.

Никогда идеализм не выступал в столь реакционной, претенциозной и воинственной форме, как теперь в лице Лосева. Разумеется, это происходит не бее определяющего влияния тех подпочвенных сил общественного порядка, которые действуют в современном буржуазном обществе и в нашей стране. Об этом я скажу позднее, после того как проанализирую его идеологию.

Однако прежде чем приступить к теме, я должен оговориться: дело в том, что Лосев выступает часто в качестве исследователя. Так он, во-первых, изучает античную философию, которой уделяет очень много внимания; во-вторых, его занимает филология; в третьих, он интересуется искусством. Тем не менее, само собой понятно, что изучение античности, филологии и эстетики не только не исключает, но, напротив того, предполагает наличие у самого Лосева известного миропонимания, т. е. определенной философии. Я хочу обратить внимание присутствующих именно на последнюю сторону лосевских произведений. Итак мы не будем итти по стопам всех его античных и других изысканий, а попытаемся выявить собственный идейный облик Лосева. Задача эта далеко не легкая, и вот почему. До сих пор Лосев, несмотря на всю свою многоречивость, не написал ни одного произведения, в котором дал бы в систематической и последовательной форме изложение основ своей философии. Это не значит, что судить о его философии невозможно, напротив, во всех его сочинениях разбросано много страниц, в частности в примечаниях, из коих совершенно определенно явствует суть его мировоззрения. Приэтом однако следует иметь в виду, что нас ждут некоторые трудности при анализе лосевских воззрений. Дело в том, что Лосев высказывает свои мысли далеко не

* Прочитан в Институте философии Коммунистической академии 21 мая 1930 г.

всегда в ясной форме. Часто он пишет эзоповским языком, нередко — иронически. Бывает и так, что Лосев говорит не сам, а устами Платона, и нужно разобраться, где кончает один и где начинает другой. Но все это не мешает внимательному читателю уловить затаенные мысли Лосева и распознать его действительные взгляды. Сам Лосев всячески стремится убедить читателя в своем философском превосходстве и ничтожности всяких иных учений. Словом, замысловатая внешняя форма писаний Лосева не мешает ему ревностно пропагандировать самые реакционные воззрения.

Ознакомившись с сочинениями Лосева, нетрудно установить, что в его мировоззрении можно различить три части: 1) Учение о диалектике. 2) Космополитические воззрения и 3) Общественный идеал.

Остановимся на каждой из них в отдельности. Прежде всего Лосев решительно настаивает на том, что он, а не кто-нибудь другой является в наше время диалектиком. О самой диалектике он очень высокого мнения. Так он пишет: «Диалектику я считаю единственно допустимой формой философствования» [1]. Подобных заявлений не мало в его сочинениях, мы приводим лишь самое краткое и выразительное. Но что представляет собой эта диалектика? «Формальная логика есть *λογος о λογοσε*,— пишет он,— диалектика есть логос об эйдосе» [2], т. е. обычная логика — это мышление о мышлении, а диалектика есть мышление об эйдосе. Что же такое эйдос? По словам Лосева, эйдос есть цельный смысловой лик вещи, умственно-осязательная фигура последнего, тогда как логос есть метод смыслового оформления вещи. Разумеется, здесь нет чисто логического понимания логоса, однако, если держаться лосевских понятий, его определения категорий, то совершенно очевидно, что логос мыслится им, как некоторое рациональное начало в противоположность эйдосу, который есть нечто возврительное, в конечном счете мистическое.

В понимании эйдоса Лосев не оригинален, свои взгляды он заимствует у священника Флоренского. Вот что последний пишет «... мы непременно догадываемся, что на лике именно (ибо ликом своим человек бывает человеком) «ориентирован» идеализм и что, следовательно, идея связана с *ликом* гораздо более тесно, нежели чем просто с одним из разъясняющих примеров... Да, идея есть лицо лица или лик. Такая догадка весьма вероятна; но она переходит и в уверенность, если только мы потрудимся этимологически обсудить слово, ставшее в языке идеализма коренным — именно технический термин *εἶδος* или *ἰδέα* [3]. Отсюда и заимствует Лосев свое понимание эйдоса, как умственно осязаемого зрака вещи, как лика. После этого не может оставаться сомнений в том, что эйдос представляет собой иррациональную сущность. Что касается логоса, то он есть нечто другое. Логос противоположен диалектике; «Принцип логоса есть, наоборот, принцип абсолютной раздельности, без объединения в абсолютное тождество, а лишь с объединением множественного, это — *принцип внешнесмыслового объединения абсолютных внеположений*. Другими словами, логос и есть дискретность, и потому самое общее понятие «бытия» для него абсолютно дискретно в отношении к отсутствию бытия, можно или только быть или только не быть («закон исключенного третьего») [4].

---

[1] *А. Ф. Лосев*, Философия имени, Москва, изд. автора, 1927 г., с. 9, см. также с. 7, 13 и 16.

[2] *А. Ф. Лосев*, Античный космос и т. д. М. 1927, с. 14.

[3] *Проф. свящ. П. А. Флоренский*, Смысл идеализма, сборник статей в память столетия Имп. Моск. Дух. академии, ч. II, с. 112, 1915. Сергиев-Посад.

[4] *А. Ф. Лосев*, „Философия имени" Москва, изд. автора, 1927 г., с. 153.

Таким образом здесь логос недвусмысленно трактуется, как формальная логика. Но теперь мы несколько овадачены—чем же является диалектика. Ведь диалектика по вышеприведенному определению самого Лосева есть логос об эйдосе, следовательно, диалектика означает формальное мышление об эйдосе, т. е. метафизику, соединенную с мистикой. Это уже ни в какой степени не вяжется не только с нашим пониманием диалектики, но даже с гегелевским. Какой смысл имеет после этого противопоставление диалектики логосу, остается тайной одного Лосева. По нашему разумению—это уже не диалектика, а что-то другое. Дальше выясняется, насколько Лосев далеко отстоит от нее. Диалектику он понимает как абстракцию, мертвую как и всякая математическая формула. Качество, эту определенность бытия, он истолковывает количественно, да и сама мера принимает у него своеобразное числовое выражение. Вот что мы у него по этому поводу читаем: „Это значит, что *„мера“* в гегелевском смысле и есть не что иное как *число* в моем смысле, т. е. такое „количество“, которое внутри себя содержит определенную „качественность“, или порядок, фигурность. Мера Гегеля есть наше умно-фигурное число» [5]. Качественность становится порядком, порядок превращается в фигурность. У Гегеля и следа нет подобной теории. Умно-фигурное число это от Плотина, а не от Гегеля. Впрочем это нисколько не смущает Лосева, он сознательно идет от современности к раннему средневековью. В связи с этим необходимо обратить внимание еще на одну черту его «диалектики», оказывается она носит своеобразный воззрительный характер. Об эйдосе он говорит как о смысловой изваянности. Образ, фигура, изваяние, лик, умное число,—вот категории, при помощи которых он построяет свою диалектику. Как же он мыслит саму диалектику? Не иначе как чисто логическую систему. Он пишет: «...Диалектика сначала должна быть построена как чисто, *логическая система*. Надо посмотреть, что тут дадут сами понятия, сама смысловая сфера, а вещи от нас не уйдут» [6]. Было бы ошибочно думать, будто у Лосева имеет место развертывание категорий в логическом порядке, скажем, как у Гегеля, на самом деле его логика алогична, и являет собой не систему рациональных категорий, а совокупность мистических идей неизвестно как и почему связанных друг с другом. Правда, Лосев помогает читателю усвоить всю его премудрость, но как он это делает. Он указывает на необходимость понимать взаимное порождение категорий эйдетически, а не натуралистически. Разумеется, подобное указание не проливает свет на лосевскую диалектику. Мало того, что категории порождают друг друга, но все, что выведено на их основании, то и действительно «...для диалектики реально все то, что она вывела, и все, что она вывела реально». Посмотрим же как понимает Лосев реальность и действительность. Для этого нужно обратить внимание на то, как он пытается углубить диалектику понятием тетрактиды. «Вместо триады я предлагаю говорить о тетрактиде по следующим причинам: 1) Диалектическую триаду легко понять (и понимали) как чистую идею и смысл, в то время как диалектика захватывает как раз всю стихию живого движения фактов, и потому надо говорить не просто об отвлеченной триаде, но и о триаде, как о *вещи, как о факте*, т. е. триада должна вобрать в себя действительность и стать ею. «Четвертый» момент и есть у меня «факт». 2) Только таким

[5] *А. Ф. Лосев*, Музыка как предмет логики. Москва 1927 г., изд. автора, с. 248—249

[6] *А. Ф. Лосев*, Очерки античного символизма и мифологии. Москва, изд. автора. 1930 г., т. I, с. 476.

образом и можно спасти диалектику от субъективного и бесплотного идеализма, оперирующего с абстрактными понятиями, не имеющими в себе никакого тела» [7].

По этому поводу следует сказать следующее: прежде всего триада не играет той роли в диалектике, которую приписывает ей Лосев, и даже у Гегеля она является не больше, чем иллюстрацией, но отнюдь не основой основ. Значение триады подробно в свое время разъяснял Плеханов, и здесь нет надобности повторять его аргументы. Далее было бы неверно думать, будто Лосев разумеет под четвертым моментом нечто действительно фактическое. Во-первых, факт у него взят в кавычках, повидимому, дело идет не о факте в нашем смысле слова. Что это так, видно из следующих его слов: «Диалектика,—говорит он,—не нуждается ни в каких примерах, так как она реальнее и фактичное самих фактов. И если бы этих примеров было бы не тысячи, а только десятки, то, конечно,—тем хуже для фактов, диалектика от этого не пострадала бы» [8]. Во-вторых, присовокупите к этому его презрительное отношение к опыту и эксперименту (о чем речь будет ниже) и вы получите настоящее представление о фактичности его факта, т. е. об иллюзорности последнего. Что же после этого остается от тетрактиды, возвещенной Лосевым? Пустое место. У него нельзя найти и намека на то, чтобы увязать мысль с реальностью. Что касается практики, то она в его глазах не только не является критерием истины, но вообще не имеет никакого значения. Мало того, он приписывает диалектике абсолютное безразличие в отношении факта, в отношении предмета, в отношении реальности. Вот что можно прочесть у него по этому поводу: «...Однако диалектика просит оставить ей одно право и одну сферу. Она говорит: мыслите и выбирайте для своей мысли любую вещь, любой предмет, каких хотите богов, людей, ведьм, животных, неодушевленные предметы и т. д. и т. п., но раз уж вы что-нибудь захотели мыслить, то делать это вы можете только в одном определенном направлении. Что вы хотите мыслить,—не важно, но как мыслить,—об этом диалектика дает точнейшие правила, и преступать их невозможно без нарушений самого принципа мысли» [9].

Нужно ли говорить о том, что такой взгляд ничего общего не имеет даже с идеалистической диалектикой Гегеля. Утверждение, что можно диалектически мыслить с одинаковым правом как о ведьмах, так и о действительных вещах, означает приравнивание первых вторым. Из этого совершенно очевидно, что мы имеем здесь дело не с диалектикой, а с какой-то другой философией. Если же принять во внимание, что вещь получает у Лосева *смысловое* истолкование, то не может оставаться и тени сомнения в том, что он далеко отстоит даже от объективного идеализма, пребывая в сфере мистических сущностей. Вряд ли здесь уместно критиковать подобные воззрения.

Теперь посмотрим еще на одну сторону его характеристики диалектики, которая непосредственно примыкает к предыдущему. В его понимании вся диалектика окрашивается в иррациональный цвет, приобретает абсолютно алогичный характер. «Во-первых,—пишет он,—я категорически утверждаю,

---

[7] *А. Ф. Лосев*, Диалектика художественной формы, Москва, изд. автора, 1927 г., с. 133.

[8] *А. Ф. Лосев*, Диалектика художественной формы, Москва, изд. автора, 1927 г., с. 64.

[9] *А. Ф. Лосев*, Античный космос и современная наука, Москва, 1927 г., с. 19.

что *истинная диалектика всегда есть непосредственное знание.* Читайте о этом у Гегеля в его «Энциклопедии» (§§ 63 — 77)»... «Если для вас,—продолжает он,—диалектика не есть непосредственное знание (и, стало быть, не предполагает откровения), то лучше не занимайтесь диалектикой» [10].

Общеизвестно, что у Гегеля содержится не мало мистического, однако Гегелю нельзя приписывать взгляда на диалектику, как на непосредственное знание. Как раз у Гегеля мы учимся тому, каким образом идет знание от непосредственного к опосредствованному и, с точки зрения доподлинно понятого Гегеля, настоящим знанием является лишь последнее. Лосевское истолкование Гегеля тем более претенциозно, что по существу своему ложно. Самоуверенность Лосева поистине не имеет пределов. Если следовать его совету то всем, не признающим непосредственного знания, не нужно заниматься диалектикой. Он развязно полемизирует с марксистами (не называя их по имени) и утверждает, что они неисчерпаемое смысловое богатство природы сводят «на Филькину грамоту минутных шарлатанских теорий». И все это происходит оттого, что мы, марксисты, не признаем абсолютного эмпиризма т. е. откровения, одним словом чужды благодати непосредственного.

По Лосеву настоящая «диалектика основана на мистике света». Какие доказательства приводит он в подтверждение подобного взгляда. Никаких, кроме ссылок на Плотина, у которого вйдос есть свет, и Симеона Нового Богослова. Такова лосевская «диалектика». Мистический свет Плотина—вот ее источник. Лосеву незачем познавать действительность, ибо он ее «видит» во всех ее мельчайших подробностях. Впрочем самое различение вещи и ее видения теряет при этом всякое значение. Мистическое видение всесильно и имеет силу творения. Неудивительно после этого встретить у Лосева утверждение о том, что гносеология совершенно не нужна. «...Диалектика познания,—читаем мы у него,—делает излишней и вредной всякую *гносеологию.* Эта гносеология есть или явная метафизика, уже заранее исходящая из принципиального раскола между знанием и бытием и потому ищущая «границ» познаваемости, или если в ней рассматривается знание, как такое, вовсе не есть гносеология в обычном смысле слова» [11].

Мы, марксисты, рассматриваем теорию познания не как самостоятельную философскую дисциплину—у нас гносеология умещается в пределах диалектики. Лосевское отрицание гносеологии имеет совсем другие корни. Из всего вышесказанного ясно, что с его точки зрения основная проблема гносеологии—отношение субъекта к объекту—снимается, так как самое противопоставление одного к другому невозможно. Дело в следующем. Лосеву представляется что «*...идея предмета и есть самый предмет целиком, но только перенесенный в инобытие.* В предмете тут совершенно ничего не нарушено и не утрачена ни одна черта. Предмет целиком, со всеми своими мельчайшими особенностями перенесен в инобытие» [12].

Такое всеисчерпывающее знание, подобное всезнание невозможно на прочном основании науки и логики, оно возможно только на выбкой почве мистического экстаза. В качестве диалектиков мы исходим из того, что предмет представления и представление о предмете отличаются друг от друга и отождествлять их никак нельзя; между ними есть связь, определенное отно-

[10] *А. Ф. Лосев,* Философия имени, Москва, изд. автора, 1927 г., с. 10.

[11] *А. Ф. Лосев,* Диалектика художественной формы, Москва, изд. автора 1927 г., с. 144.

[12] *А. Ф. Лосев,* Философия имени, Москва, изд. автора, 1927 г., с. 57.

мение, но они не покрывают друг друга. Иное мы встречаем у Лосева. У него различие между предметом представления и представлением о предмете, между бытием и мышлением устраняется. Кстати сказать, последнее он также понимает не научно. Мышление по его словам «есть знание себя как себя и знание иного—также как себя». Следовательно, с какой бы точки зрения мы с вами ни подошли к Лосеву—с точки ли зрения созерцания или с точки зрения мысли (при этом надо иметь в виду, что по сути дела у него нет различия между ними, для него это сплошное философствование), все равно мы будем наблюдать его вращающимся в кругу своеобразного созидания своей собственной либо «ликовой», либо мысленной паутины, не имеющей ничего общего с объективным миром. После всего этого напрашивается естественное возражение, что в таком случае у Лосева вместо диалектики есть фокусничание, по меньшей мере нечто странное. Он сам предвидит подобное недоумение и потому, забегая вперед, опровергает его следующим образом: «Да, диалектика—головоломна, потому что она—ум. Философия—акробатское искусство, потому что надо быть акробатом в жизни, чтобы отгородиться от этой самой «жизненности» и «реальности» и чтобы дать возможность своим мыслям сосредоточиться и зажить собственной жизнью. Итак, диалектика—эксцентрична нисколько не больше того, насколько эксцентричен в наше время (да и во время Платона) философ вообще. И выводы ее нисколько не более странны, чем странно желание жить умом и в уме, в то время как стихия жизни свирепствует и злобствует против всякого ума и против всякого смысла» [13].

Здесь содержится ряд утверждений: во-первых, я усматриваю в этой выдержке прямое нападение на социализм, ибо кто же «злобствует против всякого ума», согласно Лосеву, как не пролетарская революция. Во-вторых, здесь утверждается, что диалектика содержится в уме и возможна только для ума, тогда как стихийная жизнь идет против ума, т. е. против диалектики, таким образом между жизнью и теорией, между действительностью и философствованием вырывается непроходимая пропасть. Какова ценность такой диалектики? В-третьих, диалектика объявляется искусством, да еще акробатическим. Я думаю, вы освободите меня от необходимости критиковать подобные взгляды. Мне представляется, что достаточно в этом случае просто показать, какова лосевская «диалектика». Нас теперь не сможет удивить даже самое необычайное у Лосева, и нас действительно ожидают чудеса, самые доподлинные чудеса. Обо всем этом речь будет впереди, а теперь мы должны еще следовать за его изысканиями в области диалектики. Послушаем, что он скажет о формальной логике: «Сама сущность не нуждается в формальной логике и живет помимо нее, в другой логике, в диалектике. Но так как в инаковой сущности нет вообще ничего нового, чего не было бы в сущности самой по себе, то можно сказать, что и формальная логика имеет свое обоснование в предметной сущности как таковой» [14]. Значит сущность живет в диалектике, в логике формальной она не нуждается. Последняя следует за первой, как инаковая сущность—за самой сущностью. Обе сущности если не реально, то методологически отличаются друг от друга, следовательно формальная логика методологически является вторичной в сравнении с диалектикой. Но у Лосева

---

[13] *А. Ф. Лосев*, Очерки античного символизма и мифологии, Москва 1930 г., изд. автора, т. I, с. 540.

[14] *А. Ф. Лосев*, Философия имени, Москва, изд. автора, 1927 г., с. 125.

встречается и другая мысль: «диалектика вся ведь стоит на одновременном принятии положений, что А есть А, и А не есть А. Первое из них есть основание формальной логики, и, значит, последняя есть только тезис в диалектике, к которому уже сама диалектика прибавляет антитезис и синтез» [15].

Таким образом здесь формальная логика рассматривается как тезис диалектики, т. е. формальная логика не только коренится в самой сущности, как таковой, но и образует его основание, отправляясь от которого диалектическое мышление прибавляет антитезис и синтез. Если оставить в стороне пристрастие Лосева к триаде и сопоставить чисто логически последние две выписки, то в них нельзя не усмотреть противоречия. В первом утверждении мы имеем признание того, что формальная логика есть одна из ступеней в развитии самой сущности, живущей в области диалектики, а в только что приведенной выдержке оказывается совсем другое, — что сама диалектика имеет формальную логику как свое основание, т. е. начинает философствование с формальной логики. Я повторяю, здесь содержится явное противоречие с точки зрения самой концепции Лосева, по меньшей мере несогласованность, ибо в одном случае формальное следует за диалектическим, в другом предшествует ему. Затем мы не можем согласиться с тем что формальная логика образует тезис для диалектической логики. Для нас, марксистов, остается в силе старое утверждение Плеханова, который рассматривает формальную логику как частный случай диалектики. Такое понимание соответствует и гегелевскому учению. Это не то же, что тезис, к которому Лосев механически присоединяет антитезис и автоматически образует синтез. Здесь сказывается вся антидиалектическая сущность его концепции, здесь нет никакого развертывания диалектических категорий. Лосев чисто формально соединяет все, что угодно. Какие бы противостоящие друг другу понятия он ни взял, он всегда прибегает к одному способу: «Мы принимаем сразу и тезис и антитезис каждой антиномии». В результате получается по его словам «живой синтез», а на самом деле эклектика, схоластика и мистика. Основательность этого упрека будет явствовать из всего дальнейшего.

Еще на одну сторону лосевских воззрений следует обратить внимание. Я имею в виду дуализм эйдоса и мэона. Эйдос—это вечная идея или, как Лосев говорит, «смысловая изваянность». Мэон—нечто материальное, так что, погрузившись в него, эйдос «растворяется и распыляется». Эйдос пребывает вне времени, напротив того мэон преходящ. Этими двумя понятиями Лосев жонглирует и разрешает все противоречия теории и жизни. Ничего оригинального в этом учении однако нет; Лосев попросту возрождает платоновский дуализм и реставрирует его мир вечных идей.

Кстати разрешите остановить ваше внимание на античной философии. Я приведу сейчас несколько высказываний Лосева относительно греческой диалектики, которые прольют свет на его собственный идейный облик. Прежде всего он заявляет, что у греков чистая диалектика великолепна, безукоризненна и безупречна. Это его собственные слова из «Античного космоса» (с. 387) и «Очерков символизма» (с. 538). Особенно он отмечает Платона и Плотина. Иначе он относится к Аристотелю. Прежде всего Лосев не принимает возражений Аристотеля против платонизма. Все симпатии Лосева явно на стороне последнего. Небезынтересно узнать, отчего это происходит. Я при-

---

[15] А. Ф. Лосев, Критика платонизма у Аристотеля, Москва, изд. автора, 1929 г., с. 44.

веду лишь одну выдержку, которая нам это объяснит: «...Для Платона,— читаем мы,—идея 1) абсолютно отлична от инобытия, материи, 2) абсолютно тождественна с ней, 3) одновременно и абсолютно, в одном и том же смысле и в равном, и отлична и тождественна. В результате—новая категория, *вещь*. Для Аристотеля идея тоже обязательно отлична от вещи, но как всякая другая абстракция. Реально же есть *только* вещи, и на них, в них видятся эйдосы и идеи» [16].

Вся беда у Аристотеля оттого, что он рассматривает идею как абстракцию, а вещи как реальности. Этой материалистической струе у Аристотеля Лосев противопоставляет действительный идеализм и мнимую диалектику Платона. То же имеет место при анализе числа. В то время, как для Платона оно—идея, т. е. субстанционально, для Аристотеля оно—абстракция.

Совершенно очевидно, что именно опять-таки материалистический элемент аристотелевской философии он противопоставляет явной идеалистической концепции Платона. Он солидаризируется с Платоном и объявляет его диалектиком, а Аристотеля формалистом. «Именно чистый платонизм есть диалектика, чистый же аристотелизм—формальная логика». Я позволю себе привести мнение Ленина по этому вопросу. Будучи диалектическим материалистом, Владимир Ильич стоит на диаметрально противоположной позиции. Вот пара выдержек из XII Ленинского сборника: «Излагая полемику Аристотеля с учениками Платона об идеях, Гегель *скрадывает* ее материалистические черты» (с. 322—323 и др.). «Идеализм Аристотеля Гегель видит в его идее бога» (с. 326). «Конечно это—идеализм, но он объективнее и *отдаленнее*, *общее*, чем идеализм Платона и потому в натурфилософии чаще=материализму». «Скрадены все пункты колебаний Аристотеля между идеализмом и материализмом»... «Аристотель вплотную подходит к материализму [17].

Если Ленин так неодобрительно отзывается об изложении Гегелем полемики Аристотеля с платонизмом, то можно себе представить, как бы отнесся он к комментариям Лосева. Ленин явно становится на сторону Аристотеля против Платона, ибо считает первого более передовым мыслителем.

С точки зрения Лосева не только Аристотель, но и вообще никто из новоевропейских философов не превзошел Платона.

Вот его декларативное заявление: «*От этой концепции* (Платона—*Х. Г.*) *диалектического метода никуда не двинулся не только Плотин, но и великие диалектики нового времени* — Фихте и Гегель, как это мы увидим впоследствии. Это и есть подлинная диалектика чистейшего типа, столь расходящаяся с натуралистической логикой Аристотеля» [18].

В обоснование столь ответственного положения Лосев не приводит ни одного доказательства. Он аподиктически утверждает, что вся история философии после Платона ничего не дала и только. Даже Гегель ничто в сравнении с Платоном. Крайне характерно, что, когда речь заходит о Гегеле, он отодвигает его на задний план и ставит Шеллинга как диалектика выше Гегеля. Общеизвестно, что у Шеллинга можно найти мистики неизмеримо больше, нежели у Гегеля, и именно это обстоятельство заставляет Лосева отдавать предпочтение Шеллингу. Для Лосева возможен один путь—от Гегеля назад, а не от него вперед. Впрочем Гегель не является для Лосева даже временной остановкой. Да и философия Шеллинга его мало

[16] *А. Ф. Лосев*, Критика платонизма у Аристотеля, изд. автора, М. 1929 г., с. 102.
[17] XII Ленинский сборник, с. 233, 239 и 241.
[18] *А. Ф. Лосев*, Античный космос и т. д., с. 46.

удовлетворяет. Чувствует он себя свободно лишь в обществе Плотина и Прокла. Себя он ставит в одном ряду с ними, так что сам Лосев повидимому считает себя не то Плотином, не то Проклом наших дней.

Наконец для характеристики эклектической природы его методологии не мешает остановить внимание присутствующих и на его истолковании феноменологии и трансцендентализма: «Итак от трансцендентализма диалектика берет *породительно*-объяснительную точку врения, отказываясь однако от его функционализма, от феноменологии же—ее созерцательность и картинность, отказываясь от ее статистически-суммативной дескриптивности» [19].

По мнению Лосева, трансцендентализм, феноменологизм и диалектика суть три метода философии, они уже были использованы Платоном, и к ним помощи следует прибегнуть и в настоящее время. При этом диалектика объединяет оба первые под своим главенством. Напрасно было бы искать у Лосева доказательств на этот счет. Лосев верен себе. Он декларирует о необходимости соединения картинности феноменологизма и динамизма трансцендентализма с диалектикой—и все. Этот эклектизм вполне соответствует его механическому синтезированию тезиса и антитезиса. Никакого анализа настоящих диалектических положений, имеющихся у Канта, не найти в книгах Лосева. У него вообще нельзя встретить попытки исторического рассмотрения проблемы, ибо для него не существует истории. Лосевский метод антиисторичен. Как увидим ниже, у Лосева нет историвма не только в методологии, но и во всем бытии. И подобное философствование он осмеливается называть диалектикой.

Перейду теперь к рассмотрению космологических воззрений Лосева. Прежде всего следует отметить, что он относится не только с интересом, но и с симпатией к античному космосу, к самой космической концепции греков. Лосев сам признается в этом: «Мне *хочется* именно такого, а не иного космоса», читаем мы у него. Лосев не исключает некоторых дополнений к астрономии и физике греков, однако их общие принципы считает непреложными. В общем же он несомненно идеализирует античную космологию и доходит до того, что объявляет античный космос постоянным и непроходящим от Фалеса до Плотина. Это является еще одним доказательством антиисторичности лосевского метода.

Лосев согласен с Платоном по вопросу о неподвижности земли. Что это так, видно из целого ряда его заявлений. В одном месте он пишет «...покой земли в центре космоса выводится не из теории относительности, как таковой, а из непосредственного опыта и диалектики...» Откуда мог Лосев позаимствовать такой взгляд, как не у мистиков. У Гегеля например ничего нельзя найти в пользу неподвижности земли. Совершенно очевидно, что не диалектика, а непосредственный опыт, говоря конкретней, мистическая экзальтация является источником лосевских познаний.

Для характеристики беспринципности Лосева не мешает обратить внимание на следующее. Для доказательства правомерности утверждения, что земля покоится, он ссылается на органы чувств, точнее на врение, т. е. на обычный наивно-реалистический опыт, но, когда ему нужно, он говорит прямо противоположное. В другом месте он пишет, что «глаз видит только мнимое и временное».

Оба эти утверждения находятся на с. 192 и 229 в «Античном космосе». Как тут понять автора—ведь это явное противоречие в пределах его собствен

[19] *А. Ф. Лосев*, Очерки символизма и т. д., с. 475.

ной концепции. В одном случае он считает возможным ссылаться на наши органы чувств, как на достаточно объективного гаранта, в другом случае он берет их под подозрение. Все определяется тем, что Лосев хочет доказать. Для доказательства неподвижности земли ссылка на зрение является для него основным аргументом, при этом ни о каком привлечении естественно-научного опыта не может быть у него и речи.

Особенно улыбается Лосеву спекуляция при переходе к вопросу о пространстве и времени. Здесь он дает полет своей фантазии. «...*стало быть, было время, когда мира не было, и настанет такой миг*, когда время кончится. Есть в мире также и такая граница, за которой ничего больше нет, нет мира, и мир ограничен этой границей и, следовательно, имеет определенную форму. Дело науки — найти и определить точно эту форму мира. Наконец только диалектика и может разрешить все эти неразрешимые для натуралистической мысли проблемы границы. Время кончилось или не начиналось. Что же было до времени и будет после него?—*Эйдос и имя*. В то время, как натурализм топчется на месте, будучи принужден после и до времени говорить о времени же, диалектик говорит: *после*, именно *после* времени будет имя. Вернее, *останется имя*. Имя — вечный критерий, перед лицом которого только и возможны *после* и *до*. Так же и относительно пространства» [20].

Все, что он говорит о времени и пространстве, опирается не на науку, которую он при каждом случае третирует, а на средневековую мистику. Я привел эту выдержку не для того, чтобы ее критиковать, а с целью показать его реакционное лицо. До и после времени было и будет имя, — что нового в этом утверждении в сравнении с библейской космологией?

Неудивительно, что теории относительности он дает явно мистическое истолкование и при этом ссылается на книгу Флоренского «Мнимости геометрии». Каждый, читавший эту книгу, знает, что Флоренский совершенно произвольно и необоснованно оперирует скоростями, равными скорости света, тогда как теория относительности возбраняет это делать. С точки зрения теории относительности скорость света является предельной величиной, и ее нельзя никакой физической реальностью достигнуть. Однако Лосев позволяет себе усумниться в правильности утверждения Эйнштейна и допускает скорость не только равную скорости света, но и превосходящую ее. Отсюда он получает длину=0 и мнимую длину. Таким образом он достигает вечности и платоновских идей. В заключение он патетически восклицает: «Весь платонизм в этой формуле: $\beta=\sqrt{1-\frac{v^2}{c^2}}$ при условии $V>c$ [21]. В том-то и дело, что теория относительности исключает лосевское условие, что $V>c$. Но ему до этого нет никакого дела, и он продолжает философствовать об обратно текущем времени, мнимой массе и проч. премудростях. Я надеюсь вы меня освободите от необходимости дальнейшего опровержения этих бредней, ибо каждый, кто хоть несколько знаком с теорией относительности, понимает всю легковесность, чтобы не сказать легкомыслие, философствований Лосева.

Теперь еще пару слов о времени, это прольет свет на его понимание движения, а следовательно и на всю значимость его натурфилософии. Лосев

---

[20] *А. Ф. Лосев*, Античный космос и современная наука, Москва 1927 г., с. 210.
[21] *А. Ф. Лосев*, Античный космос, с. 212.

считает, что при анализе понятия времени нам не может помочь ни одна из конкретных наук, как то: физика, физиология и т. д. Он говорит, что его интересует... «феноменология времени, т. е. изучение его в его непосредственно-смысловой данности». Мистический смысл этого положения особенно явствует из следующих его афоризмов:

«Время не есть движение и не есть мера движения»;

«Время не есть вещь и не есть психическое состояние»;

«Время предполагает вневременное»;

«Время предполагает число и его воплощение»;

«Число не есть ни вещь, ни психическое состояние, но некий смысл» [22].

Итак время сводится к числу и смыслу. Мало того, что оно чуждо всякой материальности, оно еще предшествует всякому движению: «Нужно *гипостазировать* время, *овеществить* время, чтобы получить движение», т. е. *движение* есть «инаковость времени» [23]. Хороша диалектика, в которой время и движение раздельны. По существу это означает отрицание реальности движения. Таким образом и в методологии и в космологии Лосева нет становления в какой бы то ни было форме, ниже мы увидим, что и в социологии он не признает изменения.

Что же касается проблемы материи, то тут, разумеется, у Лосева нельзя найти ничего передового и прогрессивного. Прежде всего он категорически отказывается вкладывать в понятие материи какое-либо естественно-научное содержание. Он заявляет, что «натуралистическое понимание материи... исключается нами раз навсегда». Материи для него не существует ни в форме вещной, ни в форме пространственно-временной реальности. «Материи самой по себе нет, она—лишь форма самоопределения самой сущности». В дальнейшем мы узнаем, что является по Лосеву сущностью, хотя, на основании всего зачитанного из его сочинений, нетрудно понять, что этой сущностью не может оказаться природа и вообще что-либо естественное. Говоря об атоме, он настаивает на его беспредельной делимости; было бы однако ошибкой думать будто в этом пункте Лосев приближается к естествознанию. Дело в том, что он различает атом-мэон и атом-эйдос. Первый делим и преходящ, второй вечен и неуничтожим, и это потому что «разум и диалектика требуют неделимого и вечного атома» [24]. Таким-то вот образом при помощи понятий эйдос и мэон Лосев чисто словесно решает важнейшие космологические проблемы. Дуализм эйдоса и меона позволяет ему в порядке двойной бухгалтерии утверждать делимость и неделимость атома и космоса. И этот явный дуализм мистического толка он выдает за диалектическое понимание природы. В действительности подобные рассуждения не имеют ничего общего ни с диалектикой, ни с естествознанием. Обскурантизм его натурфилософии достаточно сказывается в следующих словах: «Таким образом, чем ближе к небу, тем тело и вещь становятся более пронизанными смыслом и более *умными*. Чем они ближе к земле, тем тела более тяжелы и массивны, менее подвижны, тем пространство более равномерно и механично. Кроме того, чем тело ближе к последним сферам неба, тем оно быстрее движется, с поумнением самого движения, и тем плот-

---

[22] *А. Ф. Лосев*, Музыка как предмет логики, Москва 1927 г., изд. автора, с. 143, 153, 154, 156, 159.

[23] Там же, с. 182.

[24] *А. Ф. Лосев*, Античный космос и современная наука, с. 147.

нее и собраннее становится его время, т. е. тем ближе к вечности, являющейся пределом временных становлений» [25].

Все это говорится Лосевым серьезно, точно мы живем не в XX веке, а в XV, X или еще раньше. За отсутствием доказательств он обращается к помощи слов. Если он раньше манипулировал эйдосом, мэоном, фигурой и т. п., то теперь он пользуется понятием «напряженности», сущность которой он сводит к «разной степени умности».

Вообще космос в целом подражает уму, ибо все существует «в меру причастия уму». Далее он заявляет, что «космос есть адэкватное воспроизведение эйдоса инобытийными средствами». Наконец он доходит до того, что объявляет весь мир словом: «....Все бытие есть то более мертвые, то более живые слова. Космос—лестница разной степени словесности. Человек—слово, животное—слово, неодушевленный предмет—слово. Ибо все это—смысл и его выражение. Мир—совокупность разных степеней живненности или затверделости слова. Все живет словом и свидетельствует о нем. Мир держится именем первой пентады» [26]. За словом следует имя. Если слово есть арена интимного общения с вещами, то имя есть сама вещь. Природа имени магична: «Имя есть та смысловая стихия, которая мощно движет неразличимую Бездну к Числу. Число к Эйдосу, к Символу и Мифу» [27]. Это какая-то филологическая космология. В ней даже нет понятий. Слова и ничего кроме слов. Слова—вот доподлинные кирпичи лосевского мироздания.

Я только что упомянул «Миф». Остановимся несколько на новом откровении Лосева. Миф для него не вымысел и не фантазия, а «наиболее реальное и наиболее полное осознание действительности»... «Мифология есть наука о бытии, именно она улавливает все «смысловые давности» его. Существуют различные мифологии. Мифология была не только у греков, она есть и теперь.

Содержание современной мифологии Лосев выразил в таких словах: «Мир без конца и предела, без формы и охвата: мир нигде не кончающийся и пребывающий в абсолютной тьме межзвездных пространств... мир, в котором мы лишь незаметная песчинка, никому ненужная и затерявшаяся в бездне и пучине таких же песчинок, как и наша земля...»

«Я спрашиваю, разве это не мифология, разве это не затаенная мечта нашей культуры, разве мы можем умереть, мы, новая Европа, не положивши свои кости ради торжества материализма? Нет, мы верим в нашу материю, поклоняемся и служим ей, и никто не вправе отнять ее у нас. Мы столько положили труда и усилий, чтобы спасти материю, и легко вам, идеалистам, не пострадавшим за материю, «критиковать материализм». Нет, вы пойдите-ка пострадайте вместе с нами, а потом мы посмотрим, повернется ли язык у вас критиковать нас и нашу материю» [28].

Если отвлечься от иронии и издевки сей тирады, а обратить внимание на самое истолкование им мифа, то становится очевидным, что под ним он разумеет квинтэссенцию культуры. Для него «мифология — основа и опора всякого знания». Свое понимание мифа он связывает с соответствующим учением Кассирера. При этом Лосев разъясняет, что в противоположность Кассиреру он вводит в мифологию диалектику. Мы уже знаем, какова его диалектика и потому не станем разбирать его утверждения. Что касается учения

[25] *А. Ф. Лосев*, Античный космос и современная наука, Москва 1927 г., с. 228.
[26] *А. Ф. Лосев*, Философия имени, Москва, изд. автора, 1927 г., с. 166.
[27] Там же, с. 180.
[28] *А. Ф. Лосев*, Философия имени, Москва 1927 г., изд. автора, с. 216—217.

Лосева о мифе, то совершенно ясно,— оно имеет одно назначение: противопоставить научному мировоззрению миросозерцание мракобесия.

Все помыслы Лосева направлены к реставрации средневекового мироощущения. Он реабилитирует алхимию, астрологию и магию, ставя ее в «необходимую связь с диалектикой» [29].

На этом я позволю себе прервать изложение космологических воззрений Лосева и для полноты картины приведу лишь пару выдержек, из которых вы увидите, как он относится к науке и к ученым. Современная «физика, ослепившая себя отходом от живой диалектики», достойна всякого осуждения. Но не только физика, а вся новоевропейская мысль больна абстракцией. Он относится отрицательно к дарвинизму, а теорию относительности приемлет лишь постольку, поскольку она позволяет ему мыслить землю неподвижной. Впрочем, это не мешает ему рекомендовать (иронически конечно) советскому государству отпустить средства на защиту дарвинизма и опровержение Эйнштейна. Науке в целом Лосев приписывает полицейские функции, об этом я скажу подробнее, когда перейду к анализу его социальных воззрений. С особенным презрением относится он к Ньютону.

Вот образец его суждения об основоположнике современной физики: «Ньютонианская механика — принципиальная социал-демократия в науке, живущая парламентом, большинством голосов и уравнительными свободами» [30].

Не лучше его отношение к эксперименту: «Совершенно не важно, может ли удасться какой-то там опыт Майкельсона» [31]. О физиках, химиках, механиках он говорит, как о «толпе».

Такие замечания можно встретить во всех книгах Лосева. Всегда и неизменно он пускает стрелы по адресу науки и издевается над учеными. Он делает это совершенно открыто. Его враждебное отношение к науке обусловливается христианским характером его философии. Справедливость высказанного мною утверждения явствует из нижеследующих слов самого Лосева: «... В наше время, и не только в наше время, всегда приходится встречать людей, которые, например, стоят на точке зрения астрономии, как она строится со времен Коперника и Ньютона, и в то же время именуют себя христианами и даже ходят в церковь, в то время как Библия вся построена на теории неподвижности земли и ее центрального места в мироздании. Есть даже целые книги, где собраны сотни анкет о религиозных верованиях виднейших ученых Европы и Америки и где эти ученые свидетельствуют о своих религиозных воззрениях. Однако это может быть конечно лишь в результате недомыслия. Если бы эти ученые продумали исповедываемую ими науку до конца, со всем ее механизмом и позитивизмом, то они сами пришли бы к выводу, что с их наукой никакое христианство совершенно несовместимо, что надо в корне уничтожить все новоевропейское здание науки, чтобы иметь логическое право ходить в церковь» [32].

Следовательно перед человеком стоит выбор: или религия (точнее христианство), или наука новейшего времени; нельзя, будучи последовательным, принимать и то и другое. Мы не можем возразить против противопоставления религии науке, но в то время, как Лосев выбирает религию и отвергает науку,

---

[29] *А. Ф. Лосев*, Античный космос, с. 232, см. также с. 152, 153, 158, 159.
[30] *А. Ф. Лосев*, Музыка как предмет логики, Москва, изд. автора, 1927 г., с. 242.
[31] Там же, с. 241.
[32] *А. Ф. Лосев*, Очерки античного символизма и мифологии, Москва 1930 г., изд автора, т. I, с. 766.

мы поступаем наоборот; принимаем науку и отвергаем религию. В апологии религии и критики современной науки Лосев совсем не оригинален. Русская философская эмиграция уже много лет проповедует то же самое. В частности Ильин особенно много распространяется на эту тему. «Современный духовный кризис,— говорит он, — состоит в том, что *разум отпал от веры* и перестал быть разумом, а стал плоским рассудком». Отсюда «и наука стала *безбожной теорией о богопустынном мире*. А сам человек оказался *частью* этого богопустынного мира: не только *носителем* безбожных теорий, но и безбожно рассматриваемым *объектом*. Изучая себя и направляя свою жизнь, он гасил в себе божественные лучи и засыпал мусором свои святые колодцы [33].

Нет сомнения, что взгляды Лосева родственны этим воззрениям Ильина. Оба они вместе с значительной частью философской эмиграции переживают давно отжившие идеи средневековья, но, пожалуй, Лосев в отношении истоков своей философии их всех превзошел. Его реакционные идеи восходят к мистике Плотина. Последний является для него путеводной звездой. На всем его идейном облике, в частности на его космологических воззрениях, лежит печать плотиновой философии. Вот в чем содержится его натурфилософия.

«... Плотин учит, что в сфере самой умности и понятийности содержится как бы умный материал, понятийная масса, из которой уже получаются самостоятельные и законченные понятия. Это однако не физический и не психический и вообще не фактический материал, но — умный и смысловой. Такое понятие умной материи — залог ценности иррационального. Мы привыкли думать, что только рациональные понятия имеют ту или иную значимость. Но жизнь убеждает, что все страсти, эмоции, припадки бешенства и злобы, все аффекты, чувства и т. д. — все это имеет тоже свою осмысленность уже алогическую, и чтобы быть, все это, как текучее, должно управляться нетекучим умным аналогом, который и есть умная материя. Он — иное эйдоса. Эйдос точен и осмыслен. Материя текуча, размыта, алогична, инаковостна. Но эта инаковостность, как умная, сама есть эйдос, особый *инаковостный* эйдос. Такова умная материя» [34].

Если в этом мистическом бреде можно что-либо понять, так это следующее: 1) Материальное содержится в имматериальном («умности»); 2) иррациональное ценнее и важнее рационального. Ясно, что «умное» Лосева имеет неумную природу, ибо оно алогично. Лосев противник рационализма и логизма, он — законченный мистик. Отсюда его симпатии к Плотину и Проклу,— последний замечателен тем, что «договаривает плотина и завершает его».

Теперь я перехожу к анализу социальных воззрений Лосева. Все отсталые черты его мировоззрения скажутся здесь самым рельефным образом.

Само собой понятно, что для Лосева это является весьма щекотливой темой и нужно было затратить немало изворотливости, чтобы суметь изложить свои общественные взгляды таким образом, чтобы к ним нельзя было придраться. Как же он это сделал? Прежде всего в форме изложения социального учения Платона, далее с помощью эзоповской речи и наконец — посредством открытых заявлений (есть и такие, но они крайне разбросаны). Начну с платонизма. Я сейчас приведу несколько выдержек из его «Очерков античного символизма», из которых будет видно, что я не навязываю Лосеву взглядов,

---

[33] *А. И. Ильин*, Идея обновленного разума, „Русский колокол" № 5, с. 19.

[34] *А. Ф. Лосев*, Диалектика числа у Плотина, Москва, изд. автора, 1928 г., с. 102—103.

которые он не исповедует. Наоборот, они с очевидностью установят, что Лосев разделяет основу реакционного общественного идеала Платона. Мы уже знаем, что, по мнению Лосева, платонизм является непревзойденной философией. Теперь мы узнаем, что платонизм вполне дорос, чтобы делать социальные выводы. Но Лосев ставит вопрос еще определеннее и решительнее: «Итак,— говорит он,— социальная природа платонизма, вскрываемая нами, должна иметь *не столько причинно-фактический, сколько чисто логический характер*. Мы должны не просто объяснить платонизм из его социальных корней, но показать, как входит некая социальная структура в самую сущность его, *как и какое социальное учение имманентно содержится в чистом платонизме*, независимо от того, какого происхождения был сам Платон и какие политически-экономические симпатии руководили им лично» [2].

У Лосева следовательно идет речь о том, чтобы найти идеал, наиболее соответствующий духу платонизма, логически вытекающий из последнего. Лосев с тем большей настойчивостью модернизирует Платона, чем менее признает развитие в общественной жизни.

Чем же является платонизм? На этот вопрос Лосев отвечает явственно и отчетливо: «В социальном смысле платонизм есть философия монахов, полиции и рабов-послушников» [36]. Между рабством и идеями Платона, говорит он, есть необходимая связь. Платонизм не терпит никакого прогресса и вообще никакой истории. «...Социальный строй—вечен, неподвижен. В нем нет не только революции и переворотов, но и вообще истории» [37]. В платоновском обществе не может быть более трех классов (монахов, полиции и рабов), разделение которых основано на... уме. «...Разделение платоновское основано исключительно на *диалектике ума в отношении его инобытия*. Ум есть сам по себе; ум есть в аспекте активной своей исправленности на осмысление материального инобытия; и ум есть в аспекте пассивной податливости, подчинения и повиновения инобытия, приемлющего на себя и осуществляющего на себе чистую умную сферу» [38].

Ум «сам по себе»—это монахи, ум в «исправленности»—это полиция, ум в «податливости»—это рабы.

Все сие безумие Лосев выдает за единственно возможную форму общественной жизни.

Пока мы не видим никаких разногласий между Лосевым и Платоном. Лосев высказывает свои мысли устами Платона и часто договаривает то, что последний не досказал. «..Платонизм отрицает экономический прогресс, и монашество ненавидит экономическую науку. Да и нет никакого прогресса, никакой науки, никакой революции и эволюции. Все это либеральные мечтания» [39].

Я спрашиваю: что же это последнее добавление от Платона или от Лосева?—несомненно от Лосева.

Прежде чем перейти к его критике либерализма, необходимо указать на один существенный пункт расхождения Лосева с Платоном. Ведь Платон был не только идеалистом, но и язычником. Язычество и отделяет Лосева от

---

[35] *А. Ф. Лосев*, Очерки античного символизма и мифологии, Москва 1930 г., изд. автора, т. I, с. 766—767.

[36] Там же, с. 808.

[37] Там же. с. 813.

[38] *А. Ф. Лосев*, Очерки античного символизма и мифологии, Москва 1930 г., изд. автора, т. I, с. 805.

[39]. Там же, с. 813.

Платона. От язычества последнего идет земное, телесность и вообще материализм. «...Итак, культ тела и прельщенность тела диалектически приводят к проповеди тела как пустой схемы, тела как голого факта, которому не свойственно ничто личностное и духовное. Факт тела признается и поощряется, а смысл отрицается. Такова диалектика всякого материализма. Такова диалектика и того вида материализма, который есть язычество. Такова стало быть диалектика платонизма, если мы возьмем его так, как он реально существовал без всяких западных привнесений» [40].

Лосев напоминает, что Платон и платонизм были преданы анафеме «по крайней мере на трех соборах» [41].

Это однако не устраняет того, что «...с Византией платонизм роднится характером идеально... понимаемого символа» [42]. Это имеет решающее значение. Отсюда следует принятие Лосевым аристократизма, рабства, застоя и многих других черт платоновского общества.

Лосева роднит с платонизмом следующее важнейшее положение: «...Все равно, ведь каждый чувствует, что с Платоном несовместима никакая социал-демократия, никакой парламентаризм, никакое равенство, никакой вообще либерализм и пр. и пр. Платонизм несовместим ни с верой в прогресс (эта вера есть создание исключительно европейского либерализма), ни с безобрядовой религией (созданием европейской дуалистической метафизики), ни с экономическим материализмом (этим возрожденским плодом классического иудаизма)» [43].

Пусть в платонизме содержатся материалистические и коммунистические элементы (в этом отношении он язычен) в действительности же он враждебен развитию, материализму, социализму и не менее родственен религии. Платонизм несовместим с становлением и совпадает с символом и с вечностью.

Это и предрешает принятие платонизма Лосевым.

Перейдем теперь к его критике либерализма. Всю новоевропейскую историю, примерно с XVI века, он подвергает злобной критике. Он объявляет себя противником всей капиталистической культуры, ее техники, экономики, политики и идеологии. Вот в каких словах он выражает свое отношение к буржуазному обществу.

Протестанско-возрожденский иудаизм «умеет истерию и формализм, неврастению и римское право объединить с разбойничеством, кровавым сладострастием и сатанизмом при помощи холодного и сухого блуда политико-экономических теорий» [44].

Разумеется, это относится не только к капитализму как он есть, но и ко всему тому, что из него вырастает, т. е. к социализму и коммунизму.

Лосев выступает против какой бы то ни было свободы. В частности он отрицает свободное искусство и свободную науку. Впрочем, дадим слово ему самому.

«...Таким образом «свободное искусство» диалектически необходимо отождествляется с либерализмом, и либерализм есть его социальная природа. Ни

[40] *А. Ф. Лосев*, Очерки античного символизма и мифологии, Москва 1930 г., изд. автора, т. I., с. 832-833.

[41] Там же, с. 844.

[42] Там же, с. 885.

[43] *А. Ф. Лосев*, Очерки античного символизма и мифологии, Москва 1930 г., изд. автора, т. I., с. 766.

[44] *А. Ф. Лосев*, Очерки античного символизма и мифологии, Москва 1930 г., изд. автора, т. I, с. 875.

средние века, сурово подчинявшие себе всякое искусство ради услужения себе, ни наконец русский коммунизм, признающий всерьев только пролетарское искусство,—органически не могли и не могут допустить существования «свободного искусства» и «незаинтересованного», «бескорыстного» наслаждения. Свободное искусство могло существовать только в эпохи развала того или иного культурно-социального режима, когда этот режим кормил революционеров, а революционеры, пользуясь его культурными и экономическими ресурсами, разрушали его и подготавливали революцию. Тогда лозунги в защиту свободного искусства имели свой полный смысл. Так было в средние века накануне возрожденской революции; так было при старом режиме в Европе, когда короли кормили просветителей и революционеров, так было в России, когда Толстой и всякие высокие и низкие «освободители», сами владея большим состоянием и привилегиями, помогали революционерам и подрубали дерево, на котором сами сидели. Но так не может быть в сильном и крепком режиме, не умирающем, но рассчитывающем на долгую жизнь. Всякую такую «свободу» в средние века сжигали, а теперь расстреливают [45].

Свобода совпадает для него с либерализмом, а последний с эпохой развала. Свобода, говорит он, существует только тогда, когда в данном режиме есть «такие дураки, которые даром кормят своих собственных разрушителей». Он всерьев убеждает читателя, что свободная наука «положительно вредна всякому устоявшемуся обществу». Нетрудно понять, что это есть критика либерализма справа, а не слева. Лосев критикует парламентаризм и буржуазную демократию фашистски. Будучи невежественным в общественных науках, он находит возможным сопоставлять средние века с пролетарской диктатурой. При этом для него остается тайной одна «мелочь», что в противоположность средневековью, стремившемуся к увековеченью, диктатура пролетариата совершенно сознательно рассматривает себя как переходный период к новому обществу—к коммунизму. Точно так же судит он ложно о буржуазной науке. Во-первых, в буржуазном обществе не существует свободной науки; свободная наука будет лишь в бесклассовом обществе. Во-вторых, буржуазная наука в своей свободолюбивости (в сравнении с феодальной наукой она была неизмеримо свободолюбивей) отражала не слабость, а восходящую мощь буржуазного общества. Наука достигла грандиозных успехов в буржуазном обществе, и марксизм является ее наследником.

Однако, критикуя либерализм, Лосев одновременно развертывает учение о твердом режиме, о прочном и неизменном государстве. Общественный режим, который он защищает, антикапиталистичен, но, разумеется, и не коммунистичен. Капитализм и коммунизм для него равнозначны и имеют одну и ту же сатанинскую природу. Быть может Лосев предлагает пойти еще дальше коммунизма? Ничего подобного. Вся его философия истории сводится к тому, что такое движение вперед невозможно, двигаться можно, по Лосеву, лишь в обратном направлении. Таким образом он противопоставляет капитализму не коммунизм, а феодализм. Как это ни курьезно, но он ратует за средневековье.

Почему же Лосев не зовет еще дальше в глубь времен, хотя бы к античности? Причину этого следует видеть в том, что античность—это язычество, которое он в качестве правоверного христианина принять не может.

---

[45] *А. Ф. Лосев*, Очерки античного символизма и мифологии, Москва 1930 г., изд. автора, т. 1, с. 820.

Язычество отделяет его от Платона, «идеально понимаемый символ» роднит Лосева с ним. Платонизм ценен тем, что подготовляет культуру средневековья; лучшим из миров является последнее. «Социальная жизнь, данная как *идеальная* стихия символа, есть *средневековая* культура. Она духовно-личностна и потому музыкально-живописна-словесна. Абстрактных «идей» тут не существует; они—живые личности святых. Искусство—церковно. Политико-экономическая жизнь основана на принципе личности, т. е. опирается на частноправовые отношения. Отсюда—такая система, как феодализм» [46].

Надо ли искать более отчетливых слов. Как будто все сказано ясно и определенно. По мнению Лосева, средневековая культура превосходит платонизм тем, что переносит символ «в сферу личностного духа». В переводе на обычный язык это означает, что феодализм имеет личного бога и частную собственность. Впрочем для большей точности надо отметить, что Лосев различает три типа средневековья: Византию, латинство и протестантизм. Доподлинным средневековьем является лишь Византия, свободная от языческих элементов платонизма и сохраняющая символ во всей его чистоте, т. е. «личностно». Иное—латинство. Оно есть средневековье, принимающее символ вещественно, следовательно со свойствами «языческого опыта», и наконец протестантизм—это такое средневековье, где символ—«данный материально-вещественно»; по существу здесь совершенно выветривается дух платонизма, который противоречит «всем протестантски-возрожденским типам «философии понятия». Лосев совершенно неосновательно относит протестантизм к средневековью, ибо в действительности протестантизм сигнализировал нарождение нового мира—капитализма, следовательно новые общественные отношения и культуру. В большинстве случаев он же сам отождествляет протестантизм с капитализмом. При протестантизме, говорит он, появляется позитивизм и рационализм. Здесь имеет место «необычайное развитие наук и искусства, техники и производства». В этом нет ничего положительного, и вся протестантская культура достойна осуждения и анафемы. «Все это — продукт удушения трансцендентных ценностей, т. е. продукт неестественного развития индивидуализма (ибо личность приняла тут на себя трансцендентные функции), т. е. капитализма» [47].

Протестантизм, т. е. капитализм, безбожен—таков смысл последних слов. Разве это не напоминает вам вышеприведенные мною слова эмигрантского философа Ильина о «богопустынном мире» современной культуры. В своей последней работе «Очерки античного символизма» Лосев отвел много места богу и религии. С этой точки зрения он подвергает критике не только протестантизм, но и платонизм. Недостаток последнего состоит в том, что у него нет физиологии молитвы. Последняя есть у православного Востока. У его подвижников молитва начинается «на языке, опускается в горло и грудь... переходит в сердце... где и собирается в... точку слияния с богом» [48].

Особенно резко критикует Лосев католическую религию. Разрешите привести по этому вопросу одну лишь выдержку, она не лишена интереса. «Это конечно не молитва и не общение с богом. Это—очень сильные галлюцинации на почве истерии, т. е. *прелесть*. И всех этих истериков, которым

---

[46] *А. Ф. Лосев*, Очерки античного символизма и мифологии, Москва 1930 г., изд. автора, т. I, с. 884.

[47] *А. Ф. Лосев*, Очерки античного символизма и мифологии, Москва 1930 г., изд. автора, т. I, с. 884.

[48] Там же с. 854.

является Богородица и кормит их своими сосцами; всех этих истеричек, у которых при явлении Христа сладостный огонь проходит по всему телу и между прочим сокращается маточная мускулатура; весь этот бедлам эротомании, бесовской гордости и сатанизма *можно* конечно *только анафемствовать* вместе с Filioque, лежащим у католиков в основе каждого догмата и в основе их внутреннего устроения и молитвенной практики» [49]. Если верно замечание Ленина, что критика одного идеалиста другим укрепляет материализм, то правильно и то, что взаимная критика представителей различных религий лишь усиливает безбожие.

Присовокупим ко всему сказанному, что Лосев относится весьма положительно к Шпенглеру [50], и социальные взгляды Лосева будут вполне ясны. Его общественные идеи во многом родственны определенным кругам русской философской эмиграции. В критике капитализма и апологии средневековья он близок к Бердяеву, для которого так же, как и для Лосева, «в истории нет прогресса. Будущее не лучше прошлого. В прошлом было больше красоты» [51].

В критике демократии и социализма Лосев близок к евразийцам. Вот что пишет один из них: «Наши мозги не переваривают «демократической» теории «прямого народоправства», и логикой его защитников мы не владеем... править может и должно только культурное, сознательное, идейное меньшинство» [52]. Я мог бы привести значительно больше выдержек, но, кажется, и приведенных достаточно для утверждения идейной близости Лосева с нашей фашистской эмиграцией.

Не только общество, но и природу он погружает в царство мрака. «...Для меня не история есть момент в природе, в космосе, но космос и природа есть момент в истории, в некоей социально-исторической обстановке» [53]. Всякое бытие—физическое, психическое природное, художественное—для него социально. Он говорит о социологии пространства, времени и космоса. Напрасно было бы искать доказательств правильности этого положения,—как и всегда Лосев ограничивается простым высказыванием. Какой все же смысл имеет это странное утверждение? Несомненно один лишь смысл. Помещая природу в свое реакционное общество, Лосев не противоречит себе. Мы выше видели, что природа сводится для него к имени. А чем является для него средневековье? Стихией символа. Таким образом он рассматривает имя как момент символа. Но с таким же успехом он может рассматривать символ, как момент имени. И в том и другом случае действуют одни слова и отсутствует реальный мир. Невольно напрашивается вопрос: да не шутит ли Лосев, объявляя это столпотворение слов диалектикой? На самом деле это—чистейшая мистика.

На этом можно было бы покончить с разбором лосевских общественных взглядов, однако для полной характеристики Лосева следует указать на его отношение к марксизму. О марксизме он в прямой форме говорит редко, а косвенно нападает при каждом удобном случае. Во-первых, он резко критикует материализм в целом, отождествляя его с натурализмом и позитивизмом.

---

[49] *А. Ф. Лосев*, Очерки античного символизма, с. 868.

[50] Там же. с. 58 и др.

[51] *Н. Бердяев*, О духовной буржуазности, журнал „Путь" № 3 за 1926 г., с. 3.

[52] *Яков Саводский*, Оппонентам евразийства „Евразийский временник", Берлин 1923 г., с. 169.

[53] *А. Ф. Лосев*, Диалектика художественной формы, Москва, изд. автора, 1927 г., с. 95.

Таким образом он объединяет в одно течение Плеханова, Спенсера, Гельмгольца, Тэна, Гюйо, Юма и даже... Беркли. Для него все перечисленные мыслители образуют один и тот же «тип» мышления. О том, что марксизм противопоставляет себя не только всем видам идеализма, но и метафизическому материализму, позитивизму и оголенному натурализму, Лосеву повидимому мало, чтобы не сказать совсем, неизвестно. Как он относится к материализму, видно из его отношения к Чернышевскому, которого он характеризует буквально так—«пустоватый Чернышевский», это сказано о человеке, которого Маркс назвал «великий русский ученый».

Марксизм он считает плодом классического иудаизма. Ничего оригинального в этом утверждении не содержится. Те же русские эмигрантские философы и публицисты распространяются объ иудейской природе» марксизма. У Лосева есть попытка полемизировать с историческим материализмом. Он не отрицает того, что всякая теория имеет известное социальное происхождение. Однако подобный социальный анализ недостаточен «...причинное объяснение часто дает вялый и мало говорящий результат. Так например мы знаем революционеров, которые вышли из среды духовенства и получили духовное образование. Мы знаем также рабочих и крестьян, которые вдруг почему-то обратились к чуждой им идеологии враждебных классов (они по закону должны бы быть революционерами) и обратились против революции[54].

Его интересует не вопрос факта, а вопрос логики, а с этой точки зрения пусть некоторые марксисты любят Пушкина, все равно логически «они должны отвергнуть пушкинскую поэзию».

У Лосева простое непонимание основ марксизма. Исторический материализм никогда не утверждал того, что человек, принадлежащий к определенному классу, непременно должен субъективно выражать идеи и мировоззрение этого класса. Отдельный человек данного класса (например буржуазии) может переходить на сторону другого класса (например пролетариата) и выражать интересы последнего, но ни один человек какого-либо класса не может выскочить из общей системы данного социального бытия. Перейдет ли отдельный капиталист на сторону рабочего класса или отдельный рабочий на сторону буржуазии, ни тот ни другой не могут выскочить за пределы буржуазного общества, как такового. Их сознание определяется различными сторонами одного и того же общественного бытия (пролетарской и буржуазной), определенной общественной формации, в данном случае—капитализма. Важно при этом заметить, что класс в целом не может переходить на сторону враждебного ему класса. Что же касается любви к Пушкину, то марксисты всегда считали себя наследниками и продолжателями всей человеческой культуры, и потому мы относимся с любовью и интересом не только к Пушкину, не и к Шекспиру, Данте и другим гениальным представителям различных эпох в истории человечества.

Придерживаясь чрезвычайно реакционного мировоззрения, Лосев бессилен понять, тем более критиковать марксизм—самую передовую философию нашей эпохи. С неизмеримо большим основанием и правом критикует марксизм мистическую философию Лосева. В частности марксизм без особого труда находит социальные основы его взглядов.

Не нужно больше выслушивать Лосева, чтобы иметь возможность судить об общественной значимости его философии. Буржуазное общество вступило

[54] *А. Ф. Лосев*, Очерки античного символизма и мифологии, Москва 1930 г., изд. автора, т. I, с. 765.

в стадию заката. Буржуазия скоро покинет историческую сцену. Вместе с ней уйдут в социальное небытие остатки феодализма: помещики, дворянство и вся аристократия. Близится момент всемирной «экспроприации экспроприаторов», и в предчувствии его господствующие классы порой теряют головы. Они готовы отказаться от науки и отдаться вере. Наиболее реакционные их круги начинают предавать проклятию всю культуру нашей эпохи. В бессилии двигаться вперед они топчутся на месте, а затем устремляются назад, вглубь времен, надеясь там найти утешение. Но увы, их ждет разочарование. В средние века можно теперь лишь мысленно перенестись, а не реально жить. Тем более злобствуют и неистовствуют они. Лосев выражает умонастроение самых реакционных слоев буржуазного общества. Его мракобесие тем более велико, что его устами глаголят господствующие классы былой России, низвергнутые нашей революцией. Обскурантизм Лосева вполне соответствует экономической слабости и некультурности русской буржуазии. Отсталость его взглядов находит свое объяснение и в том, что в дореволюционной России было много элементов крепостничества. Дворянство, духовенство, выброшенные за борт истории, имеют в его лице горячего защитника. В своей философии Лосев отразил бессилие и немощь буржуазного общества в целом, русской буржуазии в особенности, противостоять рабочему классу на почве науки и положительного знания. В его лице господствующие классы оказываются вынужденными маскироваться в средневековые одеяния и пользоваться давно превзойденными идеологиями прошлых времен. Напрасно. Это не остановит всепобеждающей поступи социализма.

Мне пора подвести итоги и резюмировать все вышесказанное. Мы последовательно рассмотрели методологию, космологию и социолнгию Лосева. И что же оказалось? Прежде всего его воззрения далеко не всегда оригинальны. Он много заимствует у Гуссерля, Кассирера, Шпенглера, Флоренского и русских эмигрантов. Что касается отдельных частей его мировоззрения, то о них можно сказать следующее:

Его методологии свойственны: 1. *Мистицизм* (символ, число). 2. *Формализм* (врак, фигура). 3. *Метафизика* (логос=формальной логике). 4. *Дуализм* (эйдоса и меона). *Механизм* (в синтезировании тезы и антитезы). 6. *Эклектизм* (в соединении трансцендентализма с феноменологизмом) и 7. *Антиисторизм* (отрицание становления и развития).

Совершенно очевидно, что такая методология не имеет ничего общего с диалектикой.

Что касается его космологии, то она содержит такие идеи: 1. Время существует до и без движения. 2. Пространство конечно. 3. Мир имел начало и будет иметь конец. 4. Земля не движется. 5. Астрология, алхимия и магия имеют право на существование. 6. Весь космос есть лестница словесности. 7. Естествознание—заблуждение, а вера—истина.

Наконец его социология заключает в себе следующие моменты:

1. В обществе нет развития. 2. Вся новоевропейская история (примерно с XVI века)—от сатаны. 3. Социальным идеалом является средневековье. 4. Учение Платона о трех классах (монахи, полицейские и рабы) правильно. 5. Византийство—законный преемник платонизма. 6. Демократия—химера, полицейский режим—действительность.

На основании вышеприведенного анализа лосевского мировоззрения я позволю себе закончить доклад следующими словами: Лосев является философом православия, апологетом крепостничества и защитником полицейщины.

ТОМАС ГОББС

(Торжественное заседание по поводу 250-летия со дня его смерти) *

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО И. ЛУППОЛА

Разрешите наше собрание объявить открытым. Мы собрались сегодня для того, чтобы почтить память одного из крупнейших мыслителей, каких когда либо знало человечество—память Томаса Гоббса.

Эпоха Гоббса отделяется от наших дней, примерно, тремя столетиями. Где же причина того, что в переходный период от капитализма к коммунизму мы вспоминаем мыслителя, который своими теоретическими работами прокладывал и расчищал путь капиталистическому обществу, притом в его ранней, торгово-капиталистической стадии? Причина эта заключается в том, что Гоббс был материалистом. Мы с вами не являемся Иванами, не помнящими родства, людьми без роду и племени. Мы имеем свою историю, и в эту историю материализма весьма красочной и колоритной фигурой входит Томас Гоббс.

В наши дни, дни не простого отмирания, а сознательного уничтожения старого, в дни не простого рождения, а планомерного и систематического построения нового, мы находим время вспоминать того мыслителя, который служил революционному мировоззрению своей эпохи. Среди сильного еще сопротивления феодальной мысли, среди христианнейшего пуританизма мелкой буржуазии той эпохи Гоббс был упорным поборником и настойчивым пропагандистом материализма. Правда, Гоббс не стоял в ряду активных борцов первой английской революции, так называемого «Великого бунта», но, с другой стороны, он порвал с контрреволюционной эмиграцией.

Гоббс в своей философии указывает пути Толанду и французским материалистам: французский материализм в известном смысле пожал плоды материалистической философии Гоббса. Именно французский материализм соединяет материализм Гоббса с материализмом наших дней—с диалектическим материализмом. Философия Гоббса представляет собою яркое, хотя и типичное для своей эпохи порождение XVII столетия. Смелая прямолинейность и упорная систематичность в отстаивании как правильных положений, так и положений неправильных, отображающих ограниченность той эпохи, характеризует материализм Гоббса.

Мы сейчас находимся в счастливом положении: мы, отделенные от Гоббса, повторяю, тремя столетиями, имеем возможность объективно, без излишнего юбилейного пафоса отнестись как к положительным, так и к отрицательным чертам философа. Мы имеем возможность отметить положительные черты с тем большим правом,

* В Институте философии 30 декабря 1929 г.

что Гоббсом был дан ряд принципиальных материалистических установок. С другой стороны, с таким же правом мы должны, хотя бы и на юбилейном заседании, отметить и отрицательные стороны его материализма, недостаточный, несовершенный и непоследовательный характер которого ясен в наши дни.

Историко-философская традиция правильно ставит Гоббса хронологически на второе место после Бэкона. Маркс называл Гоббса систематиком бэконовского материализма. Но такое его определение не обозначает разделения труда между Гоббсом, с одной стороны, и Бэконом—с другой. Нельзя думать, что Бэкон всецело взял на себя методологическую часть философии, а Гоббс—часть систематическую.

Если присмотреться и стилю и колориту философских систем Бэкона и Гоббса, то мы увидим существенное различие между ними. Если Бэкон является конкретным философом, берущим мир во всем его многообразии, то Гоббс дает конструкцию, дает схему, дает каркас вселенной. Все чувственное в фейербаховском смысле слова нагоняется, остается голый скелет. Бэкон конкретно-чувственен, Гоббс абстрактно-механистичен; именно этот абстрактно-механистический характер философской системы Гоббса мы не можем забыть и должны будем сегодня эти моменты его философии подчеркнуть.

Это тем более необходимо, что, как вы знаете, сейчас бросается лозунг: назад к Гоббсу! Можем ли мы согласиться с этим лозунгом? Конечно нет, а между тем—и я это подчеркиваю со всей ответственностью—сейчас говорят и пишут о том, что у нас существует-де пренебрежительное отношение к Гоббсу, что он заслуживает иного с нашей стороны отношения, что он является последовательнейшим из материалистов. На всем этом, очевидно, наши докладчики сегодня остановят свое внимание. Мы неповинны в пренебрежительном отношении к Гоббсу, и мы не относимся к нему с пренебрежением. Но, с другой стороны, мы не можем по ряду вопросов назвать его последовательнейшим из материалистов.

Мы должны сегодня в системе Гоббса отметить как то, что выдержало испытание времени, так и то, что явилось достоянием его эпохи и вместе с его эпохой, хотя и было в то время прогрессивным началом, отжило и умерло.

Вы знаете определение, которое Гоббс дает философии. «Философия есть рациональное познание действий или явлений из их известных нам причин, или производящих оснований, и наоборот, возможных производящих оснований из известных нам действий». Рациональное познание понимается Гоббсом как арифметические действия—сложение и вычитание, умножение и деление. Складывая понятия, мы получаем предложения, складывая предложения, мы получаем силлогизмы, складывая силлогизмы, получаем доказательства, складывая доказательства, мы получаем полную нить аргументации. Вот мимо этого математизма, окрашивающего собою всю философию Гоббса, мы не можем пройти и сейчас, через 300 лет.

С точки зрения Гоббса, мы познаем тела. То, что не является телом, не является и объектом философии; это прекрасно, поскольку при такой постановке вопроса изгоняется из обихода философско-научных знаний теология. Но вместе с тем, как вы знаете, изгоняется и история, поскольку для Гоббса история (это вообще характерно для XVII столетия) характеризуется не рациональным моментом, а просто наличием памяти.

Тела Гоббс классифицирует как тела естественные и тела искусственные. Поскольку к искусственным телам он относит и такие явления, как государство (понятие которого, согласно воззрениям XVII в., совпадает с понятием общества), поскольку человек является своеобразным телом, которое создает и организует тела искусственные,—постольку отсюда получается трехчленное деление его философии: о теле, о человеке, о гражданине.

Посмотрим, как строит он свой ряд, свою систему знаний. Мы видим *логику* как общую методологию, затем *онтологию* как общее учение о сущем, затем *геометрию и механику* как науки, изучающие общие свойства тел; далее, *физику*, изучающую внутренние свойства тел; потом *психологию и этику*, которые изучают человека, и наконец *политику* как науку, изучающую человека в качестве гражданина. Если вытянуть в линейный ряд названия наук, то мы увидим известную последовательность; без большого труда мы сможем это перевести и на язык эпох гораздо более поздних, чем эпоха Гоббса. Мы увидим тогда логику как общую методологию, затем совокупность наук естественных и потом совокупность наук общественных. Все это мне представляется весьма положительным моментом в философии Гоббса, и это должно быть нами сегодня отмечено.

Но при всех, повторяю, положительных моментах общей материалистической установки Гоббса мы должны отметить и ряд таких моментов, которые свидетельствуют о непоследовательности материалистической мысли Гоббса, которые свидетельствуют о том, что при настаивании на его выводах и положениях именно этого последнего порядка мы получаем неприемлемый для нас механический, механистический материализм. И не случайно, что те положения, которые я привел раньше относительно нашей, якобы, недооценки этого «последовательнейшего» из материалистов, принадлежат перу одного из наших механистов.

Возьмем проблему акциденций, которые Гоббс определяет как «способность тела, благодаря которой оно вызывает в нас представление о себе»; мы видим здесь еще такие моменты, которые требуют на протяжении истории философии своего преодоления, преодоления тех решений, которые были даны Гоббсом. Ведь то, что Гоббс называет акциденцией, при переводе на язык Спинозы может оказаться как атрибутом, так и модусом, и если протяженность является у Гоббса акциденцией так оказать атрибутивного порядка, то с движением у него дело обстоит менее благополучно. Движение как акциденция, по Гоббсу, может быть поставлено в одном ряду с цветом и твердостью.

Это дает известный оригинальный аспект как тому, так и другому, но это свидетельствует о том, что движение для Гоббса не является акциденцией атрибутивного порядка. А отсюда картина мира по Гоббсу принимает геометрический характер. Все представления Гоббса о телах—это, по существу, представления механистические, и, несомненно, именно это нравится в Гоббсе нашим механистам. Изучение конкретного предмета подменяется изучением геометрических свойств предмета. В этом Гоббс отличается от Бэкона и отличается в невыгодную для материализма сторону.

Геометризм сопряжен у Гоббса с моментами феноменализма. Само собой разумеется, что мы не можем усмотреть в Гоббсе неокантианца. И не потому не можем этого сделать, что нам этого «не хочется», а потому, что исторически Гоббс не дает к этому оснований, но в то же время надо признать, что по вопросу о времени и пространстве у Гоббса не все обстоит благополучно и что по этому вопросу у него есть элементы или положения, граничащие с феноменализмом.

Реальное пространство по Гоббсу—величина, но когда он говорит о пространстве, то (у него это написано черным по белому) он часто имеет в виду так называемое *мнимое пространство*. Он определяет пространство как «обретающийся в нашем сознании призрак какого-нибудь тела определенной величины и формы». Пространство есть лишь представление, контур, схема, лишь наиболее общее представление, а не форма существования тела. Это не Кант, ибо у Канта пространство было доопытной, безопытной, чистой формой наглядных представлений. У Гоббса вне сознания—величина, внутри сознания—соответствующее этой величине про-

странство. Но если это не Кант, то такая формулировка, которая требует уточнения на основе материализма.

Примерно так же обстоит дело и с временем, которое Гоббс определяет как то, что существует «не в вещах, вне нас, а только в мышлении нашего разума». Время он определяет как образ движения, «поскольку мы в движении представляем себе раньше и позже». Время для него только наиболее общее представление, а не форма существования вещей. Это, повторяю, не Кант, и нелепо было бы видеть в Гоббсе кантианца, ибо у Канта время было чистой доопытной и безопытной формой созерцания, у Гоббса же вне сознания—*движение*, а в сознании время, но это—формулировка, требующая уточнения и преодоления, формулировка, на которой материализм остановиться не может.

Со структурой онтологической у Гоббса гармонирует и структура социально-философской мысли. Здесь онтологический геометризм и математизм Гоббса проявляется как рационализм в истории, т. е. как антиисторизм, по существу, если хотите называть вещи своими именами,—исторический идеализм. Исторический рационализм XVIII в. во многих отношениях исходит из социальной философии Гоббса. У Гоббса мы имеем также то, что мы называем социальным атомизмом. Мы будем иметь специальный доклад о политических и социально-философских взглядах Гоббса, поэтому я не собираюсь в своем вступительном слове об этом говорить, но мне хотелось бы подчеркнуть лишь один момент.

Вы знаете, что обычно представляют Гоббса как сторонника монархии, как сторонника реакционных классов. Это не соответствует действительности. В самом деле, как могло случиться, что французские материалисты в своей революционности, во всяком случае в своем крайнем радикализме (в чем мы не можем сомневаться), так высоко ставили Гоббса как политического теоретика? Как это могло случиться, если бы они относились к Гоббсу, как к теоретику крайнего консерватизма?

Вы знаете что у Гоббса наиболее характерным моментом, конституирующим государство, является *власть*. По существу Гоббс и является идеологом крепкой государственной власти. Больше всего он боится разделения властей. Государство, по Гоббсу, должно заботиться о благе подданных. Однако встает вопрос: а что может быть и что должно быть, если этого не будет? В своей философии Гоббс черным по белому отрицает право на революцию. Но если внутри государства создаются партии, пусть хотя бы даже в смысле партий XVII в., то партии эти характеризуются также наличием определенной, подчас весьма крепкой власти, а это значит, что партии составляют своего рода государства в государстве. Хотя люди и заключили между собой договор, хотя договор этот должен соблюдаться, хотя по заключении этого договора наступает уже общественный порядок, но между отдельными государствами, по точному смыслу учения Гоббса, существует всегда естественное состояние, т. е. bellum omnium contra omnes. И если в государстве зарождается политическая партия, характеризующаяся также властью, если в государстве мы имеем, таким образом, согласно Гоббсу, новое государство, то между этими государствами, т. е. наличной государственной властью и политической партией, не может быть никакого иного отношения, кроме отношения постоянной и естественной борьбы. И если гражданская война, по Гоббсу, грозит смертью Левиафану, то с победой революции умирает или оказывается насильственно убитым один Левиафан, но в момент захвата власти революционной партией нарождается другой Левиафан.

В этом моменте политического учения Гоббса есть обоснование права на революцию, есть обоснование права на организацию политической партии, выступающей против наличной государственной власти.

Именно эти моменты и стояли перед глазами французских материалистов, именно поэтому они так высоко и ценили Гоббса и переводили его на французский язык. Указанный момент политического учения Гоббса, вместе с внимательным анализом всего его учения, должен привести нас к тому выводу, что Гоббс не является идеологом абсолютной монархии, не является идеологом земельной аристократии, а является идеологом безграничной власти государства в целом, что имеет, конечно, и определенное классовое содержание и классовую значимость. Эта теория соответствует интересам торгово-капиталистической буржуазии, *господству торгового капитала*, который, как правило, характеризуется господством самодержавной абсолютной власти и монархии.

Социально-историческое место Гоббса приходится как раз на период роста, как юристы говорят, «полицейского государства», а как мы бы сказали—абсолютистских государств, представляющих собой политическую надстройку над обществом эпохи торгового капитала. В то время эта философия Гоббса, будучи сопоставлена с пуританизмом мелкой буржуазии и идеологией крупной земельной аристократии, имела определенное революционизирующее значение. Именно поэтому мы, спустя такое большое время, объективно отмечаем юбилейную дату—250-летие со дня смерти материалиста Гоббса.

МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ ГОББСА

ДОКЛАД А. ЧЕСКИСА

Я конечно не думаю, товарищи, дать вам здесь полное и подробное изложение всей философской системы Гоббса. Для этого нужно было бы иметь гораздо больше времени, да это и не является нашей задачей. Моя задача заключается в следующем: заострить внимание товарищей на философии Гоббса как на философии «одного из оригинальнейших философов Англии», как его называет Маркс, на философии «первого современного материалиста», как его называет Энгельс, или «первого последовательного материалиста», как его называет Меринг. Само собой понятно, нельзя смотреть на Гоббса и на его философию как на философию материалистическую в современном смысле слова. Ясно, что материалистическая философия XVII в. не могла быть никоим образом похожа на материалистическую философию конца XIX и начала XX вв. И было бы странно, если бы Гоббс был диалектическим материалистом. Это противоречило бы как раз самому диалектическому материализму в применении его к изучению общественных явлений. Конечно, в XVII в. идеолог нарождающейся буржуазии не мог быть диалектическим материалистом. Когда мы французских философов-материалистов XVIII столетия ценим как наших предшественников или когда мы Спинову рассматриваем как нашего предшественника, то никто этим не думает утверждать, что Спинова и французские материалисты являются диалектиками-материалистами. Когда же мы подходим к изучению Гоббса, у нас получается еще более сложное положение, и изучение философии Гоббса представляет для нас особый интерес.

Гоббс является представителем и одним из основоположников механического материализма. Выходит так, что одной стороной Гоббс является нашим предшественником, а своей другой стороной, как механический материалист, он является до некоторой степени нашим противником. Отчасти может быть

вследствие этого у нас уделяют недостаточное внимание Гоббсу. Ему уделяется меньше внимания, чем Локку, который во всяком случае не является ни диалектиком, ни материалистом. Однако Гоббс, являясь механистом, все же не вполне лишен способности мыслить диалектически, и в его философии мы можем найти некоторые элементы диалектики. Было бы верно сказать, что наши современные механисты являются меньшими диалектиками, чем Гоббс. Это объясняется тем, что Гоббс—и это сильная его сторона—*был одним из самых последовательных мыслителей*. Гоббс был материалистом-монистом. У Гоббса имеется целый ряд мыслей, которые вошли несомненно в сокровищницу диалектического материализма. В буржуазной философии обычно пренебрегают Гоббсом. Куда большее внимание, чем Гоббсу, уделяется например таким философам, как Мальбранш или Беркли. И это вполне понятно. Для буржуазной философии всякий материалистический философ есть философ поверхностный, и поэтому материалистическая философия изучается очень мало. Это участь не только Гоббса, но и французских материалистов и всех виднейших материалистов вообще. Вы найдете куда больше книг, посвященных одному Платону, чем всем материалистам-философам, вместе взятым. Интересно однако отметить, что в буржуазной философии замечается в последнее время некоторый интерес к Гоббсу. Его начинают изучать в Англии, в Германии, во Франции и в Италии. За последние 5—6 лет появился на европейских языках ряд новых книг, посвященных философии Гоббса. Но современная буржуазная философия стремится толковать Гоббса не как философа-материалиста, а как философа-феноменалиста или философа - неокантианца. Такие попытки имеются например в книге Генигсвальда, которая цитировалась в нашей литературе [1].

Такой же точки зрения придерживается известный знаток Гоббса—датский философ Ларсен. Даже у Гефдинга имеется некоторое стремление превратить Гоббса в *полуматериалиста*. Я думаю, что мы должны решительно отвергнуть такую интерпретацию Гоббса. Не потому конечно, что мы хотим *приблизить Гоббса к нашей философии*, а потому, что такое идеалистическое толкование является полным извращением философии Гоббса.

Поэтому моя задача заключается как раз в том, чтобы доказать, что Гоббс является одним из самых последовательных материалистов XVII в. Если мы поставим Гоббса рядом с Декартом—одним из крупнейших философов XVII в., или с Бэконом, то мы можем смело сказать, что как материалист Гоббс является наиболее последовательным из них. Маркс, хотя и находит положительные стороны в материализме Бэкона, однако говорит, что «учение его еще полно теологической непоследовательности», чего мы не находим у Гоббса. Характерно то, что все части учения Гоббса проникнуты материализмом. Было бы, конечно, странно предполагать, что теория общества Гоббса является диалектически-материалистической теорией. В XVII в. материалистически-диалектической теории общества не могло быть. Но все же теория общества Гоббса является попыткой *материалистического* понимания общества.

[1] Первый, кто подал мысль о такой интерпретации Гоббса, был Наторп, который посвящает Гоббсу целую главу в своей навеотной книге о Декарте. Он утверждает, что для Гоббса материя и движение не являются объективной реальностью, а допускаются им в качестве методологического приема, чтобы установить причинную связь или закономерность в явлениях природы.

Я уже говорил, что Гоббс является идеологом того класса, который в XVII в. стал выдвигаться на общественно-историческую арену. Гоббс является идеологом *торговой буржуазии*. И это конечно относится к его политической философии так же, как к его философии вообще.

Что бросается особенно в глаза, когда приступают к изучению Гоббса? В первую очередь бросается в глаза то, что у него имеется одна *основная, стержневая* идея. Эта идея заключается в том, что в основе всего лежит *движение материи*. Движением по Гоббсу следует объяснять не только ту или иную *часть* явлений природы, но абсолютно *все* явления природы. Притом в его философии мы находим два основных принципа. Для понимания мира необходимо, с одной стороны, иметь принцип бытия, а с другой стороны — принцип изменения. Основная идея Гоббса сводится к тому, что бытие — это *тела, материя*, а изменение есть результат *движения*. Все явления природы имеют только одну причину и могут быть объяснены только одной причиной. *Эта причина есть движение* [2].

Принцип движения, выдвигаемый Гоббсом, не является конечно совершенно новым принципом. Принцип движения имеет свои корни еще в греческой философии. Этот же принцип мы находим в XVII в. у такого гениального философа, как Декарт. Принцип движения лежит в основе естествознания, которое стало развиваться в конце XVI и начале XVII вв. Так например у Галилея, основателя механики, принцип движения играет основную роль. Но Гоббса от всех остальных отличает в этом отношении то, что у него *принцип движения является действительно единственным* принципом объяснения. Притом у него замечается тенденция, которая, если ее проводить до конца, может привести к уничтожению самой материи. Так например мы находим у него попытку объяснить даже твердость и мягкость тела, т. е. те формы материи, которые считаются самыми основными, одним лишь движением; если отнять у материи движение, то останется только одна величина, или протяженность.

Мысль Гоббса можно сформулировать так: существует материя—тела, основным неотъемлемым свойством которых является протяженность; но, с другой стороны, материя (тела) обладает вторым *основным* свойством, которое объясняет все явления природы, т. е. которое показывает нам мир, как изменяющийся. Это—движение. Если исходить из этой *основной* идеи философии Гоббса, то нельзя утверждать, что для Гоббса движение есть *такое же* свойство, как покой, цвет и т. д., хотя Гоббс в одном месте ставит рядом такие свойства, как покой, движение, цвет и прочее. Повидимому, он говорит там лишь о *видимом* для глаза движении тел. Движение же, характерное для всей материи и являющееся единственным объяснением всех явлений природы,

---

[2] «Причины универсалий... сами по себе очевидны или... известны от природы, так что они не нуждаются ни в каком методе. *Их единственной и универсальной причиной является движение* (курсив мой — *А. Ч.*). Ибо разнообразие всяких форм возникает из разнообразия движений, посредством которых они образуются, а причиной движения можно считать только движение. Да и разнообразие чувственно воспринимаемых вещей, как цветов, вкусов, звуков и т. д., не имеет другой причины, кроме движения, заключающегося частью в действующих на наши органы чувств объектах, частью в нас самих, хотя без научного исследования нельзя сказать, какого рода это движение» (*Гоббс*, Избр. соч., Основы философии, ч. 1, Учение о теле гл. VI, с. 50).

внутренне присуще материи. По существу для философии Гоббса абсолютного покоя нет; покой есть лишь определенная форма движения [3].

Эта сторона философии Гоббса—движение—действительно характеризует собой все положительные стороны его философии. На этом принципе построена гоббсовская классификация наук, которая в общем и целом почти что совпадает с той классификацией наук, которую намечает Энгельс, так как оба они исходят из одного и того же принципа—движения.

Как строит Гоббс свою классификацию наук? Здесь прежде всего нужно обратить внимание на одну из очень интересных сторон философии Гоббса, интересных главным образом с точки зрения методологической: Гоббс понимал геометрию *кинематически.* Для Гоббса геометрия была наиболее общим учением о движении. Что такое линия? Это движение точки. Что такое поверхность? Это движение линии. Что такое тело? Это движение поверхности. Исходя из движения при объяснении геометрических тел, он искал четвертое измерение, которое должно получиться от движения тела. Это его понимание геометрии было причиной большой полемики между Гоббсом и некоторыми крупными математиками того времени, полемики, в которой он был ими крепко побит, хотя и не признал себя побитым. Однако самая его попытка кинематического понимания такой науки, как геометрия, показывает, какую роль играет у него движение. Первое место в его лестнице наук занимает геометрия, изучающая движение тела с точки зрения его движения, за ней следует механика, т. е. наука о таком движении, которое получается от внешнего действия одного тела на другое, например, от толкания, от столкновения двух тел и т. д.; за механикой идет физика, изучающая движение *внутренних частиц тела.* Гоббс таким образом понимал физику гораздо шире, чем мы ее понимаем теперь. Это внутреннее движение частиц дает нам все свойства тела. Действительно, так как тела имеют различные свойства, которые непрерывно возникают и исчезают, то причиной возникновения и исчезновения этих свойств является внутреннее движение частиц тела.

Таким образом третья из основных наук—это физика. Но тем дело не кончается. Помимо движения внутренних частиц тела, которые вызывают свойства тела, имеется еще внутреннее движение самих наших органов чувств, которое появляется в результате движений внутренних частиц внешнего тела, и это движение дает нам наши ощущения, т. е. дает нам *сознание.* Внутреннее движение человеческих страстей, желаний, побуждений и т. д. составляет предмет науки о человеке. Наконец наука об обществе изучает движение, существующее в обществе между людьми, общественные столкновения людей и т. д.

Таким образом систему классификации наук Гоббс начинает с движения и кончает движением. Место данной науки в его классификации определяется сложностью движения: простое движение—геометрия, более сложное—механика, еще более сложное — физика и наконец самое сложное — общество. В гоббсовской классификации наук нет места для такой науки, как химия

---

[3] По этому вопросу у Гоббса есть одно очень характерное место, являющееся очень глубоким и по философскому и по психологическому содержанию. Говоря о покое, Гоббс замечает: «Но люди мерят своей меркой не только людей, но и вещи, и так как они сами чувствуют большую усталость после движения, они полагают, что все вещи устают от движения и стремятся к покою по своему собственному согласию, не соображая при этом, что *само стремление к покою,* которое они испытывают, есть, может быть, *другой вид движения*» («Leviathan», ch. II, курсив мой—А. Ч.).

(физиология у Гоббса является частью физики); в ней не хватает еще и других звеньев; само движение Гоббс понимал слишком узко, ограниченно; в этом слабая сторона его системы с современной точки зрения. Но в исторической перспективе то, что сейчас является недостатком, могло быть достоинством в то время. Действительно, Гоббс стремится доказать, что всякое *изменение* есть *движение*, притом движение механическое, т. е. движение *локальное*, состоящее в изменении места. Пытаясь свести всякое изменение к механическому движению, Гоббс стремился главным образом к тому, чтобы изгнать из области философии всякие метафизические сущности и всякие *теологические* принципы.

Очень ценно определение *философии* у Гоббса. Маркс в отрывке «о французских материалистах», где мы находим знаменитую характеристику философии Гоббса, говорит между прочим, что французским материалистам приходилось бороться главным образом против *метафизики* XVII в., а именно против Декарта, Спинозы, Мальбранша и т. д. Он считает, что французские материалисты были последовательнее Спинозы и что их борьба с метафизикой является одной из самых положительных сторон в их работе. Он проводит параллель между той борьбой, которую вел Фейербах против гегелевской метафизики, против гегелевской спекулятивной философии, и той борьбой, которую должны были вести французские материалисты против метафизиков XVII в. Но говоря о метафизиках XVII в., Маркс систему Гоббса не причисляет к метафизическим системам. Маркс, следовательно, не считал Гоббса основателем метафизической системы, хотя у Гоббса была большая законченная система.

Характерной чертой философской системы Гоббса является то, что она не была метафизической системой. Система Гоббса есть *научная система*. Гоббс под словом «философия» понимал то, что мы теперь понимаем под словом *наука*. Для Гоббса философия и наука одно и то же. Он именно стремился доказать, что все то, что не может быть предметом науки, не может быть также предметом философии. Он таким образом решительно изгоняет *из философии теологию*. Это как раз то, что явилось потом даже для Фейербаха *огромным* шагом вперед. Фейербаху приходилось очень сильно бороться за то, чтобы изгнать теологию из философии.

Небезынтересно будет провести параллель между Гоббсом и Декартом: и Декарт, и Гоббс были протагонистами механического понимания природы. Декарт с научной точки зрения сделал больше, чем Гоббс, для механического понимания природы, потому что Декарт был крупнейшим математиком, крупнейшим физиком и как человек науки стоял конечно много выше Гоббса. Однако с точки зрения *философии* Гоббс провел механический принцип куда более последовательно, чем Декарт: Гоббс объяснил действительно все явления или, правильнее, стремился объяснить *все явления* природы движением. Вы знаете, вероятно, знаменитые слова Декарта, которые характеризуют его гениальность: «Дайте мне пространство и движение, и я построю вам мир». Одним лишь пространством и движением он считал возможным объяснить все явления природы. Однако это было сделано им только наполовину. Пространство и движение были для него достаточны, чтобы объяснить мир, поскольку речь идет о мире материальном, о мире физических явлений; поскольку же речь идет о мире *духовном* — такое объяснение Декарт считал невозможным; он отделил духовный мир от материального непроходимой бездной. У Декарта мы находим таким образом определенный дуализм.

Следует еще отметить, что для Декарта материя — это протяженность, и никакого другого содержания в материю он не вкладывает. Материя и пространство определенно совпадали у него. Гоббс в этом отношении пошел дальше Декарта. Нельзя *точно* сказать, что у Гоббса материя и пространство или материя и протяженность совпадают. У него в этом отношении вопрос остается недостаточно выясненным. Он конечно рассматривает протяженность, или *величину*, как неотъемлемое свойство (акциденция), т. е. как самый главный атрибут материи, но он не говорит, что никаких других неотъемлемых свойств вообще она не имеет. Он говорит только, что другие свойства возникают и исчезают, в то время как основное свойство не может возникнуть или исчезнуть. Но движение также не появляется и не исчезает— оно постоянно и вечно. Мы не можем таким образом определенно утверждать, что у него протяженность и материя—одно и то же. Гоббс пошел дальше Декарта в своем механическом объяснении явлений природы, ибо он охватил в своем механическом объяснении и *явления сознания*, он дал материалистическое объяснение духовным явлениям, и в этом отношении он сделал большой шаг вперед. Конечно, его *механическое* объяснение сознания недостаточно с точки зрения диалектического материализма, но основной его принцип, с методологической точки зрения, сохраняет свое значение и в настоящее время. Единство, которое он стремится установить во всей природе, действительно существует. Подчеркивая момент единства, Гоббс ясно сознавал, что единство природы—в ее материальности, а так как материи без движения не может быть, то следовательно единство природы—*в движении материи*. Значит, принцип единства он проводил с достаточной последовательностью и сделал его краеугольным камнем всей своей философской системы.

Из механического понимания природы вытекает и то значение, которое он придает геометрическому методу. Метод дедукции рассматривается им как наилучший метод, и все его доводы базируются на основных законах формальной логики. Очень характерной в этом отношении является его первая философская работа, опубликованная лишь в конце XIX в. Речь идет о «Малом трактате», который был опубликован одним из знатоков Гоббса, Ф. Теннисом, в 1894 г. По своей последовательности, по своей логической стройности он напоминает собой «Малый трактат» Спинозы. В этом «Малом трактате» проведен с замечательным умением и искусством метод дедукции, причем в качестве самого лучшего способа доказательства рекомендуется тот способ, который основывается на двух основных законах формальной логики: закон противоречия и закон исключенного третьего.

Следует отметить, что в этом «Малом трактате», который был написан приблизительно в 1630 г., мы находим уже основную идею Гоббса—мысль о значении движения для объяснения всех явлений природы.

Хотя движение Гоббс понимает ограниченно, как механическое движение, как перемену места, однако там, где речь идет о сознании, он вводит новое понятие движения, которое имеет очень большое значение. Это—понятие усилия (conatus). Термин «усилие» (conatus) фигурирует также у Декарта в его «Принципах философии», но у Гоббса это «усилие» имеет особое значение: это есть такое движение, которое меньше всякого представляемого движения. «Это движение, при котором в течение такого времени, которое меньше всякого данного времени, тело проходит пространство, меньшее всякого данного пространства». Материя обладает этим «conatus», этой динамической силой. Это мельчайшее движение (conatus) может нам объяснить появле-

ние сознания, ибо сознание или ощущение, являющееся в результате давления внешнего предмета на наши органы чувств, есть не что иное, как движение нервного тока, который доходит мгновенно до нашего мозга или сердца (в более ранних своих работах Гоббс говорит, что это движение доходит до мозга, а в более поздних утверждает, что оно доходит до сердца),— и там оно встречает отпор; это обратное движение и дает нам сознание. Это сознание и есть движение, которое нельзя видеть, ибо это движение— мельчайшее из всех видимых нами движений. Таким образом посредством «conatus» Гоббс дает механическое объяснение сознанию.

Переходя к другим сторонам и заслугам философии Гоббса, разберем его теорию познания. Обычно Гоббса рассматривают, как эмпириста. Англия XVII и XVIII вв. считается страной, где процветал эмпиризм, и Гоббса обычно рассматривают, как ученика Бэкона—основателя эмпиризма. Но это не совсем точно. Конечно Гоббс не отбрасывал эмпиризм, но можно сказать, что до некоторой степени он его преодолевал. Он был рационалистом, подобно всем великим философам XVII в., подобно Декарту, Лейбницу и Спинозе; но его рационализм не противостоит сенсуализму. Вы знаете, что в истории философии *рационализм* связан с идеалистическим решением проблемы познания. Рационалисты являются идеалистами в теории познания. Гоббс был рационалистом, но в теории познания он не был идеалистом, а сенсуалистом-материалистом. Временами чувствуется, что он стоит над пропастью, что он через сенсуализм может впасть в феноменализм. Но его *материализм* спасает его от феноменализма. Гоббс различает два типа познания: *опытное знание* и научное знание, которые хотя и существенно отличаются между собой, но имеют один и тот же источник: *чувственное восприятие.*

Когда читают работы Гоббса, в особенности его известную книгу «Человеческая природа», то получается впечатление, что у Гоббса имеются налицо все основные принципы эмпиризма, которые были развиты впоследствии Локком, Беркли и Юмом. И действительно, все основные принципы эмпиризма у Гоббса имеются. Он рассматривает опытное знание, как результат воздействия на нас внешних предметов, причем это воздействие так или иначе сохраняется в нас благодаря воображению или памяти. Поскольку внешние впечатления сохраняются в памяти, человек воспринимает вещи в определенной последовательности: он видит одну вещь за другой и привыкает рассматривать предшествовавшую как причину, а последующую—как следствие. Таким путем он устанавливает между предшествовавшим и последующим явлением причинную связь. Но установленная этим путем причинная связь *не имеет характера всеобщности. Из опыта нельзя вывести причинной связи, имеющей характер всеобщности и необходимости.* Нельзя утверждать, что именно так явления всегда будут следовать друг за другом. Таково рассуждение Гоббса в «Человеческой природе». Но именно к такому же заключению приходит впоследствии и Юм, который утверждает, что можно говорить о вероятности, но не о необходимости той или иной последовательности явлений. Однако, продолжает рассуждать Гоббс, опытное знание доступно не только человеку, оно доступно также и животным. И у животных имеются представления о вещах, и животные обладают памятью, и следовательно, и они могут установить связь между явлениями. Но опытное знание никогда не может нам дать *научного* знания. Опытное знание и научное знание—не одно и то же. Они имеют один источник, но для научного знания необходим совершенно другой принцип, чем для опытного знания. Гоббс определяет филосо-

фию как познание вещей *по способу их возникновения*. Философское или, что то же самое, *научное* знание должно нам дать знание *действительной* причинной связи вещей и явлений. На основе опыта мы можем установить обычную последовательность во времени—и только. Установить причинную связь, имеющую характер всеобщности и необходимости, исходя из одного только опыта, невозможно.

Мы имеем у Гоббса таким образом попытку, которая приближает его некоторым образом к диалектическому материализму. Речь идет о попытке дать синтез рационализма и эмпиризма. Он пытается применять для изучения явлений природы метод дедукции. Один опыт, с его точки зрения, научного знания дать не может, хотя он и является источником научного знания. Для научного знания необходимо еще что-то, а именно: *имена* или *понятия*. Только при помощи *понятий*, которыми пользуется один только человек, мы можем строить науку. Опытное знание имеется как у человека, так и у животных; преимущество же человека над животными состоит в том, что он владеет *речью*, а речь есть соединение имен или понятий.

Я не буду подробно останавливаться на определении, которое Гоббс дает имени; надо лишь указать, что согласно учению Гоббса имя служит, с одной стороны, подспорьем для человеческой памяти, ибо без такого подспорья память была бы бессильна при непрерывном течении представлений, а с другой стороны—оно служит способом общения между людьми; благодаря имени человек может сообщить другим о тех представлениях, которые перед ним имеются. Таким образом роль речи огромна, ибо имена—это не только название конкретных вещей, но и абстрактных представлений, так как могут быть имена самих имен и т. д. Таким образом имя для Гоббса—это понятие. Так как человек имеет не только опытное знание, но владеет способностью строить понятия, то он свое опытное познание может обобщать и пользоваться обобщением для установления *необходимой связи* между явлениями. Ибо необходимая связь между явлениями может быть выявлена только благодаря тому, что можно пользоваться *понятиями*. Но для научного знания необходима не только речь, не только *понятия*, необходимо также *рассуждение*. Без рассуждения нет научного знания.

Но тут возникает вопрос: что такое рассуждение? Не есть ли это какая-нибудь высшая способность, высший разум, как у рационалистов? На этот вопрос Гоббс дает упрощенный ответ, вытекающий из его механического понимания природы: рассуждать—значит *считать*, т. е. *складывать и вычитать*. Рассуждать о понятиях—значит складывать и вычитать понятия, складывать не только конкретные вещи, но и вещи абстрактные. Рассуждение о понятиях дает, по Гоббсу, *научное знание* и философию.

В связи с гоббсовским определением рассуждения как арифметической операции сложения и вычитания, следует обратить внимание еще на одну сторону философии Гоббса. Я говорил уже, что у Гоббса движение является общим принципом объяснения. Спрашивается, какое место занимает в философии Гоббса, в его системе, арифметика? Если рассуждать—значит считать, а философское знание получается в результате рассуждения, то арифметика должна играть одну из самых основных ролей в его системе.

Однако, прежде чем ответить на вопрос о месте арифметики в системе Гоббса, необходимо остановиться на проблеме пространства и времени в философской теории Гоббса и на проблеме числа, которая связана у него с его учением о пространстве и времени. Заметим кстати, что в формулировках,

касающихся пространства и времени, у Гоббса имеются некоторые колебания и даже некоторые противоречия. Но при анализе гоббсовских положений нужно всегда исходить из его *основного принципа*. Его формулировки часто недостаточны, и ему не всегда удавалось оставаться в них верным самому себе.

Как же он рассуждает о пространстве и о времени? Гоббс различает между абстрактным пространством и конкретным пространством. Существует материя, которая находится в движении. Вот это первое и основное, вот исходный пункт. Только исходя из материи, можно говорить о конкретном пространстве и времени.

Тут интересно отметить следующее: когда Гоббс начинает свой философский анализ, он начинает его не с анализа материи, что было бы правильно с точки врения материализма, а с анализа пространства и времени, для того, чтобы потом перейти к анализу материи. Это происходит оттого, что он пространство и время берет сначала как *абстрактное пространство и абстрактное время* [4].

Это абстрактное пространство является *мнимым* пространством, т. е. оказывается до некоторой степени *призраком*. Но вместе с тем реально существует конкретное пространство—*величина* предметов. Гоббс определенно говорит, что материи без величины представить себе нельзя. Значит, материя протяженна, значит, она занимает пространство. Но есть разница между отвлеченным и конкретным пространством. Конкретное пространство существует вне нас, абстрактное пространство как *понятие* существует лишь в нашем представлении. Гоббс устанавливает ряд различий, очень интересных, между величиной и местом: «Пространство, под которым я всегда подразумеваю мнимое пространство, совпадающее с величиной тела, называют местом тела. Телом же называют то, что занимает место... Место каждого тела определенной величины и определенной формы представляет собой призрак, величина же каждого тела есть характерная для него акциденция... место есть ничто вне сознания, величина же ничто внутри сознания... место есть мнимое, величина же—действительное протяжение» [5].

Таким образом абстрактное пространство есть не больше чем абстрактное *понятие;* как понятие—это есть *наше* понятие, но как действительность—оно принадлежит материи. Материя пространственна и протяженна. Не может быть материи без пространства. Всякое тело занимает пространство и не может не занимать его.

Некоторые формулировки Гоббса в его анализе проблемы пространства дают повод видеть в его теории некоторое предвосхищение кантовского понимания пространства, но по существу, поскольку Гоббс остается материалистом и поскольку он, как материалист, кладет в основу всего движущуюся материю,

---

[4] Для понимания этой проблемы не лишне будет процитировать одно положение относительно пространства и времени из Гегеля: «Пространство и время,—говорит Гегель,—наполнены материей. Пространство не совпадает со своим понятием. Его понятие находит свое осуществление в материи. Очень часто брали исходной точкой материю и рассматривали пространство и время как формы этой последней. Правильным здесь является то, что материя составляет содержание пространства и времени. Но понятия пространства и времени являются более отвлеченными, а потому они должны быть рассматриваемы прежде материи, а вслед за тем должно обнаружиться, что материя составляет их истину. Как нет движения без материи, так нет и материи без движения. Движение есть процесс перехода от времени к пространству и обратно» (*Гегель*, Naturphilosophie, S. 67).

[5] *Гоббс*, Избр. соч., с. 74—75.

пространство является объективной формой материи: оно объективно существует так же, как и сама материя.

Гоббс менее точен, когда речь идет о времени. Принимая аристотелевское определение времени, Гоббс вместе с тем связывает время с движением. Без движения времени нет, т. е. время существует действительно, время объективно постольку, поскольку движение объективно, поскольку движение является самым основным (после протяженности) свойством материи; ибо не может быть материи без движения.

Мы видели уже, что у Гоббса протяженность определяет бытие материи, движение—ее изменение, становление. Но тут интересно еще то, что движение в понимании Гоббса непрерывно и *имманентно* материи. Движение не является случайной акциденцией, как цвет, вкус и т. д. Нет, движение имманентно материи, ибо *все свойства материи объясняются движением*, которое непрерывно во времени и пространстве. Из этой непрерывности движения вытекает для Гоббса *очень строгий и очень последовательный* детерминизм.

В самом деле: если мы имеем одну основную причину всего совершающегося в различных формах его и если это движение непрерывно, то из этого следует, что мы имеем беспрерывный процесс движения, который вызывает беспрерывный процесс становления в природе. Мы имеем непрерывную цепь причинно связанных явлений, и когда мы рассматриваем в этой цепи причины и следствия, нам нельзя их рассматривать (если употребить современную терминологию) метафизически, а их нужно понимать динамически или *диалектически*.

В самом деле: раз вы имеете перед собой непрерывный процесс, то все будет зависеть от того отрезка процесса, который вы возьмете. Если вы возьмете известный отрезок процесса, то начало его вы назовете причиной, а конец—следствием; но весь этот отрезок может быть рассматриваем лишь как следствие, если взять больший отрезок; дальше любой отрезок может делиться на начало, середину и конец, а середина любого отрезка в свою очередь может делиться на начало и конец. Следовательно «причина и следствие постоянно меняются местами». Только в применении к определенному отрезку этого непрерывного процесса, т. е. к отдельному явлению, мы имеем тут причину, а там следствие. Но поскольку мы рассматриваем весь процесс, мы можем рассматривать причину и следствие только относительно. Они представляют собой определенное единство [6].

---

[6] Чтобы в этом отношении не быть голословным, я процитирую самого Гоббса: «Из того обстоятельства,—говорит Гоббс,—что с появлением причины во всей совокупности должно немедленно наступить и действие, следует с очевидностью, что причинение и производство действия находятся в определенном непрерывном процессе, так что соответственно непрерывному изменению активного тела или активных тел, в силу воздействия на них других тел, и пассивные тела, подвергающиеся воздействию активных тел, непрерывно изменяются... При всяком мысленном разложении действия на его составные моменты, начальный член ряда может представляться нам только как активность или как причина. Ибо если бы мы и этот первый член мыслили себе как действие или страдание, то мы должны были бы представить себе до него нечто другое в виде действия или причины. Но это невозможно, ибо до начала нет ничего. Подобным же образом мы можем мыслить последний член только как действие... Каждое отдельное из промежуточных звеньев ряда *является деятельностью и страданием, причиной и действием в зависимости от того, мыслим ли мы его в отношении к предыдущему или к последующему члену*» (курсив мой—*А. Ч.*), *Гоббс*, Избр. соч., с. 86—87.

Таким образом в гоббсовском понимании причинности, благодаря принципу движения, есть некоторый элемент диалектики. Понимание причинности связано у Гоббса с вопросом о необходимости, случайности и возможности. Обычно принято думать, что для Гоббса никакой случайности как объективной категории не существует. Раз движение является постоянным, непрерывным процессом, объясняющим все явления, то нет места для случайности. Конечно, если понимать случайность таким образом, что она исключает причинность, то верно, что для Гоббса случайности нет. Но ведь мы говорим не о беспричинной случайности. И вот, следует отметить, что в гоббсовском понимании случайности имеются некоторые намеки (правда, недостаточно развитые) на такое рассмотрение случайности, которое видит в ней пересечение отдельных рядов закономерностей.

«Явление,—говорит Гоббс,—может быть рассматриваемо как случайное по отношению к тем действиям, которые его не вызывали». Это нужно понимать так, что если у вас имеется определенный закономерный ряд явлений и если вы берете какое-либо явление, которое к этому закономерному ряду не имеет прямого отношения, то оно рассматривается как случайное по отношению к нему. Таким образом Гоббс не отрицает существования случайности. Случайность существует, поскольку мы рассматриваем известное явление *не в связи с теми явлениями, которые его вызвали*, а в связи с явлениями, которые его *не* вызвали, но которые находятся однако в определенном отношении с данным явлением.

Что же касается телеологии или целевой причинности, то Гоббс так же решительно ее отрицает, как Спинова: никакой целевой причинности нет и быть не может [7].

Интересно еще отметить, что Гоббс понимает причину, как *совокупность условий*: мы имеем тело,—говорит он,—которое действует, и тело, которое подвергается действию. Для того, чтобы какое-нибудь явление имело место, необходима совокупность условий, во-первых, в действующем теле, и во-вторых, в теле, подвергающемся действию. Когда вы имеете всю совокупность условий в в действующем теле и в теле, подвергающемся воздействию, то вы имеете полную и законченную причину, и тогда действие становится необходимым. Если же нехватает какого-нибудь условия в действующем теле или в теле, которое подвергается воздействию, тогда нет полной и законченной причины, а вследствие этого действие не может иметь места. Таким образом мы имеем у Гоббса то понимание причины, которое впоследствии развивал Стюарт Милль. Очень любопытно, как Гоббс понимает возможность; когда мы имеем совокупность условий, существующих только в действующем теле, но нет того тела, которое подвергается этому действию, тогда получается возможность. Возможность таким образом имеется тогда, когда имеется налицо лишь одна половина условий, ибо как только найдется другая часть условий, например когда найдется тело, на которое можно действовать, явление будет иметь место с необходимостью.

Таким образом в понятии возможности *заключается не тот смысл, что явление может быть и не быть*. Возможность заключается только в том, что нет еще всех необходимых условий. Чтобы эта возможность превратилась в действительность, необходима совокупность всех условий.

[7] «О конечной причине речь может только итти у тех вещей, которые обладают чувством и волей. Однако и у них «конечная» причина есть не что иное, как действующая причина» (*Гоббс*, Избр. соч., с. 92).

Я указал уже на то, что у Гоббса научное знание получается в результате речи, в результате пользования понятиями, причем именно это пользование понятиями дает возможность, благодаря рассуждению, т. е. сложению и вычитанию, построить научное знание. Но сложение и вычитание возможно при помощи чисел; числа, стало быть, играют огромнейшую роль в нашем познании [8]. Понятие о числе является результатом существования абстрактного пространства и абстрактного времени.

Действительно, абстрактное пространство может быть разделено на бесконечное количество частей, причем одна часть не отличается от другой, поскольку речь идет об абстрактном пространстве. Следовательно одна часть, другая часть, третья часть и т. д. до бесконечности абстрактного пространства дает нам такой ряд чисел: $1 + 1 = 2$; $1 + 1 + 1 = 3$ и т. д. до бесконечности. Мы имеем бесконечный ряд чисел таких же абстрактных, как и пространство. Это не числа конкретных вещей. Поскольку речь идет о конкретных вещах, они отличаются друг от друга, и система чисел для них неприменима. Если бы существовало только конкретное пространство, то ряд этих чисел не мог бы образоваться, но поскольку существует абстрактное пространство и абстрактное время, они являются основанием для чисел и для счисления. Арифметические действия возможны над числами, следовательно и над понятиями. Возможность производить арифметические операции над понятиями, т. е. складывать например движения с движениями, мысли с мыслями, качества с качествами и дает нам научное знание. Следовательно, мы получаем ваучное знание благодаря тому, что оперируем над понятиями, производим над ними действия сложения и вычитания. Эти абстрактные понятия дают нам кроме того возможность понимать не только сами конкретные явления, но и понимать их причину, а поскольку мы выявляем причину явлений, мы можем уже устанавливать определенную связь между ними и выявлять их необходимость. Эта необходимая связь формулируется в предложении, которое есть не что иное, как *соединение имен*. Ибо предложение есть *утверждение*, что одно имя есть то же самое, что другое имя. Но как устанавливаем мы эту необходимую связь? Когда мы приступаем к изучению явлений природы, мы наталкиваемся, во-первых, на конкретные явления. Значит, исходным пунктом нашей умственной деятельности или наших рассуждений и, следовательно, исходным пунктом всякого научного знания является *целое*, конкретное тело, которое нужно познать. А познать его— значит познать его в способе его возникновения.

Как же мы должны поступать, чтобы найти способ возникновения или причину данного тела или данного явления? В непосредственном знании, в опыте, который является основой и для научных знаний, нам даны сложные, целые, конкретные вещи; но очевидны и понятны для нас не сложные, целые, конкретные вещи, а определенные абстрактные понятия. Возьмем например квадрат; чтобы его научно познать, нам нужно разложить его сначала на его составные части, т. е. на линии, плоскость, прямой угол и т. д.

Мы берем таким образом линию как одну из основных частей квадрата; но линия есть результат движения точки. Поверхность есть результат дви-

[8] «Польза слов для обозначения наших мыслей нигде не видна так ярко, как в счислении. Идиот, который никогда не может научиться считать наизусть по порядку количественные имена, как один, два, три, может отмечать каждый удар часов, говоря: один, один, один,—но не может никогда знать, который час» (*Hobbes*, Leviathan, ch. V).

жения линии; мы таким образом знаем, как образуется поверхность, как она возникает и формируется, знаем, как возникает линия, плоскость, прямой угол, и следовательно мы знаем, как возникает квадрат. Мы знаем способ его образования. Гоббс начинает с конкретного, но, чтобы познать конкретное, он от конкретного поднимается к абстрактному. Это первый путь для познания природы. Добравшись до линии и до точки, мы таким образом добрались до самого основного; добрались до основной причины всех явлений, а именно: до движения.

Чтобы получить затем опять конкретное, мы проделываем обратный путь: нужно брать абстрактные части, складывать их, и тогда из абстрактного мы получаем конкретное.

В понятие причинности Гоббс вкладывает понятие возникновения и образования. Нельзя познать данное явление при простом описании факта, а надо познать его в его причинном формировании, т. е. в его образовании, в том, что его «причиняет», *вызывает*, *образовывает*. Исходя из этого, Гоббс устанавливает, что действительной наукой, которая может дать доподлинное знание явлений, т. е. способ их возникновения, является геометрия, с одной стороны, и наука о государстве, с другой. Только геометрия, изучающая фигуры и их свойства, является демонстративной наукой. «Так как причина тех свойств, которыми обладают отдельные фигуры,—говорит Гоббс,—заключается в линиях, которые мы сами проводим, и так как начертание фигур зависит от нашей воли, то для познания любого свойства фигуры требуется лишь, чтобы мы делали все выводы из той конструкции, которую мы сами при начертании фигуры строим. То, что геометрия считается демонстративной наукой и является действительно строго доказательной, обусловливается тем обстоятельством, что мы сами производим эти фигуры» [9]. Не так обстоит дело с другими науками. Согласно точке врения Гоббса у нас есть два типа науки. Первый тип науки тот, когда мы имеем познание явлений в их возникновении, потому что само их возникновение зависит от нас, мы сами их вызываем. А второй тип науки есть такой, когда мы стоим перед фактом, т. е. перед явлением природы. Это уже область физики.

Основной наш принцип состоит в том, что единственной причиной всех явлений мы признаем движение. Но какое это движение, какого типа, какого характера, какой формы—этого мы не знаем.

Как же должны мы поступить здесь? Мы должны из данного явления найти тот способ, посредством которого это явление было образовано, т. е. мы должны найти те формы движения, которые вызвали данное явление к жизни. Но это явление перед нами существует как факт, а как оно возникло—мы не знаем. Следовательно, здесь у нас может быть только определенное предположение, определенная гипотеза.

Возьмем, как пример, ту область явлений, которой Гоббс сам очень много занимался. Возьмем свет. Мы хотим установить причину света. Мы знаем, что свет есть результат движения. Имеется светящееся тело. Этот свет передается от него через движение. Какой формы будет это движение? Будет ли это движение как *эманация*, т. е. будут ли выделяться из самого светящегося тела частицы тела и доходить до нашего глаза? Будет ли свет передаваться через среду? Как установить форму этого движения? Ввиду того, что точно установить мы этого не можем, мы должны построить определенную гипотеву. Эта гипотеза должна быть «представима», не должна приводить

[9] *Гоббс*, Избр. соч., с. 178.

к противоречию и должна дать определенное объяснение данному явлению. Тогда мы эту гипотезу можем принять. Нам здесь приходится ограничиваться только гипотетическим знанием.

Мы видели, что Гоббс считает понятие (имя) одним из основных условий для образования научного знания. Но имя—это название, которое мы произвольно даем тому или другому явлению. Между именем и явлением *нет* логической связи, между свойством тела и его названием необходимой связи *не* существует. Это ясно уже потому, что на разных языках данное явление или свойство называется разно; следовательно, имена предметам мы даем произвольно. А так как все наше научное знание основывается на сочетании понятий в предложения, предложений—в силлогизмы и силлогизмов—в доказательства, то выходит, что все наше знание построено на одном только произволе. Мы согласились дать такому-то явлению известное название, и на этом мы потом строим наши предложения, силлогизмы и доказательства. Все знание есть таким образом результат произвольного названия, которое мы дали телам и свойствам. Таково обычное толкование Гоббса. Однако такое толкование неправильно, ибо такого сплошного *конвенционализма* у него нет. В его формулировках и здесь имеются неточности, дающие повод неправильно понимать его мысли; но исходя из его общей философской установки, так толковать Гоббса нельзя. Ибо, хотя имя, которое мы даем данному явлению, избрано произвольно, но оно *соответствует* этому явлению. Раз избранное—оно уже служит для обозначения именно этого явления, и, обозначая им данное явление, мы можем им оперировать так же, как к самым данным явлением. Имя произвольно, конечно, в своем образовании, в начале. Но раз оно избрано и принято, то оно уже тесно связано и неотделимо от явления, которое им обозначается. И поэтому «истина предложения» является истиной действительности, является утверждением, связанным с действительными вещами. Чтобы отметить, что истина предложения выражает собой истину самих вещей, Гоббс вводит новое понятие «*очевидности*». Истины без очевидности не может быть. А очевидность истины состоит в том, что «она есть совпадение представления с именем, обозначающим ее в акте рассуждения». Только тогда, когда я знаю, что «означает» собой данное имя, и связываю его с той вещью, именем которой оно является, я могу в предложении утверждать связь его с другим именем, т. е. строить предложения. Гоббс таким образом остается в рамках выдержанного материализма. Имена соответствуют вещам, и утверждения могут быть только о вещах; поскольку же мы выражаем истины в предложениях, выходит, что *истина* есть *истинное предложение*, потому что вещь не может быть сама по себе истинной или неистинной.

Необходимо отметить еще раз, что движение является для Гоббса не *методологическим* принципом, а действительно онтологическим принципом, т. е. движение существует так же, как материя. Но движение он понимает как механическое движение, т. е. как перемещение. Выходит, что внешний мир существует объективно, но представляет собой не что иное, как движущуюся материю, без всяких дальнейших качественных определений. Все качества тел, все их разнообразные свойства имеют только субъективное существование. «Вещи, которые действительно существуют вне нас, в мире, суть те движения, которые вызывают в нас призраки или явления» [10].

[10] В другом месте Гоббс выражается еще более ясно: «Все качества, которые мы приписываем вещам и за которыми мы признаем объективное существование, в действительности суть только призраки, «видимости», вне нас существуют одни

Об этом уже говорил т. Луппол. И за эту точку зрения Гоббса, которая была *передовой* в XVII в., ухватились наши механисты. За эту точку зрения Гоббса ухватился например т. Сарабьянов для того, чтобы *теперь* критиковать некоторые положения диалектического материализма.

Но принцип субъективности «чувственных качеств» приводит фактически и логически к тому, что *качество* никакого существования, кроме субъективного, не имеет. Это—путь, который ведет прямо к субъективизму. Во времена Гоббса этот принцип, как *методологический* принцип, был шагом вперед: он способствовал развитию науки, он помог ей изгнать всякого рода метафизические *сущности* из природы. Однако этот же самый принцип ведет к той точке зрения, что все разнообразие природы, все качественные различия имеют только субъективное существование, т. е. существуют только в субъекте. А это в конце концов означает, что природа сама по себе есть только одна *пустая абстракция* и что никакой действительной природы, никаких действительных вещей не существует, ибо действительные вещи являются только *субъективным призраком*.

Тут кстати будет отметить, что в XVII в. субъективность чувственных качеств была тем открытием, авторами которого считали себя Гоббс и Декарт одновременно. Вы все знаете, что между Декартом и Гоббсом существовали очень натянутые отношения. Причиной этой натянутости были не только возражения Гоббса против «Метафизических размышлений» Декарта, но (как это выясняется из некоторых писем Гоббса к Декарту и из ответов на них Декарта, а также из писем Гоббса к Сорбьеру) также и *подозрение Декарта*, что Гоббс хочет приписать себе приоритет открытия, во-первых, общемеханического принципа объяснения всех явлений, во-вторых, теории света, в-третьих, общей теории субъективности чувственных восприятий.

В действительности Гоббс не без основания приписывал себе эти открытия, так как уже в 30-х гг. он говорил о субъективности чувственных качеств.

Заслуга Гоббса—в попытке объяснить все явления природы одним общим принципом; это имеет *особо важное значение*, если обратить внимание также и на материалистическую психологию Гоббса. У нас обычно этой стороне философии Гоббса уделяется меньше всего внимания, а между тем его материалистическая психология играет громадную роль. Уже Фейербах, говоря о Гоббсе заявляет, что самым важным и исторически значительным в философии Гоббса, является его материалистическая психология: «Именно в этом отсутствии и изгнании духа, в этой эксцентричной материальности мышления находится самое интересное и исторически замечательное в системе Гоббса, находится ее необходимость и ее связь с историей нового времени, в этом ее оправдание и ее важное значение» [11].

Материалистическое объяснение сознания при материалистическом объяснении всех явлений природы было шагом вперед, который делал Гоббс даже по отношению к Декарту. В этом большое преимущество и огромная заслуга Гоббса.

Я кратко остановлюсь на изложении его материалистической психологии. Всякое чувственное восприятие Гоббс рассматривает как результат воздействия внешнего тела на наши органы чувств. Внутри наших органов чувств име-

---

лишь движения, которые являются причинами этих видимостей» (Works, t. IV, ch. II, par. 10).

[11] *L Feuerbach*, Werke, B. II, S. 81.

ются «животные духи» (animal spirits), т. е. особый вид материи. Действие определенного предмета на наши органы чувств, например зрение, слух, обоняние, осязание и т. д., производит определенное давление (conatus) на «животные духи». Это движение передается мгновенно центру—сердцу или мозгу, встречает там определенное сопротивление, в результате которого получается определенное обратное движение, которое направляется по нерву, во-вне, и мы получаем призрак (ощущение данного тела или предмета). Таким образом в основе нашего сознания лежит движение, но движение особого рода, движение нервного тока (animal spirits).

В связи с этим Гоббс развивает одну глубокую мысль, которая сыграла впоследствии важную роль во всей дальнейшей психологии. Это та мысль, что для сознания необходимы моменты различения и сличения. Сознание, стало быть, невозможно без памяти. А память возможна только там, где существуют специальные органы, там, где существует нервный ток, сохраняющий данное движение и следовательно данное ощущение. Когда одно ощущение следует за другим ощущением, оно сравнивается с другим ощущением—и таким образом сознается как таковое. Если бы было одно лишь ощущение, если бы человек видел только одно и то же, он ничего не видел бы. Предполагать наличие ощущений, памяти, значит предполагать наличие специальной нервной системы, без которой не может быть ощущения.

Гоббс развивает свою мысль о движении еще дальше. Что такое воображение? Это—повторение того движения, которое явилось уже в результате непосредственного давления предмета. Предмета хотя и нет, а движение сохранилось.

Что такое сон? Это—движение не контролируемое, которое начинается внутри самого органа чувств.

Далее: что представляет собой наша волевая и аффективная деятельность? Что такое наши чувства, наши стремления, наши страсти? Это тоже не что иное, как определенное движение, и притом это движение имеет своей основой все то же движение, о котором он уже говорил: тело, которое действует на нас, производит определенное давление. С одной стороны, мы имеем давление во-вне, но это движение направляется к сердцу. Вот это движение, и следовательно тот предмет, который вызывает данное движение, может быть или неблагоприятным для нашего организма, для нашей органической жизни, или благоприятным. В последнем случае получается у нас стремление к нему, в первом получается отвращение. Этим объясняется любовь к предметам и ненависть к ним. Значит, страсть—это тоже движение, но движение внутри нашего организма.

Вы видите, что тут Гоббсом вводится новый принцип, который в истории развития биологии и психологии сыграл огромнейшую роль,—принцип приспособления. Исходя из этого принципа, Гоббс и рассматривает аффекты любви, ненависти, надежды, опасения как особого рода движения, вызываемые предметом, который или способствует жизни нашего организма или же препятствует нашей органической жизни.

В области психологии у Гоббса имеется также целый ряд других богатейших мыслей. Так, у него имеется уже четкая, хотя еще не развитая, теория ассоциации идей. Он рассматривает течение представлений, связь между представлениями как результат ассоциации идей. Далее, мы находим у нашего философа психологический анализ страстей: анализ смеха, плача и т. д., который по своей тонкости и глубине является прямо классическим.

Мы имеем у Гоббса единство мировоззрения; одним принципом движения объясняет он наши ощущения, наши страсти; им же он объясняет и нашу волю. Вот почему вы не найдете более последовательного детерминиста, чем Гоббс, и недаром такой гениальный философ, как Лейбниц, который в своей философской системе является антиподом Гоббса, говорит о Гоббсе с самым глубоким уважением, как о самом последовательном философе, который когда-либо существовал.

Вопрос о свободе и необходимости трактуется Гоббсом до некоторой степени диалектически. Необходимость и свободу Гоббс не понимает как абсолютно противоположные друг другу понятия. Под свободой он понимает *не свободу от необходимости*. Свободы от необходимости, свободы от причинности не существует, существует только свобода от принуждения, так что в понятие свободы он вкладывает известное диалектическое содержание.

Остановимся наконец на понимании Гоббсом общественных явлений. Я имею возможность посвятить этой стороне философии Гоббса только несколько слов. Гоббс среди философов XVII столетия (которое, впрочем, было богато философами) является одним из самых последовательных атеистов; его в этом отношении не превзошли даже французские материалисты XVIII в. Гоббс, считаясь с условиями своего времени, критикуя религию, говорит об естественной религии, а не о религии откровения, которая не должна, мол, подвергаться критике. Но он подвергает критике все основные понятия религии и дает правильное психологическое и не только психологическое, но до некоторой степени социологическое объяснение религии. И в этом отношении Гоббс пошел очень далеко, рассматривая религию, если говорить современным языком, как орудие классового господства.

Религия является по Гоббсу *частью политики*. Религия увязана с политикой. Политика пользуется религией для своих целей. Корни религии лежат в непонимании человеком действительных причин явлений.

Возьмите например объяснение, которое Гоббс дает вере в бога, и доказательства, которые он приводит в пользу существования бога. Мы ищем, говорит он, всегда причины явлений, а потом ищем причину данной причины и так без конца. Но мы должны наконец найти такую причину, дальше которой нельзя итти, ибо наша мысль не может успокоиться, пока не найдет точки, на которой можно было бы остановиться. Значит, мы должны остановиться на определенной конечной причине. Какая же это причина? Эту причину мы можем назвать богом. Вот каково его доказательство существования бога.

Религия рассматривается Гоббсом как орудие в руках священников; она возникла вследствие того, что люди еще не понимали и не могли объяснить себе явлений природы. Не зная действительных причин явлений природы и не умея установить действительной связи явлений, они любое явление рассматривали как причину любого другого явления. Поэтому богами могло быть все, что хотите: и камень, и солнце, и дерево и т. д.

Гоббс дал также правильное объяснение явлениям культа и больше всего боролся с церковью. Вы знаете, что Гоббс был одним из самых ярых противников церкви. Он считал, что церковь может существовать лишь постольку, поскольку она является частью государства, т. е. поскольку она подчиняется государству; но церковь, независимая от государства, есть нечто недопустимое.

У Гоббса имеется очень интересный афоризм: догматы религии, говорит он, нужно принимать, как пилюли врача, их нужно проглотить, не разжевы-

вая. Рассуждать о догматах не полагается, ибо если вы будете рассуждать, никакой религиозной догмы быть не может.

Таким образом Гоббс в основных своих воззрениях на религию стоит на правильной точке зрения, которую нужно было только развить, вложив в нее классовое содержание. Он понимал уже политический характер религии, но не видел ясно ее классового характера.

Наконец самое последнее, на чем нужно остановиться, это на теории общества, теории государства, о крторой будет специальный доклад. Я только свяжу принцип объяснения государства у Гоббса с его общим принципом движения.

В своем учении о государстве Гоббс исходит из того основного положения, что люди в естественном состоянии равны между собой. Так как все равны, то все имеют одинаковые права на средства существования. А раз все имеют одинаковые права на средства существования, значит, все хотят завладеть всем, и начинается борьба между всеми. Чтобы ликвидировать эту борьбу между всеми, необходима общественная организация, государство.

Люди в целях мира и спокойствия уступают свои права одному какому-нибудь лицу, и таким путем получается полнота прав государственной власти.

Принцип борьбы всех против всех получил большое развитие в современной науке в виде принципа борьбы за существование. В классовом обществе борьба за существование заменяется классовой борьбой. Принцип борьбы за существование играет колоссальную роль в объяснении общественных явлений Гоббсом.

Рядом с принципом борьбы за существование мы находим еще принцип самосохранения. Стремление к самосохранению понуждает людей жить в обществе, утверждает Гоббс. Хотя это утверждение неправильное, так как человек есть животное общественное,—выдвижение этого принципа имеет большое значение для объяснения явления власти.

Тов. Луппол говорил здесь, что мы ценим Гоббса как материалиста, но что мы должны указать не только на его положительные стороны, а и на отрицательные. Отрицательная сторона гоббсовского материализма—его механизм—находит свое объяснение в состоянии науки XVII в. и в исторической обстановке, а его ограниченность объясняется ограниченностью того класса, идеологом которого он являлся. Но важно одно: Гоббс представляет собой для нас огромный интерес, и я, думается, не ошибусь, если скажу, что Гоббс для нас не менее интересен, чем Спинова, так как он является ярким представителем монистического материализма, причем его материализм, связанный с теорией движения, имеет особенно важное значение. Если бы мы хотели провести параллель с другим философом, то мы могли бы сравнить Гоббса с Гегелем. Известный французский философ—Эмиль Мейерсон—в своей книге по эпистемологии (теории науки) «О научном объяснении» посвящает одну главу Декарту, а другую Гегелю. Он старается доказать, что в истории философии мы знаем две грандиозные попытки дать на основе единого общего принципа рациональное объяснение всех явлений природы. Первая попытка была сделана Декартом, вторая—Гегелем. Декарт пытался из движения и пространства построить мир, доказывая, что можно из одного основного принципа движения дедуктивно вывести всю природу, а Гегель, пользуясь своим методом диалектики, также рационалистически, из одного общего понятия, пытался логически вывести все категории логики, всю природу и всю историю. Если сохранить необходимое расстояние в смысле гениальности и глубины, то поскольку речь идет действительно о двух цельных системах, скорее можно

говорить о системах Гоббса и Гегеля, чем о системах Декарта и Гегеля. Мы имеем, с одной стороны, философскую систему Гегеля, построенную на основе одного универсального принципа. Поскольку Гегель является идеалистом, он начинает не с природы, а с понятия, с идеи. Однако все явления природы включены в его систему, он старается из одного общего принципа объяснить все. С другой стороны, мы имеем философскую систему Гоббса, построенную на принципе механического материализма. Гоббс пробовал механическим движением объяснить все явления природы, включая сознание и общество. Принцип механического движения сыграл огромную роль в развития науки, но механическое объяснение уничтожает все качественное разнообразие природы, как мы это уже видели. Вместо принципа механического движения философия марксизма вводит принцип диалектического развития, который включает принцип механистического движения. Наша задача в том и заключается, чтобы принципом диалектического движения и развития, одним общим принципом объяснить и охватить все явления природы и общества. Найти единство и не забывать о разнообразии, вот в чем задача. Вот почему я полагаю, что рядом с Гегелем можно поставить не Декарта, а Гоббса, ибо хотя Декарт и является гениальным философом, но, поскольку он был дуалистом, он не объясняет общим принципом всех явлений природы, он дает объяснение только части действительности. Поэтому сравнивать его с Гегелем нельзя. Гоббс же был монистом-материалистом.

Если сопоставить Гоббса и Гегеля, то положительное в Гоббсе то, что он был материалистом-монистом, самым последовательным монистом-материалистом. Заслуга же Гегеля заключается в том, что он был самым глубоким диалектиком до Маркса.

В заключение я хочу указать мы должны в наших занятиях уделить Гоббсу больше внимания, чем это делалось до сих пор. Мы должны стараться как следует узнать этого замечательного материалиста и оригинальнейшего философа. Те элементы диалектики, которые имеются в его философии, надо выделить и основательно изучить. Если мой доклад пробудит в вас интерес к положительным сторонам, которые имеются в философской системе Гоббса, то я буду считать, что время мое не было потеряно зря.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ ТОМАСА ГОББСА

ДОКЛАД Т. РАЗУМОВСКОГО

Томас Гоббс представляет собой такое исключительное явление в развитии философской и социально-политической мысли, что, разумеется, и марксистская философия должна уделить ему самое серьезное внимание. Но при подходе к Гоббсу надо уметь избежать двух возможных опасностей. Несомненно, крайне вредной была бы *недооценка* значения Гоббса в развитии материализма. Что такая недооценка не должна иметь места, об этом достаточно говорит нам организация сегодняшнего торжественного заседания. Но надо помнить и о другой возможной опасности, о возможной *переоценке* теоретического значения «гоббизма», которая имеет место у современных механистов. Несомненно, мы имеем у Гоббса очень много элементов, которые в зародышевой форме предваряют современную форму материализма. Однако не следует забывать, что если Гоббс пользуется, например, категорией движения и пользуется ею очень часто, то, разумеется, это движение как низшая, чисто механическая форма движения еще не есть та необходимая форма существования материи, не есть движение как имманентное, вну-

тренне-присущее материи, которое одно только может объяснить нам причинную связь явлений, связь возможности с действительностью и т. д. Поэтому, как бы высоко мы ни ставили гоббсовский материализм, есть философские вершины, которые несопоставимы. Поэтому, например, сопоставление Гоббса с Гегелем едва ли представляет для нас столь большой исторический интерес, как, скажем, сопоставление его с жившим в одну историческую эпоху с ним Спинозой.

Наша задача заключается в том, чтобы оценить философию Гоббса и его социальную методологию как своеобразное историческое явление, отражающее определенную эпоху и определенные, свойственные этой эпохе черты.

Я коснусь только основных моментов социальной методологии Гоббса и затем вопроса о классовой позиции Гоббса в общем ходе развития английской буржуазной революции.

Несомненно, что великое достоинство Гоббса заключается в последовательном проведении им в изучении общественной жизни материалистического принципа, как он сам выражается—«в стремлении познать основание человеческих поступков с той же достоверностью, с какой известны основания величин в фигурах». Но было бы ошибочным предполагать, что в социальной методологии Гоббса мы имеем правильное методологическое соединение рационалистического начала с эмпирическим. Мы не имеем у него такого их соединения. Начала рационалистическое и эмпирическое, смыкаясь, в известном смысле дополняют друг друга у Гоббса. Но, дополняя друг друга, они отнюдь не образуют того методологического синтеза, который один только позволяет нам правильно познать природу общественных явлений. У Гоббса мы имеем такую форму рационалистической мысли, как дедукцию, и нет никакого сомнения в том, что при помощи дедукции Гоббс стремится создать некоторое единство в своей системе, исходя из своих основных материалистических принципов. Однако если внимательно присмотреться к сущности социальной философии Гоббса, то мы увидим, что в этой рационалистической философии элемент эмпиризма является еще чрезвычайно сильным.

Возьмем наиболее показательный пример—знаменитое положение Гоббса: «Человек человеку волк». Это положение в действительности вовсе не представляет собой голой дедукции из основ его материалистической философии. По существу оно представляет собой отображение существующих общественных отношений, при которых жил Гоббс; оно представляет собой отображение той конкуренции, которая характерна для нарождающегося нового буржуазного общества. Недаром сам Гоббс, обосновывая свое положение «человек человеку волк», ссылается на такой «современный» ему пример, что, мол, «отдельные граждане не путешествуют без оружия и ложатся спать, не только закрывая двери от воров, но и комнаты от слуг» («De cive»).

Вот та историческая обстановка, в которой жил Гоббс, при которой мы имеем не только явления нарождающейся товарно-капиталистической конкуренции, но и видим отсутствие безопасности внутри государства, видим характерные признаки того «естественного состояния», в котором вынужден был прокладывать себе дорогу современный Гоббсу буржуазный класс. Эта обстановка заставляет Гоббса раскрывать некоторые характерные для современного ему общества черты и на этой эмпирической основе строить свою социальную методологию. В своем изображении общества «вообще» Гоббс отправляется эмпирически от тенденций современного ему нарождающегося буржуазного общества. При этом он исходит не столько от общества как це-

лого, сколько от отдельных элементов этого общества, атомистически разлагая общество на отдельные его элементы. Он исходит от отдельного человека и его «натуры». Мы получаем таким путем тот своеобразный психологический, идеалистический подход к пониманию общества, который так характерен для социальной методологии XVII столетия.

Что, в самом деле, лежит в основе тех социальных связей, которые Гоббс считает господствующими в человеческом обществе? В основе их лежит не что иное, как «волеизъявление». Гоббс берет моменты, которые характерны для психологии каждого отдельного индивидуума: страх, стремление к выгоде, к самосохранению, но Гоббсу нужно ввести еще «волеизъявление», волеизъявление тех людей, которые создают общественную связь. Гоббс явно стоит на точке зрения механического материализма. Правильно поставить вопрос о сущности общественной связи, об истинном характере социальных связей можно, только исходя из той специфической формы движения материи, которую мы называем общественным бытием. Эта задача и выполнена диалектическим материализмом. Механический же материализм Гоббса неизбежно скатывается здесь к историческому идеализму: при построении общества он обращается к помощи психологических, рациональных, как вы увидите дальше, чисто-юридических связей, существующих между отдельными «субъектами права», между отдельными индивидуумами, составляющими общество. И поэтому, когда Гоббс стремится объяснить те вечные основные законы, на которых по его мнению зиждется общественная жизнь, то эти «законы» оказываются чрезвычайно характерными именно для его эпохи. Недаром он их называет законами одновременно божественными и нравственными. Мы имеем в них канонизацию новой *буржуазной этики*. Основные законы, положенные в основу построения его государства, суть те нормы буржуазного права, которые лежат в основе буржуазного общества. Я не имею возможности остановиться на всех 20 принципах естественного права, которые перечисляет Гоббс. Достаточно напомнить вам следующее: среди нравственных законов, которые нужны «для поддержания мира», у него фигурируют, прежде всего, принципы *соглашения и договора*, осуществляемых при помощи «волеизъявлений». Каждое лицо, живущее в обществе, рассматривается с точки зрения *выгоды* для остальных лиц. Организация общества строится на основе *переступки прав* отдельных лиц государственной власти. Естественным же законом является *равноправие* вступающих в соглашение сторон. Таким же «естественным законом» является и *право собственности*: Гоббс цитирует даже священное писание, где говорится о разграничении «своего» и «чужого». Характерно также с точки зрения юридической фразеологии Гоббса, что все споры, возникающие в обществе, разрешаются в порядке *арбитража*. И наконец в заключение всего, мы имеем у него предварение кантовского категорического императива: не делай другому того, чего не желаешь, чтобы сделали тебе. У Гоббса общество объединено меновыми и торговыми связями. А поскольку меновая связь мыслится Гоббсом как юридическая связь, то естественно, что в основе построения общества у него лежит начало психологическое, при котором утрачивается правильное понимание самой сущности общественной жизни. Гоббс делит человеческое бытие на два состояния—на состояние естественное и состояние общественное, и неудивительно, что он характеризует их следующим образом. В естественном состоянии «единственным способом ведения хозяйства» (очень любопытна самая терминология, которую я подчеркиваю) является *грабеж*. В общественном состоянии суще-

ствует совершенно другая форма взаимоотношений—договорная. Общественные отношения представляют собой нечто, что противополагается Гоббсом естественному состоянию, противополагается как общество, *учрежденное*, созданное людьми *искусственно*. Если попытаться найти корни этих двух состояний в общественных отношениях исторической действительности, в которой жил Гоббс, то конечно корни такой противоположности приходится искать в «состояниях» феодального общества, из которого выходит буржуазное общество, и нового товарно-менового общества. Неудивительно, что, характеризуя отдельные моменты «естественного состояния», Гоббс обращается к тем же характерным недостаткам феодального режима, на которые ссылались в своей критике феодального режима и другие буржуазные революционеры и материалисты, жившие в одно время с Гоббсом. Несмотря на неправильное идеалистическое истолкование общественной связи, Гоббсу несомненно нужно поставить в заслугу то обстоятельство, что он одним из первых счел необходимым поставить вопрос о *специфическом* характере общественных явлений в отличие от явлений природы. Противопоставление естественного состояния явлениям общества представляет для нас известный интерес и с этой точки зрения.

Обычно мы читаем у буржуазных авторов, что между взглядами Гоббса и Спинозы имеется большое различие. Гоббс говорит-де, что человек зол от природы, а Спинова находит известные черты симпатии, объединяющие человечество. В действительности различия между Гоббсом и Спиновой лежат не в этой плоскости. У Гоббса мы не имеем того одностороннего воззрения, что люди, якобы, являются злыми от природы. Гоббс, наоборот, старается дать более глубокое объяснение этому вопросу. Он говорит: «Люди не злы от природы и свободны от вины. Злы их *действия*, вредящие другим и противоречащие их обязанностям». А в другом месте мы у него читаем: «Я вовсе не отрицаю того, что люди по природе своей стремятся к сближению, но гражданские общества—не только сближения, но *союзы*, для которых необходимо доверие и соглашение». Далее Гоббс указывает, что если сопоставить реальную борьбу, происходящую в обществе, и стремление людей к сближению, то окажется, что люди больше склонны к господству друг над другом, чем к общению, потому что основой этого общения людей, основной причиной, которой вызывается в конечном счете это общение, является их взаимный страх.

Другими словами, Гоббс проводит здесь чрезвычайно любопытную мысль. Он стремится показать, что такие понятия, как, скажем, понятие зла, понятие вины и т. д., представляют собой вовсе не явления природы, но явления *общественные*, возникающие при определенных общественных отношениях; эти явления возникают тогда, когда мы имеем определенное общественное соглашение, когда мы имеем определенные, установленные *законы* общежития.

Гоббс поэтому возражает против известного положения Аристотеля, что человек представляет собою общественное животное. С точки зрения Гоббса это положение не совсем правильно. Человек становится общественным животным лишь *в обществе*. Точно так же и другая мысль Аристотеля о том, что человек по природе является существом, признающим неравенство, что в самой природе существует неравенство людей,—эта мысль подвергается критике со стороны Гоббса. По мысли Гоббса—по природе все люди равны, неравенство же в богатстве, во власти и т. д. создается при определенных законах. Наряду с этим Гоббс считает нужным подчеркнуть, что законы эти создаются с общего согласия. Другими словами, тем самым он узаконивает

определенное неравенство, он становится на определенную классовую точку врения в оценке этого неравенства. Это относится и к «праву на все», которое существует, по словам Гоббса, только в естественном состоянии. Но когда мы обращаемся к состоянию общественному, тут создается иное отношение к вопросам права. Здесь необходима умеренность, вдесь происходит известное сокращение этого права на все. Точно так же ставит Гоббс вопрос и относительно явлений этического порядка, как справедливость, преступление, и относительно понятия собственности. В естественном состоянии, по словам Гоббса, нет несправедливости, нет поэтому и преступления. Собственность точно так же «начинается только вместе с государством».

У Гоббса мы имеем таким образом попытку выделить явления, возникающие в обществе: он старается объяснить их,—выражаясь языком современного исторического материализма,—исходя не от природы, но от определенных общественных отношений.

Но когда Гоббс пытается провести различие между естественными и общественными явлениями, то провести это различие должным образом он не умеет. В обществе простейших животных,—муравьев, пчел и т. д.—по его словам нет элементов подлинной общественности, и это не есть общество в собственном смысле. Признаком, отличающим человеческое общество от общества животных, является, по Гоббсу, наличие общей воли. Он говорит, что у пчел есть лишь соединение многих воль, но нет единой воли. У животных ведущая воля тождественна с волей остальных, в человеческом же обществе они различны. В человеческом обществе существует соперничество, обида и т. д. Наконец, животное общество—нечто естественное, а человеческое общество—нечто искусственное. Таким образом Гоббс видит различие, существующее между простой толпой и обществом, но это различие он усматривает в том, что в обществе и государстве есть некоторая единая воля, в отличие от толпы, которая представляет собой лишь собрание многих воль. Не понимая сущности особой формы движения общественной жизни, Гоббс правильного разграничения, естественно, провести здесь не может. Но самая попытка поставить этот вопрос является очень ценной попыткой. Буржуазно-революционная эпоха делает в этом отношении первый шаг, доводя разрешение этого вопроса до идеалистического объяснения волеизъявлением и договором. Новая революционная эпоха—эпоха пролетарской борьбы—сделает в этом отношении дальнейший шаг. Она заменит понятие юридической «воли» пониманием роли общественных интересов и общественного труда и поставит изучение вопросов общественного бытия на историко-материалистические рельсы.

Необходимо однако признать, что Гоббс все же гораздо лучше понимает самые правовые явления, чем другие материалисты и юристы, жившие одновременно с ним. Я беру такой частный случай, как понимание Гоббсом уголовного права. Оно трактуется Гоббсом по-новому, совсем по-современному, и здесь его смелая мысль опережает столетия. По Гоббсу, наказание имеет целью отнюдь не возмездие. С точки зрения классической школы права наказание представляет собой возмездие; этот принцип проводит и школа Канта. Гоббс же стоит на материалистических рельсах в понимании таких явлений, как наказание и т. д., понимая его как способ исправления преступника — совсем в духе новейшей уголовно-социологической школы. Вообще Гоббс проявляет бо́льшую глубину в понимании вопросов права, чем многие современные ему и даже последующие мыслители.

Я не стану задерживаться на всех этих специфических вопросах права и морали и перейду к другой важнейшей проблеме. Я имею в виду учение Гоббса о государстве и вопрос о его классовой позиции в процессе развития английской буржуазной революции.

В общих чертах взгляды Гоббса на государство в достаточной степени известны. Общеизвестна та аналогия между государством и человеческим организмом, которую проводит Гоббс в своей теории государства, сравнивая его с чудовищем Левиафаном. Государство по Гоббсу—это как бы искусственный человек, громадное искусственное тело, отдельные части которого представляют известную аналогию с частями человеческого тела. Но уже правильно отмечалось, что Левиафан Гоббса представляет собою отнюдь не организм, но механизм. Основная мысль «Левиафана» вовсе не в этой образной аналогии, она является гораздо более глубокой. Прежде всего необходимо отметить, что все учение Гоббса о государстве вовсе не представляет собою какого-то чисто абстрактного, рационалистического построения, необходимого для завершения его философской системы. Учение Гоббса о государстве имело для своего времени чрезвычайно большое *политическое*, практическое значение. Конечно нельзя представлять себе Гоббса как политического борца, который непосредственно участвует в событиях политической жизни. Но это не значит однако, что работы Гоббса носили чисто отвлеченный характер и не были связаны с чаяниями и со стремлениями того времени. Гоббс сам говорит об этом в некоторых местах своей книги, напр. в предисловии к известной работе «О гражданине». «Моя страна, в которой пылает гражданская война, *страстно занята вопросом о природе власти*»—и в другом месте говорит, что он не стал бы писать о государстве, если бы это не имело практического применения, и т. д. Вопрос о политической идеологии Гоббса не может ставиться так упрощенно, как ставят его некоторые буржуазные мыслители и как позволяют себе разрешать его люди, называющие себя последовательными марксистами. Очень легко доказывать, что Гоббс представляет собою идеолога аристократии, монархической реакции. Эту точку зрения можно найти у таких авторов, как Э. Бернштейн («Социализм и демократия в великой английской революции»). Но они стоят на совершенно несостоятельной точке зрения. Чтобы понять подлинную политическую и классовую позицию Гоббса, необходимо припомнить положение Англии, при котором протекала деятельность Гоббса, и соотношение классовых сил, которые были характерны для эпохи Гоббса.

Здесь конечно совершенно произвольной является аналогия, которая проводится иногда между французской революцией и английской революцией, когда пресвитерианцы приравниваются жирондистам, индепенденты представляются якобинцами, а левеллеры представляются как «бешеные», гебертисты и т. д. При таком понимании исчезает все своеобразие процесса буржуазной революции в Англии как первого этапа развития буржуазной революции вообще. Исчезает своеобразие в расстановке социальных сил в Англии, которая не могла не отличаться от таковой же расстановки сил во время последующей буржуазной революции во Франции. Своеобразие это заключалось в том, что английская революция развивалась в значительной степени еще *в старых феодальных и церковно-религиозных формах*. В среде самого землевладельческого класса шли процессы, сближавшие его отдельные слои с буржуазной революцией; с другой стороны, зарождалось новое, буржуазного происхождения землевладение, тяготевшее к старым фео-

дальным правам и прерогативам. Борьба против феодальной королевской власти, опиравшейся на божественный источник власти, могла поэтому легко принимать форму борьбы за крепкую, а потому абсолютную государственную власть, опирающуюся уже *на человеческое право, на общую волю*. Здесь важно разобраться в классовых корнях движения. Пресвитерианцы представляли собою по преимуществу крупную земельную собственность и крупную буржуазию, которая держалась за старые классовые монополии. Индепенденты же, возглавляемые такими лидерами, как Оливер Кромвель, Айртон и т. д., представляли собою по преимуществу средвюю буржуазию и мелкопоместное дворянство, более связанное с городскими промыслами. Наконец, левеллеры являлись представителями наиболее демократической мелкой буржуазии, подмастерьев, иоменов (крестьянства); отдельные элементы мелкой буржуазии находили свое представительство и в левом течении индепендентов. Таковы были движущие силы английской революции, которые выступили против старой монархии, против папства и епископальной церкви. Чрезвычайным упрощением поэтому было бы рассматривать политическую теорию Гоббса как силу, противодействующую этой революции, ставить Гоббса на одну доску с каким-нибудь реакционным идеологом типа Фульмера.

Еще Фердинанд Теннис в своей известной работе о Гоббсе («Thomas Hobbes, der Mann und der Denker») указывал, что в целом ряде мест Гоббс выражает идеологию происходящей на его глазах буржуазной революции. Сравнительно недавно появилась книга нового исследователя Гоббса Юлиуса Липса [12], который проводит тщательное исследование таких работ Гоббса, как «Левиафан» и «Бегемот». Он отмечает в развитии политической деятельности Гоббса целый ряд моментов, до сих пор остававшихся незамеченными. Было известно, что Гоббса преследовала реакция, идеологом которой он, якобы, являлся. И, оказывается, преследовала она его не только под конец его жизни, когда он уже писал покаянные трактаты: и в более раннее время дворянская реакция была настроена явно против него, а высшее духовенство рассматривало его произведения как еретические. Еще более интересна связь, которую можно обнаружить между развитием воззрений О. Кромвеля и индепендентов и теорией Гоббса. Липс отмечает, что при Кромвеле были впервые напечатаны некоторые работы Гоббса, которые до тех пор не появлялись в печати. Кромвель, по словам Липса, часто цитирует отдельные мысли Гоббса в своих речах, правда, без указания источников. Он становится на позицию Гоббса в целом ряде вопросов, например, в вопросе об отношении к церкви и т. д., по мере того как укрепляется новое государство, созданное индепендентами и Кромвелем. Тем же исследователем было произведено сравнение двух текстов «Левиафана»—английского и латинского изданий. Английское издание появилось в самом конце жизни Гоббса, в эпоху реакции. Если сравнить оба издания, то оказывается, что Гоббс тщательно вымарывает под конец своей жизни те места, которые могут навести на мысль, что его «Левиафан» носит революционный, а не реакционный характер. Он заменяет например такое выражение, как «commonwealth» (по-английски «общество»), выражением «монархия» и т. д. Не могу на этом подробно здесь останавливаться. Во всяком случае это лишний раз показывает, что «Левиафан» при жизни Гоббса считался отнюдь не реакционным, но наоборот револю-

---

[12] *Julius Lips*, Die Stellung des Thomas Hobbes zu den politischen Parteien, Leipzig 1927.

ционным произведением, в котором самое всемогущество верховной государственной власти выдвигалось на первый план как необходимый этап общественного развития, необходимый этап развития английской революции.

С этой точки зрения я подхожу к вопросу о роли верховной власти и ее понимании Гоббсом. В целом ряде мест Гоббс указывает на то, что в частной жизни можно перенести некоторые неудобства для того, чтобы сохранить определенное общественное состояние и определенное устройство государства. Конечно у Гоббса можно найти и такие места, при чтении которых создается впечатление, что субъективно Гоббс как бы стоит на стороне монархии, т. е. симпатизирует монархической форме правления и указывает на ее преимущества. Но у Гоббса мы имеем совершенно определенные указания на то, что «граждане должны повиноваться аристократическому или демократическому государству не менее, чем монархии». Про монархию он сам говорит, что необходимость именно такой формы власти не доказана. Он требует поэтому повиновения всякому виду государственной верховной власти и всякой форме государственного управления. Но в своем изображении демократии Гоббс зачастую проявляет невольные симпатии и к «народному государству».

Какова же роль государственной власти у Гоббса? Прежде всего, ее значение вытекает из *механистической* методологии Гоббса. Вы помните, вероятно, концепцию некоторых современных механистов, в которой государство является обручем, сдерживающим столкновение классов и т. д. Гоббс не стоит на точке зрения теории классов, но он также представляет себе государственную власть как некоторый обруч, который один только может сдерживать атомистические элементы общественной жизни. Поскольку общественная жизнь мыслится как нечто атомистическое, связанное только волеизъявлением и юридической связью отделенных друг от друга элементов ее,— постольку для сохранения общества как единого целого требуется еще некоторое дополнительное условие, дополнительное связующее начало. Поэтому нужна твердая государственная власть, всемогущая государственная власть. Нужно отречение граждан от своих прав в пользу государства. И неудивительно, что Гоббс выдвигает идею абсолютной власти и заявляет, что в ней «нет ничего тягостного». Есть одно очень интересное место, где он говорит о том, что если управляться собственной властью, законами самой жизни, тогда не нужно государства. А государство—это принуждение общественной власти. Понятия государства и принуждения неразрывно связаны между собою, и противопоставление их невозможно. Жизнь же по естественным законам по существу немыслима. Так рассуждает Гоббс с точки зрения своей механистической методологии.

Но что представляет собой его теория с точки зрения социальной, с точки зрения классов той эпохи, которую отображает в своих работах Гоббс? Здесь нужно сказать, что проводимый им принцип единства власти, всемогущей и нераздельной власти, является наиболее соответствующим данному периоду развития буржуазного общества. В самом деле, что такое представляет собою с классовой точки зрения теория разделения властей? Когда выдвигается принцип разделения власти на судебную, законодательную, исполнительную, когда создается теория Монтескье, Локка и т. д.? Теория эта создается уже тогда, когда буржуазия находится у власти, когда нужен компромисс со старым феодальным обществом, когда происходит борьба между старым и новым обществом, происходит «дележка» между классами и такая

перегруппировка, при которой старый феодальный класс занимает новое положение в буржуазном обществе, а буржуазия, захватившая власть, должна итти на компромисс с этим старым феодальным классом. И тогда создается теория Монтескье, Локка и т. д. Но в тот момент, когда буржуазия только идет к власти, когда только создается буржуазное общество и буржуазное государство, в этот период требуется единство власти и нужны такие диктаторские функции, которые мыслимы только при абсолютной системе государственной власти, выдвинутой Гоббсом.

Стоит обратить внимание на те места в сочинениях Гоббса, где он очень отчетливо противопоставляет свою партийную, классовую точку врения точке зрения других социальных слоев общества. Он говорит об этом совершенно определенно: «Я встретил,—говорит он,—решительное возражение, что я сделал гражданскую власть *неумеренной*, но оно исходило от *духовенства*; что я уничтожил *свободу совести*, но оно исходило от приверженцев разных *сект*; что я освободил власть от повиновения гражданским *законам*, но оно исходило от *легистов*... Каждый из возражавших защищал *собственное дело*».

Так же и Гоббс, защищая свое «собственное дело», защищает дело той новой эпохи, которую он представляет. Против кого же выступает он в своей теории государственного абсолютизма? Он выступает против феодальных прав епископальной церкви. Он опротестовывает те права, на основе которых церковь стала чем-то независимым от государства. Церковь по Гоббсу должна быть подчинена государству, и государству принадлежит право устанавливать внешние формы культа, исповедуемые отдельными гражданами. Он проповедует теорию абсолютного господства государства над обществом и отдельными гражданами в сфере экономической живни. Гоббс в данном случае имеет в виду то обстоятельство, что государство в период перехода от старого феодального общества к новому должно урегулировать по-новому распределение *земли*, установить *нормы обмена*, перевозок и т. д. Бедность, указывает Гоббс,—причина мятежей, которые могут быть устранены при *более равномерном* распределении повинностей. Господство торговой олигархии внушает Гоббсу так же мало симпатий, как и господство землевладельческой знати. Гоббс выступает не только против старых идеологических группировок. Он выступает и против таких политических группировок, которые по его мнению не представляют собою правильно понятых потребностей новой эпохи. Он выступает против «враждебных миру мнений и учений». Он считает, что государство вправе запрещать эти вредные миру «учения и мнения». Он имеет в виду не только реакцию, но и многие более левые секты, которые тогда враждовали с новым кромвелевским государством, которые противопоставляли точку зрения «свободы совести» индепендентам, переходившим по мере укрепления своей власти на точку врения Гоббса. Идеи народовластия, развивавшиеся левеллерами, по мнению Гоббса, могли быть реализованы лишь в случае отказа от права на все в пользу единой всемогущей государственной воли. Он выступает против модной в его время теории монархо-и тираноубийства, т. е. против той теории, согласно которой отдельные граждане вправе восставать против власти и убивать монархов. Он выступает против этих возврений потому, что эта теория может нанести вред могуществу и независимости государственной власти. Гоббс находится в резкой оппозиции и к легистам, т. е. к законникам, пытавшимся *чисто юридически* обосновать права парламента против короля, ссылаясь на

феодальные вольности, на исторические права сословий, и тем самым часто вынужденным становиться на сторону старых, *феодальных* прерогатив реакционной королевской власти. Представляя преимущественно интересы торговой буржуазии, легисты не умели однако выпутаться из этих противоречий юридической идеологии и поэтому нередко оказывались в оппозиции и в период республики. Гоббсу представляется ошибочным, что у буржуазных юристов получает свое развитие идея связанности государства гражданскими законами, представление о государстве как о власти, связанной законами, которые она издает. Теории же, согласно которым мыслимо восстание против власти и ее ограничение,—эти теории в период укрепления нового буржуазного общества должны были казаться Гоббсу вредными и опасными. Естественно, что Гоббс выступает и против этих юридических теорий. Он глубоко изучает таким образом практические потребности современной ему эпохи и строит свою систему власти в полном соответствии со своим пониманием этих потребностей. Указывалось на то, что отдельные места сочинений Гоббса позволяют толковать некоторые его положения в том смысле, что у него имеется своеобразная теория революции: партия у него стоит против партии, организуется новая власть и т. д. Отдельные идеи такого рода у Гоббса, действительно, имеются, но только в зародыше. У него имеется также и мысль о том, что в некоторых случаях необходимо известное ограничение самой государственной власти. Он указывает, например, что хотя государство не связано гражданскими законами, но оно связано естественными законами и отвечает перед ними. А по Гоббсу последние являются божественными и нравственными законами. Поскольку государство несет ответственность перед законами буржуазной этики, то при бесчестности судей, если последние не выполняют этих законов, государство—по Гоббсу—распадается, и каждый гражданин получает право действовать самостоятельно, не считаясь с законами.

Как видите, у Гоббса имеются отдельные места, которые допускают возможность социальной революции против неэкономерной власти. Однако несомненно, что у Гоббса нехватает главного. Нет у него идеи диалектического движения общества, которая одна только может дать правильное представление о социальной революции, и недаром борьба партий, по его мнению, способна скорее разрушить государство, чем преобразовать его. Стоит ли, впрочем, искать особую идею революции в насквозь революционных произведениях Гоббса? Нужно сказать, что вся гоббсовская теория государства, в сущности говоря, только по форме может показаться реакционной; по содержанию же она представляет собою явно революционную теорию,—теорию нового буржуазного абсолютного государства.

Мне представляется, что в этом отношении Гоббс продолжает традицию Макиавелли, который выдвигал идею всемогущества государственной власти и считал, что все средства хороши для проведения государством своих целей. Требования Гоббса вполне соответствовали идеологии, которую одно время проводил Кромвель, когда стремился к *диктатуре*, постепенно ограничивая права парламента. Отсюда становится ясной классовая позиция Гоббса, и на неправильную точку зрения становится например т. А. Варьяш, который, отрываясь от анализа классовых отношений, считает Гоббса представителем нарождающегося бюрократизма. Конечно, трудно возражать против такой точки зрения, что в лице Гоббса мы имеем раннего предтечу мелкобуржуазной интеллигенции и что, поскольку мелкобуржуазный интеллигент неизбежно

является носителем равного рода противоречий, неудивительно, что учение Гоббса противоречиво и могло быть использовано различными классами. Но нужно учесть, что Гоббс является чрезвычайно крупным, чрезвычайно талантливым мыслителем, в значительной степени предвосхищающим идеи будущего и опережающим свою эпоху. Именно потому, что его учение отличалось большой глубиной и оригинальностью и в то же время соответствовало признанным потребностям его эпохи, неудивительно, что оно могло быть использовано в отдельных своих элементах различными классовыми группировками, наиболее близко стоящими к той позиции, которую занимал Гоббс. Это были, с одной стороны, индепенденты, но, с другой стороны, это могли быть частично и левеллеры. Если в отдельных вопросах (отношение к церкви, свободе и т. д.) позиция Гоббса резко отличается от левеллеров, то в вопросе о возникновении государства, об естественных правах граждан и т. д., Гоббс в значительной степени предваряет и формулирует, по существу дела, правовую идеологию левеллеров. Он разделяет их ненависть «к олигархии богатых», к крупной торговой буржуазии, к проводимой последней новой безжалостной эксплоатации труда, к резкому имущественному неравенству (см. «Бегемот»). Позицию средней и частично мелкой буржуазии, представленную левыми индепендентами и отчасти левеллерами, и отражает в своем учении Гоббс.

При таком освещении учения Гоббса о государстве получают совершенно новый смысл его отдельные заявления, которые порой звучат почти по-современному даже и в наши дни. Например требование Гоббса: «Считать не гражданами, а врагами и шпионами тех, кто не хочет подчиняться гражданским властям, хочет быть свободным от общественных обязанностей и в то же время требует, чтобы государство защищало его от нападения и обид». Или предостережение Гоббса против тех, «кто будет утверждать, что какой-нибудь гражданин может по праву участвовать в заговоре или соглашении против государства; *не верьте ему*, но дайте знать об его имени».

Эти идеи характерны для эпохи обострения классовой борьбы, когда революционный класс принимает чрезвычайные меры, обеспечивающие построение нового общественного строя и его классовой диктатуры. Понятие диктатуры пролетариата свойственно конечно только нашей эпохе. Но уже в идеологии мелкой буржуазии у таких мыслителей, как напр. Руссо, мы имеем некоторые зародыши идей о необходимости диктаторской власти государственной организации для создания нового революционного общества. У революционных мыслителей буржуазии мы имеем таким образом отдельные зародыши этой мысли, которая свое полное и специфическое развитие получила лишь в эпоху пролетарской революции. Сопоставляя различные эпохи—буржуазной и пролетарской революции,—мы находим в них, естественно, и некоторые общие элементы. С этой точки врения революционная государственная теория Гоббса представляет собой особый интерес и для нашего времени.

ПРЕНИЯ ПО ДОКЛАДУ Т. ЧЕСКИСА О ГОББСЕ *

А. В. Кубицкий. Я хотел бы высказать некоторые соображения по вопросу о понимании пространства у Гоббса. В своем вступительном слове т. Луппол указал на то, что некоторые формулировки Гоббса, касающиеся проблемы пространства, близки к феноменализму. В литературе, посвященной

* Прения и заключительное слово даются в сокращенном изложении.

Гоббсу, встречаются попытки трактовать его как феноменалиста, несмотря на его последовательный материализм. Необходимо разобраться в этом вопросе и прежде всего необходимо тщательно выяснить, что представляет собой гоббсовское понимание пространства.

По вопросу о пространстве мы имеем у Гоббса весьма решительные субъективистские формулировки. Его определение пространства гласит: «Пространство есть воображаемый образ существующей вне нас вещи, поскольку она просто существует...» [13] «Воображаемый образ», «фантасма» или «призрак»—вот как Гоббс определяет пространство. Я понимаю Гоббса в том смысле, что он признает независимое от сознания существование материальных, реально протяженных вещей, но отрицает существование реального пространства, как чего-то отдельного от протяженных вещей, как некоторого огромного «ящика без стенок», в котором все вещи находятся (пространство, которое было бы «общим вместилищем всех возможных вещей», как выразился Кант, имея в виду ньютонианскую концепцию пространства). Если в конце XVII и начале XVIII вв. в Англии было широко распространено именно это последнее понимание пространства (пространства, как «общего вместилища всех возможных вещей»), то в атмосфере, в которой складывались взгляды Гоббса, можно констатировать другой подход к этой проблеме—прежде всего постановку вопроса в духе Аристотеля. Аристотелевское понятие пространства совпадает с понятием *места*. Это место «есть некоторая площадь и как бы сосуд и объемлющее»—оно таким образом имеет не три, а два протяжения. Далее необходимо учесть те воззрения на пространство, которые были распространены в среде современных Гоббсу французских ученых, находившихся под влиянием идей Галилея. Здесь в первую голову нужно вспомнить ту точку зрения на пространство, которую развивал Декарт. У Декарта материя есть субстанциональная протяженность. Декарт говорит, что если бы материю, скажем, можно было удалить из какого-нибудь сосуда, то стенки сосуда соприкоснулись бы. Таким образом Декарт обходился без того пространства, которое мыслится, как общее вместилище всех вещей.

У Гоббса сама материя понимается несколько иначе, чем у Декарта, но по занимающему нас вопросу (по отношению к пространству) так же, как у Декарта. Для Гоббса материя есть совокупность протяженных вещей. Эти вещи занимают те или другие места, т. е. тем или другим образом граничат друг с другом. Если мы, говорит Гоббс, мысленно удалим эти вещи из тех мест, где они находятся, то у нас останется только представление о протяжении удаленной вещи, иначе—только *представление* пространства, субъективный образ или «фантасма».

Таким образом мне представляется, что Гоббс признавал объективное существование реальных материальных вещей, но не принимал какого-нибудь особого реального вместилища этих вещей. Представление же пространства получается, согласно Гоббсу, через чувственные впечатления, вызываемые в человеке реальными материальными вещами, существующими вне сознания.

Если бы существовало реальное вместилище всех вещей, то наше представление могло бы быть отображением этого реального пространства. На самом же деле это наше представление пространства получается, согласно Гоббсу, не от пространства, а от вещей. Поэтому Гоббс и говорит, что пространство есть «фантасма существующих вещей...» и т. д.

---

[13] *Гоббс*, Избр. соч., с. 67.

Надо, впрочем, сказать, что у Гоббса по вопросу о пространстве нет такой строгой выдержанности и последовательности, как например у Декарта. У Гоббса попадаются также и несколько другие формулировки. Но основной его точкой зрения на этот предмет является, по-моему, именно то понимание, которое я развивал выше. Гоббс не признает абсолютного неподвижного пространства, в котором все вещи находятся, в котором они перемещаются и которое мыслится, как отличное от самих вещей, в нем находящихся. С точки зрения Гоббса протяженность или пространственность каждой отдельной вещи движется вместе с этой вещью. А представление о месте есть, с точки зрения Гоббса, субъективное представление и относится к так называемому «мнимому пространству».

А. И. Рубин. Я хотел бы остановиться на проблеме движения у Гоббса.

Рассматривая философию Гоббса, мы должны исходить из Декарта и Бэкона. У Гоббса мы имеем попытку синтеза рационализма и сенсуализма. Как Гоббс проводит эту попытку и удалась ли она ему? Каковы были основные противоречия в системе Декарта? С одной стороны это—противоречие двух субстанций: бог и мир, душа и тело; с другой стороны—противоречие материи и движения. Для Гоббса, как физика, особое значение приобрело это последнее противоречие. Удалось ли Гоббсу увязать материю и движение, субстанцию и причинность? У Гоббса противоречие материи и движения не связано с признанием двух самостоятельных субстанций. У него обе стороны этого противоречия стали материальными: в этом его преимущество перед Декартом. У Декарта тело само по себе неподвижно, в нем нет силы, оно пассивно. Движение сообщается телу извне и состоит в том, что одно тело толкает другое, другое—третье и т. д. С точки зрения Гоббса не существует никаких нематериальных субстанций. Единственная реальность, которая «имеет бытие вне нашего сознания» [14] есть тело. Таким образом бог отвергается, а в самом теле мы имеем с одной стороны субстанцию, а с другой стороны акциденцию. Если субстанция выражает собой момент устойчивости, неподвижности, то акциденции дают нам подвижность. Движение находится в самой материи и в этом смысле имманентно материи, в отличие от Декарта, который начало движения выносил за пределы материи, приписывая его богу.

Таким образом противоречие материи и движения Гоббс переносит в материю (в этом смысле Гоббс является последовательным материалистом), однако противоречие это остается у Гоббса неразрешенным, так как статический момент преобладает у него над динамическим. Основная категория Гоббса—категория величины. Рассматривая философию Гоббса, мы можем получить представление о пределах механицизма. Можно сказать, что Гоббс является классическим представителем механицизма. И здесь мы видим, что признание принципа движения может быть связано с полным отрицанием принципа изменения в более *общем* смысле. Движение—это только изменение в пространстве. А Гоббс говорит, что «всякое изменение есть только движение» [15]. И как отмечает Энгельс, здесь больше неподвижности, чем движения, больше неизменного, чем изменяемого.

Позиция Гоббса по отношению к Декарту и Бэкону напоминает позицию Канта по отношению к прежней философии. Гоббс стремится найти синтез рационализма и эмпиризма и хочет обосновать его на математическом естество-

---

[14] *Гоббс*, Избр. соч., с. 66.
[15] *Гоббс*, Избр. соч., с. 87.

знанпи. Но теми средствами, которые у него имеются, средствами номинализма, он не может разрешить эту задачу. Стоя на точке зрения номинализма, Гоббс превращает субстанцию только в имя. Поэтому Беркли не стоило большого труда сделать из Гоббса идеалистические выводы.

Я хочу отметить еще один момент в учении Гоббса, на который обычно обращают мало внимания. Мне представляется, что Гоббсу удалось удивительно сильно формулировать связь движения с пространством и временем (по поводу парадокса Зенона). У Гоббса движение определяется как «непрерывная перемена места...» «Но вот нельзя себе представить, что что-либо движется вне времени», потому что это значило бы «представлять себе движение без образа движения» [16]. Из этого следует, что «то, что движется, не остается ни на один момент на одном месте». А отсюда вытекает у Гоббса его опровержение парадокса Зенона о стреле: «То, что движется, не движется ни на том месте, где оно находится, ни на том месте, где оно не находится; оно движется с того места, где оно находится, к тому месту, где оно не находится». Это разрешение важнейшего из парадоксов Зенона является классическим в том смысле, что все последующие философы не дали ничего нового по сравнению с Гоббсом. Это решение Гоббса повторяется и у Спиновы [17], и у Гербарта, и у Плеханова.

В гоббсовском учении о «конатусе», которое было дальше развито Спиновой и в особенности Лейбницем, мы имеем такой момент, где начинается преодоление механистического материализма; но этот момент не получил у Гоббса дальнейшего развития.

Преодоление Гоббса шло в двух направлениях. С одной стороны, мы имеем субъективный идеализм Беркли, исходивший из номиналистических предпосылок Гоббса. С другой стороны, философия Спиновы явилась преодолением Гоббса, поскольку центральным понятием у Спиновы была causa sui, имманентная причинность, снимающая в гораздо более глубоком смысле противоречие материи и движения, чем это было у Гоббса.

И. К. Луппол. Я хочу высказаться по вопросу о роли и значении движения в философии Гоббса. Когда т. Ческис указывает, что все видимое многообразие вещей объясняется у Гоббса движением, то это верно. Однако эта мысль проводится не только Гоббсом, но также и Декартом, а затем и Спиновой. Движение есть причина многообразия всех вещей. Это одно дело. Но другое дело—вопрос о природе самого движения. Если мы воспользуемся терминологией Декарта и Спиновы, то вопрос придется сформулировать так: является ли движение в системе Гоббса акциденцией *атрибутивного* порядка или же это только модус, акциденция *модального* порядка? Ведь сам Гоббс указывает, что акциденции бывают двух родов: акциденции, которые не могут исчезнуть без того, чтобы не исчез и субъект, их носитель (таково *протяжение* тела), и акциденции, которые «не являются общими для всех тел, а присущи только отдельным телам, как покой, движение, цвет, твердость и т. п.»—эти акциденции «беспрестанно исчезают и замещаются другими, без того, чтобы тело было в силу этого уничтожено» [18].

Утверждая, что движение у Гоббса всегда присуще телу, что оно имманентно материи, т. Ческис, на мой взгляд, переоценивает значение движе-

---

[16] *Гоббс,* Избр. соч., с. 77—78.
[17] („Принципы философии Декарта", ч. 2, схолия к теор. 6.
[18] *Гоббс,* Избр. соч., с. 74

ния в системе Гоббса. Тем самым нарушается историческая перспектива в развитии проблемы движения в философии XVII и XVIII вв.

Если мы бросим общий взгляд на последовательное развитие этой проблемы, то мы увидим следующее. Декарт все разнообразие вещей объяснял движением, но движение мыслилось им, как трансцендентное его телесной субстанции. Движение рассматривалось Декартом как *модус* тела, сообщенный телу извне. Для Спиновы движение приобретает уже значение *бесконечного модуса*, причем другим бесконечным модусом вещей, взятых под атрибутом протяжения, является покой. У Гоббса, как мы уже видели, движение также ставится рядом с покоем и рассматривается как такая акциденция тела, которая не является безусловно необходимой для существования тела. И только в начале XVIII в. Толанд, в полемике против Спинозы, выдвигает положение, что движение есть неотъемлемое и существенно необходимое свойство материи, т. е. ее атрибут. Эту мысль в дальнейшем развивают и углубляют французские материалисты XVIII в.

Для меня несомненно, что проблему движения нужно всегда рассматривать в связи с проблемой времени. Для философов XVII в. характерно признание времени только модусом мышления. Так трактовали время и Декарт, и Гоббс. А отсюда с неизбежностью вытекало неудовлетворительное решение проблемы движения этими философами.

Правда, среди всех акциденций модального порядка движение занимает у Гоббса особое место, служа ему для объяснения других свойств тела. Гоббс признает, что все тела движутся. Однако он тут же замечает, что движение тела может исчезнуть без того, чтобы тело исчезло и перестало быть телом. И в этом смысле Гоббс проводит решительное различие между движением и протяжением, которое является для него единственным атрибутом тела, с уничтожением которого исчезает само тело.

Стараясь приблизить гоббсово учение о движении к нашей современной точке врения и переоценивая роль движения в системе Гоббса, т. Ческис умаляет значение последующих мыслителей и в частности Толанда. Если уже у Гоббса мы имеем признание движения коренным условием существования тел, то выходит, что Толанд просто ломился в широко раскрытые двери.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО т. ЧЕСКИСА

По вопросу о гоббсовском понимании пространства я должен сказать следующее.

Согласно Гоббсу, можно говорить о реальном пространстве и о мнимом пространстве. Гоббс пишет: «Протяжение тела есть то же самое, что его величина, или то, что некоторые называют реальным пространством». От этого реального пространства Гоббс отличает «мнимое пространство», т. е. пространство абстрактное, существующее только в нашем представлении. Основное свойство тела, по Гоббсу, — величина, а не твердость, ибо твердость тела зависит от его движения. Хотя величина тела в нашем представлении совпадает с «местом» этого тела, но на самом деле они различны: величина тела всегда остается одной и той же, место же тела меняется, когда это тело движется. Величина тела есть объективная реальность. Место же относится к мнимому пространству.

Раз мы имеем тело, то мы имеем и величину, и эта величина движется вместе с телом. Возникает вопрос, где же движется тело с его величиной?

Этот вопрос связан с вопросом о существовании пустоты. Гоббс вначале признавал существование пустоты, но затем перешел на ту точку зрения, что пустоты нет. А раз нет пустоты, то каждое движение каждого тела является результатом движения соседнего с ним тела и со своей стороны вызывает движение другого смежного тела, и т. д. Выходит таким образом, что каждое движение является результатом движения всех тел всего мира. Вот почему у Гоббса движение является не случайной акциденцией. И если он говорит, что тело может находиться и в покое, и в движении, то речь идет не об абсолютном покое, а об относительном.

Итак, поскольку величина, по Гоббсу, является основной и неотъемлемой акциденцией тела, то сумма всех телесных величин и образует реальное пространство. Поскольку же мы отвлекаемся от реальных, конкретных тел и представляем себе лишь «места» этих тел, постольку мы имеем абстрактное или мнимое пространство. Нет, следовательно, такого пространства, в котором тела находились бы как в некотором пустом ящике, ибо пустоты не существует.

Перехожу к ответу на выступления т. Рубина и т. Луппола. В обоих этих выступлениях речь шла главным образом о роли движения в системе Гоббса. Ошибка т. Рубина состоит в том, что он не заметил четырех форм движения у Гоббса: 1) геометрическое движение, 2) механическое движение (от столкновения с другим телом), 3) физическое движение (внутреннее движение частиц тела,— то движение, которое объясняет все свойства физических вещей и все явления природы), 4) движение человеческих страстей. Правда, различая эти четыре формы движения, Гоббс в то же время считает, что все они состоят только в механическом движении, в смысле простой перемены места. Но самая идея объяснения всех без исключения явлений движением и учение о непрерывности движения составляет крупнейшую заслугу Гоббса и является шагом вперед по сравнению с Декартом, который наряду с материальной субстанцией принимал еще нематериальную душу и бога.

У Гоббса мы имеем не субстанцию и атрибуты, а тела и акциденции. Неотъемлемой акциденцией тела является величина. Все же другие акциденции сводятся у Гоббса к движению. Поскольку все тела имеют акциденции и эти акциденции меняются, возникают и исчезают, — постольку необходимо признать, что все тела находятся в движении. Если Гоббс иногда ставит движение рядом с покоем, то тут идет речь не об абсолютном покое, а об относительном. Так как Гоббс все свойства и все явления объясняет движением и мыслит это движение непрерывным, то мы имеем у него непрерывность причинности, мы имеем постоянный процесс, в котором можно говорить о причине и следствии только в относительном смысле.

С точки зрения Гоббса покой получается в результате движения, противостоящего другому движению. Когда он говорит о покое и о движении, он имеет в виду те движения и покой, которые заметны для человеческого глаза. Движение же внутренних частиц тела, которые воспринимаются нами, как цвет, запах, и т. д., незаметны для нашего глаза, хотя и совершаются непрерывно.

То, что находилось бы в покое, не могло бы быть предметом нашего восприятия и не имело бы никаких акциденций. Так как в окружающем нас мире акциденции возникают и исчезают, то следовательно мы всегда имеем движение. Всякое тело должно двигаться постоянно, а так как причиной его

движения является движение соседнего тела, то все тела всегда находятся в движении. Если же предположить, что какое-нибудь тело находится вне этого поля постоянного и непрерывного движения, то это уже не будет телом с акциденциями.

Правда, Гоббс отмечает, что тело может быть представлено без движения, но не может быть представлено без протяжения. В этом смысле протяжение или величина признаются у Гоббса более основной акциденцией тела, чем движение. Но это не значит, что движение у Гоббса такая же акциденция, как покой, цвет, твердость и т. д. Движение, по Гоббсу, объясняет все остальные акциденции (кроме величины). Гоббс на каждом шагу говорит об изменении, изменение же, по Гоббсу, может быть объяснено только движением.

В понимании физики Гоббс имел большое влияние на Лейбница. Понятие «конатуса» (conatus), которое играет большую роль у Гоббса, заключает в себе зародыш принципа бесконечно малых величин. Следует отметить, что в этом вопросе Гоббс пошел дальше, чем Декарт, который тоже пользовался термином «conatus». У Декарта «конатус» есть только тенденция к движению, но самого движения еще не заключает в себе. Для Гоббса же это не только тенденция, но и начало самого движения, мельчайшее движение. У Декарта движение и направление движения отделяются одно от другого. Гоббс, полемизируя с Декартом, указывает, что не может быть движения без направления и что поэтому нельзя их обособлять друг от друга. Гоббс говорит, что если какому-нибудь телу будет сообщено движение и в то же время не будет дано определенного направления движения, то тело останется на месте, так как не будет никакого основания, чтобы оно двигалось направо, а не налево, вверх, а не вниз, и следовательно оно будет иметь одинаковое основание двигаться сразу во все стороны. Таким образом и в этом вопросе Гоббс пошел дальше Декарта. Если в области физических теорий Гоббса нельзя сравнивать с Декартом, так как Гоббс не был выдающимся математиком, то в области методологии Гоббс часто стоит значительно выше Декарта.

Наконец по вопросу о синтезе рационализма и сенсуализма у Гоббса я должен сказать, что этот синтез состоит не в том, будто бы Гоббс соединил точку зрения Декарта с точкой зрения Бэкона. Гоббс был рационалистом до Декарта, так как его первая работа («Малый трактат») была написана еще в 1630—31 г. и проводила ту точку зрения, что дедуктивный или геометрический метод, покоящийся на законе противоречия и законе исключенного третьего, является основным методом науки. Что же касается экспериментального метода Бэкона, то Гоббс относился к нему весьма отрицательно. Сенсуализм Гоббса заключается в том, что в основу всего человеческого знания он кладет чувственные восприятия, вызываемые в нас действием внешних тел. И Гоббс подчеркивает, что «причины имен те же, что и причины наших представлений» [19].

[19] *Гоббс*, Избр. соч., с. 25.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ И ПАТОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ В ИСТОРИИ ИСКУССТВА

ДОКЛАД А. В. ЛУНАЧАРСКОГО *

Введение

Товарищи! Тема моего сегодняшнего доклада очень широкая и относительно новая. Я хочу попытаться бросить некоторый свет на взаимоотношение факторов, на наш взгляд доминирующих и даже *всецело* определяющих литературу,—социологических факторов, и гораздо менее заметных, даже спорных факторов—патологических. Скажу сразу, что задача моя заключается в том, чтобы, не отрицая очевидности влияния патологических явлений на те или другие литературные произведения, растворить патологию в социологии.

Никто не может отрицать, что многие писатели были психически больны и кончали иногда прямым сумасшествием — клиникой, и что это сумасшествие, а в менее тяжелых случаях серьезные психопатические явления, корнем которых является дурная наследственность и всякого рода анатомо-физиологические изменения в организме, отражались на их литературной деятельности, часто даже на таких произведениях, которые числятся среди шедевров. Вследствие этого факторы биологические как бы вторгаются в область литературоведения, что вступает в противоречие с марксизмом, определяющим литературу, как и всякую идеологию, чисто социальными причинами. Мы, марксисты, должны заняться этой проблемой и доказать правильность нашего общего метода и в этом частном случае, но не грубым, вульгарным приемом,—сказавши, что мы попросту не желаем знать никакого патологического момента,—не простым утверждением, что все в литературе представляет собой чисто социологическое явление. Напротив, мы должны открыто поставить перед собой вопрос, как же сочетать несомненно встречающиеся в истории литературы патологические влияния и вносимые ими искажения с социологически продиктованным и обусловленным характером любого сочинения, как можно утверждать, что данное произведение есть целиком продукт общественных условий, даже несмотря на то, что психиатр увидит в данном литературном явлении прямо и точно наблюденные клини-

* Заслушан в Секции литературы, искусства и языка 31 октября 1929 г.

ческие черты. Иное отношение было бы страусовой политикой, путем которой нельзя создать действительно всеобъемлющую теорию. Здесь есть трудность. Эта трудность, на мой взгляд, устранима: ее можно победить, растворив целиком патологический момент в моменте социологическом. Но сделать это можно только путем довольно осторожных и вдумчивых приемов.

Можно делать доклад по окончании какого-либо исследования. Если бы, например, я завершил работу по вопросу о патологических факторах в литературе и их социологическом значении и пришел сюда с окончательным результатом, это было бы очень хорошо и для вас, и для меня. Но на самом деле этого нет. Напротив, я прихожу к вам в самом начале этой работы. Наметив определенный путь, определенный частный метод, вытекающий из нашего общего метода, я проверил его на одном примере, который кажется мне разительным именно в этом отношении, и нашел, что стою на правильном пути. Думаю, что мне удастся довести это исследование до конца. Конечно работа моя будет тем удачней, чем больше она будет окружена атмосферой если не прямого, то косвенного сотрудничества. Мне хотелось бы, чтобы в большой работе марксистов-искусствоведов заняли место и эти проблемы, чтобы о них думали, о них говорили. Началом такого обсуждения должна быть дискуссия, которая будет иметь здесь место.

Доклад мой во многом еще гипотетический. Я делаю определенные предложения. Ваше дело—их взвесить, проверить и дать мне советы, которые я с удовольствием приму во внимание.

Несмотря на то, что мой сегодняшний доклад—только начало работы, он будет довольно большим. Вряд ли однако этот доклад, который наверное будет обвинен в том, что он длинен, будет обвинен и в том, что он скучен.

Доклад будет состоять из трех раздельных частей. В первой части я постараюсь наметить самую проблему и показать в предварительном, гипотетическом порядке тот путь, по которому, по моему мнению, должна итти марксистская мысль для того, чтобы разрешить поставленную здесь проблему. Во второй части я буду говорить специально о Фридрихе Гельдерлине, немецком великом лирике начала прошлого столетия, потому что это—разительнейший во всей мировой литературе пример острого соединения необычайно яркого отражения социальных переживаний определенной общественной группы его времени с совершенно ясной клинической картиной шизофрении, которая у него типичнейшим образом началась достаточно рано—в 30 лет. Эта фигура кажется мне необычайно подходящей, тем более, что мы имеем громадную литературу по Гельдерлину. В ней высказывались социологи,—если не марксисты, то сторонники социологического метода,—такие, как Виндельбанд, Дильтей и т. д. Кроме того, в ней имеются блестящие отзывы современников Гельдерлина, прекрасно его знавших, Шиллера и Гегеля—отзывы поучительные. Имеется также большая психиатрическая литература. К этому надо еще прибавить, что и мистики пытаются завладеть Гельдерлином и на свой лад объяснить эту фигуру. Критическое изложение этих попыток объяснить творчество Гельдерлина я дам в третьей части доклада.

Благодаря всему этому получается очень большое богатство материала, в котором мы сегодня постараемся разобраться.

I

Патологические явления в литературе—это вовсе не то же, что, например, патология в инженерном искусстве. Может случиться, что инженер душевно

болен. Но, по всей вероятности, если безумие его достигнет известной границы, он будет лишен возможности строить машины или дома на том простом основании, что это весьма объективное ремесло, которое требует большого здравомыслия. А вот с ума сошедший писатель может пользоваться весьма большим успехом, не только вопреки, но благодаря своему сумасшествию (*смех*),—конечно, при известных условиях. В других областях искусства—скажем, в живописи,—также очень много явлений патологического творчества, числящегося положительным. В сущности говоря, в глубокой древности художник или поэт был непременно патологическим типом. Или, вернее—только патологические типы объявлялись поэтами. Следы этого факта остались в разных языках и в разных культурах. Достаточно назвать два из них. Произведения семитских народов, вначале жившие в устных преданиях, а позднее сосредоточенные в древнейшей книге, дошедшей до нас, в библии, говорят о том, что поэт—пророк, «богом одержимый». Еще и сейчас в украинском языке сохранилось такое выражение для человека, сошедшего с ума: «*сбожевил*», т. е. попал под влияние божества (это также замечательный пример того, как у некоторых народов живая речь доносит из большой глубины веков то или другое традиционное представление). Всякий юродивый, всякого рода маньяк,—одним словом, человек, болеющий тем или иным видом психического расстройства, который говорил нечто непонятное—потому ли, что оно было ниже обыкновенной человеческой речи, или потому, что оно было выше среднего понимания,—уже считался явлением выдающимся, представляющим собою какое-то соединение с высшим миром. Просто блаженные и юродивые играли всюду довольно большую роль, несмотря на то, что представляли собой именно пониженные человеческие типы. Но они постепенно отсеивались, забывались; зато повышенные человеческие типы, вдохновенные—замечу, что вдохновение имеет очень много общего с эпилепсией в ослабленной форме, а иногда и с прямой эпилепсией, которая считалась в древности «священной болезнью»,—считались пророками, играли громадную роль не только в литературе, но и в социальном движении. Роль одержимых богом пророков (раби) и сынов пророческих достаточно известна. Но мы можем взять такие примеры из совершенно иного культурного слоя: пифические или родственные им гадания, ритмические изречения орфических поэтов или всякие предсказания жрецов и жриц были одной из главных заметных культурных сил в античной Греции; в римской древнейшей литературе поэт прямо называется «vates», т. е. пророк, глашатай,—глашатай какой-то другой, нечеловеческой силы, и т. д.

Одним словом, мы повсюду имеем следы того, что первоначально литератор был патологическим типом. Первоначально для того, чтобы сделаться литератором (по крайней мере, лириком, поэтом), необходима была примесь несомненнейших болезней, которые не всегда сопровождаются повышением психической деятельности. И до сих пор это иногда так.

Прежде всего, если мы задумаемся над теми чертами психики, психической конституции, которые чаще всего сопровождают художественные таланты,—так же, как, скажем, определенные породы окружают те или другие драгоценные камни и металлы,—мы увидим, что чрезвычайно трудно представить себе художника, который вовсе не имел бы повышенной впечатлительности. Трудно представить себе, что человек будет считаться художником, т. е. выделится именно в этом отношении из толпы своих зрителей, слушателей, публики, из толпы заурядных людей, если он не будет обладать повышенной

чувствительностью. Самый факт художественного таланта свидетельствует о тонкости нервов и о большей доступности их различного рода воздействиям среды, в значительной мере и шокам с ее стороны, потому что к среде (взятой и в социальном аспекте, и в стихийном аспекте) мы далеко не вполне приспособлены.

Само собой разумеется также, что художник должен быть не только впечатлительным, но и повышенно экспансивным: иначе он будет много переживать, но у него не будет потребности переживаемым заразить других. Это—натура экспансивная, общительная, которая от боли кричит, выражает радость остро и ярко; значит—натура неуравновешенная, в которую впечатления западают очень сильно и глубоко, вызывают большую внутреннюю реакцию и стремятся сейчас же с общественно-значимой силой (потому что иначе это не будет художник как общественная фигура, никто не будет знать, что это художник) выразиться во вне—в том, что называется художественным произведением и что первоначально могло быть пляской, изречением, полубезумной песней, а повднее сделалось, допустим, романом во многих томах.

Все эти черты, которые присущи художнику почти неизбежно, свидетельствуют уже о некоторой неуравновешенности. Но кроме того—пусть не обидятся на меня присутствующие здесь товарищи, избравшие эту специальность,—выбрать художественную специальность вполне нормальный человек не может (*смех*). Это нисколько не смешно. И вот почему. Все отцы, все «благородные отцы» во всех биографиях, действительных или сочиненных самими художниками, обыкновенно с ужасом относятся к детям, которые хотят сделаться поэтами или живописцами, и уговаривают их всячески: «Займись ты делом»! (*смех*). Действительно, лишь в редких случаях искусство не только кормило своего носителя, но и обогащало его. В большинстве случаев художник осужден на так называемое «богемное», т. е. цыганское существование. А богема потому и называется богемой, что она отвержена от реального общества, она живет, так сказать, в его порах. Как цыгане живут «в изодранных шатрах», кочуют между отдельными человеческими городами и селами, так и артистическая богема представляет собою что-то кочевое, чуждое, хотя вместе с тем живописное. Тот или иной Алеко заходит к ним, чтобы поухаживать за той или иной Земфирой, но все-таки эта прослойка, при всей пестрой привлекательности своей, социально чужда остальным слоям общества. Конечно, встречаются целые семьи, где сыновья и внуки идут по стопам своих предков-художников. Но эти случаи сравнительно редки. Подавляющее большинство художников вербуется из более или менее неуравновешенной, упадочной, деклассирующейся среды, иногда из разоряющегося крестьянства, из разоряющегося мелкоремесленного или торгового мещанства, из интеллигенции, иногда из деклассирующейся дворянской прослойки и т. д.,—словом, из тех, что не находят себе уюта в прежней обстановке и после очень большой внутренней борьбы решаются, наконец, на такой рискованный и безрассудный, с точки зрения здравомыслящих людей, шаг, как взять за специальность писание стихов или картин. Конечно не все художники бывают богемцами. Многие из них оказываются настолько рассудительными торговцами своим талантом или своим вдохновением, что представляют собою великолепных промышленников в области искусства. Но надо сказать, что такое умение устраивать свои материальные дела редко соединяется с подлинным талантом, оставляющим заметный след в истории искусства; в большинстве эти исключительно тонко организованные, чуткие и

экспансивные люди были богемцами и неуравновешенными в житейском смысле людьми.

Вот почему не нужно удивляться тому, что в этих профессиях серьезные, часто болезненные нарушения равновесия, иногда клинического порядка, встречались весьма часто. Например, в русской литературе имеется много крупнейших писателей, которых нужно считать в общем патологическими.

Еще недавно утверждали, будто Пушкин—сама ясность, сама весна, цельная и крепкая натура, какая-то мраморная ионическая колонна. Но мы теперь прекрасно знаем, что даже Пушкина терзали глубочайшие внутренние противоречия, что социальной силой, которая его породила, был быстрый процесс деклассирования старых родовитых фамилий из среднего помещичьего слоя, и что он переживал этот процесс перехода от дворянской к буржуазной эпохе развития России и свой собственный переход из рядов родовитых дворян в ряды писателей, живущих своим пером, настолько болезненно и страшно, что мы теперь склонны уже трактовать Пушкина как поэта трагического. И мы считаем, что эти трагические переживания, которые были косвенной причиной его преждевременной смерти, в известной мере порождали эллинистические, светлые произведения Пушкина, как самозащиту поэта. Вы все знаете, как Пушкин, разумея под словом «безумие» захватывавшую его иногда идею броситься в борьбу с царствующим злом, в своем знаменитом «Не дай мне бог сойти с ума» выразил всю остроту опасности, которую он с этой стороны для себя ощущал.

Лермонтов, фигура которого рисуется нам теперь несравненно более родственной и близкой к Пушкину, чем мы раньше думали, страдал тем же самым разрывом. Разрыв этот определялся в значительной мере тем, что старый порядок вступил в потрясающие противоречия с новыми ростками жизни, в конце концов отражавшими зарождение и развитие капитализма в России.

Гоголь, который начинает свою сознательную жизнь как будто совсем здоровым человеком, обладающим завидным юмором, кончает полным психическим разложением вследствие постоянных стремлений оправдать перед самим собой русскую политическую действительность и свою неспособность вступить в борьбу с нею.

Совершенно так же можно характеризовать основной секрет души Достоевского, почти вся деятельность которого представляет собой беспрерывные попытки оправдать перед самим собой заключенный им оппортунистический союз с темными силами жизни и оправдать предательство своего внутреннего протеста, свой отход перед злой мощью, которую он сознавал несокрушимой для того времени.

Я считаю, что и толстовское «непротивление злу», в котором Ленин справедливо видел юродство этого мужиковствующего барина и своеобразного революционера, проистекает из того же сознания, будто это зло насилием все равно неустранимо; зная, что это—зло, и зло могучее, Толстой не верил в пользу прямого натиска на него, однако и не мирился с ним, а стремился создать известное защитное приспособление, которое давало бы ему возможность жить, уважать себя и даже считать себя учителем жизни.

Эти поиски позиции, которая помогла бы самооправданию, мы видим во всех случаях, когда человек минует основные противоречия той жизни, которые он, как художник, отметил себе и которые он, как художник и учитель жизни, должен был бы по существу разрешить полностью. Выработка такого рода предназначенных для оправдания ложной социальной позиции

психологических приспособлений, ради которых все эти писатели старались создать целые теории, целые композиции образов, влечет за собой переживания, мучительно отражающиеся на психике, совершенно искажающие те нормальные пути, по которым протекала бы их мысль и художественное творчество, если бы они не были людьми, выражающими новые моменты в социальной жизни страны, и могли бы попросту отбросить все эти противоречия или переживать их, как какой-нибудь заурядный помещик-вубр или крепкий представитель старого торгового капитала.

Конечно, не случайно, что и в психозе такого глубокого и талантливого писателя, как Глеб Успенский, нашли отражение те же социальные причины. Как только мы приступаем к клинической картине его болезни, так сейчас же видим то, что мы должны признать основным мотивом у Успенского—долг интеллигента перед замученным народом (доминирующую ноту народничества), постоянное нарастание революционного долга, беспрестанные терзания совести—выполнил ли я сам этот долг или нет? Это болезненная и вместе с тем заслуживающая величайшего уважения позиция интеллигента, народолюбивого представителя еще только нарождавшейся демократии, которая могла определиться и в сторону демократии социалистической и в сторону демократии буржуазной.

На почве такого же рода страданий, конечно, только и мог вырасти такой интересный писатель, как Леонид Андреев, как Хлебников, наконец, который еще никогда не был рассмотрен в этом плане [1].

В европейской литературе мы имеем также колоссальное богатство патологических типов: Мицкевич, Мопассан, Бодлер,—все это люди патологические, умершие в конце концов от психической болезни, писатели, психическая болезнь которых бросала тень на их произведения, несомненно, задолго до катастрофы. Все эти явления должны быть социально объяснены, социологически, марксистски объяснены,—и, повторяю, объяснение это не может быть дано путем простого игнорирования патологического момента.

Таким образом нельзя считать случайностью частое сочетание значительных писательских дарований с психопатией и даже прямой психической болезнью.

Есть два материалистических подхода к этому явлению: наш материализм—социологический, марксистский, диалектический, и примитивный, механический материализм врача. С точки врения врача доминирующей причиной является здесь наследственность или анатомо-физиологическое перерождение. С точки зрения материализма социологического—доминирующими являются производственные отношения в данном обществе, расстановка классовых сил в данную эпоху и т. д.

Можно ли сказать, что данный писатель, имеющий определенные наследственные черты, будет иметь при всяких условиях одну и ту же судьбу, одну и ту же характеристику своей художественной работы?

Как вы потом увидите из моих цитат, психиатры отвечают: «Да, в каком бы столетии такой писатель ни родился, его произведения, его судьба будут одного и того же типа, ибо это есть история болезни».

[1] Я делал уже по отношению к некоторым писателям попытку выяснить эту сторону вопроса. Собранию сочинений Мопассана, изданному как приложение к журналу „30 дней“, я предпослал довольно большой этюд, на который обращаю внимание тех товарищей, которые заинтересуются моей постановкой вопроса. То же сделано мною по отношению к Андрееву в введении к его избранным сочинениям („Серия русских и мировых классиков“, Гиз).

Но можно ли сказать, что при данных условиях, в данном социологическом пункте (не эпохе, а именно пункте), принимая во внимание все условия личного существования данного писателя, всякая личность, какова бы она ни была биологически, будет одинакова? Можно ли сказать, что независимо от того, есть ли наследственная шизофрения или, скажем, такая форма наследственного сифилиса (как у Мопассана или у Ницше), которая приводит непременно к отупению ума на определенной стадии, или нет ее, — Ницше был бы все-таки Ницше, а Мопассан был бы все-таки Мопассаном?

Ясно для меня, что и та и другая постановка есть упрощенство. По моему мнению, здесь есть некоторая двойная обусловленность, при явном господстве обусловленности социальной. Я и постараюсь в своем докладе показать, что патологию игнорировать мы не можем, но должны, как я выразился, растворить ее в социальном моменте.

А для этого нам прежде всего необходимо присмотреться ближе к тому, что же такое психическая болезнь, душевная болезнь, как трактует ее материалистическая психиатрия. Психиатр - материалист (не диалектический, не социологический) под психической болезнью в собственном смысле слова понимал—да еще и сейчас в классической психиатрии понимает—такую болезнь, при которой соматические изменения являются неуловимыми или так мало уловимыми, что здесь нельзя указать никаких явных процессов анатомо-физиологического характера, которые бы сильно меняли обычную анатомию и обычную физиологию организма. Между тем происходят чрезвычайные пертурбации в области психики. Сюда относятся неврозы, шоки, травмы, истерия. Что касается истерии, то на этой почве все психиатры признают, в особенности после работ Фрейда (даже те, кто борется с той или иной частной фрейдовской идеей), что это очень серьезное, иногда пагубное заболевание может явиться в результате чисто психического шока, т. е., другими словами, что здоровый человек, если бы он пережил подобный шок, сделался бы больным. Такая точка зрения приводит к выводу, что слишком сильные раздражения или совокупность противоречивых раздражений могут сделать человека больным. Примеров этого в современной науке сколько угодно. Разительнейший из них—павловское биение рефлексов, когда испытуемая собака под давлением двух раздражителей, которые должны были бы вызвать совершенно противоположные рефлексы, либо «выходит из себя», становится полубешеной, либо засыпает, впадает в обморочное состояние. Когда находятся такие раздражители, которые собаку одновременно тянут в одну и в другую сторону, вызывая взаимно исключающие рефлексы, получается болезненный эффект, причем организм как бы пытается уменьшить страдание обмиранием, обмороком. В нашей, не собачьей, а человеческой жизни, которая, как известно, часто бывает хуже собачьей (*смех*), подобного рода полярные силы встречаются очень часто. В этом сущность почти всех колливий, которые называваются трагическими. Колливия мотивов есть совокупность двух или нескольких групп внешних раздражителей, которые должны вызвать у нас противоположные рефлексы,—и это ведет к нарушению психики.

Современная медицина все больше и больше выдвигает теорию защитных приспособлений, целесообразных реакций и начинает подозревать (а мы, марксисты, должны очень сильно толкать ее в этом направлении), что многие, а может быть,—кто знает?—и все психические заболевания представляют собой такие, по-своему целесообразные, реакции организма на страдание.

Возьмем простой пример. Когда, допустим, кожа подвергается трению, на ней образуется пузырь, который должен защитить от соприкосновения с внешним твердым предметом, мозоль, которая является защитной организацией,—ненормальной, но необходимой в данном случае. Воспаление, лихорадка, повышение температуры, которые раньше толковались просто как болезненные явления, теперь многими толкуются как приспособление организма для уничтожения всякого рода чуждых элементов в нем. В последнее время теория Ганнемана (основателя гомеопатии) приобретает все больший и больший вес. Недавно одна часть ученого мира была шокирована, а другая обрадована, и весь ученый мир был взволнован, когда один из крупнейших хирургов нашего времени, Бир, заявил, что приходится пересмотреть весь спор о гомеопатии и признать, что в основном, в своей философии болезни, она права. Знаменитое ганнемановское положение «similia similibus curantur», т. е «нужно выбирать для лечения то же средство, которое причинило зло», сводится к тому, что организм имеет в себе гигантское количество наследственных, выработанных за многие тысячи лет самолечащих приспособлений. Ведь не было ни врачей, ни больниц, ни лекарств в течение долгого времени,—они появились только у человека, т. е. на самой высшей ступени животного мира. Организм должен был лечиться сам, и на все внешние разрушительные воздействия он превосходно отвечал и как хирург, и как невропатолог, и как всякого рода терапевт. Идея гомеопатов в том и заключается, что надо усилить болезнь, вызвать во всем организме тревогу по поводу известного болезненного явления. Скажем, у вас насморк—воспаление слизистых оболочек носоглотки. Организм на него реагирует, но недостаточно энергично. Если же ввести какое-нибудь средство, которое вызывает общее воспаление слизистых оболочек (ослабленное, конечно), то организм немедленно вырабатывает соответствующее противоядие, которого до того не было. Гомеопаты говорят, что они на опыте убедились, какое это великолепное средство. Скажем, иод, вызывающий в больших дозах насморк,—в ничтожной, гомеопатической дозе великолепно его излечивает (это подтверждает и Бир).

Что это значит для нас, не гомеопатов? (а я вовсе не являюсь последователем гомеопатии, и гомеопаты видят во мне даже какого-то ирода, потому что я отнял у них Центральный дом в Ленинграде и отдал его рентгенологам). Вовсе не будучи новообращенным гомеопатом, я считаю, что во всем этом есть чрезвычайно глубокий биологический смысл, с которым нельзя не считаться,—смысл, заключающийся в том, что действительно организм этими реакциями, которые появляются для того, чтобы парализовать действие разрушительных сил, обладает в гораздо большей мере, чем мы это предполагаем.

Примените теперь это положение к явлениям социальным. Личность живет в социальной среде и подвергается всякого рода воздействиям, в том числе неприятным, разрушительным. Как реагирует на них организм? При очень тяжелых неприятностях, при ужасе, очень тяжелом горе—наступает обморок. Это, как будто, скверное биологическое приспособление, потому что бесчувственный человек не может защищаться. Но существует тенденция организма разрешать жизнеразности не только путем активным, революционным,—найти и искоренить причину,—а еще и путем закрывания глаз на эту причину, т. е. путем внутреннего прекращения соответственных болевых, разрушительных процессов. Это колоссальной важности явление. В самом деле, возьмем всякого рода спасительные иллюзии, вплоть до религии. Что, например, значит изречение Ленина—«Религия есть опиум для народа» или указа-

ние Маркса, что религию нельзя искоренить до тех пор, пока жизнь человечества будет несчастна? Это значит, что здесь образуется целая система обманов, не только, как думал Вольтер, обманов жреца, который эксплоатирует массу, а гораздо более глубоких. Это—самообман, на известной ступени хозяйства необходимый для массы, потому что на самом деле преодолеть ужас своей жизни она не может и создает, на наш взгляд, глубочайшим образом болезненное, сумасшедшее приспособление—веру, религию, которую потом господствующие классы эксплоатируют для своих целей. Марксизм в своем учении о религии прямо указывает на нее, как на подобного рода защитную организацию, социальную и индивидуальную. «Смотреть сквозь пальцы», «брать все с хорошей стороны» — это все внутренние приспособления (в более мелких, чем приведенные выше, проявлениях) для того, чтоб ненарушим был наш внутренний мир; это—громадный ряд всякого рода самообманов. Довести этот самообман до полной иллюзии, до того, чтобы прекратить внутренней реакцией тяжелые переживания, иногда без внешней помощи невозможно. Приходится прибегать ко всякого рода возбудителям. Музыка, пение, танцы с самых древних времен связывались с религией, с религиозным экстазом или желанием просто забыться, отречься от горестей и забот. Этой же цели служит длиннейший ряд всякого рода химических наркотиков, которые либо делают людей веселыми, либо понижают психику человека до уровня психики животного, либо вызывают сон и тем самым убивают болезненные ощущения. Алкоголь и другие виды нарковов, с употреблением которых мы начинаем бороться вплотную,—спутники человечества на всех его путях; это вовсе не несчастная и случайная выдумка, а гигантское социальное приспособление. И если можно сказать, что религия есть опиум для масс, то можно сказать также, что опиум есть религия опиафагов, которые стремятся в своей опиумной одури забыть действительный мир.

Мы знаем теперь—и вряд ли это может быть оспариваемо,—что всякие неврозы (в том числе истерия) очень часто оказываются внутренними приспособлениями для того, чтобы пережить или загладить следы какого-нибудь шока, какой-нибудь травмы; но и очень многие психические болезни могут играть такую же роль,—скажем, маниакальное возбуждение, во время которого человек кажется как бы перманентно пьяным, может явиться таким биологическим приспособлением, которое искажает все функции мозга для того, чтобы всякие впечатления, воздействующие на него, казались окрашенными в какой-то благоприятный цвет. Конечно, непосредственной причиной психоза, выражающегося в понижении психики,—скажем, меланхолии,—бывают соматические повреждения; но для меланхоликов это—приспособление организма, перед которым фатально стоит вопрос: откуда эта внезапно появившаяся (объективно физиологически обусловленная) тоска? Почему жизнь стала не мила? И больной меланхолик доходит до самых парадоксальных выводов о своей вине, т. е. создает на этот случай защитное приспособление—находит морально осязаемую причину, с которой организм как-то может считаться, как-то может бороться. Но почти всегда меланхолия (не тогда, когда она бывает временной, а когда она становится тяжелой, хронической) приводит к понижению психики: меланхолик весь какой-то опущенный, все мускулы лица у него ослаблены, весь вид его какой-то повисший. Тело его, как бы, не будучи в силах противиться закону тяготения, напоминает увядающее растение, которое приобретает такое же тяготение вниз—мертвенное тяготе-

ние. Это тоже защитная реакция: бороться не стоит, не стоит оживлять свое тело, так как из этого ничего не получится, кроме новых страданий.

Если признать, что часто психические болезни (может быть, бо́льшая часть психических болезней) есть реакция нормального организма на ненормальные условия, то этим марксизм на три четверти,—а может быть, и больше,—отвоевывает почву у немарксистов-психиатров. Ведь это равносильно признанию того вывода, что индивидуальные ненормальности вызываются наличием ненормальных условий. А это—вывод марксистский.

Еще во времена Маркса было известно (притом самим Марксом наблюдавшееся) явление, которое потом подтверждалось статистикой. В деревнях, в захолустьях огромное большинство психических заболеваний имеет тенденцию к идиотизму. Пониженное количество впечатлений, сонная одурь, полное почти отсутствие возбудителей и отсюда—лень, склонность к помертвению психической жизни. В городах преобладают меланхолия и маниакальные возбуждения. Почему это? Может быть, в городах родятся одни люди, а в деревнях другие? Нет, если бы мы переселили детей, родившихся в известный год, послав деревенских ребят в город, а городских в деревню, то результат, в смысле действия обстановки на характер психических заболеваний, остался бы тот же, несмотря на наследственность.

Статистика ясно показывает, как в периоды кризисов, голода, революций, войн и т. д. повышается количество людей, которые оказываются ненормальными; нормальные приближаются к психопатии, полунормальные становятся совсем ненормальными. Увеличивается этот полюс ненормальных людей вследствие чисто социальных причин.

Здесь я хотел бы выдвинуть два (по-моему, вряд ли могущих быть оспоренными) закона: один закон биологический, другой закон социологический. Мы имеем приблизительное, а может быть даже полное равенство дарований в каждом поколении. Нет решительно никакой причины, по которой мы могли бы сказать: одно поколение от природы даровито, а другое поколение не даровито. Можно конечно сказать (пока гипотетически, потом можно будет проверить это в научвом порядке; это—тема для работы большого коллектива), что бывают в общем талантливые эпохи и эпохи бездарные. Но талантливая эпоха—это та, в которой человек находит себе пути, а бездарная—это такая, в которой человек этих путей себе не находит. В каждое же данное время количество материала человеческого, в смысле даровитости, одинаково. Именно это позволило Марксу утверждать, что в нужное время всегда найдется нужный человек. Это может быть и не так в отдельных случаях: Коммуне нужен был вождь, а Бланки сидел в тюрьме,—значит, нужный человек иногда как будто бы не находится на месте. Но не может быть, чтобы какое-нибудь историческое событие широко социального, фундаментального характера изменилось потому, что данное поколение было бездарным. Если бы это было так, то пришлось бы сказать: самая биологическая ткань истории,—т. е. люди,—изменяющаяся постоянно, в каждую эпоху имеет какой-то свой таинственный узор, и уже поверх этого узора налагается социальными обстоятельствами другой узор, который мы называем историей. Это было бы громадным ударом по всему марксизму, который принудил бы нас стать эклектиками и говорить: историческое развитие определяют, с одной стороны, биологические причины, а, с другой стороны—социологические. Мы с этим не можем согласиться. Мы, напротив, утверждаем, что биологическая материя

человеческой истории, ряд биологический, анатомо-физиологический, равен себе во всяком поколении. А что из него выходит всякий раз нечто другое, что на этой одинаковой ткани всякий раз бывает набит узор другой—это целиком зависит от социальных условий, только от них.

Я думаю, что можно пойти дальше и сказать, что во всяком данном поколении имеется приблизительно одинаковое количество тех или иных психофизических конституций, т. е., что в каждом поколении всяких цикликов, пикников и т. д. (как по наружным признакам, которые теоретики-характерологи сейчас выдвигают на первый план, так и по их внутренним качествам) приблизительно одинаковое количество. Получается какая то человеческая клавиатура. Эта клавиатура остается из поколения в поколение одной и той же,—в запасе имеются все октавы, все основные тона. А пианистом является история, законы развития которой мы, марксисты, знаем. Она играет на этой клавиатуре совершенно разные пьесы, причем иногда одна часть этой клавиатуры может оказаться ненужной и не звучать, а в последующую эпоху она может зазвучать.

Отсюда я делаю общий вывод, который мне кажется безусловно правильным.

Органические, так называемые здоровые эпохи, эпохи устойчивого стиля и устойчивого быта, не нуждаются в психопатических выразителях. Если психически больной в такое время заговорит,—будет писать романы или картины,—то это будет казаться чудачеством; в некоторых, особо острых случаях его даже отправят в клинику. В эпохи, неуравновешенные в культурном и в бытовом отношении, в эпохи распада, когда всякий нормальный человек страдает от противоречий и ищет глашатаев, которые противоречия особенно тонко чувствуют и умеют особенно экспансивно, зажигательно выразить переживания отрицательные,—в эти эпохи история ударяет своей рукой виртуоза как раз по патологическим клавишам.

Бывает и так, что даровитый человек жил в эпоху относительно органическую, но был психопатом и уже в эту органическую эпоху отравил зачинающиеся мучительные противоречия. Он остался полузамеченным писателем или художником. Но вот приходит эпоха, когда эти замеченные им в предварительном порядке противоречия разрастаются в доминирующие,—тогда этот писатель прошлого «воскресает», т. е. тот материал, который им создан, оказывается как раз наиболее подходящим клавишем. История ударяет не только по клавишу живому, но даже и по клавишу мертвому: мертвый делается живым, становясь современником более поздней эпохи.

Вот почему марксист может сказать, что нужный человек всегда найдется; и в этом именно смысле мы говорим, что с точки зрения историко-социологической мы можем быть равнодушны к индивидуальному моменту.

Но из сказанного вовсе не следует, чтобы мы к индивидуальному моменту могли подходить равнодушно вообще. Я глубокий противник такого положения. Очень часто наши законченные писатели антииндивидуалисты и антибиографисты в истории искусств и в истории литературы говорят, что при разборе творчества Байрона или Пушкина имеют значение только данные о той социальной группе, выразителями которой они были, и что в этом отношении они занимают то же место, что́ и вся литературная группа, к которой они принадлежали, и которая состояла в большинстве из второстепенных или третьестепенных писателей. Да, но однако в такой литературной группе был один Пушкин, один Байрон. И если мы не захотим точно знать социальной обста-

новки этих возглавлявших то или иное литературное движение писателей, не захотим знать, в каком именно социальном переплете линий они жили, какие именно индивидуальные влияния на себе испытывали, то наше исследование останется в царстве очень почтенных схем, которые однако до конкретной истории никогда не дотянутся. Именно в искусстве нельзя говорить так: «Важны группы, а не гении». Это—мертвенная точка зрения. Можно написать историю литературы, не упомянув ни одной фамилии, ни одного лица и говоря о литературных произведениях, как о безличной массе, как о продукте общественных групп в целом. Если вы выдаете такой труд за то, что он есть, т. е. за социологическую схему, — не беда. Но если вы попытаетесь заменить им историю литературы, это не приведет к добру и после некоторого периода увлечения непременно вызовет насмешку.

Для искусства характерно, что мастер, большой мастер, выражает переживания данных классов в данную эпоху с особенной остротой и полнотой. Миновать его никак нельзя, он есть основной выразитель времени. Но является ли этот мастер всегда чистейшим, незасоренным передатчиком идеологии определенного класса? Можно ли прямо сказать: этот художник относится к крупному, среднему или мелкому дворянству, к крупной, средней или мелкой буржуазии, к крупному, среднему или мелкому крестьянству,—положить художника в этот мешочек и считать, что он выражает свою группу, никак не преломляя, не изменяя ее точки зрения? Нет, это чистейшей воды пустяки. Конкретные исторические факты показывают нам уклоны от адэкватного выражения тенденций данного класса. И указать их, проанализировать их является одной из задач социолога. Мы, в нашей партии, очень хорошо знаем, что люди, являющиеся выразителями даже такого целостного класса, как пролетариат, впадают иногда в уклоны. («*Нусинов*: Выражают другую социальную группу»). Да, бывает так, что данный человек переходит целиком на позиции другой социальной группы. Но я говорю не об этом, а об известной чуждой примеси к выражению интересов какой-нибудь социальной группы; мы не можем сказать о нашем левом или правом уклоне, что его идеалы целиком выражают буржуазную тенденцию. Это было бы чрезвычайным упрощенством.

Но если в историко-политическом анализе личность играет небольшую роль (хотя мы и называемся «*марксистами*» и «*ленинцами*» по именам определенных личностей), то совсем иное дело анализ поэтических произведений. Писатель может начать как представитель одного класса, перейти затем на другую точку зрения и закончить свою творческую жизнь, являясь представителем третьей точки зрения. Кто не понимает, что почти всякий писатель в расщепленном обществе оказывается не проводящим прямую линию, а попадает под различные влияния, тот не понимает ничего. А если так, то, ничего не зная о биографии данного лица, приходится гадать. Если бы мы ничего не знали о личной жизни Пушкина, надо было бы гадать, почему Пушкин изменял свои воззрения на те или другие процессы, или приводить это в связь только с общей хронологией, с крупными политическими событиями. Мы были бы наполовину слепыми. У нас конечно были бы материалы для исследования. Произведения—это очень большой материал. Но как его изучить, как сделать конкретный анализ? Растворить исторически-конкретное в социальном, в социологическом можно, только познав эти отдельные кон-

кретные черты. Иначе не получится растворения, а получится схема, с одной стороны, и находящаяся в противоречии с ней действительность — с другой.

Вот почему я, конечно, являюсь самым решительным противником такого схематизма. Его можно рассматривать только как, может быть, необходимую детскую болезнь нашего искусствоведения, которое несомненно излечится от нее при переходе к более мужественной поре, когда оно действительно научится объяснять социологическими приемами всю конкретную сложность ткани, рассматривая все ее составные части вплоть до индивидуального и неповторимого. При этом индивидуальное и неповторимое историк выбрасывать не смеет, а социолог—обязан.

Если мы находим *совершенно* индивидуальный момент, то его можно миновать в социологическом изучении уже потому, что если бы данное переживание, выраженное в художественном произведении, было абсолютно индивидуальным, то оно не имело бы ровно никакого социального значения, не нашло бы никакого отклика, никакой оценки. Такие произведения (это очень важно заметить, на этом я буду строить один из важных выводов в конце) выпадают из социальной ткани, теряют не только социальный, но и всякий смысл, оказываются бессмысленными, потому что если бы они не были бессмысленными, то нашли бы группу людей, которая их поняла бы, и тем самым они были бы включены в социальную ткань. Только то имеет смысл, что включается в социальную ткань, и чем больше произведение в нее включается, чем больше захватывает свою эпоху и переносится в последующие эпохи, тем больше его социальный смысл и тем более такое произведение крупно, талантливо, гениально. Это дает нам право сказать: все абсолютно индивидуальное выпадает из поля зрения искусствоведения полностью; объектом нашей науки являются только социальные явления. Каждое художественное произведение есть то или иное разрешение какого-нибудь внутреннего противоречия, как каждый акт человеческий является выражением какой-нибудь неудовлетворенности,—иначе никакого движения, никакого действия мы вообще не можем себе представить. При этом, если та жизнеразность, на которой вырастает художественное произведение, будет совершенно оригинальна, т. е. только одному лицу присуща, она теряет вообще всякое значение. Стало быть, рождающая художественное произведение жизнеразность должна быть непременно социальна. Причина, порождающая искусство, исключительно социальна. Но переживаются эти социальные жизнеразности по-разному, индивидуально; они переживаются, как *мои* собственные недоумения, как *мои* собственные колебания, как *мои* собственные страдания, и вытекающие отсюда произведения воспринимаются, как *мои* произведения. Задача историка литературы не в том, чтобы выбросить оригинальность авторского субъекта, скинуть ее со счетов, а в том, чтобы объяснить ее социальное происхождение и ее специфическое общественное влияние, разложив индивидуальный момент на закономерные социальные нити, своеобразным узлом которых он является.

Проблему, которую я поставил в этом докладе, совершенно невозможно сколько-нибудь плодотворно рассматривать, если не иметь в виду момент индивидуальный. Дело здесь именно в том,—искажает ли, и насколько искажает анатомо-физиологическая ненормальность данной индивидуальности те отражения, которые в ней получаются от современного социального материала? Вот почему во второй части я беру одну из таких ярких индивидуальностей,

Фридриха Гельдерлина, и стараюсь эти идеи проверить, чтобы потом, в моем резюмэ, их точнее сформулировать.

II

Фридрих Гельдерлин родился в 1770 г. в городе Лауфене (он был шваб). Восемнадцати лет он был талантливым и ярко выраженным представителем тогдашней молодежи. Эта германская молодежь жила под сильнейшим воздействием Французской революции, конечно, не понимая ее настоящей социально-экономической сущности. Она не понимала, что это по существу—революция буржуазии, которая стремилась свергнуть господствовавшие до того классы и стать на их место, расчистить путь для дальнейшего своего развития, в особенности для развития промышленного капитализма. Им была также чужда позиция демократической прослойки некоторой части интеллигенции (выражавшей во Французской революции интересы мелкого мещанства), которая перехлестнула ва рамки этой задачи и стала на радикальные позиции—позиции эти, как известно, были различны: от половинчатых, полулиберальных, через колебания в сторону эгалитаризма (левые якобинцы) до первых шагов в сторону социализма (бабувисты). Вся социальная музыка этих явлений была чужда немецкой интеллигенции. Эта немецкая молодежь во Французской революции прежде всего видела новый мир, который идет под знаменем разума против средневековых предрассудков, дает человеку свободу, открывает новую эру в жизни человечества.

Конечно, глубоко неправ т. Фадеев в своей статье «Долой Шиллера», когда он, пользуясь (не совсем правильно) цитатами из Плеханова, трактует Шиллера как сознательного буржуазного революционера, стремившегося к буржуазной свободе торговли и окрашивавшего свои цели в яркие тона для того, чтобы эту сухую материю выдать ва нечто возвышенное и превосходное. Дело обстоит не так. И Шиллер, и его последователи—в том числе Гельдерлин—восприняли буржуазную идеологию как истинную сущность происходящих явлений. Поэтому, конечно романтика Шиллера была глубочайшим образом искренней. Неправильно эти культурные и литературные явления истолковывать, как это делал покойный Шулятиков, как идеологически сознательную ложь. Это вовсе не марксизм. Марксизм вскрывает не только обман, но и самообман, и это именно позволяет ему раскрывать настоящую сущность идеологии. Не так обстояло дело, что мелкобуржуазные идеологи прикрывали идеализмом желание крупной буржуазии торговать сукном или хлебом; нет, они этот гигантский общественный сдвиг воспринимали с точки зрения идеологической ценности выдвинутых революцией лозунгов и знамен. Именно идеология ее до крайности потрясла их.

Но уже Гейне указывал на то, что германская действительность не допускала возможности даже неудачной революции. Французская революция потерпела поражение, но она была актом, действием; а в Германии революция извратилась и получила характер процесса, происходящего исключительно в мыслях и образах, приобрела исключительно идеологический характер. Вы помните, как блестяще Гейне провел параллель между действиями французской передовой буржуазии и философскими системами Канта, Фихте, Гегеля.

Идеалисты шиллеровского типа, к которым принадлежал и Гельдерлин (ниже я покажу, чем он от них отличался), могли ставить перед собой идеалы весьма высокие; когда вам на самом деле нужно построить дом, то вы бы-

ваете скромны, ибо вам нужно считаться с материалом, с рабочими руками и т. д.; а если вам не нужно строить дом, а можно только о нем мечтать, то здесь ваша фантазия развертывается и доходит до крайних ступеней фантастики, в которой выразится действительная потребность в новом жилище при невозможности его строить.

Когда начинает крепнуть и оформляться как класс какой-нибудь слой буржуазии, торговой или промышленной,—всегда он начинает заимствовать, по известному наблюдению Маркса, одежды у тех предыдущих эпох, в которые культурное облачение, идеологическое оформление достигло большей зрелости, хотя на самом деле новая ступень истории стоит выше их. Это эпохи Возрождения,—возрождение например (мнимых) эллинских и римских жизненных форм. Молодой капитализм, которому суждено было развиться в силу бесконечно большую, чем капитализм древней Греции, стремился заимствовать формы у Эллады поры ее расцвета. Французская революция в стиле Директории, в стиле Империи и т. д. стремилась создать идеологическое художественное возрождение буржуазной эпохи в античном мире. Но то, что во Франции являлось чем-то внешним—празднеством, театральным спектаклем, архитектурой публичных зданий и т. д.,—то стало для немцев сущностью. И все люди этого поколения—Гете, Шиллер, все эти штурм-унд-дренглеры, в том числе и наш Гельдерлин, видели в Элладе подлинное осуществление гармонических человеческих отношений. То, что во Французской революции преимущественно являлось в форме велений разума, то здесь являлось в форме мечты, лозунга—«назад к Элладе». Это было как бы разрешением всех жизненеравностей, всех тревог, всех страданий, всех унижений, с которыми сталкивалась эта молодежь. «Долой нынешнюю Германию! Эллинизировать Германию. вернуться к гармоническому человеку, который был человеком-художником, олицетворял природу в своих богах и находился в самом глубоком с ними общении».

Молодой Маркс говорил, что Эллада вовсе не является каким-то образцом общественного строя: наоборот, — говорил он, — это явная глупость не давать ребенку развиться в мужа; но что муж, возможно, будет менее счастлив, чем ребенок,— это уже дело другого порядка. В Элладе он видит время, нашедшее наиболее совершенным образом свое отражение в искусстве. Как свидетельствует Меринг, уже в гораздо более позднюю эпоху своей жизни вполне зрелый Маркс говорил: «Только идиот может не понять, какое значение античное искусство будет иметь для пролетарской культуры».

Для Маркса античный мир был очень высоким,—может быть, даже самым высоким до сих пор моментом в развитии человеческого искусства. Но он вовсе не идеализировал социальной жизни древней Греции и не считал ее недосягаемо высоким образцом. Не так думали люди того времени (молодой Гегель, например). Для них это была вообще счастливейшая пора человечества. Правда, Гегель хорошо понимал, что из этой поры фатально, необходимо должна была развиться новая эпоха, но все же он рассматривал общественный уклад Эллады, как, быть может *безвозвратно* утраченный золотой век. А для Гельдерлина это был потерянный золотой век, который *должен быть возвращен*. Подобно ему, молодежь думала: мы рождены для того, чтобы вернуть к жизни Элладу. Это была их программа, — больше культурная, чем политическая. Политический оттенок она имела, пока гремели громы Французской революции; когда революция отшумела, когда восторжествовал капитализм, заключивший оппортунистическую сделку со старыми

силами (особенно гнусной была эта сделка именно в Германии)—разумеется, все их политические надежды были разбиты.

Острое увлечение эллинизмом вывело у Гельдерлина отвращение к действительности, и чем больше действительность оказывалась прочной, тем больше росло отвращение Гельдерлина к ней, тем больше росло стремление итти назад, к Элладе.

Его взгляды разделяли в то время его товарищи — Шеллинг и Гегель. Они все вместе учились в Тюбингенской семинарии, отвратительной бурсе, где даже Гельдерлин, ангелоподобная человеческая овца, чуть не по морде бил одного учителя за его грубость и влезание в интимные дела студентов, где всяческие насилия над студенчеством производились походя.

Мать Гельдерлина, очень властная женщина, хотела, чтобы он сделался попом. Можете себе представить, как мог этот «эллин» Гельдерлин, с его пантеизмом, с его страстным отвращением к христианству, сделаться попом! На этой почве он сблизился с Шеллингом и Гегелем, которые тоже, по планам своих родителей, должны были стать духовными лицами. Они все жили в одной комнате. Я не имею возможности доказывать то положение, которое выдвигает Дильтей, но думаю, что он прав: вряд ли верно предположение, что эти бесспорно гениальные люди — Шеллинг и Гегель — оказывали одностороннее влияние на Гельдерлина. Наоборот, все заставляет думать, что страстная натура Гельдерлина, его необыкновенное увлечение этой первой стадией романтики, его страстное противопоставление эллинского идеала действительности сильнейшим образом повлияли на Гегеля и Шеллинга.

Все трое, вместе с некоторыми другими, образовали политический клуб и воображали себя союзниками Французской революции.

В это время путь Гельдерлина перекрещивается с более взрослым Шиллером, он встречается с Гердером, Фихте (в Иене), и все они бросают свои великие тени на его жизнь, всякий по-своему. У всех у них такое отношение к Гельдерлину: превосходный молодой человек — они рекомендуют его друг другу — подлинный талант, интересный; но какой то странный, — чудак, человек слишком скромный, не умеющий взять жизнь за горло. И, в конце концов, все эти люди относятся к Гельдерлину сверху вниз, как к человеку талантливому, но страдающему Minderwertigkeit, как говорят немецкие психиатры, т. е. неполноценностью. Это глубоко оскорбляло Гельдерлина, и он становился все более и более одиноким. Люди, которые его больше всего интересовали, относились к нему так, главным образом потому, что все они в то время начали склоняться к оппортунистическому договору с тем порядком, который установился как послереволюционный. Все они равными путями, часто очень ловкими внутренними фокусами (которых сами они не сознавали, в правду которых искренне верили) оправдывали если не существующий порядок, то свою пассивность перед ним. А Гельдерлин был на это абсолютно не способен. Он оказался выразителем той немногочисленной части немецкой молодежи, которая должна была умереть на фантастическом посту, так как никаких путей приспособления к буржуазной Германии, оформившейся в наполеоновский период, у нее не было.

Приближение катастрофы наступает в биографии Гельдерлина чрезвычайно логически. Он старается где-нибудь устроиться, попадает при этом в такое же положение, в каком были Руссо, Гегель и многие другие интеллигенты, начиная со второй половины XVIII в. и до второй половины XIX в.— попадает в положение гувернера в доме банкира Гонтара. Интеллигент обычно

устраивался как секретарь или как гувернер в каком-нибудь богатом буржуазном доме, реже — в каком-нибудь дворянском доме. Это положение было близко к положению лакея, человека, третируемого как прислуга, и это создавало весьма мрачные ситуации для интеллигента, который имел право считать себя по культурному уровню бесконечно выше своего хозяина. Это не случайная индивидуально-биографическая черта—это черта социальная и массовая.

Чрезвычайно часто здесь играла своеобразную роль хозяйка дома. Большой буржуа или крупный дворянин, конечно, выбирал себе в жены большей частью привлекательную женщину. Эти женщины были окружены роскошью, могли в чрезвычайно выгодном свете показывать свою грацию, любезность и т. д. Женщина того времени, как вы знаете, воспитание получала в пансионах и монастырях, жизнь свою проводила в домашнем кругу. Домашний круг ограничивал ее. Но именно потому хищнические, щучьи черты буржуа ей были чужды. Ее растили дома, как некий оранжерейный цветок, который должен был украсить жизнь самого хозяина, дать ему детей и быть его рекламой—прелестной хозяйкой на его приемах, балах и т. д. Эти женщины часто чувствовали себя оторванными от окружающей живни, скучали, и часто это были не просто скучающие барыньки, а тоскующие люди. Очень часто заключался некоторый союз между хозяйкой и гувернером-интеллигентом. Он благоговел перед ней. Она удовлетворяла эстетическим потребностям молодого человека, его жажде красоты. Он являлся известным пробудителем ее внутренней психической жизни. Как вы знаете, роман Руссо «Новая Элоиза», который распространился в большем количестве экземпляров, чем какое бы то ни было другое произведение искусства того времени, представлял собой литературную формулировку этих отношений, отношений беспрестанно вновь и вновь повторявшихся, вплоть хотя бы до романа Вагнера с Матильдой фон-Везендонк.

Для Гельдерлина эта обстановка сыграла роковую роль. Что должно было случиться — случилось. Банкир Гонтар обладал таким характером, что в молодости, рассердившись на кого-то, от злости сам себе выколол вилкой глаз. Можно себе представить, какое это было страшилище. А жена его, Сюзетта Гонтар, была красавица, в известной степени умница,—хотя и одомашненная умница, — прекрасной души человек. Между ней и Гельдерлином начался роман, зашедший очень далеко. Хозяин заметил это и, избив Гельдерлина, выбросил его из дома, как провинившегося камердинера, как лакея. Гельдерлин оказывается без заработка, без крова. Он отправляется к своему единственному другу Синклеру, не хочет принимать ни от кого никакой помощи, голодает, возвращается к своей бедной матери в Нюринген. Ему было тогда 30 лет. Он—verkrachte Existenz,—как говорят немцы, — обанкротившийся, потерпевший крушение человек. Он ищет дела. Он пишет Шиллеру, просит его помощи. Шиллер оставляет письмо без ответа. Гельдерлин ищет каких-то уроков в разных буржуазных домах,—но все оказывается неприемлемым. Едет в Бордо, там узнает не то через какое-то письмо, не то, как говорят, каким-то телепатическим способом, — может быть, через посредство дошедших до него слухов,—о смерти его Диотимы, как он называл г-жу Гонтар. Он возвращается в Германию через Швейцарию в каком то ужасающем состоянии. Уже тогда началось у него затмение сознания, потом была ремиссия, потом вновь он впадает в ночь, и наконец начинается совершенно явно выраженная шизофрения.

Некоторые моменты живни Гельдерлина я хочу иллюстрировать.

Он живет у мосье Гонтара, ему отвечает любовью обожаемая им жен-

щина, у него развертывается все его дарование, все его жизненные силы расцветают. И вот что он пишет Нейфе—одному из своих друзей:

«Ты можешь вообразить себе, что я никогда не имел такого прилива поэтических сил, как теперь. Без радости невозможно воспроизводить вечно прекрасное. Впрочем человеку полезнее всего великие радости или великие страдания».

Шиллеру он написал письмо с рядом просьб. Шиллер отвечал советом заняться какой-нибудь практической деятельностью. Он находил, что Гельдерлин слишком оторван от действительности. В следующем после этого письме к Шиллеру Гельдерлин пишет:

«Вы приглашаете меня стать ближе к Вам; Вы говорите, что могли бы стать таким образом понятнее мне. Эти слова со стороны такого человека, как Вы, значат для меня чрезвычайно много. Но верьте мне: Ваша близость—неподходящая для меня. Вы слишком сильно на меня действуете, когда я около Вас. Ваше присутствие важигает меня настолько, что я после встречи несколько дней совсем не могу думать. Все время, что я был около Вас, сердце мое было молчаливо, а когда я покинул Вас, я не мог даже сдержать моих взрывающихся чувств. Перед Вами я,—как растение, которое только что посадили в землю. В полдень его нужно прикрывать. Смейтесь надо мной, но это правда».

А вот что он пишет своей сестре о той среде, которая его окружает:

«Здесь (во Франкфурте) очень мало настоящих людей. В большинстве случаев это ужасающие карикатуры на человека. Богатство действует на них, как вино на мужика. Они становятся неуклюжи, непомерно грубы и высокомерны. В этом есть, конечно, своя хорошая сторона: я научаюсь молчать, находясь среди таких людей. Чем больше такой человек впрягает лошадей в свою карету, чем в большее количество комнат он запирается, чем большее количество слуг его окружает и чем больше прячет он золота и серебра,—тем глубже могила, в которую он закопал себя, как живого человека».

Через несколько лет после заболевания Гельдерлина известный немецкий писатель-романтик, Вильгельм Вайблингер, посетил его. И вот какую картину он застает (сначала он возвращается к прошлому и дает некоторый образ Гельдерлина, каким он был в молодости):

«Гельдерлин был симпатичен безмерно, что сказывалось в его наружности. Его глубокий, горячий, прекрасный взор, высокий лоб, скромный, полный одушевления и сразу привлекавший к себе сердца облик выделял его из среды современников. Сердечная доброта и врожденное благородство, горячая, живая манера мыслить и чувствовать, быстрое усвоение всякого материала, явные признаки высокого таланта, — все это переполняло наилучшими надеждами тех, кто его знал.

Если бы после счастливой юности высоко одаренный молодой человек был введен в некоторую колею, соответствующую его склонностям и желаниям, его мечтам и талантам, то дух его остался бы навеки ясным».

Конечно, это суждение диллетанта; но интересно оно потому, что без всяких околичностей просто говорит: да, погиб человек, сошел с ума, потому что для него не нашлось никакого нормального пути.

Вот как описывает Вайблингер со слов Матиссона первый факт, на котором все убедились в явной болезни Гельдерлина:

«Каким-то непонятным образом, внезапно, без всякого багажа и денег Гельдерлин возвращается на родину (после пребывания в Бордо— А. Л.). Матиссон рассказал мне лично о своей встрече с ним.

Матиссон сидел в своей комнате при открытых дверях. Вдруг вошел человек ему совершенно незнакомый. Он был бледен, как труп, ужасающе худ, глаза его смотрели из дырок черепа диким взглядом. Волосы и борода были длинны, а одет он был в лохмотья. Испуганный Матиссон вскочил. Незнакомец довольно долго стоял перед ним, не произнося ни слова. Потом он приблизился к нему, оперся на стул грязными руками, на которых Матиссон заметил нелепо длинные ногти, и тусклым, каким-то призрачным голосом промолвил: «Гельдерлин». Сейчас же он повернулся и ушел, прежде чем озадаченный Матиссон пришел в себя».

От Матиссона Гельдерлин ушел к своей матери. Он ее ибил и выгнал вон в припадке полного бешенства, которое бывает у шизофреников очень часто. Затем сразу смирился, стал смирным, как теленок, проявлял несомненнейшие признаки упадка умственных сил. Затем, как я уже указывал, рассудок возвратился к нему, хотя он никогда уже не мог освободиться от меланхолии. Он пишет некоторые гимны, дает очень спорные, но очень интересные переводы греческих классиков, главным обравом Софокла. Потом вновь вступает в свои права болезнь, которую так описывает Вайблингер:

«Нельзя было без удивления видеть его профиль, высокий, полный мысли лоб, глаза погасшие, но дружелюбные. Следы разрушительной болезни заметны на щеках, вокруг рта и носа. Болезнь выдает себя также в какой-то давящей и скорбной морщине на лбу. С жалостью и грустью видишь судороги, которыми иногда подергивается все его лицо, даже плечи и пальцы.

К посетителям он не обращается иначе, как называя: «ваше величество», «ваше святейшество» или «милостивый государь господин патер».

Первое время пребывания у столяра с ним бывали довольно частые припадки безумия, когда столяр колотил его своими тяжелыми кулаками и только таким образом приводил в порядок. В такое состояние часто приводили его либо встречи с персоналом больницы, где он жил прежде, либо поддразнивания встречных мальчишек и т. д.

«Гельдерлин постоянно, сотни раз перечитывал свой роман «Гиперион». Он любил читать его вслух. От времени до времени, со всякими гримасами уважения и восхищения, он восклицал: «Как прекрасно, как прекрасно, ваше величество!».

Он любил садиться ва клавикорды и играл иногда недурно. У него были остатки хорошего тенора и он пел грустные песни.

Он сочинял стихи, которые, однако, чем дальше, тем больше становились примитивными и неясными по мысли.

Теодор Шваб видел Гельдерлина уже почти 70-летним стариком. В это время Гельдерлин не называл себя своим именем и сердился, когда при нем произносили это имя. Он называл себя Буонаротти, а еще чаще Скардовелли. Ему нравилось, когда его называли: господин библиотекарь. Когда ему хотелось устраниться от ответов, он со странной миной произносил любимое свое слово: «Pallatsch». После этого от него ничего нельзя было добиться».

Очень интересно указать на то, что Гельдерлин хорошо помнил о людях, сыгравших крупную роль в его жизни. С большой любовью вспоминал он о Шиллере и никогда не говорил о Гете,—даже сердился, когда при нем произносили его имя. Но лица, посещавшие его, рассказывают, что часто они слышали, как он бормотал: «А что бы сказал на это его светлость, господин советник Гете?» О своей возлюбленной, Диотиме, он говорил, что это была очень красивая женщина, которая родила ему 13 детей, один его сын сейчас император в России, другой—король в Англии, третий—папа в Риме; но она была дура.

Позвольте мне после этой беглой биографии остановиться на наиболее важном произведении — «Гиперион». Произведение это принадлежит к числу величайших творений германской литературы и представляет собой поразительнейший образец переживаний отрывающейся от действительности интеллигенции.

Очень характерна самая вводная фраза в «Гиперионе»:

> «Разрешение диссонанса того или другого характера не должно быть ни просто материалом для рассуждения, ни поводом для пустого эстетического удовольствия».

Это чрезвычайно глубоко. Гельдерлин говорит: всякое художественное произведение есть разрешение диссонанса того или другого характера. И поясняет: неправильно просто наслаждаться этим произведением искусства, неправильно также относиться к нему только как к проблеме и не наслаждаться ни. Формула, как видите, весьма тонкая. Тут сказывается общее настроение, которое породило это произведение.

Его герой, современный грек Гиперион, живущий в Греции, покоренной турками, говорит:

> «Хорошо тому, чье сердце получает источники радости и силы от цветущего состояния его родины. Но когда кто-нибудь напоминает мне о моем отечестве, мне кажется, что меня бросают в болото или захлопывают надо мною крышку гроба.
>
> Когда кто-нибудь называет меня греком, мне кажется, что вокруг моей глотки затягивается собачья петля».

Само собой ясно, что здесь Греция заступает Германию.

Основной причиной падения своей родины Гиперион считает царящую в ней рассудочность.

> «Да, человек подобен богу, когда он мечтает, но он становится нищим, когда он начинает раздумывать.
>
> Когда воодушевление покидает его, он кажется блудным сыном, изгнанным отцом из дому».

Гиперион говорит своему другу Алабанде о тоске жить среди рационалистов и всяких буржуазных мудрецов:

> «Ты знаешь, как часто в наше время самые благородные силы остаются без использования и гибнут.
>
> Как израненный олень бросается в поток, так и я бросаюсь иногда в пучину развлечений, чтобы освежить мою горящую грудь и смыть с себя вечно кипящие во мне огненные сны славы и величия. Но ничто не помогает мне.
>
> Когда я смотрю на ребенка и думаю, как постыдно и пагубно то ярмо, которое ждет его, думаю, что он непременно увянет, как мы, что он будет искать человека, как мы, будет, как мы, стремиться к прекрас-

ному и истинному, а стремления его будут бесплодны, потому что он будет так же одинок, как мы, когда я думаю о том, что он... О, выхватите скорей ваших сыновей из колыбели, бросьте их в воду, чтоб спасти их от того позора, в котором вы живете сами».

Конечно, главной причиной этого своего недовольства он выставляет идеологический момент, потому что ему не дано знать момент социально-экономический.

«Быть единым со всем—это жизнь божества, это и небо для человека. Быть единым со всем, что живет, в священном забвении себя вернуться к природе—вот вершина мысли и радости, вот святая гора, место вечного покоя, где полдень теряет свой жар, гром—свой голос и где нет разницы между бушующим морем и колышащейся нивой».

Таков его пантеистический эллинизм.

«Но природа закрыла свои объятия, и я стою, как чужой ей.

Я не понимаю ее больше.

Это наука погубила меня».

Это чувство находится в полном согласии с фрагментом Маркса, где прямо говорится, что эстетическое довольство жизнью погибло потому, что место эстетического разрешения проблемы — борьба между природой и человеком — заняло научно-техническое разрешение.

«Это наука погубила меня. Я сделался настолько разумным, я так хорошо научился различать вещи в окружающем меня, что сделался одиноким в прекрасном мире».

Гельдерлин доходит до очень революционных высказываний. Вот формулировка, вложенная в уста Алабанды, которая несомненно до гегелевского знаменитого слова о Великом духе, «духе времени», о его движении, дает ту же картину:

«Как! Бог может быть задержан червем?

Ведь в нас живет бог, которому бесконечность открыта, как путь, и это божество должно остановиться и ждать, потому что дорогу пересекает червь?

Нет, нет, мы не будем спрашивать вас, хотите ли вы. Вы ведь никогда ничего не хотите, вы—рабы и варвары. Мы не будем стараться исправить вас. Эти старания были бы напрасны. Мы позаботимся только о том, чтобы вы не задерживали победного шествия человечества.

О, зажги мне факел для того, чтобы я мог испепелить плевелы в человеческом лесу!

Приготовь мне мину, чтобы я мог вворвать с земли ленивые глыбы камня!

Я с наслаждением отдаюсь будущему. Во всяком случае, конец мой не будет пошлым.

Быть счастливым—это в устах рабов означает быть сонным.

Быть счастливым? Но от одного этого слова у меня во рту получается тошнотворно-сладковатый привкус.

До чего глупо, до чего пусто все то, за что вы продаете ваши лавровые венки и ваше бессмертие!».

Конечно, никоим образом нельзя из этого сделать вывод, что у Гельдерлина была серьезная политическая революционная тенденция. Например, Алабанда сейчас же объясняет приведенные слова так:

«Клянусь тебе, тот даже не подозревает, в какой грех он впал, кто полагает, что государство может быть школой морали.

Государство—это только твердая шелуха вокруг подлинного зерна. Это только каменный забор, оберегающий сад человечества, где цветут цветы и созревают плоды.

Лучше быть невинной пчелой и лепить свой собственный домик, чем вообразить себя пастырем народа и пачкать себе руки об этот нечистый материал».

Революционный путь был заказан германской действительностью. Передовые интеллигенты знали, что никто за ними не пойдет, что революционная попытка—это гибель, и их не тянуло сделаться вождями народа (ниже я покажу однако, что революция в известной форме их прельщала).

Превосходны рассуждения Гельдерлина о том, что такое Греция. Идеи Гельдерлина о ней приближаются к тому, что мы имеем в известном фрагменте Маркса, и являются вместе с тем самым острым выражением современного ему элладофильства:

«Что сделало афинян такими изумительными?

Во-первых, то, что они жили свободными от всяких стеснительных оков, и, во-вторых, то, что природа давала им средние условия жизни.

С другой стороны, из благородства афинян вырастало и их чувство свободы.

Египтянин безболезненно выносит деспотию и насилие. Сын севера—насилие закона над своей волей и его несправедливости.

Это потому, что египтянин с самого раннего детства усваивает инстинкт почитания и обожания. Северянин же мало верит в свободную жизнь природы и потому обвешивает ее суевериями законности.

Афинянин не может выносить насилия над собой потому, что он верит в природу и не хочет, чтобы ей мешали. Он не допускает закон соваться всюду, потому что он ему редко нужен.

Свободное творчество, поэзия—вот лучшая форма философии.

В конце концов, это начало и конец науки.

Как Минерва из головы Юпитера, выходит философия из поэзии бесконечного божественного бытия, и сюда же она возвращается.

Прекрасно, что человеку так трудно убедить себя в смерти того, что ему любо. Вероятно никто еще не уходил от могилы любимого, хотя бы без самой легкой надежды, что он где-нибудь его встретит.

Чудный призрак старых Афин для меня кажется ликом моей матери, возвращающейся из царства мертвых.

О, Парфенон, гордость мира! У ног твоих лежит царство Нептуна, как смиренный лев, и, словно дети, теснятся вокруг тебя другие храмы, красноречивая Агора и роща Академоса.

Весна, когда она цвела в Афинах, похожа была на скромный цветок на груди девушки. И над великолепием земли солнце шло, не краснея от стыда.

Мраморные скалы Гимена и Пентелы рвались из сонной колыбели земли, как дети с колен матери, и приобретали форму и жизнь под ласковыми руками афинян».

По мнению Гельдерлина, основное, что делает человечество достойным жизни,—это чувство красоты, т. е. стремление гармонизировать свою индивидуальную, социальную жизнь и свои отношения с природой до предела.

«Первое дитя человеческой красоты есть искусство. В нем омолаживает и повторяет себя человек. Он хочет почувствовать себя самого, и он противопоставляет себе свою красоту.

Так дает человек жизнь богам».

Речь идет о Греции, но Гельдерлин думал, что так будет происходить в Германии:

«Ведь вначале человек и бог – одно. Он только не знает себя, он только не знает в себе вечной красоты. Я говорю вещи таинственные, но это так.

Вторая дочь красоты — религия.

Религия есть не что иное, как любовь к красоте. Мудрец любит ее самое, бесконечную и всеобъемлющую, а народные массы любят только ее детей, отдельные божества, которые являются перед ним в образах».

Кто знает рассуждения Гегеля в этом плане, тот узнает и совпадение с ними Гельдерлина в этом месте. Гельдерлин называет религией для мудрецов то, что Гегель называл философией непосредственного умозрения, непосредственного соприкосновения с идеей, духом, сущностью природы. Религия, по мнению Гегеля, есть преломление сущности через известную призму конкретных образов, содержащих в себе эту идею, субстрат мира, но понижающее ее на несколько ступеней для того, чтобы быть понятным для масс.

«Без любви к красоте, без такой религии всякое государство представляет собой скелет без жизни, без души. Без этих сил всякое мышление, всякое действование есть дерево, лишенное вершины, колонна, с которой сбита ее капитель».

Гельдерлин полагает, что подлинная философия рождается в поэзии и к ней же возвращается. Эта религия, эти символы, образы, в красоте которых претворена любовь человека к себе и к природе, дает обоснование для замечательной философии:

«Великие слова Гераклита единое, различаемое в себе самом.

Такую форму мог найти только древний грек.

Ведь это есть сущность красоты, и прежде, чем эта формула была найдена, никакой философии в сущности не было».

Гельдерлин указывает, что современность утеряла эту прекрасную мудрость, и с горечью говорит о современном отношении к античности:

«О, да! Они чтут Афины. Ведь они же украли отсюда колонны и статуи и продают их друг другу.

Они чтут эти священные образы, как великие редкости, как самых ярких попугаев и самых забавных обезьян».

В этих отрывках мы имеем философию германского идеализма, выраженную в чрезвычайно высокой форме. Эти фрагменты, написанные в 1800-х годах выше всего, что дал к этому времени немецкий идеализм. Гельдерлин перерастал своих союзников.

Вот чрезвычайно интересная страница, которая показывает, до какой меры этот человек, потом больной и сумасшедший, являлся голосом своего времени.

«Народы вышли когда-то из гармонии детства, и такая же гармония должна сделаться началом новой мировой истории».

Маркс говорит, что гармония принадлежала человечеству на этапе эллинского развития, но мы никогда к ней не вернемся. Гельдерлин говорит: да,

принадлежала, мы от нее ушли, но мы должны к ней вернуться. В этом его революционная реакционность.

«Люди сначала были одарены счастьем растения. Они росли, пока не соврели. Тут началось великое брожение—движение изнутри снаружу»... Вы видите, что формулировка и здесь диалектически чрезвычайно ценная.

...«Сейчас этот процесс взрыхлил весь человеческий род, который рисуется нам, как хаос. При этом зрелище нас охватывает головокружение. Красота покинула благодаря этому жизнь людей и переселилась в царство духа. То, что прежде было природой, стало теперь идеалом».

Вот это, по-моему, поразительно характерно для мировоззрения Гельдерлина и много дает для его понимания. Если бы люди жили гармонической жизнью,—а он предполагает, что Эллада была такой гармонией,—то красота была бы в самом человеке. Сейчас этой гармонии нет, поэтому родилась тоска по ней, т. е. идеализм и родственные ему настроения.

«Корни и ствол дерева жизни засыхают, разрушаются, но у него есть еще свежая вершина—отдельные зеленые ветки, которые купаются в солнце так, как в дни его юности всасывало в себя свет все его существо.

Эти зеленые ветви—идеал. Он заменяет то, чем была прежде вся жизнь.

По этому идеалу узнают друг друга и те немногие омоложенные, от которых должна пойти новая эра в жизни мира.

Я сказал довольно, чтобы сделать ясным то, о чем я думаю».

По его мнению, идеологические революционеры, которым предстоит вернуть человечеству его счастье, узнают друг друга вовсе не по тому, что они живут прекрасной жизнью и сами они прекрасны, а потому, что они испытывают отвращение к нынешней жизни. Центр тяжести перенесся в идеал—вот сущность этого рассуждения о самом себе.

Первая часть «Гипериона» было написана тогда, когда налицо не было еще абсолютно никаких признаков болезни, когда Гельдерлин был счастлив, влюблен, когда любимая им женщина разделяла его чувства, когда он испытывал уважение к себе и был о себе очень высокого мнения:

«Как орел Юпитер к песнопениям муз, так я прислушиваюсь к чудесным бесконечным мелодиям во мне самом».

Я потом покажу, какое социально-философское значение имеет этот фрагмент.

«Как небо, полное звезд, я тих и преисполнен движения».

И когда Диотима говорит Гипериону, т. е. Гельдерлину, кто он такой,—то здесь вы видите всю программу его жизни, невероятно героическую и вызывающую. Она говорит:

«Гиперион, мне кажется, что ты родился для величайших целей. Не ошибись же! Пусть отсутствие материала не помешает твоим делам.

Правда, все идет слишком медленно. Тебя угнетает это. Как молодой боец, ты слишком рано начал, ты вступил в борьбу прежде, чем твое тело соврело для нее, и ты получил больше ударов, чем нанес. От этого ты как будто несколько испуган и стал сомневаться в себе.

Ведь твоя чувствительность равняется твоему мужеству. Но ничто еще не погибло.

Если бы твоя потребность в деятельности не развернулась в тебе так рано, то и твой дух не вырос бы в то, чем он сейчас является.

Если бы ты не кипел, если бы ты не страдал, ты не мог бы и ясно мыслить.

Поверь мне: равновесие прекрасного человека чувствуется тобою так верно потому, что сам ты оплакиваешь уже не мало потерь.

Как луч света устремишься ты вниз, как всеосвежающий дождь ниспадешь ты в страну смертных.

Ты должен светить, как Аполлон. Ты должен оживлять и потрясать, как Юпитер,—иначе ты недостоин твоего собственного неба.

Как! Арабский купец посеял свой Коран и он ввошел ему целым народом учеников, как бесконечный лес,—а у тебя не всколосится поле, на котором ты сеешь уже испытанные истины, возвращающиеся новой юностью?

Нет, из этих корней человечности конечно возникнет новый мир, и новые боги будут править им. Небо нового будущего ясным покровом распрострется над ним».

Вот какими ликующими надеждами заканчивается первая часть «Гипериона».

Очень интересно, что вторая часть, которая написана после страшных потрясений судьбы, начинается с того, что Гиперион со своим другом Алабандой задумал освободить Грецию и для этого собирает шайку разбойников, которые при первом же столкновении, забыв об освобождении страдающей родины, начинают грабить; сам Гиперион ранен ими, так как он препятствовал их преступлениям. Полное крушение. Он ужасается тому, что думал купить такой ценой свободу, насадить рай руками преступников.

Это отнюдь не случайный мотив: он имеется в «Разбойниках» Шиллера, имеется например и в большом количестве ранних произведений Лермонтова. Лермонтов рассказывает, что первые идеи о могучем протесте были навеяны ему страшными сказками и песнями о разбойниках, которые распевали сенные девушки. Отсюда вырос и «Боярин Орша» и «Песня про купца Калашникова». Лермонтовские образы протестантов очень часто разбойничьи. Наша романтика 40-х годов и романтика Германии перекликаются здесь между собой. Они говорят: на массы опереться нельзя,—они не откликнутся; индивидуально ничего не поделаешь; надо собрать хотя бы небольшую группу единомышленников, которые протестовали бы против закона, преступали бы его. А это и есть разбойники, преступники. Надо отрицать во что бы то ни стало законы действительности, и так как их нельзя отрицать в социальном порядке, то приходится отрицать в порядке уголовном. Но ведь уголовное отрицание совсем не есть революция. Оно дает на самом деле только извращение борьбы, деклассацию вырванных из общества, оторванных от своего класса людей, которые не могут реформировать общество, а только вредят ему. В «Разбойниках» Шиллера замечательно ярко выражена эта социально обусловленная для известных периодов симпатия к разбойникам. Но вместе с тем Шиллер показывает, что этот вызов и сопровождающие его поджоги, грабежи, анархические действия никого не удовлетворяют, не дают никакого действительного плода. Это одна из трагедий революционно настроенного меньшинства, при том меньшинства, оторванного от класса и лишенного возможности более или менее мощно воздействовать на жизнь.

Даже Чернышевский, размышляя о крестьянском бунте, который является часто не чем иным, как таким разбойничьим протестом в форме преступлений, спрашивал себя, может ли из этого создаться революционное движе-

ние или вто приведет только к жертвам с обоих сторон. Чем больше стремления революционеров сливаются с действительным массовым движением, тем больше уничтожается романтика разбоя.

Гельдерлин тоже заставляет своего Гипериона потерпеть крушение именно на этом пути.

Гиперион, потерпевший крушение, отправляется в Германию. И об этом Гельдерлином написаны страницы, которых немцы долгое время никак не могли ему простить, так как эти страницы являются страстным ударом бича по тогдашней Германии, а отчасти и по Германии современной. Вот отрывок из этих иеремиад:

«Варвары по самому своему происхождению, они оделали себя еще бо́льшими варварами своим прилежанием, своей наукой и религией. Они глубоко неспособны ощущать какое бы то ни было божественное чувство. Они испорчены до мозга костей и не в состоянии чувствовать счастия, любить святых граций.

Тупые, лишенные гармонии, они лежат передо мною, как осколки разбитой вазы.

Конечно, это сурово, но я должен сказать: я не знаю ни одного народа, который был бы больше разорван, чем немцы.

Я вижу ремесленников, но не людей; мыслителей, но не людей; священников, но не людей; господ и рабов, молодых и пожилых, но не людей.

Все напоминает собою поле битвы, усеянное мертвыми костями: пролившаяся кровь впитывается песками.

Немецкие попы говорят иногда, что добродетели древности представляют собою только блистательные грехи. А между тем даже заблуждения древности были подлинными добродетелями, ибо тогда был жив детский прекрасный дух.

Наоборот, добродетели немцев все представляют собой лишь лакированное зло.

Все это произведено искусственно, все это плоды трусливого страха, напряженного исполнения долга рабов».

Есть у Гельдерлина и более социально окрашенные упреки:

«Немцы постоянно повторяют: все на земле несовершенно. Скажет ли им, несчастным, кто-нибудь, что вокруг них все так несовершенно потому, что они не оставили ничего чистого, незапачканного, потому, что они все святое захватали своими грубыми руками?

У них нет урожаев, потому что самый корень всех урожаев—божественную природу—оставили они без внимания.

Их жизнь так пуста и так полна забот и холодной вражды потому, что они отринули гения, приносящего силу и благородство каждому человеческому деянию, вносящего веселье в страну, любовь и братство в города и домы.

Вот почему боятся они так смерти и готовы страдать, лишь бы сохранить свое устричное существование.

Они готовы перенести позор, потому что они не знают ничего высшего, как их обычное бытование.

Только народ, который любит прекрасное, который чтит гений своих художников, чувствует вокруг себя воздух жизни, всеобщий дух

Только у такого народа раскрывается узость сознания, тает чванство, сердца становятся и великими и в то же время нежными, и вдохновение рождает героев.

Родина такого народа есть родина всех благородных людей.

Но в стране, где так оскорблена природа и ее художники, исчезает лучшая радость жизни, и кажется, что всякая ввезда предпочтительнее земли, растет дух рабства, грубого высокомерия; вместе с заботами растет ослепление, богатство одних сопровождается голодом других, благословение каждого года становится проклятием, и боги бегут».

Как видите, это признание: я ничего не могу поделать с этим миром, я разбит, я уничтожен,—но не думайте, что я с вами примирился.

Намек на благоприятное разрешение этого противоречия имеется в последней части «Гипериона», в письме Диотимы к Гиперию, где она старается его утешить и рисует ему прекрасную картину того, что жизнь всегда равна себе, что она вечная победительница:

«Посмотри на мир. Разве это не есть постоянное триумфальное шествие, где природа вечно одерживает победу над всякими опасностями? Разве она не влечет смерть за собою только для возвеличения жизни?

Да, смерть в золотых цепях, как пленная королева влачится за победной колесницей полководца—природы.

А мы? Мы, как девы и юноши, сопровождающие триумф победителя танцами и пением, мы сопровождаем величественное шествие, постоянно меняясь, чтобы менялись образы и голоса».

Само собой разумеется, что такого рода утешение, которое всегда под руками у человека, является на самом деле формой резиньяции. И отчаяние Гипериона не притупляется:

«Самый мелкий ремесленик может сказать, что сделал больше, чем я.

Бедные духом могут насмехаться надо мною и назвать меня мечтателем, потому что мои дела не созрели, мои руки несвободны, мое время оказалось безумным Прокрустом, который пойманных им людей бросает в детскую колыбель, и когда они в ней не вмещаются, рубит члены их тела

Скажи же, скажи, где последнее прибежище?

Вчера я видел Этну надо мною и мне припомнился великий сицилианец, который, уставши от счета часов и веря в душу мира, в своей смелой жажде жизни бросился туда, в чудесное пламя, так что шутники говорили: „охладевающий поэт захотел погреться“.

Здесь мы видим зарождение идеи фрагментарной трагедии «Эмпедокл». Сущность этой трагедии, которая имела потом большие отзвуки в литературе, заключается в том, что изображается человек, который осыпан всеми милостями богов, т. е. природы, гениальный человек, которого родной город поднимает на высоту своего пророка и вождя. Он не нуждается больше в господстве богов, так как понял, что боги сами родились из человеческой головы. И он начинает проповедывать то, что можно назвать «человекобожием»,—установление человека, прекрасное утверждение человека, как центра мира. Но вдесь Эмпедокл чувствует, что он для этого слишком ограниченное существо; и с этого момента начинается протест против него масс, которые не хотят итти за ним по этой линии,—и его разгром.

Во всем этом ясно отражение самооценки, как неудавшегося пророка.

Я прочту описание положения изгнанного Эмпедокла перед тем, как он бросился в Этну, потому что это почти точное описание путешествия самого Гельдерлина по Швейцарии. Я старался установить, было ли это написано Гельдерлином после его путешествия по Швейцарии или до того. К сожалению, в его тетрадях все перепутано и нет прямых указаний, что это—предчувствие или описание уже бывшего.

Пантея—почитательница Эмпедокла—говорит:

«Он жив, он жив, идет он по долинам
И в ночь, и днем. Ему за кровлю—тучи,
Постелью - камень, ветер крутит кудри
И словно слезы по щекам текут
Струи дождя, и только солнце сушит
Одежды мокрые среди песков пустынь.
Он не идет избитыми тропами,
Идет в ущелья, где приют скитальцев,
Разбойников, изгнанников, как он.
Повергнут ты, орел прекрасный! Кровью
Ты означаешь путь твой. Скоро трус
Охотник разобьет об острый камень
Твой череп, полумертвый царь высот,
Недавний гость в чертогах громовержца».

Для того, чтобы охарактеризовать кульминационный пункт Гельдерлина, как выразителя этой чрезвычайно интересной прослойки революционного меньшинства, надо было бы еще остановиться на его лирике, на гимнах. Но я это сделаю очень бегло, потому что гимны, в сущности говоря, непереводимы. Они представляют собой ритмически необычайно тонкие произведения, которые немецкая критика, немецкие знатоки стихотворного стиля признают теперь самым высоким музыкальным выражением в словесной форме, какое достигнуто вообще в немецкой литературе. Эти гимны, в особенности последние, написанные в период уже явной шизофрении («Хлеб и вино», «Альпы», «Рейн»), с точки зрения буржуазных исследователей таинственны, необъяснимы. Я полагаю, что секрет их нам известен: «Христианская, обывательская, мещанская, пасторская культура превратила Германию в несчастную страну. Я, Гельдерлин, призван ее спасти, я—мессия. Но я оказался одиноким и, как некогда Христос, распят, убит, уничтожен, и с этим уничтожены надежды Германии на будущее. Это—величайшая, колоссальнейшая мировая трагедия»—вот их содержание.

Повторяю, произведения эти почти непереводимы. Все-таки мне хочется дать вам хоть некоторое представление об этой стороне творчества Гельдерлина, которая стоит еще выше его провы в «Гиперионе», этом философском романе, и его трагедии «Эмпедокл», которой я мог, к сожалению, только кратко коснуться. Я прочту переведенное мною лирическое стихотворение, которое относится к той поре, когда он писал еще метрами, и показывает, как наступление болезни отражалось в его поэзии, имеющей еще социальное значение,—эти гимны до нашего времени продолжают считаться шедеврами, и потому никак нельзя считать, что социального значения они не имеют.

Прекрасное стихотворение, о котором я говорю, написанное греческим метром, характеризует постепенно наступающую ночь тоски.

«Где же ты, Свет, озаряющий юноша,
Где ты, отрадно будивший меня поутру?
Сердце не спит, но сжала и держит
В священном плену его сила ночи.
Бывало, шаги зари я подслушивал,
На холм всходил тебя встретить уверенно,
И необманно тобою веял
Ветер легкий, твой предвестник.
И наступал ты привычной дорогою
В славе, красе своей. Где же теперь ты, Свет?
Сердце не спит, но держит и сжала
Ночь без конца мое пробужденье.
Прежде растения мне зеленели, взор
Вороподобно цветы восхищали мне
И недалеко реяли лица,
Светлые лица любимых.
Крыльев небесных над рощами веянье
Было открыто мне, юноше пылкому.
Ныне один я, и час за часом
День проходит, как будто темный.
И лишь фантазия, в прошлом заимствуя,
Образы ткет из любви и страдания.
И внемлю я, не шлют ли дали.
Может быть, в помощь рыцаря-друга».

Последняя строфа чрезвычайно ярко характеризует больные настроения Гельдерлина:

«Одно лишь лето вы, всемогущие,
Одну лишь осень для песен зрелости
Мне дали, чтоб сердце, упившись играми,
Тем безропотней к смерти склонилось».

Так как, повторяю, из гимнов я ничего перевести не могу, то прочту один из отрывков того времени, когда написаны были гимны, один из шедевров Гельдерлина,—то произведение, которое Клеменс Брентано в своей «Романтике» называет одним из величайших лирических произведений немецкой литературы. Недостатки его прошу отнести за счет переводчика, не являющегося профессионалом. Перевод этого отрывка легче было сделать, ибо это единственный из гимнов, написанный перемежающимся гекзаметром и пентаметром. Называется он «Ночь». Это удивительное произведение, передающее в лирической форме социальное настроение автора:

«Город уснул и затих; безлюдны ущелия улиц,
Лишь иногда экипаж в факельных блесках промчит.
Сытые злобами дня от развлечений и сделок,
Люди идут по домам, прибыль и убыль учтя.
Дома уют. На рынке нет ни плодов, ни букетов;
Он не гремит ремеслом, хочет покоя и он.
Только где-то в саду звучат гармоничные струны:
Может быть, песня любви, а может быть, кто одинок.
Вспомнил о счастьи былом, о юности. Мерно фонтаны
Свежие плещут в ночи, в травах бегут ручейки;

В воздухе темном поет в полголоса звон колокольный:
Сторож, считая часы, выкрикнул где-то число.
Вот пронеслось, словно вздох, ветра в деревьях движенье.
Стой! показался двойник нашей планеты—луна.
Крадучись всходит она и мечтательно шепчется с ночью,
Звезды сверкают вокруг, дела ей нет до людей.
Странная светит луна, одинокая странница неба,
И на горы легла великолепно печаль».

Еще одно маленькое стихотворение, уже полубезумное, где обостряется та перекличка ритмов, которая была свойственна Гельдерлину последнего периода:

«В желтых цветах висит,
Пестрея шиповником,
В озере берег.
И милый лебедь,
Пьян поцелуем,
Голову клонит
В священно-трезвую воду.
Горе мне, горе, где же найду я
Горькой зимой цветы? Где найду
Солнечный луч
И тени земли?
Стены стоят
Хладны и немы.
Стонет ветер
И дребезжат флюгера».

Уже будучи совсем сумасшедшим, Гельдерлин написал два стихотворения, которые имеют еще социальное значение. Я хочу проследить его творчество до той поры, когда оно действительно превратилось только в проявления болезни, социального значения уже не имеющие. И только там мы позволим психиатрам полностью хозяйничать, где по существу, больше нет социальной значимости, а есть только клиника.

Уже совершенно сумасшедшим Гельдерлин пишет:

«Я насладился прелестью света,
Но радость юности прошла давно, давно...
Венок весны увял: погибло солнце лета.
Живу ли я еще иль нет? Не все ль равно?»

Последняя строфа к Диотиме:

«Если ив дали, нас разделяющей,
Ты узнаешь еще меня, мое Прошлое,
Ты, участница тяжких мук,
Если я тебе что-либо доброе...»

... и больше ничего.

III

Теперь перехожу к попыткам разъяснения творчества Гельдерлина, которые даны различными авторами.

Наиболее близким к нам истолкователем является крупный германский философ Дильтей, который, как вы знаете, понятие культуры и ее развития

кладет в основу всей своей философии. Вот что Дильтей говорит о Гельдерлине:

> В «великий момент нашей литературы, в который наша поэзия вообще достигла своего высшего развития, особое значение имела Французская революция со своим идеализмом, возвеличением личности и свободы. Молодежь была захвачена перспективой более совершенного общественного строя и пошла навстречу этой задаче. Она ожидала более высоких типов человечества и хотела содействовать этому процессу. Именно в этой группе стоял Гельдерлин, настоящее воплощение более чистой, более гармонической человеческой личности. Он был родственен Шиллеру, отличаясь от него большей мягкостью. Но каким образом могло отстоять себя это движение немецкой молодежи, когда революция была осуждена на гибель, заменилась войнами и привела к европейской реакции? Наступила пора голого насилия. В немецких государствах для этого юношества не оказалось места, где они могли бы действовать с какой-нибудь свободой. Самодержавие, общественное давление знати и капитала, религиозная ограниченность победили по всей линии. Надо было подчиняться. Для многих из этих лирических гениев сделалось невозможным самое существование. Они были обречены на одиночество».

Как видите, здесь можно было бы не упоминать о Гельдерлине. Можно говорить о некотором собирательном типе такого рода молодежи,—ведь многие вступили одновременно с Гельдерлином на этот путь. Дильтей говорит: «надо было подчиниться». Но в том-то и дело, что одни подчинились, а другие нет.

Характеризуя ближе Гельдерлина—опять-таки не как личность, а как известный поэтический тип,—Дильтей высказывает такие глубокие мысли:

> «Лирический гений заключается прежде всего в чрезвычайной оригинальности поэта, вследствие которой он оказывается жертвой происходящих внутри него процессов, обладающих собственной закономерностью. Переживает он их чрезвычайно полно и чисто. Внешние же явления касаются его лишь поверхностно и не могут разрушить внутреннего закона его психической жизни. В своих произведениях он выражает эту свою телеологическую внутреннюю закономерность. Гельдерлин был таким поэтом, при этом он не считал внутренний мир свой принадлежащим себе, как личности».

А чем был в действительности этот внутренний мир? Сумасшедшими комбинациями, продуктом застывающего мозга действительно «божественным глаголом», или, может быть, каким-то случайным капризом? Нет. То, что принимал Гельдерлин за голос богов, было голосом общественности. Общественное содержание творчества Гельдерлина определялось Французской революцией, протестом буржуазной молодежи, к которой он принадлежал. И когда он говорит: «Как орел Юпитера внимает музам, так и я внемлю мелодиям внутри меня», то это — слова о восприятии тех настроений, которые хаотически, но со стихийной силой пробудились в передовых слоях германского общества и натолкнулись на сопротивление реакционной действительности. Это и было содержанием лирического вдохновения. Гельдерлин был лирической натурой и, стало быть, эти импульсы, эти социальные влияния, которым он подвергался, приобретали характер внутреннего закономерного процесса в нем,—именно постольку он являлся наиболее подходящим голосом для современности. Раздробленная, расщепленная, больная действительность ищет

себе выразителя. И она находит его в таком человеке, который может проникнуться беспредельной верой в ее положительный полюс и выразить его с полнейшей гармонией, с полнейшей глубиной. Только тогда это соверцание становится понятным. Только тогда экономическая сущность эпохи найдет свое идеологическое выражение. И такой человек, противопоставляя действительности эту внутреннюю закономерность, которую он считает божественным глаголом, своей внутренней субъективной телеологией, вместе с тем выражает свой революционный призыв. Если бы эта личность не была больной, она пошла бы на компромисс, не могла бы выразить этого противоречия,—она бы его скрыла.

Гете (который довольно хорошо знал Гельдерлина) пишет не о нем, а о Гюнтере,—таком же молодом человеке, правда, менее даровитом:

> «Он не умел себя обуздать, поэтому жизнь вырвалась у него из рук и самое творчество его расплылось».

Что касается Гете, то он обуздал себя, и поэтому жизнь у него не вырвалась из рук и творчество его не расплылось. Но зато оно искалечено. Вся биография Гете (которую Гундольф старается изобразить как жизнь истинного гения, разрешившего противоречия) есть жертвенная жизнь оппортуниста, который убивает в себе лучшее, чтоб сохранить хоть что-нибудь. С великих высот Гете спускается до своего примиренчества с германской современностью. А вот Гельдерлин этого не мог, органически не мог. Внутренняя закономерность заставила Гете с какой-то фанатичностью расправиться с Вертером. Он как бы говорит: «Человек, который не может свою внутреннюю телеологию примирить с необходимостью преклониться перед действительностью, должен умереть. Я, Гете, умер только в романе, а в жизни преклонился,—только очень изящно, очень мудро, очень богато, очень усовершенствованно». Многострадальные гении, которые не преклонились перед действительностью, стоят перед нами, как замученные, до крови замученные люди, а Гете—как олимпиец. Но олимпийская маска не должна нас смущать. Мы должны разоблачить истинную сущность Гете. Конечно не весь он в этой краткой характеристике, но это очень большая часть его исторической фигуры.

Очень интересно, что другой великан того времени—Гегель, бывший близким другом Гельдерлина, специально говорит о Гельдерлине и приспособляет его к своей философии, которая тоже есть великая оппортунистическая система. Как вы знаете, Гегель отверг миросоверцание Фихте, которое было ближе к гельдерлиновскому, поскольку Фихте говорит: «Личность, как носитель духа, выше действительности, и если бы звезды упали на меня и обломками своими покрыли бы меня, все-таки мой дух носился бы над хаосом». И для того, чтобы подбодрить эту затравленную личность, на которую все наступает кругом и которой ничего не остается, как умереть, он дразнит природу: «Ты каменным молотом можешь раздробить мой череп и раздавить мой мозг, но у меня есть бессмертный дух, существо которого выше твоих сил». Это придавало мужество в период наступающего отчаяния.

Как Гегель относился к этому? Он говорил: «Личность, которая заставляет себя противостоять закономерностям объективного развития, не заслуживает уважения». Но Гельдерлин—спрашивает себя Гегель—мой друг, голубоглазый Гельдерлин, тот самый великолепный человек, душа которого пронела флейтовую песню, которой я не могу забыть, который оварил мою юность, как он должен был ответить на это? И вот что пишет Гегель:

«Чем более существенны те жизненные отношения, от которых устраняет себя благородная натура, боясь запачкаться ими, потому что она не может оставаться среди них, не запятнав себя,—тем бо́льшим будет несчастье такой натуры. Это несчастье нельзя назвать ни справедливым, ни несправедливым. Оно потому становится судьбой, что здесь отношение к внешнему миру отрицается вполне произвольно, свободно».

Очень хороший пример той диалектики, к которой прибегал иногда Гегель, когда ему нужно было иметь два лица.

В русской сказке Морозко спрашивает: «Тепло ли тебе, девица, тепло ли тебе красная?» Если она живо и подобострастно ответит: «Тепло»,—то благо ей, а если скажет правду, будет протестовать,—Морозко ее убьет. И девушка, которую убивает Морозко,—дура, заслуживающая такой судьбы: в сказке это сказано прямо и недвусмысленно. А Гегель говорит: это несправедливо, но не совсем несправедливо, а, может быть, даже и справедливо.

«Это несчастье потому становится судьбой, что отрицается отношение к внешнему миру вполне произвольно, свободно. Несчастье может стать столь великим, судьба может превратиться в такое отвращение к жизни, что благородная натура может оказаться изгнанной в пустоту. Но в таком случае, если человек, с одной стороны, падает под ударами судьбы, то, с другой стороны, благодаря добровольности вызова, он становится выше всякой судьбы. Можно сказать, что не он изменил жизни, а жизнь ему. Высшая свобода есть отрицательный атрибут красоты души, т. е. способность ее отказаться от всего ради своего принципа».

Видите, какой необычайный оборот мысли. Такая философия развивается там, где есть огромное уважение к революционному протесту и полное неверие в возможность его победы. Гегель не осмелился сказать ни вместе с Фихте: «Протестуй—и ты победишь», ни вместе с Гете: «Примирись! Иначе ты будешь дураком и тебя слопает действительность»; он сказал: «Пожалуй, не мирись—в таком случае физически погибнешь, морально окажешься выше судьбы; или мирись,—тогда морально окажешься ниже судьбы, но зато физически не погибнешь». Установка двойственная, явно оппортунистическая. Гегель и пошел этим оппортунистическим путем и дошел до вывода, что последняя, высшая, ступень диалектического развития—прусская монархия. В конце жизни он заключил союз с попами, отказавшись от идеалов своей юности. Только потомки и критические последователи Гегеля очистили его учение от этой скверны. Но, не удержавшись сам на высоте, Гегель должен был отдать известную дань уважения Гельдерлину, который на компромисс не пошел.

На то, как подходят к Гельдерлину мистики, я только укажу вскользь. Так например Эрнст Михель рассуждает:

«Судьба Гельдерлина может быть представлена таким образом, что все случайности этой жизни поэта получают жуткую значительность и вся жизнь становится великим и всеобщим символом.

В этом оправдываются слова Новалиса: «Жизнь каждого крупного человека насквозь символична».

Михель говорит, что Гельдерлин был «орфическим» поэтом. Но что такое «орфический поэт»? Это лирическая натура, которая считает свою внутреннюю закономерность выражением чего-то надмирового, надисторического и противопоставляет ее внешней судьбе. Судьба такого поэта, если анализ ее до конца проведен, имеет всегда символическое значение, ибо это—идеал, который

расходится с действительностью. Ее значение приближается к значению мифа о Прометее, мифа о великих разбитых надеждах, т. е., в сущности, о временных поражениях революций.

Теперь позвольте перейти к психиатрам.

Должен сказать, что психиатры, писавшие о Гельдерлине, совершенно расходятся с Плехановым, который говорил, что марксизм не позволяет себе смотреть на произведения писателей как на результат капризов или как на какое-нибудь психическое заболевание, уродство, и т. д., а рассматривает их как продукты общественные. На примере Гельдерлина можно показать, что материалисты-психиатры, материалисты физиологические, в огромном большинстве механистические, так далеко никогда и не заглядывали. А между тем они писали о Гельдерлине довольно много.

В 1901 или 1902 году вышла книга Клейна, которая называлась «Жизнь и любовь Гельдерлина». В ней есть статья известного психиатра Мебиуса, который пишет:

> «Большинство биографов Гельдерлина хотят быть прагматическими. Они хотят доказать, что в жизни все вытекает одно из другого и что катастрофа логически вырастает из событий жизни. Такая прагматика очень хороша в драматическом произведении, но в жизни дело идет совсем иначе,—с мотивацией здесь далеко не уйдешь.
>
> Нами правят совсем посторонние силы, а наша сознательная мысль и деятельность протекают рядом, так сказать, поверхностно».

Уже здесь мысль Мебиуса находится в полном противоречии с нашим мировоззрением: сознательная мысль, сознательная деятельность считается чем-то первородным, в то время, как она является отражением социальных условий. Но с этими социальными условиями человек больше всего и прежде всего соприкасается в своем сознательном мире, в своей сознательной деятельности. Последнее же положение Мебиуса заставляет вспомнить о главном разногласии нашем с фрейдистами, которые говорят: «Идеологические искажения, самообманы происходят от того, что наше бессознательное мощнее нас». Мы же утверждаем, что интересы в конце концов определяют идеологию людей. Классовые интересы изнутри толкают, искажают мысль, создавая ту или иную идеологию. Мы знаем в то же время, что и подсознательное проникается социальным моментом, что оно не отделено непроходимой границей от сознания. Мебиусу же хочется показать, что каждое отдельное лицо как бы вырвано из социальной среды и находится в полной зависимости от части биологических, социально неучитываемых сил. При этом особенно курьезно следующее его мнение:

> «В медицине материализм является наилучшим эвристическим принципом, хотя философски и теоретико-познавательно он и несостоятелен».

Классическая формула материализма буржуазного естественника! В своей области, в естествознании, он хочет и может быть материалистом, он говорит: «Материализм есть лучший эвристический метод», но отвергает его как миросозерцание, требует более широкой «философской установки», не понимая сущности материализма. У такого биолога получается, будто материализм учит, что поведение человека диктуется развитием его мозга, а развитие — это процесс, часть которого протекает еще во чреве матери и определяется наследственно. И это он считает подлинным материализмом!

Мебиус продолжает:

«В жизни, подобной гельдерлиновской, индивидуальные переживания имеют весьма ничтожное значение. Гельдерлин заболел в 1802 г. dementia praecox, т. е. сделался жертвой перерождения мозга, которое привело его к идиотизму. Дело идет об эндогенной болезни, т. е. такой, которая развивается из зерна, вложенного в личность при самом ее рождении.

Гельдерлин был, таким образом, болен от рождения. Все его особенности, его мечтательность, его невыдержанность, его неспособность найти себя в мире,—все это есть простые выражения предварительной стадии этой болезни. Если бы его окружали совсем другие люди и события, то результат был бы все-таки такой же; он так же колебался бы, так же обманывался бы и так же бы в тот же самый момент жизни прорвалась бы окончательно роковая болезнь».

Мебиус сравнивает Гельдерлина с похожим на него таким же несчастным, окончившим сумасшествием австрийским лириком Ленау и говорит, что самые таланты их находятся в зависимости от их болезни.

Другой знаменитый психиатр, также считающий себя материалистом, д-р Флейтен (фрейдист) пишет в ответ Виндельбанду, который старается прагматически объяснить, как вытекала из основ духа Гельдерлина, из основных черт его лирической философии, вся его трагическая судьба. Он пишет:

«Надо оставить всякую болтовню о том, что в Гельдерлине сказалась «болезнь века». Ничего таинственного в этой болезни нет. Мы имеем здесь дело с железной необходимостью. Болезнь развивалась с такой же точностью, как любой химический процесс, и она с такой же точностью развилась в 1804 г., как развилась бы и в 1904 г....»

— Т. е. перенесите человека в какое угодно столетие,—если он болен болезнью, установленной господами психиатрами, мы будем иметь одну и ту же историю болезни.

Ланге, известный психиатр Тюбингенского университета, написал талантливую большую работу, которая называется «Гельдерлин, патография». Это, можно сказать, классический труд, действительно достойная всякого уважения работа психиатра, старающегося непредвзято подойти к материалу и изучить его детально. Поэтому Ланге гораздо более уступчив по отношению к социологической, хотя и не марксистской точке зрения, чем те светила психиатрической науки, о которых я говорил выше. Но Ланге не доходит до той точки зрения, которая могла бы быть для нас приемлема.

Ланге прежде всего устанавливает понятие психопатии. Он говорит, что психопатия не есть ни здоровье, ни болезнь. Это—промежуточное звено; психопат может всю жизнь остаться в общем более или менее здоровым человеком. Каковы же черты психопатии?

«Способность сопротивления против вредных воздействий жизни у психопатов понижена, вся жизнь психики расслаблена, изменчива; заметна повышенная утомляемость, субъект легко попадает под влияние, наклонен к фантазированию, легко заменяет истинную картину мира воображаемой. В общем чувство действительности нарушено; отсюда часто вырастает чувство чуждости, какой-то пустоты. Психопату кажется, словно он попал на землю с какой-то чуждой звезды.

С другой стороны, психопат особенно склонен к великодушию, к тому, что называется «величием чувств».

Психопат склонен к безумной влюбленности, к внезапным порывам страсти, так же точно к безотчетной ненависти.

Они любят проливать сладкие слезы, питать ничем не оправдываемые надежды, они то ликуют до небес, то смертельно унывают и т. д.».

Ланго доказывает далее, что Гельдерлин был типичным психопатом. В сущности говоря, в этом нет ничего противоречащего социологическому подходу к этому вопросу, ибо сам же Ланге отмечает, что именно из числа этих психопатов главным образом и вербуются художники, в частности поэты и особенно лирики,—конечно, не все, но не только многие, а прямо-таки большинство.

Он не устает повторять, что психопатия отнюдь не есть легко обнаруживаемая болезнь и что психопат может в области поэзии, музыки и т. п. дать произведения чрезвычайно крупные,—может быть, даже и великие.

Если мы прибавим к этому, что Гельдерлин был, так сказать, исторически призван к тому, чтобы выразить лирически глубочайшее разочарование в действительности и противопоставить ей именно мечту и порыв в будущее, то сделается ясным, что здесь социальный ход событий не мог не найти как раз подходящего выразителя среди «психопатов».

Поэтому нас мало интересуют доказательства вроде того, что он грыз ногти, страдал головными болями, много курил, любил кофе и т. д. Ведь, с другой стороны, мы знаем от того же Ланге, что Гельдерлин однако никогда не был пьяницей, что он никогда серьезно не болел; несмотря на сумасшествие ему удалось прожить чуть ли не до 70 лет.

Мы узнаем от него, что Шеллинг и Гегель—два, во всяком случае, гениальных человека—не только высоко ставили Гельдерлина, но кое-чему у него в молодости учились.

Ланге отмечает, что Гельдерлин играл на скрипке, флейте и клавикордах. Мы же можем со своей стороны добавить, что он играл еще на мандолине и пел, причем делал это с очень большим искусством, а как флейтист считался тонким артистом.

Нисколько не смущает нас и то, что Гельдерлин принадлежал к акустическому, а не зрительному типу, что ему чужд был натуралистический интерес к природе и т. д.

Превосходная память, отменное усердие, большие знания в своей области (филология, история),—все это говорит за Гельдерлина как за подходящего представителя именно «болезни века», а не раба своей собственной болезни.

Этому не противоречит и то, что сам Гельдерлин говорит об изменчивости своих настроений, «часто тоскует и впадает в негодование» (еще бы!).

«Отсутствие юмора» опять-таки не является противоречием нашей точке зрения.

Теория Ланге, будто бы страсть Гельдерлина к Сюзетте Гонтар была лишена мужских черт, чисто мечтательна и платонична, не находит себе подтверждения в письмах, а тем более в «Гиперионе».

Наконец, вот характеристика «здорового» Гельдерлина, которую дает Ланге:

«Во всяком случае, Гельдерлин был человеком высокого типа. Несмотря на всякие ненормальности, эта высота настроений и характера привлекают к нему симпатии одного поколения за другим.

Он был в высшей степени привлекателен, честен, открыт, горд, свободолюбив, независим. Он остался верен себе и никогда ни в чем

не продавал своих убеждений. Он не завидовал успехам других, с великим уважением относился к великим современникам. В то же время он был неспособен на лесть, на легкомыслие в живни чувства. Он был глубоко серьезен, и если он строго относился к окружающему миру, то не менее строго относился и к себе».

Ну, знаете, при таких чертах характера, признанных психиатрами несомненными, психопатические черты конституции Гельдерлина нисколько не мешают переполнению его социальным содержанием своего времени и его роли чрезвычайно крупного представителя «болезни века».

Ланге прямо ставит перед собою вопрос:

«Чем же объяснить, в главном, произведения Гельдерлина: тем ли, что он был ранним романтиком (а романтизм ведь есть явление общественное—*А. Л.*), или тем, что он был болен?».

Ланге, несмотря на свою осторожность, разрешает этот вопрос сокрушительным для психиатров образом. Он прямо заявляет, что *весь романтизм есть целиком психопатия.*

Так как романтизм несомненно являл собою «болезнь» определенного века, то нужно прийти к одному из выводов: либо известный век порождает большее количество психопатов, либо он призывает на действительную службу именно этих психопатов.

Особенно же сильно бьет по своим положениям Ланге, когда говорит:

«Приходится сознаться, что крайне неблагоприятные внешние условия были так сильны, что могли сломить, пожалуй, и вполне здорового человека, обладающего гораздо большим запасом энергии, чем Гельдерлин».

Я еще раз процитирую Шиллера, который с неменьшей, чем Гегель, глубиной ставит этот вопрос:

«Хотел бы я знать,—писал он уже после катастрофы,—были ли бы все эти Шмидты, Рихтеры, Гельдерлины при всех условиях такими же субъективистами, были ли бы при всех условиях так напряжены их нервы, сказалось ли бы в них столько односторонности? Словом, лежит ли все это в чем-то субъективном или, так сказать, в дурной эстетической пище и тяжелых воздействиях со стороны? Та позиция по отношению к эмпирическому миру, в которой они жили, тот идеалистический дух, который имел на них такое тяжелое влияние,—порожден ли он изнутри или извне? Я очень склонен думать, что последнее правильнее.

Конечно могучая и счастливая натура все может победить, но, я думаю, что много превосходных талантов погибло в ваше время исключительно благодаря его ненормальности».

Даже нормальные люди, поставленные в такие тяжелые условия, становятся больными и полунормальными. Они гибнут, но при этом поют чудные песни о своей гибели и этим самым отмечают разрыв между передовыми слоями общественности и действительностью. Вот разгадка этой тайны.

Ланге, как вульгарный материалист, ставит вопрос так: может быть, здесь повлияло то, что Гельдерлин очень много голодал? Духовный голод, выражение, которое нам, марксистам, близко и обозначает понятие чисто марксистское — отсутствие питания для сознания поэта, для Ланге не представляется существенным, а вот, что котлет было мало,—это по его мнению могло определить творчество и всю жизнь поэта.

Мы отнюдь не отрицаем того обстоятельства, что здесь болезнь сыграла свою отвратительную и фатальную роль. Мы только говорим: пока болезнь не сказалась в том, что социальное содержание, продиктованное Гельдерлину действительностью, в известной степени омрачилось, приобрело непонятные формы, его творчество все еще было социально значимым. И группы, которые сочувствовали Гельдерлину, шли за ним и понимали его. Клеменс Брентано не был сумасшедшим, Беттина не была сумасшедшей, но они что-то находили даже в очень поздних произведениях Гельдерлина. Беттина, например, говорит о его переводах Софокла, что она не может оторваться от этой книги — до такой степени в ней слышатся священные ритмы, необыкновенные, потрясающие, подлинно патетические; она говорит, что впервые видит такое переложение продукта греческого гения на немецкий язык. Это не больной человек говорит. Но потом мы видим, как постепенно стихотворения Гельдерлина — по мере приближения его к окончательному сумасшествию—начинают терять всякий социальный смысл и даже ритмические достоинства. Да, тут социальное побеждено биологическим, и тут мы имеем уже больше не члена общества, а члена клиники, больное животное, ничем, кроме словаря, да и то полубессмысленного, с обществом не связанное.

Тут он переходит целиком в руки психиатра.

Но до тех пор, пока он является социальной величиной, творчество его может быть объяснено только социологическим анализом. Если оказывается, что социальное содержание в больной редакции приемлется и возвеличивается целыми группами лиц, то это значит, что в данном случае болезнь играет только роль усилителя, «рупора»; нельзя, стало быть, выразить данное социальное содержание на «здоровом» инструменте, надо было сыграть его на инструменте с узлами и ссадинами, который звучит настолько раздирающе, что эти тембры дают лучше почувствовать выражаемую посредством него трагедию.

Мне хочется остановиться еще на мнении Ницше. Фр. Ницше так же, как и его современник, великий швейцарский поэт Шпиттелер, в ту пору, когда начинался сдвиг к империализму и империализм начал становиться этической, психологической доминантой буржуазии, был выразителем тех сдвигов, которые произошли в связи с этим в интеллигентской среде.

Интеллигентская среда времени Гельдерлина мечтала о полном перевороте на земле против буржуазии, мечтала о некоторой расплывчатой, гуманной демократии. Отсюда—срыв, отсюда мягкость, бездейственность, реальное бессилие, некоторая сила только словесных выражений, предпочтение всего духовного всему материальному. Ницше также хотел преобразования всего мира, но пел в униссон с наступающей железной поступью крупной империалистической буржуазией, которая хотела создать жестокую, беспощадную, но блестящую эпоху сверхчеловека. Ее Ницше противопоставлял той убогой Германии, которую он перед собой видел, видел не хуже Гельдерлина, противопоставлявшего ей же свою Элладу. Он преклонялся перед Бисмарком, перед гигантами-конквистадорами капитализма. Поэтому материальная сила, материальная мощь играют для него огромную роль. Но сам он был все-таки только подлинным интеллигентом-мечтателем.

Нельзя отрицать чрезвычайной зависимости «Заратустры» Ницше и «Прометея» Шпиттелера от «Эмпедокла». Это тоже сверхчеловек, великий вождь, который силой своего гения должен облагородить человечество; но Заратустра и Прометей гораздо материальнее, у них больше надежды на победу, больше уверенности в себе.

Вот что пишет Ницше:

«Я не могу достаточно протестовать против ложного идеализма, где чрезмерная тонкость лучших характеров приводит к отчуждению от мира.

Как жалко, что ни на выручку не пришел во-время юг Европы и не исцелил их от чересчур обузданной чувственности и вовдержания во имя духа.

Как жалко, что погибли люди, подобные Шелли, Гельдерлину, Леопарди.

Но, с другой стороны, их гибель понятна, и в конце концов я не так уже высоко ставлю этих людей. Мне даже приятно думать о реванше, который природа и все естественное берет по отношению к таким людям. Особенно, когда слышу, что Леопарди в молодости был онанистом, а позднее импотентом.

Надо иметь мужество смеяться над такими людьми».

Если Ницше «имел мужество смеяться» над Гельдерлином, то мы должны иметь мужество смеяться над трагикомическим положением самого Ницше. Он сам был в половом отношении ненормальным человеком, сам имел дурную наследственность, сам был острым психопатом и кончил таким же сумасшествием, как Гельдерлин. Сам Ницше представлял собой такое же порождение колоссального раздвоения гнилого, мещанского, старого мира. Ницше думал, что империалистическая буржуазия отбросит демократические и христианские идеи, все те отвратительные, обветшалые лоскутья, которыми прикрывалась одно время нагота ее хищнических инстинктов, и скажет: «Мир принадлежит сильному, тому, у кого больше пушек, у кого сильнее нервы». Это будет торжество какой-то красоты, какой-то новой религии. Но империализм с его звериной мордой, с оскаленными зубами, для такой натуры, какой был Ницше, для таких мягкотелых идеалистов, к которым он принадлежал всей своей органической сущностью, несмотря на мечту о том, чтобы с его помощью выскочить из болота, был для него все же кошмаром. Он беспрестанно и жестоко страдает от его грубости и жестокости. Все его книги отображают эту болезнь—эту жажду цинизма, животного цинизма, которого однако культурный человек, культурный мещанин не может вместить.

Я думаю, что если бы отец Ницше не был сифилитиком, сам он конечно мог бы не иметь прогрессивного паралича. Болезнь его произошла от физиологических причин. Но мы соглашаемся с психиатрами и в том, что предварительная тень болезни падает на все творчество Ницше в форме психопатии. А этот распад сознания, эта психопатия была как раз социологически нужна для того, чтобы Ницше мог стать выразителем распада известных слоев мещанской интеллигенции. Страшные и тяжелые переживания на почве социальных конфликтов не только не препятствовали, конечно, дальнейшему разрушению мозга, но еще усиливали его.

Вообразите, что мы ставим перед собой такую проблему: что определяет характер реки,—вода ли, которая в ней течет, или русло, по которому течет эта вода? Скажем, озеро наполняется все больше и больше и выходит из берегов—куда оно потечет? Конечно туда, где имеется какая-нибудь скважина, где есть уклон. Так и социальное содержание ищет себе специфического русла и течет по нему. Но сила течения расширит, углубит его, создаст то, что называется рекой с ее извинным и высоким берегом, устроит

себе ложе из гравия, песка или ила. Таким образом, первоначальное русло будет уподоблено, подчинено себе той водной стихией, которая по нему течет.

Нечто подобное происходит и с индивидуальностью. Почему данное социальное содержание выбирает себе выразителем именно Гельдерлина или Ницше? Потому, что оно всего легче могло проникнуть именно в такой тип человека. Они воспринимали его как действительное вдохновение, как воздействие некоторого духа, некоторой божественной сущности, — но это была социальная сущность, а отнюдь не мистическая. Она подавляет в этих людях все, подчиняет их натуру, делает ее удобной для себя, вплоть до того, что может ее совершенно размозжить и уничтожить в угоду себе.

Вот те решения, которые мне кажутся вытекающими из моих общих рассуждений и из экскурса в творчество и жизнь Гельдерлина.

Нужно сказать, что Гельдерлин воскрес с необычайной силой в эпоху, когда Германия была разбита, когда германский империализм, еще не достигший решающих высот, был повален. Германской буржуазией и близкой ей интеллигенцией овладело отчаяние. И мы тут видим картину, которую я рисовал априорно. Я говорил, что всякая общественность может найти в человеческой клавиатуре такие клавиши, которые соответствуют ей; но она может ударить не только по людям-клавишам живым, но и по мертвым. Экспрессионизм должен был создать такое мировоззрение, такие комбинации образов, которые отразили бы великое отчаяние, крушение. И вот история ударила по клавишу-Гельдерлину. Гельдерлин воскрес. Его стали издавать. У него нашлась школа. Его провозгласили величайшим поэтом Германии. Ясно, что это могло случиться лишь с «социальной величиной», а не с воплощенной историей болезни. Как раз болезненные произведения Гельдерлина, где с наибольшей трагичностью противопоставлены идеал и реальность, нашли себе оправдание. Сам Гельдерлин отчасти такую судьбу свою предвидел и писал об этом:

«Из тихого дома боги порою к нам
Любимцев шлют погостить ненадолго,
Дабы, напомнив сердцу людскому
О благороднейшем, радость зажечь в нем».

Но тот же Гельдерлин, у которого бывали иногда гораздо более светлые и менее мистические идеи, написал финальную фразу своего «Гипериона»,— фразу, которой он как бы обращается к нам,—может быть, не столько к нам, людям нынешнего периода, сколько к людям того периода, который мы строим, того периода, когда действительно общество будет нормальным и когда не только ненормальные уклоны отдельных индивидуальностей будут вытравляться, но даже и наследственные формы, родовые проклятия (евгеническим ли путем или путем естественного наследования новых благоприобретенных признаков) будут во всяком случае уничтожены.

«О вы, будущие, вы, новые Диоскуры, остановитесь на минуту, проходя мимо могилы, где спит Гиперион. Остановитесь в раздумьи над прахом забытого человека и скажите себе: «Если бы он был нашим современником, он был бы таким же, как мы».

Это как бы самооправдание: живи я в нормальное время, я был бы нормальным человеком.

Этому делу—установлению нормального человеческого общежития—больше всего будет способствовать, конечно, развертывающееся под знаменем

марксизма рабочее движение. Всякая теоретическая работа в области марксизма имеет прямое отношение к победе человеческого, нормального над стихийным, ненормальным, над всяким вредительством природы в нашей индивидуальной и общественной жизни. Сейчас мы имеем огромное счастье с огромными надеждами и уверенностью в победе работать непосредственно над этим. Я надеюсь, что тот гипотетический доклад, который я здесь прочел, будет также некоторым, хотя бы и очень скромным вкладом в эту громадную нашу работу. *(Аплодисменты).*

От редакции: Прения по докладу А. В. Луначарского и заключительное слово докладчика будут напечатаны в следующей книге «В. К. Л.».

ДИСКУССИЯ О «НАРОДНОЙ ВОЛЕ»

ДОКЛАДЫ В. НЕВСКОГО, И. ТЕОДОРОВИЧА и И. ТАТАРОВА *

В. Невский, открывая дискуссию, предполагает держаться в основном тех оценок природы, существа и исторического значения «Народной Воли», которые были даны Лениным и Плехановым. Докладчик отвергает взгляд, высказанный в статье Малаховского [1], будто отношение Плеханова к «Н. В.» отличается от ленинского, причем неправильная оценка им «Н. В.» определяется неумением вскрыть социальную основу народовольчества. Вопреки этому мнению, Плеханов дал очень четкую классовую характеристику народовольчества как «частью крестьянского, частью мелкобуржуазного социализма» [2]. Несколько позже, в 1890 г., Плеханов отказывался видеть принципиальное различие между идеологией народников и либералов.

Эта характеристика целиком совпадает с оценками Ленина, которые давались им народничеству, начиная со статьи «Что такое друзья народа». Социальной базой народничества Ленин считал мелкого производителя. По мере изменения социально-экономических условий происходило изменение, расслоение этой базы. Отсюда и расслоение народничества на ряд отдельных течений. «Деревня давно уже совершенно раскололась. Вместе с ней раскололся и старый русский крестьянский социализм, уступив место, с одной стороны, рабочему социализму, с другой—выродившись в пошлый мещанский радикализм... Из политической программы, рассчитанной на то, чтобы *поднять крестьянство* на социалистическую революцию *против основ современного общества*,—выросла программа, рассчитанная на то, чтобы заштопать, «улучшить» положение крестьянства *при сохранении основ современного общества* [3]». Развитие отдельных слоев крестьянства через кулака к крупному буржуа, с одной стороны, и через бедняка к пролетарию—с другой, было причиной расслоения крестьянского социализма на либеральное и социал-демократическое течения.

В статье «От какого наследства мы отказываемся» Ленин указывает те черты «Н. В.», которые унаследованы революционной социал-демократией: это ставка на восстание масс и революционные, якобинские приемы борьбы. Здесь же он перечисляет характерные особенности народнической идеологии: само-

---

* Зачитаны в январе-феврале 1930 г. в Об-ве Историков-марксистов

[1] «Пролетарская революция» № 84.

[2] *Плеханов*, Соч., т. IV, с. 269.

[3] *Ленин*, Что такое друзья народа?

бытную концепцию русского исторического процесса, веру в особое предназначение общины, защиту интересов мелкого производителя, непонимание основ научного социализма.

Итак, Ленин согласен с Плехановым и в вопросе о социальных корнях народничества, и в признании большой сложности теоретических построений народничества. Правда Ленин в статье против Струве ограничивает тезис Плеханова о связи народничества со славянофильством (этим тезисом не объяснить, почему народничество явилось выразителем интересов подавляющего большинства русского народа), но он все же признает наличие у народников «квасного патриотизма».

Расхождение начинается с оценки революционной роли отдельных слоев крестьянства. Плеханов, следуя за теоретиками II Интернационала, особенно за немецкими социал-демократами послемарксовского периода (ср. Готскую программу), считал крестьянство сплошь реакционной массой. Однако противоположное решение вопроса о роли крестьян в революции не мешало Ленину и Плеханову одинаково смотреть на два основные течения в народничестве. Нет надобности противопоставлять этой точке зрения особый будто бы взгляд М. Н. Покровского на народников как на «либералов с бомбой». Если точно цитировать Покровского (чего не делает т. Теодорович), то станет ясным, что слова: «Народовольцы не могли обращаться прямо к народу, не сумели поднять его *против всего старого строя*» правильно характеризуют определенные течения в народничестве.

Таким образом перед историком-марксистом, если он хочет стоять на позиции ленинизма, возникает задача: во-первых, проследить *эволюцию* различных направлений народничества к либерализму и социал-демократии и, во-вторых, установить зависимость его политических идей и действий от своеобразных представлений его о русском историческом процессе.

В. Н. Фигнер в своих показаниях говорит, что народники строили свою программу, исходя из особой теории о самобытном развитии русской жизни, в основе которого лежал общинный уклад. Когда «Н. В.», стала перед необходимостью политической борьбы, она дополнила свою историческую концепцию чисто буржуазной теорией всемогущества государственного начала, создающего классы и сословия, и государственной власти, стоящей над обществом и вне его. Эти взгляды можно найти и в органе «Н. В.» и в официальных документах партии, и в отдельных ортодоксально-народнических работах (А. Н. Баха—«Царь-голод», Богораза—«Борьба общественных сил в России» и др.). «Три реальные борющиеся силы стоят на арене: правительство, революционная интеллигенция и народные массы; остальные все общественные слои, все правящие классы не имеют никакого самостоятельного значения» (Богораз). Но народная масса не составляет политической силы, так как «принимает друзей за врагов, врагов за друзей» (там же). Поэтому Богораз в полном согласии с Бахом отводит решающую роль в борьбе «соли земли»—интеллигенции. Покровский не ошибся, приписывая народникам взгляд, что критически мыслящая личность двигает историю. «Н. В.» полностью разделяла это убеждение.

Еще в 1879 г. Михайловский в своем знаменитом письме, одобряющем признание народовольцами политической борьбы, говорит, что с его точки врения между либеральной программой и народовольческой нет никакой разницы. Он же во втором письме пропагандировал «искренний союз с либералами». Далее докладчик ссылается на Присецкого и на судебные речи народовольцев—Квятковского, Ширяева, Корбы, Златопольского, Богдановича и

др.—и на этом материале показывает эволюцию революционного народничества к либерализму, к признанию конституционной монархии конечным идеалом партии [4].

Дальнейшая эволюция к либерализму шла через Якубовича, пытавшегося в партии «Молодой Н. В.» воскресить заветы старых народовольцев, и ряд промежуточных программ к «народному праву», отказавшемуся почти целиком от революционной программы «Н. В.». Тов. Теодорович, цитируя передовые «Н. В.», доказывает, что народовольцы представляли себе революцию не иначе, как массовым движением. Но в других номерах «Н. В.» легко найти доказательства противного (напр., в передовой № 10). Такие противоречия объясняются тем, что в «Н. В.» было два крыла: правое и левое.

Теодорович пытается цитатами доказать мысль, что народовольцы предвосхитили многое из ленинского учения, напр., то положение, что учредительное собрание не способно отразить подлинной воли народных масс. На самом деле «Н. В.» только теоретизирует на эту тему, но на практике считает именно учредительное собрание лучшей формой волеизъявления народа. Вообще вопрос решается не цитатами, а анализом социально-экономической природы этой партии.

Конечно в ней было не одно только либеральное крыло. Если бы это было так, то нельзя было бы говорить о всемирно-историческом значении «Н. В.». По мере развития капитализма из крестьянства выделялись пролетарские элементы, возникали зародыши рабочего движения, вот почему и «Н. В.» должна была поставить перед собой вопрос о создании классовой организации пролетариата. Народовольцы наследовали свое уменье работать в пролетарской среде от народников 70-х гг., при помощи которых был построен Северный союз русских рабочих. Заслуги «Н. В.» в этом отношении очень велики.

Процессу своего рода «орабочивания» левого крыла «Н. В.» сопутствовали попытки программного и практического сближения отдельных народовольческих групп с социал-демократами. Примером может служить программа, составленная А. И. Ульяновым. В этой программе разногласия между народниками и социал-демократами представляются уже «несущественными и лишь теоретическими».

Но можно ли на этом основании сближать отдельные народовольческие идеи с ленинским большевистским учением? Ведь и у Лаврова в книгах о Парижской Коммуне и о «Государственном элементе в будущем обществе» не трудно найти «намеки» на Временное правительство, диктатуру пролетариата и ОГПУ. Отсюда «Н. В.» и заимствовала свои представления о том, что будет на другой день после революции. Но нельзя забывать, что победивший в этой революции «народ» был не пролетариат, а все тот же мелкий производитель, о котором писали Ленин и Плеханов.

Итак, заслуга «Н. В.» была не в том, что она выработала основные понятия большевизма и провидела Октябрьскую революцию, а в том, что она подлинно якобинскими методами боролась с самодержавием, что, не имея под собой прочной социальной опоры, располагая ничтожными средствами, она все же поставила своей целью буржуазно-демократическую революцию и с беспощадной последовательностью стремилась к этой цели. Народовольцы сумели создать мощную революционную организацию, и в этом отношении наша партия у них многому научилась.

[4] «Красный архив», № 20, 1927, с. 216, 227—228.

И. Теодорович прежде всего приглашает участников дискуссии о «Н. В.» быть точными в терминологии и вникнуть в самую суть ленинских формулировок, изучить оттенки, нюансы ленинских характеристик народничества, чтобы внешние, кажущиеся терминологические противоречия, встречающиеся в писаниях Ленина, не могли ввести в заблуждение относительно истинного понимания Лениным «Н. В.».

Докладчик приводит ряд высказываний Ленина, в которых он то называет народников социалистами, то утверждает, что в их учении нет «ни грана социализма». Итак, надо прежде всего установить, что разумеет Ленин под социализмом. Видимое противоречие этих цитат исчезает, стоит лишь ввести различение между научным социализмом и социализмом утопическим, реакционным, феодальным, мелкобуржуазным. В народничестве, действительно, не было «ни грана» научного социализма. Далее Ленин различает крестьянский и мещанский социализм. В полемике со Струве Ленин характеризовал старое народничество как доктрину, сложившуюся «в эпоху, когда капитализм в России был еще весьма слабо развит, когда мелкобуржуазный характер крестьянского хозяйства совершенно еще не обнаружился», но простое товарное производство уже начинало разлагаться под натиском капитализма, мелкое производство разорялось и гибло; и вот некоторая часть идеологов этих гибнущих мелких производителей объявила, что капитализм должен быть уничтожен; это и были «крестьянские социалисты». Другая часть предлагала мелкому производителю приспособиться к растущему капитализму, врасти в него, превратиться в мелкого буржуа,—это были «мещанские социалисты»[5]. Ленин совершенно ясно написал (и нигде не писал ничего другого, что могло бы ослабить эту мысль), что революционные народники стремились «поднять крестьянство на социалистическую революцию против основ современного общества». Именно в этом штурме буржуазного общества, а вовсе не в борьбе за политическую свободу, как думает т. Невский, видел Ленин главную заслугу народовольцев[6]. И позже, в 1903 г.[7] и в 1912 г., Ленин писал о перерождении революционного народничества в эсеровский эклектизм под влиянием растущего капитализма. Этот идеологический процесс был по Ленину отражением объективного процесса превращения русского крестьянина в мелкого буржуа. Подобное же различение утопического социализма от мещанского мы находим и в «Коммунистическом манифесте».

Докладчику был брошен упрек в том, что он не отличает научного социализма от утопического. Он приводит многочисленные цитаты из своей статьи (с. 12, 14, 15, 16 и др.), где социализм «Н. В.» характеризуется именно как утопический. В частности, он зачитывает то место, где, цитируя Ленина, он высказывает уверенность, что в случае сохранения власти мировой буржуазии победа народовольческой революции в России привела бы не к социализму, а к переходу страны на путь фермерского развития капитализма.

Различие между пролетарским социализмом и социализмом утопическим ясно вскрывается на отношении к фабрике, к производительным силам, созданным при капитализме, со стороны рабочего и мелкого производителя, кустаря. Ненависть к капиталистической фабрике у разоряющегося ремесленника может быть даже более жгучей, чем у рабочего; первый может пойти в борьбе против нее на действия, внешне более решительные, более револю-

[5] Ср. *Ленин*, Собр. соч., т. I, с. 178.
[6] См. *Там же*, с. 190.
[7] *Там же*, т. IV, с. 260—261.

ционные; но это только видимость: ремесленник хочет разрушить фабрику и вернуться назад к простому товарному производству, рабочий хочет овладеть фабрикой, чтобы построить социалистическое хозяйство. Имея в виду это коренное различие, автор никогда не допускал смешения утопического и научного социализма. Он говорил лишь о критической переработке, синтезировании революционной социал-демократией элементов опыта, накопленного мелким производителем в его борьбе.

Когда капитализм обрушивается на мелкого производителя, последний жестоко сопротивляется. Одна его часть возлагает при этом надежды на правительственную помощь или кооперацию, но другая, убедившись на опыте в иллюзорности этих надежд, видит спасение только в революции, в захвате власти. Вот этот революционный опыт мелкого производителя и пошел на пользу пролетарскому движению. Именно он подтолкнул пролетариат к лозунгу: «спасение в революции», помог ему преодолеть влияние трэдъюнионизма и так называемого жирондизма.

Опыт борьбы мелкого производителя привел этого последнего к идее захвата власти, а захват власти должен был по мысли народовольцев привести к преодолению капитализма, к тому, чтобы «задушить буржуазию в самом зародыше».

Дальше между народнической и пролетарской революцией начинается коренное расхождение: идеал простого товарного производителя позади—в реставрации простого товарного производства, цель пролетариата впереди—в социализме. Но разве революционный опыт первого бесполезен для второго?

Докладчик, ссылаясь на свою статью, показывает, что он четко различает «два уклона» в «Н. В.»—«правый и левый», что он признает наличие в «Н. В.» типично радикальных элементов (Н. Морозов, Караулов). Но характерным для «Н. В.» в целом было, по выражению Плеханова, «тихомировско-ашанинское согласие».

В заключение докладчик останавливается на оценке Марксом, Энгельсом и Лениным утопического социализма, как носителя «зародышей гениальных идей», критически воспринятых научным социализмом, и указывает, что признание заслуг социалистов-утопистов не может умалить достоинства марксистского учения.

И. Татаров. Докладчик, наметив основные этапы в развитии народовольчества и указав, что главным объектом нашего изучения должна быть «Н. В.» эпохи 1 марта, переходит к ленинской характеристике эволюции народничества: от хождения в народ до перерождения народовольчества в либерализм эпигонов 90-х годов [8]. Из указанной цитаты он делает тот вывод, что при изучении отдельных этапов народовольчества и всей его эволюции в целом нельзя отрывать революционное народничество от народничества эпигонов, в которое первое неизбежно перерождалось.

Для понимания ленинских взглядов на «Н. В.» решающей цитатой является следующая: «Прошу заметить,—пишет Ленин,—что я говорю о разрыве с мещанскими идеями, а не с «друзьями народа» и не с их идеями. «Друзья народа»—только одни из представителей одного из направлений этого сорта мещанско-социалистических идей. И если я по поводу данного случая делаю вывод о необходимости разрыва с мещанско-социалистическими идеями, с идеями старого русского крестьянского социализма вообще, то это

[8] *Ленин,* Собр. соч., т. I, с. 175, изд. 2-е.

только потому, что настоящий поход против марксистов представителей старых идей, напуганных ростом марксизма, побудил их особенно полно и рельефно обрисовать мещанские идеи. *Я везде старался показать необходимость такого вырождения старых теорий, везде старался уделять возможно меньше места критике этих господ, в частности, и возможно больше общим и основным положениям старого русского социализма»* [9].

Изучая историю народовольческого движения, мы анализируем его программы, тактику, организацию. Понятно, что марксист меньше всего доверяет тому, что народовольцы говорят сами о себе; он всегда имеет дело с классовым анализом и прежде всего с теми социально-политическими причинами, которые породили данное движение в его конкретном развитии. Между тем у т. Теодоровича вся его статья и все его доводы построены на наивной вере. Например, т. Теодорович приводит массу цитат о том, что «Н. В.» ориентируется на массы. Для доказательства он ссылается на программу, на «Вестник Н. В.» и т. д. Но вот, что мы читаем по поводу программы у одного из авторов ее, да еще в таком авторитетном документе, как «Подготовительная работа партии»:

«Что касается организации в настоящее время *в массе* крестьянства, то она признавалась в эпоху составления программы совершенной фантазией, и, если не ошибаемся, дальнейшая практика не могла изменить в этом отношении мнений наших социалистов».

Сегодня т. Теодорович подтвердил своим выступлением, что он не стоит на марксистской точке зрения. Он сводит общественные процессы к естественным процессам. Вот что пишет т. Теодорович, говоря о трудности классификации «различных школ, течений, направлений утопического социализма»: «Ботаникам, например, известно, как трудно определять многочисленные виды ивы (вербы). Там и здесь трудность обусловливается чрезвычайной легкостью образования помесей. Гибридные формы в области идей столь же часто встречаются, как гибриды в мире животных и растений. Классификация, предлагаемая нами, построена на комбинировании двух признаков» [10]. И дальше идут эти признаки классификации, из которых явственно следует, что он вместо классового анализа становится на точку врения «биологизма».

Обратимся к классовой характеристике народовольчества 70-х—80-х гг. Развитие капитализма уже создало такие отношения, при которых началось разложение крестьянства, хотя на данной стадии крестьянство еще не проявляло *открыто* мелкобуржуазных тенденций. Развивающийся капитализм наталкивается на многочисленные остатки крепостничества. Крепостнические остатки—вот гвоздь борьбы, которая завязывается с нарождением и развитием капитализма. И вот на этой-то почве возникают определенные отношения класса мелких товаропроизводителей. А как т. Теодорович изображает дело? Он говорит, что мелкий производитель—это натуральное хозяйство, а мелкий товаропроизводитель—это денежное хозяйство. Идет борьба между денежным и натуральным хозяйством, но первое начинает побеждать второе только к 90-м гг. Поэтому—утверждает т. Теодорович—народовольцы были утопическими социалистами, они были идеологами *мелкого производителя*, а народники в 90-х гг. представляли идеологию *мелких товаропроизводителей*. Такая точка зрения есть не что иное, как идеализация мелкого производства.

---

[9] *Ленин*, Собр. соч., т. I, с. 183, изд. 2-е.
[10] «Каторга и ссылка» № 89, с. 25.

Это—неправильная оценка той реальной действительности, которая имела место в 70-х гг. Основная проблема—борьба капитализма с крепостничеством—совсем исчезает из поля зрения т. Теодоровича.

Тов. Теодорович считает, что «Н. В.»—это организация, которая опиралась то на мелких производителей, то на товаропроизводителей и на пролетариат. Его основное положение заключается в том, что пролетариат настолько близок к мелкому товаропроизводителю, что смазывается грань, их разделяющая. Это сказалось в смазывании им и различия идеологии пролетариата и мелкого товаропроизводителя.

Что же пролетариат берет от «Н. В.»? Тов. Теодорович считает, что все основные моменты, характеризующие советскую власть, диктатуру пролетариата, строящийся социализм—все эти моменты имеются в произведениях «Н. В.». Это глубоко неверная установка. В действительности мы взяли от «Н. В.» основное, что ее характеризует,—борьбу с самодержавием, затем—крепкую дисциплинированную, законспирированную организацию. Наконец «Н. В.» создала тип революционера, который потом перешел к нам. Тов. Теодорович считает, что Маркса сближало с народовольцами то, что в социализме народовольцев была идея единого планового начала. На самом деле основоположники научного социализма, Маркс и Энгельс, видели в «Н. В.» ту организацию, которая сумеет сломить, опрокинуть самодержавие [11].

Ошибка, которую совершил Плеханов, ошибка, которую совершали все меньшевики, заключалась в том, что они не понимали революционно-демократического движения крестьянства [12]. Но совершенно напрасно т. Теодорович приписывает такую же точно мысль М. Н. Покровскому. М. Н. Покровский не стоит на точке зрения Плеханова. Основное в том, что написал Покровский,—это то, что он показывает *место* «Н. В.»—между либерализмом и рабочим движением.

В социализме народовольчества, как и во всем народничестве, конечно нет ни грана социализма. И главная ошибка т. Теодоровича в том, что он приближает утопический социализм народовольцев к социализму пролетарскому.

Если взять тот вопрос, по которому расходилась «Н. В.» с зарождающейся группой марксистов (споры 1882 г.), то легко увидеть, что раскол был на почве понимания проблемы взаимоотношения социализма и политической борьбы. Этот вопрос не был решен «Н. В.». Но он ставился зарождающимся рабочим движением 70-х гг.; теоретически его впервые разрешила группа «Освобождение Труда», а наполнила содержанием наша партия. Эта линия, которую мы проводим, отличная от той, которая намечается т. Теодоровичем, показывает, что ничего общего социализм пролетариата не имеет с утопическим социализмом народовольцев.

ПРЕНИЯ ПО ДОКЛАДАМ тт. НЕВСКОГО, ТЕОДОРОВИЧА и ТАТАРОВА

Э. Генкина указывает, что доклад т. Теодоровича представляет собой замаскированное отступление от тех позиций, которые он защищал в своей статье. Впрочем это отступление все же не делает его оценки «Н. В.» правильной.

Однако противоположная точка зрения т. Невского также неприемлема. Яснее всего она изложена в его статье «О группе Освобождения Труда» в

[11] См. *Энгельс*, Статьи 1871—1875 гг., 1919, с. 85.
[12] *Ленин*, Собр. соч., т. XX, ч. 1, с. 315.

историко-революционном сборнике. Дифференциацию народничества на отдельные группы и течения т. Невский справедливо связывает с борьбой классов и классовой диференциацией 70-х и 80-х гг. Но совершенно неверно его утверждение, что через народовольчество либеральное течение народников эволюционировало к кадетам, а через «черный передел» «левые» шли к социал-демократии. В своем докладе Невский опять сосредоточил главное внимание на эволюции «Н. В.» к либерализму и совершенно затушевал преобладающее среди народовольцев революционно-демократическое течение. Другая его ошибка—в отождествлении ленинской и плехановской оценок «Н. В.». Особенно бросается в глаза неверность его утверждения, будто Ленин и Плеханов были согласны в оценке народничества, но расходились во взглядах на крестьянское движение. Такой разрыв в оценке народничества и крестьянского движения для марксиста методологически невозможен. Ленин, напротив, подчеркивал связь между тем и другим.

Тов. Теодорович, совершая явную ревизию ленинского представления о наследстве, вместе с тем выводит «пролетария-отца» как основу народовольчества. Он вынужден видоизменить классовую основу народовольчества и этим самым полностью отказаться от ленинской постановки вопроса о том, что представляет собой революционное народовольчество.

Докладчик цитирует статью Ленина о Сун-ят-сене [13] и говорит, что ленинская характеристика китайского народничества может быть перенесена и на «Н. В.». «Субъективный социализм» «Н. В.» выражал революционный протест против крепостнических остатков, против всего того, что стояло на пути «американского» типа развития капитализма, «демократического» капитализма, как говорил Ленин. Тов. Теодорович, напротив, сближает социализм мелких производителей с социализмом пролетариата, идеализирует мелких товаропроизводителей. А в наших условиях идеализация мелких товаропроизводителей есть не что иное, как воскрешение народничества. Вот почему мы т. Теодоровича обвиняем в том, что он воскрешает народничество.

Для того, чтобы методологически правильно подойти к критике т. Теодоровича, следует воспользоваться его советом — обратиться к ленинской постановке вопроса о «Н. В.». У Ленина на этот счет можно найти пять основных указаний:

1. Четкая классовая характеристика народничества как определенного движения, взятого в целом, в отвлечении от отдельных этапов его развития. Вот эта характеристика: «Народничество есть идеология, есть движение крестьянской демократии в России».

2. Методологическое указание, как следует подходить к изучению отдельных этапов народничества в связи с развитием крестьянского движения в России. Здесь основным является ленинское разграничение между крестьянским и мещанским социализмом.

3. Характеристика сущности народнической идеологии как двух протестов: против капитализма, с одной стороны, и против крепостничества — с другой. Поэтому ленинская оценка Чернышевского как одновременно утопического социалиста и крестьянского демократа может быть вполне перенесена на народничество в целом.

4. Решение вопроса о наследстве «Н. В.» в том смысле, что для революционной социал-демократии ценен не столько утопический социализм

[13] *Ленин*, Собр. соч., т. XX, ч. I, с. 347, изд. 1-е.

народовольцев, сколько опыт их революционно-демократической борьбы. И наконец

5. предостережение как против эсеровской *переоценки* крестьянского движения, так и против меньшевистского *пренебрежения* им, а отсюда и правильная постановка вопроса о «Н. В.», чуждая в равной степени и недооценке «Н. В.» и опрометчивому стиранию границ между мелкобуржуазным и рабочим социализмом.

Теодорович не оспаривает этих положений Ленина, но его собственные построения решительно противоречат им. Так например в своем докладе Теодорович в согласии с Лениным определяет «крестьянский социализм» «Н. В.» как идеологию мелкого производителя, не превратившегося еще в мелкого буржуа, т. е. крестьянина докапиталистической формации. Между тем в своей статье Теодорович доказывает, что революционное народничество отражало интересы разоряемого капиталом, истекающего кровью товаропроизводителя— пролетария-отца. Вопрос о подлинной классовой опоре «Н. В.» оказался таким образом совершенно спутанным. Теодорович должен прямо сказать, считает ли он народовольчество переходом к пролетарскому социализму.

Ленин признавал борьбу народников против капитализма реакционной и соответствующим образом оценивал их социализм как «социалистическую фразу», в которой «на самом деле ничего социалистического нет»; прогрессивной стороной их деятельности он считал борьбу с феодализмом, с крепостничеством. Наоборот, Теодоровича гораздо больше привлекает социалистическая доктрина «Н. В.», чем объективно-революционное содержание народовольческого движения. В результате, желая всячески подчеркнуть заслуги «Н. В.», Теодорович на деле сводит ее значение к тому, что она как идеолог мелкого товаропроизводителя «протестует против капитализма и тянет назад» в противоположность пролетарскому социализму, который «тянет вперед». Таким образом показана реакционная сторона «Н. В.», и ватушеваны ее революционные заслуги в борьбе за фермерский путь развития России.

В своем стремлении стереть грани между народовольческой революционной тактикой и тактикой рабочей революции т. Теодорович, односторонне обрабатывая текст «Н. В.», пытался доказать, что «Н. В.» не мыслила политического переворота вне массового революционного движения. Между тем беспристрастное чтение «Н. В.» позволяет говорить лишь о своеобразной теории «совпадения» захвата власти заговорщиками с социальным переворотом. Но при этом народовольцы всегда оставляли за собой «почин», ожидая лишь, что «потом, возможно, народные массы поддержат...

Признавая необходимость учиться на опыте старых поколений революционеров, надо решительно отвергнуть мысль, что можно учиться у народовольцев ленинизму.

В. Малаховский. Перед участниками настоящей дискуссии стоит задача не исследовать историю «Н. В.» на всем ее протяжении, а только дать оценку ее исторического значения. Задача эта тем труднее, что один из докладчиков — т. Невский — просто уклонился от такой оценки «Н. В.», другой же — т. Теодорович — дал оценку путаную и неправильную.

Тов. Невский, защищая М. Н. Покровского от нападок Теодоровича, напрасно старавшегося навязать т. Покровскому взгляд на народовольцев как на либералов, на самом деле развил не концепцию Покровского, а свою собственную, действительно близкую к тому, что Теодорович хотел найти в «Сжатом очерке русской истории» и в «Очерках революционного движения».

Докладчик собрал массу цитат, где имеется хотя бы малейший намек на либеральную природу «Н. В.», на ее пренебрежение к массам, но буржуазный характер ее исторических построений и т. п. При той постановке вопроса, которая дана докладчиком и которая по существу совпадает с карикатурой, написанной Теодоровичем на концепцию Покровского, вывод о «заслугах» «Н. В.» оказывается совершенно необоснованным. В области организационно-партийной и в пропаганде среди рабочих народовольцы, вопреки мнению т. Невского, ничего принципиально нового по сравнению с «Землей и Волей» не создали. Характеризует «Н. В.» не это, а ее политическая борьба против самодержавия, террор. Как же относиться к этой основной стороне ее деятельности? На такой вопрос у т. Невского нет ответа.

Другая ошибка т. Невского состоит в полном отождествлении взглядов Ленина и Плеханова на народничество. Докладчик не замечает, что приведенные им цитаты ив Плеханова не характерны и вовсе не определяют подлинной плехановской оценки «Н. В.». С другой стороны, Ленин, говоря о «квасном патриотизме» народников, отнюдь не хотел этими словами охарактеризовать сущность народничества: лучшими представителями последнего были, по его мнению, именно западники (Михайловский, Лавров, Чернышевский). Наконец т. Невский не учитывает, что ленинская оценка революционной роли крестьянства, противоположная плехановской, тесно примыкает к анализу социальной сущности народничества и ив него прямо вытекает.

Плеханов, правильно выводя идеологию народовольчества из системы народнических взглядов, находил в «Н. В.» подновленные идеи Бакунина и Ткачева. Но ему казалось, что «Н. В.», вынужденная ходом событий начать политическую борьбу, должна будет неизбежно пересмотреть в согласии с новой тактикой свою старую народническую теорию и таким образом приблизиться к марксизму. Он исходил при этом из неверного положения, что *практика* народовольчества несовместима с *теорией* народничества. Это кажущееся противоречие было для него неразрешимо, так как он не понял социальной сущности народничества, а народническую идеологию рассматривал как продолжение славянофильства. Между тем уже народники, отрицавшие политическую борьбу, фактически вели борьбу именно с русским самодержавием, а не с государством вообще.

Ленин, представлявший дальнейший этап развития марксизма (эпохи империализма), уже не ограничивался плехановской критикой народничества, а связал это направление с определенными социальными слоями и всей обстановкой пореформенной России и тем перенес всю проблему с высот абстрактного обсуждения развития «русской общественной мысли» на почву конкретного социально-экономического анализа.

Тов. Теодорович пытался доказать цитатами, что Ленин рассматривал народничество и «Н. В.» как две совершенно различные вещи и видел в народовольчестве партию социалистической революции, стремящуюся ликвидировать капиталистический строй. Однако всем хорошо известно, что Ленин, различая ряд этапов и направлений в народничестве, тем не менее подводил и народничество и «Н. В.» под одну рубрику «старого русского крестьянского социализма», стремившегося к «крестьянской социалистической революции» [14]: Иначе говоря, он отличал субъективное стремление народовольцев к социализму (который мыслился ими в виде федерации земельных общин и произ-

[14] Ленин, Собр. соч., т. I, с. 164.

водительных ассоциаций) от объективного значения «Н. В.» как партии мелких производителей, боровшейся с самодержавием за мелкобуржуазный государственный строй и «американский путь» капиталистического развития страны.

Ленин ясно показал неизбежность вырождения революционного народничества в «друзей народа» и нигде ни одним словом не обмолвился, что из наследства «Н. В.» можно извлечь хотя бы в зародыше идеи пролетарского социализма, марксизма. Достойной поддержки и сочувствия Ленин считал лишь революционно-демократическую сторону воззрений «Н. В.».

Таким образом Ленин и Плеханов дали различные концепции истории «Н. В.». Взгляды меньшевиков и Плеханова, ставшего в их ряды, в дальнейшем все более эволюционировали в сторону либеральной оценки народовольчества, но это не должно скрыть от нас тот факт, что и ленинская и плехановская (80—90 гг.) постановки вопроса были марксистскими, хотя и обозначали два различные этапа в развитии марксизма.

Неправильно наконец противопоставлять Покровского Ленину, зачисляя первого чуть не в либеральные историки; хотя в оценке социальной сущности народничества Покровский стоит на плехановской точке зрения, но признание им революционности крестьянства сближает его с Лениным. Теодорович доказывает Покровскому, что народники не пренебрегали массами. Но против этого не возражал даже Богучарский. Народовольцы действительно вели пропаганду в народе, например среди питерских рабочих, но считали, что в данный момент основная задача—террор и захват власти. А либеральная концепция Богучарского как раз и отрицала революционность «Н. В.» и в этом резко расходилась и с Плехановым и с Покровским.

Гавганов Э. Работа т. Теодоровича, вокруг которой развернулась настоящая дискуссия, претендует на полную оригинальность трактовки «Н. В.» и направлена своим критическим острием одновременно и направо—против либерально-буржуазной концепции Морозова, и налево—против представителя ортодоксально-марксистской историографии М. Н. Покровского. Однако Теодорович имеет предшественников и не является новатором в своем истолковании «Н. В.». Совсем недавно в дискуссии о Чернышевском Ю. М. Стеклов выставил тезис: «Чернышевский набрасывает программу революции вроде той, какая была осуществлена нашим пролетариатом в октябрьские дни 1917 г.» («Н. Г. Чернышевский», т. I, с. 82). Эта постановка вопроса совершенно совпадает *методологически* о выступлением Теодоровича. Еще раньше т. Мицкевич в статье, посвященной анализу бланкизма—якобинства, нашел в прокламации «Молодой России» «много таких лозунгов, которые претворены в жизнь... Октябрьской революцией»... «Нехватает только одного—пролетариата» [15]; там же он признает, что «русская революция в значительной степени произошла по Ткачеву» (с. 18). Программу «Н. В.» т. Мицкевич прямо считает «этапом перехода от народничества к революционному марксизму». Но есть у Теодоровича предшественники и по ту сторону баррикады: экономисты, а позже меньшевики упрекали большевиков в подражании народовольцам, а на-днях Н. Жордания в брошюре «Большевизм» подтвердил, что большевизм вообще ничего общего с марксизмом не имеет и целиком заимствовал свои идеи у Ткачева и народников 70-х гг. (с. 56 и 82), в частности идея нэпа была предвосхищена Тихомировым. Эсеры еще в 1903 г.

[15] «Пролетарская революция» № 6—7 за 1923 г., с. 8.

отказывались видеть различие между своим и ленинским пониманием стихийности и сознательности в революционном движении; марксизм они отождествляли с реформизмом, а большевизм, признающий насильственный захват власти,—с народовольчеством.

Основная ошибка т. Теодоровича в том, что он неясно представляет себе двойственную природу народничества и, абстрагировав одну сторону теории революционного народничества, механически связывает ее с марксизмом.

Социальная основа «Н. В.», по Теодоровичу, это—пауперизирующийся товаропроизводитель, гибнущий под колесницей капитализма. Ленин видел эту основу в крестьянине, протестующем «против крепостничества (стародворянское наследие) и буржуазности (новомещанское)». С нашей точки зрения только первый тезис прогрессивен и революционен; протест же против капитализма есть утопическая попытка мелкого хозяйчика остановить историю. Таким образом, реальная борьба народничества направлена против крепостничества, за американский путь развития капитализма. Как же мог опыт *этой* борьбы лечь в основу программы и тактики ленинизма?

В народовольчестве были различные направления—от либеральных до анархических, но «пролетарско-демократическая (т. е. социально-демократическая—*Г.*) струя, по словам Ленина, в общем потоке народничества... не могла выделиться», так как рабочее движение едва зарождалось [16]. Этим на голову разбивается концепция Теодоровича.

М. Поташ начинает с возражений т. Невскому, смазавшему различие во взглядах Ленина и Плеханова на «Н. В.» и ставшему на позицию либерально-буржуазной концепции народничества в вопросе о славянофильских корнях этого движения. Последняя теория не выдерживает критики, так как одна и та же идеология не может принадлежать двум антагонистическим классам: дворянству и крестьянству.

Тов. Теодорович, оперируя различениями научного социализма от утопического, крестьянского—от мещанского, строит свои классификации совершенно формально, даже не пытаясь выявить классовую подоплеку этих течений. Напр., утопистов он делит на «левых», «правых» и «центр» и относит к правым Оуэна, Фурье, Луи-Блана и Герцена. Между тем Ленин считал социализм двух первых «предвестником того класса, который... вырос теперь... в массовую силу, способную положить конец капитализму» [17], а «социализм» двух последних считал «прекраснодушной фразой... в которую облекала свою *тогдашнюю* революционность буржуазная демократия». С точки зрения Ленина крестьянский социализм есть лишь разновидность мелкобуржуазного [18]). Теодорович переносит на мелкобуржуазный социализм в России характеристику некоторых западно-европейских течений утопического социализма, дав им к тому же преувеличенную оценку. Таким образом получилось, что народничество боролось почти исключительно против капитализма, что резко противоречит ленинской оценке русского крестьянского движения как направленного главным образом против абсолютизма и пережитков крепостничества, чего, конечно, не могло быть в то время на Западе [19].

---

[16] *Ленин*, Собр. соч., т. XX, ч. I, с. 451.
[17] *Ленин*, Собр. соч., т. XX, ч. I, с. 359.
[18] *Ленин*, Собр. соч., т. VI, с. 543—44.
[19] *Ленин*, Собр. соч., т. I, с. 387.

Напомнив, что т. Мицкевич в одной из своих статей 1925 г. («Каторга и ссылка») утверждал, будто объективная обстановка, в которой выросли большевизм и мелкобуржуазный утопический социализм в России, была одна и та же, оратор призывает не забывать, что марксизм есть явление мировое, заимствованное русским пролетариатом на известной ступени его развития, а не выросшее самобытно в России из каких-то старых теорий, выражавших интересы мелкого производителя.

С. Мицкевич характеризует ранее выступавших ораторов как людей «непомнящих родства», признающих своим учителем одного Маркса и забывших о его предшественниках. Это—идеалистический подход, игнорирующий ту материальную почву, ту русскую действительность, из которой вырастал большевизм. Ленин и Энгельс совершенно иначе оценивали значение «предшественников русской социал-демократии и великих утопистов, которые гениально предвосхитили множество таких истин, правильность которых мы доказываем теперь научно».

Выступавшие указывали, что русская действительность сильно изменилась за время от «Н. В.» до возникновения социал-демократии, но при этом они забывали, что многое осталось неизменным, что остатки крепостничества дожили не только до образования группы «Освобождения труда», но и до 1917 г. Но разве Ленин ценил в народовольцах только борцов против крепостничества и самодержавия? Нет, он видел в них людей, веривших «в возможность крестьянской социалистической революции» и боровшихся «против основ современного общества» [20]. Ленин резко противопоставлял старых народников, как социалистов, либералам, хотя в «Н. В.» были конечно и либеральные элементы, так как по словам Ленина народовольцы «постарались привлечь в свою организацию всех недовольных». Все же основной классовой базой народовольчества были: разоряющееся крестьянство, ремесленники и кустари и нарождающийся пролетариат. «Н. В.» сочувствовала и часть промышленной буржуазии и обуржуазившегося дворянства, отсюда либеральное течение в «Н. В.». Но оратор указывает, что в своей статье в «Пролетарской революции» (№ 6 — 7 за 1923 г.) он имел в виду основное революционно-демократическое течение и левое крыло «Н. В.». Нет ничего удивительного в том, что утверждение автора статьи, что большевики унаследовали идею захвата власти от Ткачева и народовольцев, внешне совпадает с основной мыслью брошюры Жордания. Разница в том, что большевиком это наследство оценивается как положительный факт, а меньшевиком, отвергающим захват власти,—конечно как отрицательный.

Цитируя программу рабочих членов партии «Н. В.», № 8—9 «Н. В.» и письмо Исп. Ком. [21], оратор отмечает «гениальное предвосхищение» левого крыла народовольцев в вопросах тактики революции, организации восставшим народом революционной власти и методов экспроприации помещиков и капиталистов. Ошибочно думать, что «Н. В.» рассчитывала на захват власти путем голого заговора. Последний они считали осуществимым только на гребне высокого подъема народного движения: крестьянских бунтов, рабочих забастовок, общего политического брожения. Вопреки мнению, поддерживаемому эсерами, «Н. В.» предполагала произвести экономический переворот непосредственно после захвата власти до созыва Учредительного собрания. Эта

[20] Ленин, Что такое друзья народа?
[21] «Группа Освобождения труда», сборн. 3, с. 144.

программа была для своего времени утопичной, но это была гениальная утопия, осуществленная впоследствии большевиками. Ленин не боялся назвать попытку «Н. В.» захватить власть «величественной» и не боялся упреков в народовольчестве и заговорщической тактике, которые бросались ему меньшевиками.

Большевизм вырос не из «Черного передела», который был и для своего времени меньшевистским течением. Ленин и социал-демократы «первого привыва» вышли из народовольчества в «начинали революционно мыслить, как народовольцы» (Ленин). Они взяли от «Н. В.» все, что было в ней хорошего, и при помощи Маркса преодолели ее утопизм.

Рындич А. начинает с констатирования того факта, что противникам Теодоровича не удалось подкрепить доказательствами свое утверждение, будто его концепция связана с правым уклоном. Напротив, своей трактовкой «Н. В.», целиком заимствованной у Плеханова, они сами стали на меньшевистскую позицию.

Сложная и противоречивая идеология «Н. В.» есть продукт классовой диференциации крестьянства в 70-х гг., когда из него усиленно выделялись и буржуазные и пролетарские элементы, привносившие свои собственные оттенки в идеологию «Н. В.». Даже промышленная буржуазия находила своего идеолога в легальном либеральном народничестве. Идейное же влияние пролетариата на левое народничество обнаружилось между прочим в том обстоятельстве, что Маркс мог целиком солидаризироваться с целым рядом тезисов «Н. В.»; так например между взглядами народников и Маркса ва тогдашнюю общину нет никакой разницы. В предисловии к русскому изданию «Коммунистического манифеста» (1882 г.) Маркс, подобно народникам, безоговорочно признает возможность перехода докапиталистических общественных форм непосредственно к социализму, минуя капитализм (ср. также письмо к Зорге 1877 г.). Этот же взгляд разделялся и Энгельсом (в брошюре против Ткачева в 1874 г. и в других местах). С другой стороны, «Н. В.», а позже «Вестник Н. В.» в согласии с Марксом связывали свои надежды на коммунистическое развитие общины с успехом пролетарской революции на Западе.

Народовольцы не могли создать идею советской, власти, так как они не понимали классовой природы русского государства («внеклассовое самодержавие»), а поэтому и к переходному типу государства не могли подходить с точки врения классовых интересов пролетариата. Но они сознавали, что социалистический переворот не совпадает с моментом захвата власти, а представляет собой целую длительную эпоху. Захват власти—только начало революции, в которой развертываются силы народных масс, направленные на экономическое переустройство общества. Любопытно, что Плеханов, осуждая народовольцев за их «либерализм», в то же время призывал «русских социалистов» отбросить «фантастическую цель» захвата власти и социалистической революции, чтобы не запугивать «красным призраком» либеральную буржуазию, готовую сотрудничать с ними для «завоевания свободных политических учреждений» [22].

В заключение оратор высказывает уверенность в том, что народовольчество не исчерпывается понятием утопического социализма. В нем много элементов научного социализма. Эклектик Лавров был первым пропагандистом марксизма, но от него нельзя провести прямой линии к социал-демократизму.

---

[22] Плеханов, Соч., т. II, с. 83, 344.

как это делает т. Сергиевский. Этот путь развития захватывает и Ткачева, и «Землю и Волю», и наконец «Народную Волю».

М. Югов. Настоящая дискуссия о «Н. В.», в сущности говоря, вылилась в спор об исторических корнях большевизма и оставила в стороне детальную оценку «Н. В.», ее различных течений и этапов ее развития. Достигнуто более ясное понимание ленинской трактовки народничества и в частности его иерархической эпохи, намечен правильный методологический подход к проблеме, отвергнуты крайности двух оценок «Н. В.»—как скачка к либерализму (Невский) и как источника идейных основ большевизма (Теодорович, Мицкевич и Рындич).

Можно конечно говорить о некоторых аналогиях между отдельными мыслями «Н. В.» и идеями большевизма, но переоценивать эти аналогии невозможно. Нельзя упускать из виду, что предпосылки Октября были созданы позднейшим развитием капитализма, мировой войной и пр. Нельзя ограничиваться чисто формальным сходством.

С другой стороны, совершенно неправильно видеть в народовольцах чуть ли не предшественников к.-д. Ошибка т. Невского в том, что им не достаточно продумана сущность крестьянского социализма. Ленин всегда рассматривал народничество, крестьянский социализм как идеологическую оболочку борьбы против крепостничества за американский путь развития, т. е. объективно за наиболее прогрессивный тип капиталистического развития России. Не только 1905 г., но даже февральская революция 1917 г. не разрешила этой задачи демократической революции, а т. Невский видит в «Н. В.» предшественницу буржуазно-помещичьей партии, боровшейся за победу прусского пути развития. Теодорович делает другую ошибку, преувеличивая различие между крестьянским и мещанским социализмом, забывая, что и тот, и другой являются идейной оболочкой буржуазно-демократического движения. Нельзя впрочем забывать и другого: крестьянский социализм объединял не только мелкобуржуазные элементы, крепко вросшие в товарно-денежные отношения, но и беднейшие слои крестьянства, в недрах которых формировался пролетариат. Отсюда слабые струи пролетарского социализма в народовольчестве. После окончательного отдифференцирования марксистского пролетарского потока в 90-х гг., который взял на себя борьбу за последовательное осуществление демократии, эпигоны народничества растеряли наследие «Н. В.», отказались от разрешения задач буржуазно-демократической революции.

Ц. Фридлянд полемизирует против утверждений Теодоровича, будто молодые историки-марксисты не желают считаться с революционным опытом предшествующих поколений. Для того, чтобы усвоить опыт прошлого, следует трезво изучить процесс разложения мелкой буржуазии, роста и оформления пролетариата как класса, качественно отличного от массы мелких производителей, не поддаваясь при этом соблазну искать аналогию между якобинизмом и пролетарским революционным движением. Наследие «Н. В,» можно искать только по линии разложения мелкой буржуазии и выделения из нее элементов пролетариата, несущего в себе зародыш нового учения. Метод т. Теодоровича лишает нас возможности выяснить конкретное перерастание и усвоение опыта прошлых поколений в опыт пролетарской борьбы.

Это между прочим раскрывается в предложенной им пернодизации революционного движения. Тов. Теодоронвч объединяет в своей схеме Луи Блана, Оуэна и Фурье на том основании, что и Луи Блан и Фурье были противниками насильственных методов революции. Между тем такое объеди-

нение чудовищно, ибо отношение этих деятелей к якобинизму, Великой французской революции и революции вообще было совершенно противоположно. Далее, Теодорович говорит о «бабувизме» как течении, существовавшем без изменений до конца XIX в., и относит к нему между прочим «Н. В.». Для этого, понятно, нет никаких оснований. Впрочем и другая аналогия с бланкизмом страдает тем недостатком, что Теодорович забывает, что бланкизм 70-х годов XIX в. не имел уже ничего общего с бланкизмом середины века, когда бланкисты подписывали вместе с Марксом и Энгельсом декларацию о диктатуре пролетариата. Якобинизм выродился во второй половине века в то, что мы называем радикал-социализмом.

В своей статье Теодорович прывывал не подменять оценку всего народничества оценкой правого или левого его крыла. В докладе он упрекал своих оппонентов в том, что они не считаются с отдельными течениями народничества. Между тем сам он в своей работе незаметно превращает историю народничества в историю одного его левого крыла.

Далее т. Фридлянд доказывает на двух примерах неправильное толкование Теодоровичем текстов «Н. В.»; в частности он утверждает, что Теодорович принял ва лозунг диктатуры пролетариата и советской власти типично радикально-демократические требования плебисцита как поправки к Учредительному собранию.

П. Горин Вопрос стоит не о том, принимаем ли мы наследие «Н. В.», а каково было это наследство: была ли «Н. В.» прямой предшественницей революционной социал-демократии, или мы должны, говоря о революционном движении конца 70-х г.г.—народовольчестве и первых рабочих организациях,—видеть тактический блок мелкобуржуазного революционного движения и нарождающихся первых с.-д. рабочих организаций. Ревизия в этом вопросе положений М. Н. Покровского со стороны т. Теодоровича есть в то же время ревизия ленинизма, так как М. Н. Покровский стоит на ленинском понимании народовольчества. Особая заслуга Покровского заключается в том, что он вскрыл в «Н. В.» антагонистические элементы, из которых одни росли к либерализму, а другие—к социал-демократии. Выступление т. Теодоровича против т. Покровского кроме того построено на искажении мыслей последнего, на неправильном цитировании, но сомнительно, чтобы этот прием был бы убедителен для историков-марксистов.

Столь же нелепо утверждение, поддерживаемое Малаховским, будто М. Н. Покровский в оценке «Н. В.» стоит на плехановской точке зрения. Ведь именно М. Н. Покровский первый поставил вопрос об истоках меньшевизма у раннего Плеханова и в своих «Очерках революционного движения» вскрыл его недооценку крестьянского революционного движения.

Пробелом настоящей дискуссии следует считать, что оценка народовольчества давалась вне связи с существовавшими в то время первыми рабочими социал-демократическими организациями—Южно-русским и Северо-русским рабочими союзами. Между тем можно легко заметить процесс подчинения значительных кадров народовольцев идеологии и требованиям социал-демократических групп, выделявшихся из их состава. Это запечатлено в воспоминаниях раннего Плеханова, где ярко отражена идейная борьба народовольцев и рабочих организаций в конце 70-х гг. В заключение следует отметить, что ревизия ленинской оценки со стороны т. Теодоровича есть попытка возрождения народнических взглядов, как известно реакционных в наши дни. И не случайно, пожалуй, что защита народнических предрассудков проводится

т. Теодоровичем, который 6 лет назад на страницах «Большевика» защищал работы Кондратьева и Огановского.

Е. Ярославский. Ошибка историков как молодых, так и старых, занимавшихся «Н. В.», заключается в недостаточном использовании ленинских оценок. Нельзя согласиться с тем, что Ленин и Плеханов *одинаково* относились к народовольчеству, как это делает т. Невский и др. Плеханов, как и вся группа «Черного передела», как почти все меньшевики, не умел правильно оценить революционный демократизм «Н. В.», ее ставку на крестьянство как на одну из важнейших движущих сил революции. В письме к И. И. Скворцову-Степанову в 1911 г. Ленин назвал теорию «реакционности крестьянского движения» одной из особенностей русского оппортунизма. В этой теории—в значительной мере—сущность меньшевизма и троцкизма. Вот почему, когда Ленин в 1905 г. выдвинул лозунг «земли и воли», ему приходилось защищать его не только против меньшевиков, но и против ряда товарищей, видевших в этом какое-то воскрешение народовольчества. Конечно большевики ни в какой мере не были народовольцами, как то пытались изобразить меньшевики, но большевики всегда умели четко подчеркнуть то революционное, что воплотила «Н. В.».

Переходя к оценке ошибок «Н. В.», оратор говорит, что одной из основных ее ошибок было идеалистическое представление о государстве. Несмотря на разнообразие взглядов, царившее в «Н. В.», в ней все же преобладала анархическая точка зрения на власть как на надклассовое учреждение (см. программные положения № 2 «Н. В.»). При таком понимании сущности государства невозможна никакая правильная политическая программа, а тем более предвидение советов, нэпа и пр.

Другая ошибка «Н. В.»—в оценке социализма. Ленин признавал характернейшей чертой «Н. В.» ее веру в крестьянскую социалистическую революцию [23]. Поэтому неправильно видеть в народовольцах *вообще* только «либералов с бомбой», хотя нельзя отрицать и того, что в «Н. В.» были радикальные элементы, лишь прикрывавшиеся социалистической формой.

В «Друзьях народа» Ленин дал суровую критику народнического социализма, но позже (в одной из статей 1918 г.—о блоке с левыми с.-р.) он показал и «здоровое ядро» революционного народничества; это здоровое ядро заключалось в том, чтобы заставить основные массы крестьянства итти не за буржуазией, а вместе с рабочим классом *по пути социализма*.

Тов. Газганов недооценил революционное якобинство в народовольчестве. Но якобинство, о котором мы говорим, конечно нужно понимать в том смысле, в котором о нем говорил Ленин, отвечая на обвинение большевиков в якобинстве: «Якобинство неразрывно связано с организацией пролетариата, сознавшего свои классовые интересы. Это и есть революционные социал-демократы, т. е. большевики». В эпоху «Н. В.» *таких* организаций пролетариата конечно не было. Впрочем правы были те товарищи, которые указывали, что влияние зарождающихся рабочих групп в народовольчестве было весьма значительно, несмотря на то, что часть народников (Лавров например) относилась к самостоятельному рабочему движению с большим недоверием. Так же относилась часть народовольцев и к программе политического заговора, насильственного захвата власти, провозглашенного «Н. В.». Это не

[23] Ленин, О социализме и «Н. В.».

помешало Ленину взять на себя защиту заговорщической тактики «Н. В.» против органа экономистов («Рабочей газеты»).

Конечно не прав Теодорович, отыскивая у народовольцев идею гегемонии пролетариата; для возникновения этой идеи не было социально-экономических предпосылок. Но не правы и те товарищи, которые ограничивают право историка прибегать к аналогии. Ленин не чурался даже таких признаний, что существует *полное сходство* между отдельными нашими требованиями и требованиями «Н. В.» [24]. Но прибегая к аналогиям, нужно остерегаться таких выводов, которые по сути дела уже не являются просто аналогиями, когда смешивают то, что «Н. В.» думала осуществить *в рамках капиталистического* государства, и то, что мы создаем *в условиях пролетарской диктатуры*.

Признавая заслуги утопического социализма в формировании идей научного пролетарского социализма, нельзя забывать, подобно Лаврову, и принципиальных отличий этих систем, разницу во взглядах на общину, на судьбу капитализма в России, на экономический материализм и проч.

Важный вопрос об эволюции народовольчества также нашел свое разрешение у Ленина. Ленин решительно отвергает весьма распространенную у нас схему развития двух ветвей «землевольчества»: одной—через «Черный передел» и «группу Освобождения труда» к социал-демократии, а другой—через «Н. В.», «народоправство» и «освобожденчество» к эсерству. Из этой схемы выпадают те немногие рабочие кружки, которые не примыкали полностью ни к «Черному переделу», ни к «Н. В.» те, народовольцы, которые, подобно Халтурину, тяготились тем, что террористическая борьба, поглощая все их силы, мешает им работать среди рабочих. Ленин, подчеркивая неоднократно, что социал-демократия преимущественно связана с «Н. В.», дает другую, подлинно диалектическую схему развития революционного движения в России.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ СЛОВА

П. Татаров. Выступления т.т. Мицкевича и Теодоровича напоминают нам те годы (1923—24), когда особенно горячо обсуждалась проблема генезиса большевизма и ленинизма. Это была полоса исканий корней ленинизма в крестьянском движении. Книга Зиновьева о ленинизме пыталась в основном вывести определение ленинизма из его крестьянского характера. К этому типу определений относятся и позднейшие опыты Теодоровича.

Никто здесь не спорит о заслугах «Н. В.»; дискуссия ставит своей задачей дать классовый анализ «Н. В.» и определить, что именно взято большевиками из ее наследства. Ленин, различая отдельные струи народничества, отдельные этапы его развития, не терял однако из виду то общее, что характеризует народническое движение вообще—его классовую основу. Крестьянство на всех стадиях его развития—от реформы 1861 г. до революции 1905 г. и после нее—вот основа эволюции народничества от утопического социализма к эпигонству 90-х г.г., эсерству, эн-эсам и пр.

Какова же классовая природа «Н. В.»? Мелкий производитель, страдающий в 70-х годах XIX в. в гораздо меньшей степени от капитализма, чем от остатков крепостничества. Отсюда две стороны в его борьбе, и преобла-

[24] См. например статью 1901 г. «Гонители земства и ганнибалы либерализма».

дание той из них, которая связана с расчисткой пути для американского пути развития, для «демократического капитализма» по выражению Ленина. Таким образом центр тяжести народовольчества следует искать в его антикрепостническом характере, в подготовке им буржуазно-демократической революции. В этой борьбе «Н. В.» поставила вопрос о капитализме, но не могла разрешить его. Совершенно не прав Теодорович, объявляя «Н. В.» левым флангом бабувизма. Бабувизм имел победоносную буржуазную революцию впереди себя, а «Н. В.» явилась уже после окончательной победы буржуазной революции в Европе. Вот почему Маркс многое взял от утопического социализма, а нам нечего было заимствовать из лавровских, бакунинских или ткачевских идей. Нашему крестьянину приходилось еще бороться с остатками феодализма; и народовольцы, не сбрасывая социалистического одеяния, все же считали себя не социалистами, а прежде всего борцами с самодержавием.

По вопросу о наследстве «Н. В.» большинство выступавших отказывались видеть в «Н. В.» родоначальника большевизма и ленинизма. То обстоятельство, что Теодорович продолжает настаивать на этом, доказывает факт воскрешения у нас неонароднических настроений.

Ленинской оценке «Н. В.» противостоят в исторической литературе две точки зрения: меньшевистская, исходившая из положения Струве, что народовольцы были идеологами натурального хозяйства (эта точка зрения игнорировала революционно-демократическую струю в народовольчестве), и эсеровская, опиравшаяся на понятие «трудового народа», борющегося против капитализма (без различения в нем пролетариата и крестьянства); эта точка зрения безоговорочно признавала социализм «Н. В.». Теодорович, подобно этим народническим писателям, смешивает тактику и теорию крестьянского социализма с программой социализма пролетарского. Рындич, расшифровывая Теодоровича, прямо утверждает, что Маркс целиком был согласен с народниками. Опасность возрождения в нашей среде неонародничества заключается в том, что он скрывает наличие у мелких производителей капиталистических тенденций, т. е. тот политический факт, что из мелкого производителя растет капиталист. Эта опасность в настоящий момент гораздо актуальнее, чем опасность недооценить демократические элементы «Н. В.».

И. Теодорович. Дискуссия показала, что марксистское изучение «Н. В.» только еще началось и в среде историков царит величайшее разнообразие мнений: почти все ораторы выступали с взаимно исключающими суждениями.

Полемизируя с Татаровым, т. Теодорович доказывает, что толкование Татаровым ленинской характеристики «Н. В.» в том смысле, что в народовольчестве важна только демократическая струя, только идея «демократического капитализма», стирает всякое различие между Лениным и Плехановым [25]. Между тем тот же Татаров утверждает, что он опровергает плехановскую концепцию.

Отвечая на упрек т. Горина в том, что им не учтено значение пролетариата как гегемона революции, т. Теодорович цитирует те места своей статьи, где «классом-организатором, классом-вождем признается лишь пролетариат».

Особенностью дискуссии было то, что почти никто из выступавших не цитировал ни Маркса, ни Энгельса, ни Каутского (той поры, когда он был

[25] См. Плеханов, Соч., т. 24, с. 109, 112, 116—117.

«главой ортодоксального марксизма»). Это вносило в прения оттенок национальной ограниченности и разрыва генетических связей. С другой стороны бросается в глаза, что высказывания Ленина, относящиеся к разному времени и к разным ситуациям, принимались без всякого анализа. Между тем существенные для данной темы суждения Ленина о возможности некапиталистического пути развития, о пределах товарности крестьянского хозяйства, о диктатуре пролетариата и беднейшего крестьянства,—все они относятся к более позднему времени (революция II конгресса Коминтерна; статья о продналоге и т. д.); при их наличии более ранние и как бы противоречащие им высказыванья должны быть понимаемы диалектически, с учетом изменения ситуации. Окончательная точка зрения Ленина на возможные пути развития мелкого производителя такова: бее пролетарской революции на Западе или внутри страны победа над феодализмом и самодержавием поведет к тому, что простое товарное производство будет бурно перерастать в капиталистическое; напротив, в случае победоносной социалистической революции крестьянство может пойти путем некапиталистического развития. Таков же был взгляд и Маркса на «Н. В.»

Далее, цитируя М. Н. Покровского [26], Теодорович противопоставляет его фразу «русская деревня была буржуазна, не понимала социализма и по-буржуазному относилась к бедности» учению Ленина о том, что в крестьянстве надо различать бедноту, середняка и кулака, что «коренных расхождений между трудящимися и эксплоатируемыми крестьянами и пролетариатом нет. Только социализм может удовлетворить их интересы». Теодорович отмечает, что эти слова оправданы современной политикой партии в деревне и тягой не только бедняков, но и середняков в колхозы.

Татаров и другие оппоненты готовы все это считать идеализацией мелкого производителя, забывая, что ленинский закон союза пролетариата с трудящимся крестьянством был формулирован им в борьбе против меньшевизма. Докладчик цитирует из «Предшественников новейшего социализма» Каутского отрывок о «пролетарском коммунизме средних веков» (с. 219), подставляет на место «пролетариата» (как неправильной модернизации) понятие «мелкий производитель» и затем присоединяется к выводу Каутского: «Великое дело, совершенное марксизмом, ...заключается в соединении утопического социализма с рабочим движением».

Выводы: 1. Социализм «Н. В.»—социализм утопический. 2. Марксизм многое позаимствовал от утопического социализма (напрасно Газганов иронизировал над «госпланом» «П. В.»,—ведь и у Фурье существует зародыш идеи планового хозяйства в виде общего производственного плана фаланстера). 3. Следует различать крестьянский социализм от мещанского. Крестьянский социализм Ленин ценил за то, что тот требовал низвержения капитализма; напротив, в мещанском социализме Ленин видел «основную фальшь... в допущении некапиталистического пути развития земледелия при капитализме».

В. Невский, сводит все возражения, сделанные ему, в три группы: 1) докладчик покрасил всех народовольцев под один цвет либералов (Генкина, Малаховский и др.), 2) он не заметил левых течений «Н. В.» и их эволюции к марксизму, 3) он не различал точек зрения Ленина и Плеханова на «Н. В.».

Цитатами из своей работы о «группе Освобождения труда» докладчик доказывает, что он всегда различал буржуазно-демократические и социалисти-

[26] «Русская история» т. V, с. 207.

ческие прослойки в революционном движении 70-х—8-х гг., что эволюция отдельных кружков к марксизму была им прослежена в результате детального исследования социально-экономических основ народничества, оказавшихся весьма сложными и пестрыми. Уже в 70-х г.г. складывались рабочие организации (Северно-русский рабочий союз и др.), от них и началось движение отдельных групп «Н. В.» к научному социализму. Единственно научный путь изучения народовольчества—это изучение его на всех стадиях развития и во всех его разветвлениях; при этом необходимо развитие идеологии «Н. В.» тесно увязать с изменениями социально-экономической основы движения. Если так подойти к теме, то нетрудно убедиться, что в известные исторические моменты либеральная струя была достаточно сильна и устойчива в «Н. В.». Памятником ее было письмо Исполнительного комитета к Александру III и ряд других документов.

Анализируя характеристики «Н. В.», данные Плехановым и Лениным, докладчик отмечает, что наряду с несомненными отличиями в оценке ими корней народовольчества имеется много общего: например, в признании обоими исторической связи между народовольчеством и славянофильством. Эта связь подтверждается и Энгельсом (письмо к В. Засулич в 1885 г.). Такая стойкость идеи «самобытного развития» зависит от большого социального веса в нашем государстве мелких производителей.

В заключение докладчик указывает т. Теодоровичу, что данная им характеристика русского крестьянства как вполне готового войти в социализм под руководством пролетариата—односторонняя, так как не учитывает тех элементов мелких производителей, которые растут в капитализм и сопротивляются коллективизации. Эта односторонность политически вредна, и против нее выступали молодые историки, твердо усвоившие ленинское учение о расслоении крестьянства и о внутренней борьбе в нем бедняцкой части с кулацкой верхушкой.

Теодорович прав, указывая на зародыши идей пролетарского социализма у народовольцев. Эти следы можно найти у всех утопистов. Но нельзя смешивать мечты мелкого производителя о госплане с осуществлением последнего пролетариатом, притом в союзе не со всем крестьянством, а лишь с теми его элементами, которые готовы итти вместе с ним к социализму.

Заслуги «Н. В.» в революционной борьбе огромны, поэтому она не нуждается в том, чтобы ей приписывались чужие заслуги, заслуги вождей и идеологов самого передового и решительного класса современного общества—пролетариата.

М. Савельев, (председатель), подводя итоги дискуссии, отмечает, что Общество историков-марксистов сумело дать решительный отпор попытке Теодоровича, Мицкевича и некоторых других товарищей ревизовать взгляды Ленина по вопросу о «Н. В.». Трактовка идеологии «Н. В.» как утопического крестьянского социализма не умаляет исторического значения народовольчества, и партия не отказывается от его революционного наследства. Не следует затушевывать различий в оценках «Н. В.» Лениным и Плехановым, так как даже в ранних суждениях последнего легко заметить элементы меньшевизма. Наконец дискуссия показала, что проблема взаимоотношения пролетариата и крестьянства, взятая даже в историческом разрезе, сохраняет всю свою актуальность для сегодняшнего дня.

Выводы настоящей дискуссии будут формулированы в специальной резолюции, подготовляемой секцией по истории партии, и несомненно лягут в основу дальнейшего обсуждения проблемы «Н. В.».

ПЕРВАЯ ВСЕСОЮЗНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ АГРАРНИКОВ-МАРКСИСТОВ

I

БОРЬБА НА АГРАРНОМ ФРОНТЕ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА [1]

Доклад В. П. Милютина

Тов. Милютин в первой части доклада дает подробный анализ борьбы, которая велась за последний период на аграрном фронте между марксистско-ленинской теорией, с одной стороны, и буржуазными и мелкобуржуазными теориями, с другой стороны. Анализ последних теорий докладчик начинает с аграрной программы II Интернационала. Практика последнего периода,—указывает т. Милютин,—широкое проникновение в сельское хозяйство трактора, комбайна и других машин, широкое и быстрое внедрение капиталиума в сельское хозяйство, вытеснение мелкого и среднего хозяйства крупным, которое особенно заметно проявляется в настоящее время в Америке,—все это говорит против мелкобуржуазных теорий. И все-таки эти теории продолжают существовать и развиваются теоретиками II Интернационала. Так, например, Отто Бауэр в своих последних произведениях в обоснование программы, принятой австрийскими социал-демократами, доказывает, что сельское хозяйство пойдет и идет будто бы иным путем, чем промышленность. Аграрные программы всех партий II Интернационала зиждятся на сохранении земельной собственности и не выходят за рамки буржуазных реформ. Ни в одной программе партии II Интернационала не выставлено требования экспроприации земли у помещиков, нет перспектив развития социалистического сельского хозяйства. Для О. Бауэра, наиболее левого теоретика II Интернационала, возможность коллективизации крестьянства является вопросом весьма отдаленной исторической эпохи, по поводу которого в настоящее время бесполезно спорить.

Докладчик приводит длинный ряд цитат из произведений теоретиков II Интернационала (Каутского, Бауэра и др.), а также из партийных про-

[1] Данный обзор представляет собой краткое изложение пленума конференции аграрников-марксистов (20—27 декабря 1929 г.).

грамм западной социал-демократии, которые достаточно ярко рисуют буржуазную сущность социал-демократических теорий.

Переходя к нашим отечественным буржуазным теориям, т. Милютин останавливается прежде всего на взглядах проф. Кондратьева—идеолога капиталистической деревни. Тов. Милютин приводит ряд иллюстраций из высказываний Кондратьева и в частности цитирует его статью, которая была напечатана в журнале «Плановое хозяйство» в 1925 г. В этой статье он пишет следующее: «Вместо борьбы с эксплоатирующими кулацкими элементами деревни мы на практике сплошь и рядом ведем борьбу с крепкими развивающимися слоями деревни, со слоями хозяйств, которые только и могут быть основой товарной продукции. Это является хозяйственно и политически опасным. Фаворивируя бедноту и сдерживая рост хозяйственно мощных слоев деревни, мы не только задерживаем развитие сельского хозяйства, не только подрываем возможность индустриализации страны, но и лишаемся возможности оказать реальную помощь бедноте». Таким образом Кондратьев хитро ставит вопрос: он выступает в защиту кулака, исходя якобы из интересов самой бедноты. Эта эквилибристика ему нужна для того, чтобы прикрыть свою программу капиталистического развития сельского хозяйства. В отличие от некоторых мелкобуржуазных теоретиков Кондратьев имеет выдержанную целостную систему взглядов на капиталистическое развитие деревни. К Кондратьеву по своим взглядам примыкают буржуазные ученые—Литошенко и Вайнштейн.

Жизнь полностью разбила все положения буржуазных теоретиков. Вопреки утверждению Литошенко, что наш строй будет «далек от социализации», т. е. от социализма, мы имеем рост социалистического сектора хозяйства, гигантский размах коллективизации деревни. Вместо роста капитализма, на который рассчитывали буржуазные профессора, мы имеем быстрый рост социалистических форм хозяйства. Под влиянием этих фактов даже некоторые буржуазные теоретики вынуждены были сдать свои позиции. Так например Литошенко в поданном им заявлении пишет следующее: «Теперь для меня ясно, что методы построения социализма в нашей стране найдены в генеральной линии партии. Более того, я считаю, что поставленные цели в значительной степени уже осуществлены и что те отличия, которые проводят резкую грань между общественным, политическим и экономическим строем СССР и теми же сторонами жизни буржуазных государств, являются чертами подлинного социализма».

Заявление Литошенко является показателем того, что некоторые идеологи буржуазии увидели банкротство своей теории, опровергнутой практикой социалистического строительства за последний период. Но нужно учесть, что влияние буржуазных теоретиков еще в настоящее время иногда сказывается в практической работе наших плановых и хозяйственных органов. Вот почему нужно продолжать и дальше разоблачение буржуазных теоретиков. В период социалистического наступления на капитализм мы с большей силой должны вести наступление на представителей буржуазной идеологии.

Далее т. Милютин переходит к неонароднической школе. Это мелкобуржуазное направление является наследником народнической школы и исходит подобно последней из особых законов развития крестьянского хозяйства. Законы развития сельского хозяйства неонародники искали в развитии отдельного крестьянского двора.

Поскольку развитие крестьянского двора, положенное в основу неонароднической теории, упиралось в укрепление капитализма в деревне, основные

положения этой теории, правда не совсем последовательно, зачастую в противоречивой форме, были направлены по существу к отстаиванию капиталистических тенденций деревни. Если буржуазные теории прямо исходят из крупного капиталистического хозяйства, то мелкобуржуазная неонародническая теория исходит из мелкобуржуазных хозяйств, объединенных кооперацией.

Эволюция неонароднической школы в чисто буржуазном направлении особенно ярко отражается в высказываниях Макарова, которые сводятся к защите крупного «прогрессивного», т. е. мелкокапиталистического, крестьянского хозяйства. Развитие может итти в современный период либо по капиталистическому, либо по социалистическому пути. Неонародничество, которое воображало, что оно может занять третью позицию в своих построениях, на деле поддерживало капиталистические тенденции в крестьянском хозяйстве. Чаянов, признавший ошибочность целого ряда своих положений, тем не менее указывает, что в свое время, в определенных исторических условиях, неонародническая теория была прогрессивной. На самом же деле эта теория была всегда реакционной, поскольку она, как всякая мелкобуржуазная реформистская теория, замазывала классовые противоречия в деревне и создавала иллюзии возможности развития крестьянского хозяйства при капитализме, выдавая рост небольшой зажиточной части за подъем всего крестьянского хозяйства.

Социалистическая реконструкция сельского хозяйства нанесла неонародническим теориям серьезный удар. Она прежде всего выбила из-под ног неонародничества перспективы устойчивого развития индивидуального крестьянского хозяйства. Коллективизация крестьянского хозяйства подорвала базу неонародническихъ теорий—крестьянский двор. Отсюда заявления проф. Чаянова, Челинцева и др. об отказе от своих прежних взглядов. Все же,—подчеркивает т. Милютин, — мы не должны успокаиваться теми заявлениями, которые мы имеем от теоретиков неонароднической школы. Эти заявления характеризуют тот факт, что часть ученых мелкобуржуазного направления меняет свои позиции и хочет содействовать социалистическому строительству, и их следует использовать для этого строительства. Но вместе с тем нужно учесть опасность возрождения мелкобуржуазных теорий в новых формах.

Далее т. Милютин переходит к тем направлениям, которые являлись отражением мелкобуржуазных течений, но которые нашли свое выражение в рядах партии; это—троцкизм и правый уклон. И у троцкизма, и у правого уклона не случайно выявился—особенно в процессе развития—ряд общих установок и общих подходов, хотя троцкизм в области политики прикрывался левой фразой и как будто в ряде своих практических предложений радикально расходился с теми практическими предложениями, которые делались правым уклоном в области политики. Тем не менее, если мы подойдем к анализу методологии троцкизма и правого уклона со стороны ряда основных их положений, то мы здесь выявим целый ряд общих черт, общих положений.

1. И троцкизм и правый уклон признавали, что осуществление социализма у нас, в СССР, невозможно.

2. Второе положение, которое выставлялось и троцкизмом, и правым уклоном, это оценка современного развития в городе и в деревне как кризисного. Троцкизм все время оперировал понятием «кризисного» положения и неразрешимости ряда противоречий и трудностей, встречающихся на пути социалистического строительства. Правый уклон выставил свою теорию деградации, которая с теорией кризисов имеет очень много общего. По существу

здесь у правого уклона и у троцкизма имели место только лишь разные формулировки.

3. Как троцкизм, так и правый уклон подходили к сельскому хозяйству СССР с точки зрения развития капиталистических отношений. Конечно, здесь была некоторая разница: в то время как правый уклон являлся выражением кулацкого давления на нашу партию, выражением зажиточной части деревни, троцкизм скорее являлся выражением мелкобуржуазных слоев и тенденций развития по капиталистическому руслу этих слоев деревни. Троцкизм выставлял против кулака целый ряд положений, как-то: «наступать», «отбирать» и т. д., но в целом к крестьянству он подходил с точки зрения капиталистических тенденций развития крестьянства, с точки зрения капиталистических тенденций развития мелкой буржуазии.

И у троцкизма, и у правого уклона замечается непонимание ведущей роли индустрии для сельского хозяйства. Троцкизм отрывал проблему индустриализации страны от проблемы реконструкции сельского хозяйства. Правый уклон не понимал ведущей роли индустриализации страны для сельского хозяйства и выпячивал проблему развития сельского хозяйства в ущерб индустриализации страны. Таков ряд общих установок, сближающих между собою троцкизм и правый уклон.

Основными ошибками правых уклонистов являются: а) замазывание классовой борьбы в деревне и теория врастания кулака в социализм; б) теория деградации сельского хозяйства; в) взгляд на колхозы и совхозы только как на показательные хозяйства, и основная ставка на развитие индивидуального крестьянского хозяйства; г) установка на свертывание темпа индустриализации.

Правые уклонисты сейчас разбиты. Потерпев полное поражение, они признали свои ошибки, но правая опасность еще существует, и о ней необходимо вести ожесточенную борьбу. На марксистско-ленинской теории лежит обязанность дальнейшего разоблачения теории правого уклона как мелкобуржуазной ревизионистской теории, которая, несомненно, целиком отходит от марксистско-ленинской теории.

Переходя к вопросам социалистической реконструкции сельского хозяйства, т. Милютин подчеркивает, что бурный темп коллективизации деревни выдвигает ряд важнейших проблем для нашей теоретической работы. Сейчас теория социалистического хозяйства, анализ законов развития социализма в сельском хозяйстве ставятся в порядок дня. В эту сторону необходимо направить главное внимание.

Социалистическая реконструкция сельского хозяйства идет на базе его технической реконструкции. Проблемы машинизации сельского хозяйства получают исключительно важное значение. Владимир Ильич выставил положение, что электрификация является важнейшей технической базой для социализма. В настоящее время мы всю двигательную силу в области промышленности переводим на электричество, но не подлежит сомнению, что электричество явится основной формой энергии и в сельском хозяйстве. К этому вопросу мы, несомненно, только еще подходим. Проблемы электрификации в сельском хозяйстве только еще нами ставятся. Мы знаем, что в Московской области Каширский район будет переведен на «сплошную» электрификацию в процессе сплошной коллективизации этого района. И несомненно, по этому пути пойдет целый ряд районов нашего сельского хозяйства. Пока электрификация сельского хозяйства производится у нас в виде опытов; но не подлежит со-

мнению, что основной формой в области техники явится электрификация, что тракторизация будет только одним из переходных моментов в техническом развитии нашего сельского хозяйства.

Мы должны будем подвести современную техническую базу и под целый ряд других отраслей сельского хозяйства—например специальные технические культуры, огородные культуры и т. д.

Мне кажется,—говорит т. Милютин,—не будет чересчур смелым, если мы скажем, что сельское хозяйство становится сейчас на ту же производственную базу, что и наша промышленность. По существу в ближайший период сельское хозяйство явится одной из отраслей промышленности.

Следующая проблема, которая должна привлечь внимание нашей теоретической мысли, это—организация труда в новых социалистических формах сельского хозяйства, вопросы социалистической организации труда для достижения значительно более высокой производительности труда, чем это имеет место в мелком хозяйстве. Новые формы организации труда получают величайшее значение для нашей экономики. Если посмотреть на практику колхозов, то мы увидим здесь смешение самых различных форм организации труда. Необходимо внести ясность в этот вопрос.

Серьезная научно-исследовательская работа требуется и в области изучения социальной сущности колхозов, в деле изучения различных форм колхозов и вопросов перерастания колхозов в последовательно-социалистические предприятия. Перед нами встает также задача изучения классовой борьбы в новых формах.

Все эти проблемы, связанные с социалистической реконструкцией, требуют расширения нашей научно-исследовательской работы. Мы не можем закрывать глаза на нашей первой Всесоюзной конференции марксистов-аграрников на то, что мы здесь имеем несомненные ножницы, несомненное отставание нашей теоретической работы от практики социалистического строительства, что теория, которая призвана не только обосновывать пройденный путь, но давать перспективы развития, давать на научной базе обоснование этой перспективы,—отстает от жизни. Требования, которые предъявляют к нам социалистическое строительство и борьба с капиталистическим строем, с его идеологией, с его теорией,—настолько возрастают, что нам нужно соответствующим образом перестроить нашу работу, увеличить наши кадры теоретических работников. И только тогда действительно мы получим такие результаты, которые помогут нам ответить на запросы, предъявляемые к нам широко развернувшимся социалистическим строительством.

II

СОЦИАЛЬНЫЕ СДВИГИ В СОВЕТСКОЙ ДЕРЕВНЕ

Доклад А. И. Гайстера

Докладчик прежде всего останавливается на неверных уклонах в понимании социальных процессов советской деревни. Троцкисты не видели связи между развитием социалистической индустрии и переделкой мелкого крестьянского хозяйства по социалистическому пути. Для них развитие индустрии и развитие сельского хозяйства—это два потока, которые не сходятся и не оказывают друг на друга никакого воздействия. Ревизия марксизма по вопросу о ведущей роли индустрии является у троцкистов основой ревизии

ленинской постановки вопроса о кооперации, переделывающей мелкое крестьянское хозяйство. Троцкисты не понимали двойственной природы крестьянского хозяйства. Они не понимали, что наряду с элементами собственническими мы имеем в лице мелких производителей в деревне и элементы трудовые, которые пролетариат может повести по социалистическому пути развития, преодолевая собственнические интересы мелких хозяйчиков. Тем самым троцкисты по существу отказались от основной исторической задачи пролетариата—преодоления капиталистических элементов, порождаемых мелким производством, и переделки мелкого крестьянского хозяйства в крупное социалистическое. В связи с этим троцкисты переоценивали темп и характер процессов расслоения деревни.

Особенности социальных процессов в советской деревне не были поняты и правыми. Основной подход правых к процессу расслоения деревни нашел свое выражение в заявлении итальянского коммуниста Серра, ныне исключенного из партии. «Русский кулак,—писал он,—беднее западноевропейского середняка». Здесь видна недооценка силы стихийного рождения капитализма из мелкого производства, которая выступает и в концепции Бухарина. Его лозунг «обогащайтесь» логически вытекал из недооценки опасности роста капитализма, с одной стороны, и затушевывания значения классовой борьбы в деревне—с другой стороны. Такие же ошибки в понимании классового расслоения деревни мы находим у т. Дубровского, который при постановке вопроса об изучении классовой структуры деревни отвлекался от основных, свойственных середняцкому хозяйству социальных противоречий (отношений по найму-сдаче средств производства и др.), недоучитывая значение этих противоречий в капиталистических тенденциях крестьянского хозяйства.

В основу доклада т. Гайстера были положены работы по анализу классового состава деревни, произведенные в 1928 г. на основании сплошной описи около 700 тыс. хозяйств, а также по анализу тех динамических процессов, которые можно было уловить на основании того же статистического материала. Динамическое обследование было проведено в 1927 г. под руководством В. С. Немчинова. В основу положена группировка хозяйств, которая исходит из сочетания двух признаков: 1) размера хозяйства, выраженного через стоимость основных средств производства, и 2) социальных отношений как по линии найма и продажи рабочей силы, так и по линии найма и сдачи средств производства. Крестьянские хозяйства изучаются в разрезе трех основных разделов: сельское хозяйство, где основным источником существования является сельскохозяйственное производство, сельское хозяйство с неземледельческими занятиями и неземледельческие или несельскохозяйственные занятия. Классовая структура деревни по материалам динамической переписи 1927 г. представляется в таком виде (см. табл. на след. стр.).

Каковы социальные сдвиги в деревне после XV съезда партии? Основной чертой послесъездовского периода является наступление на капиталистические слои города и деревни. Ослабление политического влияния кулачества есть несомненный факт. После XV съезда колоссальные изменения претерпевает и экономика кулацких хозяйств. Хлебозаготовки задели маневренный фонд кулацких хозяйств. Если принять размер запасов деревенской верхушки (10% хозяйств) в 1926/27 г. равным 100, то в 1927/28 г. запас повысился на $10^1/_2$%, в 1928/29 г. сократился на 20%, в 1929/30 г. он сократился на $22^1/_2$%. Необходимость передать в руки пролетарского государства часть своего маневренного фонда является одной из основных

Группы хозяйств	Число хозяйств		
	В тысячах	В %% к итогу	
		данной группы	общего числа хозяйств
Всего	25 037	—	100,0
А. Несельские хозяйства	2 053	100,0	8,2
1. Пролетарские	661	32,2	2,7
2. Полупролетарские.	727	35,4	2,9
3. Простые товаропроизводители . .	587	28,6	2,3
4. Мелкокапиталистические товаропроизводители	78	3,8	0,3
Б. Сельские хозяйства	22 984	100,0	91,8
I. Члены колхозов	164	0,7	0,7
II. Пролетариат социалист. сектора	526	2,3	2,1
III. Частный сектор	22 294	97,0	89,0
В том числе:			
1. Пролетариат	1 841	8,0	7,3
2. Полупролетариат	4 641	20,2	18,5
3. Простые товаропроизводители . .	14 914	64,9	59,6
4. Мелкокапиталистические товаропроизводители	896	3,9	3,6

причин кулацкого противодействия хлебозаготовкам. Одной из форм такого противодействия является кулацкий саботаж сельскохозяйственного производства. Несомненным является сокращение размеров посевов верхней группы деревни. Такое сокращение в 1927 г. по взвешенным данным выражается в следующих цифрах: хозяйства с тремя лошадьми и больше сократили свои посевы на $5^1/_2$%, у этой же группы имело место сокращение рабочего скота на 11% и значительное сокращение наемных рабочих—на 12,8%. Таким образом кулацкое хозяйство свертывало видимые признаки, выделяющие его из общего деревенского уровня. Но наряду со свертыванием видимых форм эксплоатации начинает развиваться другая форма кулацкой эксплоатации, менее видимая. Так наряду с уменьшением срокового найма идет расширение поденного найма. Число сроковых рабочих в 1927 г. было 1 637 тыс., в 1928 г. число сроковых рабочих сократилось до 1 491 тыс. и в 1929 г. по сугубо предварительным данным ЦСУ оно равнялось 1 250 тыс. Все исчисления, которые были произведены до этого года, показывают сокращение числа сроковых рабочих. В то же время мы имеем в течение этих лет увеличение количества поденных рабочих в индивидуальных крестьянских хозяйствах. Индивидуальных рабочих в 1927 г. было 2 760 тыс., в 1928 г.—2 969 тыс., в 1929 г.—3 231 тыс. Если сделать весьма ориентировочный подсчет, переводящий число поденных рабочих на соответствующее число сро-

ковых рабочих, то мы имеем следующее положение. В 1927 г. поденные рабочие составляют около 20% всего наемного труда в индивидуальных крестьянских хозяйствах; в 1928 г.—28% и в 1929 г.—39%. Таким образом мы имеем сейчас перемещение форм найма. Кроме того мы имеем увеличение и среднего количества дней найма рабочих, т. е. под формой расширения поденного найма у верхушки деревни, у которой поденный наем занимает значительное место в общем найме рабочей силы, мы имеем замещение срокового найма поденным.

Таким образом мы имеем любопытный процесс, который можно было бы характеризовать как процесс перемещения форм кулацкой экспансии из той области, в которой мы на него нажимали, в менее видимую область. Но все же, если учесть удельный вес каждой из этих форм в структуре кулацких хозяйств, мы должны констатировать с 1927 г. на 1928 г. сокращение удельного веса кулацких хозяйств на 3,7%. Нужно думать, что это—преувеличенный процент, так как в течение прошлых лет мы имели попытки со стороны верхушечных групп деревни пролезть в колхозы. Если взять колхозы по Северному Кавказу, то здесь среди членов колхозов группа хозяйств со стоимостью средств производства свыше 1 600 руб., т. е. верхушка деревни, составляет $1^1/_2$%; по Украине—0,3%; по Нижней Волге—тоже 0,8%. Так что нужно думать, что общее сокращение кулачества с 1927 г. до 1928 г. составляло около 3% этой группы. Но если мы примем во внимание, что раньше число кулацких хозяйств до 1927 г. непрерывно росло, то, очевидно, мы имеем фактически значительно больший урон кулацких хозяйств, чем на 3%. Если принять, что число кулацких хозяйств должно было вырасти по общему темпу роста крестьянских хозяйств приблизительно на 2 с лишним процента, то тогда фактический урон кулачества будет около $5^1/_2$%. Наступление социалистического сектора после XV съезда вызвало резкое сокращение роста кулацкой группы и начавшееся сокращение абсолютного числа кулацких хозяйств. Это—первое, что необходимо учесть в соотношении классов в деревне теперь по сравнению с периодом до XV съезда.

Если для верхних групп деревни характерным является в течение последних лет известное сокращение верновых посевов, то для бедноты в течение того же периода чрезвычайно характерно как общее увеличение размера посевных площадей, так и увеличение удельного веса бедняцких посевов в общих посевных площадях. В хозяйствах, не имевших рабочего скота в 1928 г., прирост посевов в 1929 г. составляет по РСФСР 9,4% посевов, а в хозяйствах с одной головой рабочего скота прирост посевов составляет 3,5%. Удельный вес этой группы вырос в 1929 г. с 17,6 до 17,8%. Если взять весь прирост посевной площади среди индивидуальных хозяйств за 1929 г., то на долю хозяйств, бывших безлошадными в 1928 г., приходится 48,7%, т. е. почти половина. У хозяйств, бывших без рабочего скота в 1928 г., посевная площадь выросла в 1929 г. на 1 224 тыс. *га*. У хозяйств с тремя головами рабочего скота посевная площадь сократилась на 736 тыс. *га*. Таким образом прирост посевов у низшей группы в индивидуальном хозяйстве больше, чем сокращение посевов у верхней группы, почти на 500 тыс. *га*. Такое расширение посевов оказалось под силу бедноте, во-первых, благодаря увеличению количества имеющегося у нее рабочего скота, а, во-вторых, благодаря широко развернутым формам государственной поддержки—производственной смычке через кредит, семссуду, контрактацию и т. д. Если возьмем общий рост рабочих лошадей за 1928/29 г., то на долю хозяйств, бывших

в 1928 г. безлошадными, придется 71%. Прирост тяговой силы в безлошадных хозяйствах явился главной причиной прироста у них посевов.

Необходимо однако подчеркнуть тот факт, что наряду с укреплением бедняцких слоев замечается и переход известной части бедноты в лагерь пролетариата. Увеличение количества поденных рабочих и общий прирост всего числа пролетариата, занятого в индустрии, говорят о том, что значительная часть новых кадров пролетариата черпается из деревни, в том числе в основном из бедняцкой части.

Укрепление индивидуального хозяйства является после XV съезда не единственным и, пожалуй, не решающим путем подъема бедноты. Уже в первые годы развернутого колхозного строительства в качестве наиболее радикального способа подъема и укрепления хозяйственной мощи бедноты выдвигается колхоз. Значительная масса бедноты двинулась в колхозы, ясно понимая, что последние создают основы для действительного перехода на новую, высшую ступень.

В первый год развервутого строительства колхозов 25% от общего сокращения бедноты произошло за счет коллективизации. Это говорит о том, что среди причин, приводящих к рассасыванию бедноты, к ликвидированию этого царского наследства, необходимо подчеркнуть становящуюся все более решающей роль коллективизации.

А как обстоит с середняком? Куда идет развитие мелких товаропроизводителей, этой основной массы советской деревни?

Прежде всего мы имеем общее увеличение массы середняцких хозяйств за 1928—29 гг. Но существенно, что это общее увеличение численности массы шло одновременно с процессом подъема середняка, с увеличением его производственной базы.

Для более отчетливой характеристики динамики мощи отдельных групп деревни вся масса крестьянских хозяйств была разбита на три группы: к первой группе были отнесены 80% низших по размеру посева групп, ко второй—60% средней группы и к третьей—10% верхних групп. Исчисления хлебо-фуражного баланса, произведенные в последнее время, показывают сокращение запасов у верхних групп за последние годы. По средней же группе хозяйств 1927/28 г. дает небольшое сокращение по сравнению с предыдущим, а именно 96,7%; 1928/29 г. дает прирост на 4,7%; 1929/30 г. — также прирост на 3,7%; это при условии, когда население в средней группе возрастало за последние три года всего на 0,2; 0,2; 0,5%. Рост валового сбора в средней группе за последние три года шел приблизительно так же: 100,103 и 105,1, и также превышал рост населения в этой группе. Таким образом вместо 63% населения в 1926/27 г. мы имеем в средней группе в 1929/30 г. 63,8%, при общем увеличении запасов в этой группе от 61,4 до 63,7% и валового сбора с 62,2 до 65,4% от всех запасов и всего сбора деревни.

Это подчеркивает ложность довода правых о том, что середняк потерял стимул к укреплению своего хозяйства. Это вместе с тем, говорит о том, что в деревне после XV съезда продолжался процесс усиления группы середняков. Но уже сейчас мы вступили в новую полосу—полосу массового движения середняцких хозяйств в колхозы, которое в ближайшие годы скажется в сокращении этой массы, но это сокращение иного, не капиталистического порядка.

Исчисления, полученные в результате специального анализа хлебо-фуражного баланса текущего года, дают возможность более отчетливо характе-

ризовать значение социальных сдвигов в советской деревне. Согласно этим исчислениям у 10% верхушечных групп индивидуальных хозяйств по 9 основным областям Союза и Украины посевная площадь сократилась в сравнении с 1928 г. на 417 тыс. *га*. Это означало для народного хозяйства падение валового сбора этой группы на 8 395 тыс. *ц*. В то же самое время у 90% индивидуальных хозяйств посевная площадь возросла на 1 927 тыс. *га*, а валовой сбор возрос на 13 млн. *ц*. Организация новых колхозов дает прирост посевной площади на 1 391 тыс. *га* и прирост валового сбора на 14,5 млн. *ц*, т. е. больше, чем сокращение посевной площади и сбора у верхушки деревни.

Из числа вновь образовавшихся колхозов за счет одного лишь освоения нив земель после перехода их на путь коллективизации посевная площадь возросла на 150 тыс. *га*, а валовой сбор, принимая во внимание и прирост урожайности в коллективах после перехода от индивидуального способа производства, возрос на 1 110 тыс. *ц*. В то же самое время возросла и посевная площадь совхозов на 285 тыс. *га*, и возрос валовой их сбор. Все это дает общий прирост в сравнении с сокращением посевной площади верхушки индивидуальных хозяйств почти на 4 млн. *га*, или 28 млн. *ц*.

В заключение докладчик останавливается на динамике различных групп деревни за последние годы. Пролетариат в социалистическом секторе в 1928 г. увеличился в связи с увеличением числа совхозов. Пролетариат частного сектора сократился в 1928 г. на 2%, в 1929 г.—на 8%. Беднота сократилась на 8½% в 1928 г. и в текущем году на 15%. В то же время мы имеем увеличение средней группы на 4½% в 1928 г. и около 4% в этом году. Динамика мелкокапиталистических хозяйств вероятно та же, что и в прошлом году, т. е. сокращение на 4%. Это дает иное соотношение классов в текущем году в сравнении с двумя предшествующими годами.

Быстрый темп и грандиозный размах коллективного движения ставят по-иному задачи изучения социальных процессов в деревне. Поскольку основная масса крестьянства пошла в колхоз, в центре внимания должна стать задача изучения тех социальных сдвигов, которые происходят внутри коллективного сектора сельского хозяйства.

Борьба между социализмом и капитализмом переходит на совершенно иную ступень. Изучение социальных противоречий внутри колхоза, изучение вопросов перерастания колхозов в последовательно-социалистические хозяйства является тем центральным пунктом, который перед нами стоит в области анализа социальных процессов деревни.

III

ПРЕНИЯ ПО ДОКЛАДАМ ТТ. МИЛЮТИНА И ГАЙСТЕРА

Прения на конференции развернулись вокруг следующих трех вопросов: 1) социалистическая реконструкция сельского хозяйства и социальная природа колхозного движения; 2) правый уклон и троцкизм в аграрном вопросе и 3) буржуазные и мелкобуржуазные теории. Дискуссия по первому вопросу открылась выступлением т. Ларина.

В нашей печати, в речах наших ораторов—указывает т. Ларин—приходится встречать упоминания о создании районов сплошной коллективизации, как о возникновении в СССР социалистического сельского хозяйства. Термины «социалистический сектор сельского хозяйства», «социалистическое сельское

хозяйство» и т. п. сплошь и рядом без всяких оговорок прилагаются к сплошной коллективизации. Такого рода словоупотребление, по мнению Ларина, совершенно неверно; здесь мы имеем неправильную терминологию, которая может служить прикрытием важных принципиальных ошибок.

Сплошная коллективизация при диктатуре пролетариата является *необходимым и важным этапом на пути к строительству социализма в деревне*. Это несомненно и ясно. Но она никоим образом не является социализмом, социалистическим хозяйством, хозяйством выдержанного социалистического типа. Система сплошной коллективизации, охватывающая громадные хозяйства в 60—70 тыс. *га*, должна быть охарактеризована как хозяйство переходного типа, как хозяйство, заключающее в себе определенные внутренние противоречия.

Хозяйства колхозов районов сплошной коллективизации отличаются, во-первых, тем, что они кооперируют самое производство; во-вторых, их средства производства и их продукция в то же время принадлежат группе частных лиц, и они построены в большинстве случаев при наличии паев отдельных членов. Размер пая может быть и неодинаковым. При известных условиях интересы такого хозяйства могут быть противопоставлены интересам социалистического государственного целого. Это не значит, что это так непременно будет в большом количестве случаев. Но, когда мы подходим к вопросу с научным анализом, нельзя смазывать эту сторону дела. Если мы имеем дело с нашим социалистическим государственным хозяйством—фабрикой или *совхозом*, то тут такое противопоставление невозможно, ибо фабрики и совхоз являются собственностью пролетарского государственного целого, а крупный «сплошной» колхоз—собственность объединения частных лиц (на государственной земле).

Социалистическим хозяйством может быть признана только такая организация хозяйства, при которой это хозяйство не является собственностью его владельца или данной группы отдельных владельцев, в нем работающих, а собственностью государства, и при которой, во-вторых, работающие в нем лица не ведут хозяйства за свой счет, а являются *работниками всего общества*, общественными работниками, как у нас на фабриках и совхозах, где рабочие являются рабочими государства. В будущем, когда осуществится победа пролетариата во всех странах мира, когда исчезнут классовые различия и будет бесклассовое общество, а не государство,—тогда трудящиеся будут уже работниками *общества*, *а не государства*.

Это означает, что социалистическим типом хозяйства в деревне и, в частности, в районах сплошной коллективизации, мы сможем признать колхозы тогда, когда крестьяне, в них занятые, станут общественными работниками, *получающими в целом вознаграждение за свой труд*, а не ведущими хозяйство в свою пользу, и когда сами колхозы станут *собственностью и достоянием общества в целом*, а не только тех крестьян, которые населяют данный район и владеют коллективно определенными средствами производства,—*иначе сказать, тогда, когда эти крупные колхозы* превратятся в крупные совхозы. Пройдет еще несколько лет, полнота материальных средств у государства достигнет таких размеров, при которых оно сможет заключить договоры с этими районами сплошной коллективизации о переходе их на систему совхозов или — если угодно — «обхозов» (общественных хозяйств) с большой степенью внутреннего хозяйственного самоуправления, но принадлежащих государству и руководимых госорганами, причем их члены будут

являться работниками государства и оплачиваться по установленным государством нормам.

Останавливаясь на вопросе о том, как быть с кулаком в районах сплошной коллективизации, Ларин отвергает принятие *кулаков* в колхозы, в том числе в районах сплошной коллективизации. Ларин ставит вопрос: *что же делать в будущем с нынешними кулацкими семьями?* Ведь у нас на кулацкое население приходится *до пяти процентов* жителей деревни, несколько миллионов человек. Когда мы победим настолько бесповоротно и ясно даже для кулачества, что оно склонно будет сдаться, прекратить борьбу—тогда надо будет потребовать полной его капитуляции, *полного разоружения материального и организованного*, чтобы какие бы то ни было попытки возобновления борьбы были безнадежны.

По мнению т. Ларина, кулаку должны быть предъявлены тогда три условия. Во-первых, *полная без всякого вознаграждения передача своего имущества государству*—не колхозам, не той или иной колхозной группе, перед которой он будет выступать благодетелем, что вот я вам передал 10 коров,—а государству, тому органу диктатуры пролетариата, против которого кулак борется и экономически, и идейно - политически, и самым фактом своего существования. Он должен разоружиться до конца и отдать нам свое оружие, т. е. свое имущество, которое является для него средством эксплоатации и влияния, оставив для себя только рабочие руки.

Во-вторых, кулацкие семьи должны уехать, переселиться совсем *из района своей прежней жизни*. Мы можем допустить переход кулака к трудовой жизни не там, не в той деревне, не в том районе, где он был 10 или 20 лет кулаком, где всякие связи личного влияния, былой зависимости и т. д. существуют у него до сих пор и где некоторые будут смотреть на него, как на благодетеля, отдавшего на общую пользу свое имущество. Разрыв с той областью, где он жил, переселение в другие места—естественное условие для таких семей, которые действительно пожелают перейти к новому трудовому хозяйству, полностью разорвав со своим кулацким прошлым. Иначе искренность и прочность этого желания весьма подозрительны и не заслуживают доверия.

В-третьих, нужна от капитулирующего кулака специальная, особая гарантия, что он организацию нового хозяйства не использует для того, чтобы в замаскированных формах опять расти в прежнем направлении. Эта дополнительная гарантия—согласие организовать свое новое трудовое хозяйство не как индивидуальное, а в порядке обобществления всех средств производства и в порядке обобществления потребления.

Точка зрения т. Ларина как по вопросу о социальной природе колхозного движения, так и по вопросу о кулаке встретила резкий отпор со стороны всех выступавших по этим вопросам участников конференции. Выступавшие подчеркивали, что точка зрения Ларина противоречит взглядам Ленина на кооперацию и колхозы в системе диктатуры пролетариата, как на социалистические формы хозяйства. Эти выступления были подытожены в заключительном слове т. Милютиным, который солидаризировался с критикой взглядов т. Ларина и дал им следующую характеристику.

Касаясь заявления т. Ларина о неправильном словоупотреблении, о том, что применение терминологии «социалистический сектор сельского хозяйства» по отношению к колхозам является неправильным, т. Милютин указывает, что такое словоупотребление т. Ларин может найти и в резолюции послед-

него пленума ЦК. Там сказано: «дальнейший подъем сельского хозяйства, индивидуально-крестьянского и крупно-социалистического (совхозы и колхозы)...». Можно процитировать еще целый ряд резолюций руководящих партийных организаций, где ясно проводится разграничение между индивидуальным крестьянским хозяйством и социалистическим сектором сельского хозяйства, куда наряду с совхозами относятся и колхозы. Установка т. Ларина явно противоречит основным решениям нашей партии. Центром тяжести колхозов т. Ларин считает паевой принцип и отсюда выводит частно-хозяйственную природу колхозов, которые могут быть противопоставлены государственным интересам. Это подход к колхозам, как к акционерному обществу на паях, как к частноправовой организации, основанной на мелкособственнических началах. Тов. Ларин не учел, что основным стержнем нашей коллективизации является процесс обобществления средств производства, и этот стержень у т. Ларина исчез; отсюда вытекают взгляды т. Ларина о противопоставлении интересов колхозов интересам государства. Тов. Ларин не учитывает, что коллективизация представляет собой производственную смычку между пролетариатом и основными бедняцко-середняцкими массами крестьянства.

Следующий вопрос, затронутый Лариным,—это вопрос о кулаке в связи со сплошной коллективизацией крестьянского хозяйства. Тов. Ларин сделал целый ряд радикальных, на первый взгляд, предложений насчет экспроприации кулака, его переселения в другие районы и т. д. Но вся суть в том, что Ларин делает установку не на прямую борьбу с кулаком, а на заключение с ним договора. Тов. Ларин намечает перевоспитание кулака, т. е. по существу втягивание кулака в социалистические формы хозяйства. Между тем Молотов писал, что к кулаку надо отнестись «как к злейшему, еще не добитому врагу»... Вместо борьбы с кулаком Ларин ставит вопрос о его перевоспитании, о приобщении его к социалистическому строительству. Такая установка совершенно неверна.

* * *

Вопрос о троцкизме и правом уклоне в аграрном вопросе занял большое место в прениях, развернувшихся по докладам тт. Милютина и Гайстера. Ряд участников конференции показал, как проявляется правый уклон на практике в сельскохозяйственной политике на местах. Делегаты БССР показали, как в результате неправильной политики у них быстро росли хутора и лишь в последнее время этот рост приостановился и начался рост коллективного движения. Ряд выступавших затрагивали вопрос о теоретических основах правого уклона и троцкизма и связи между ними. Этот вопрос был подробно освещен в выступлениях т. Зелькиной.

Тов. Зелькина напоминает слова Ленина о том, что 10—20 лет правильных взаимоотношений с крестьянством и дело социализма обеспечено даже в случае некоторой задержки мировой пролетарской революции. Мы сейчас живем на 13-м году правильных взаимоотношений с крестьянством. Мы уже вступили в полосу решающего перелома, когда основные контуры социализма начинают вырисовываться перед нами. И именно это обстоятельство заставляет нас сейчас подвести некоторые итоги дискуссии о возможности построения социализма в нашей стране.

Совершенно неверно думать,—указывает т. Зелькина,—что вопрос о возможности построения социализма в нашей стране всплыл впервые во время борьбы с троцкистами. Этот вопрос имеет гораздо более отдаленную историю и берет

свое начало примерно с того момента, когда наша партия шла к власти. Ведь, в сущности говоря, так называемые «правые» большевики на апрельской конференции 1917 г., отказываясь от взятия власти, исходили из невозможности победоносного социалистического строительства в нашей стране в силу технико-экономической отсталости и т. д. и т. д. Точно так же и «левые» коммунисты стояли на позиции невозможности построения социализма в нашей стране. Обычно, когда у нас говорят о левых коммунистах, то связывают их только с Брестом. Но это совершенно неверно. Этого во всяком случае совершенно недостаточно. Левые коммунисты имели свою концепцию путей социалистического строительства, исходным теоретическим пунктом которой была теория невозможности победоносного социалистического строительства в нашей стране. Левые коммунисты были против Брестского мира именно потому, что они не верили в возможность социализма в нашей стране, ибо они считали, что в случае задержки революции на Западе неизбежно перерождение советской власти и партии. Если взять бухаринские тезисы 1918 года, то основной смысл этих тезисов сводится к тому, что победоносное социалистическое строительство в одной стране невозможно, и вследствие этого неизбежно перерождение партии и советской власти, неизбежно сползание партии с пролетарских позиций на позиции середняка вместо того, чтобы руководить им. Ведь, в сущности говоря, идеи неизбежности термидорианского перерождения, хотя они тогда не назывались термидорианскими идеями, были заложены во всей концепции левых коммунистов. Троцкизм эту установку «левых» коммунистов углубил и сделал вопрос о невозможности построения социализма в нашей стране центром своей программы, теоретическим базисом своей меньшевистской контрреволюционной платформы.

Но надо сказать, что и правые, как это ни странно на первый взгляд, исходят из той же самой теоретической установки. Правые оппортунисты фактически скатываются к троцкистской теории невозможности построения социализма в нашей стране. Вопрос о строительстве социализма в нашей стране—это основной вопрос в нашей партии. Он является тем теоретическим базисом, на котором покоится вся генеральная линия партии. Наш курс на индустриализацию, социалистическую реконструкцию сельского хозяйства исходит из возможности построения социализма в нашей стране. Поэтому выступления правых против принятых партией быстрых темпов индустриализации, против темпов коллективизации, против лозунга «догнать и перегнать капиталистические страны» есть не что иное, как отказ на деле от теории возможности построения социализма в нашей стране. Сталин говорил, что неверие в строительство социализма в нашей стране это есть «отсутствие уверенности в том, что пролетариат нашей страны, имеющий в своем распоряжении командные высоты народного хозяйства, способен втянуть основные массы крестьянства в дело социалистического строительства».

Бухарино-Фрумкинская формулировка: «середняк в колхоз не пойдет» это есть неверие в то, что рабочий класс и социалистическая индустрия смогут потянуть мелкое крестьянское хозяйство на путь социалистического строительства. Правые оппортунисты, таким образом, сами того не замечая, скатываются к теории невозможности построения социализма в нашей стране, т. е. доходят до прямых разногласий с нашей партией.

Но неверие в возможность победы социализма в нашей стране есть одновременно неверие в возможность преодоления противоречий между пролетариатом и крестьянством своими собственными силами. Сталин писал:

«Когда говорят, можно ли построить социализм своими собственными силами, то этим хотят сказать: преодолимы ли противоречия, существующие между пролетариатом и крестьянством в нашей стране, или непреодолимы? Ленинизм отвечает на этот вопрос положительно: Да, мы можем построить социализм, и мы его будем строить вместе с крестьянством под руководством рабочего класса». Курс на индустриализацию нашей страны является важнейшей предпосылкой преодоления противоречия между рабочим классом и крестьянством собственными силами.

* * *

Наряду с выступлениями против правого уклона были подвергнуты на конференции резкой критике отдельные извращения ленинизма в аграрном вопросе, примыкающие к правоуклонистским ошибкам. В частности были подвергнуты критике взгляды Дубровского по основным вопросам аграрной политики. На этом подробно остановился т. Кубанин.

Оппортунистическая сущность богдановско-бухаринских социологических схем—указывает т. Кубанин—сейчас разъяснена и разоблачена в партийной печати. Внимание партии приковано к этим ошибочным взглядам и системе взглядов Бухарина по вопросу о реконструкции сельского хозяйства. Но кроме бухаринской школы, открыто вступившей в борьбу с партией по этому вопросу, есть и другая группа, поддерживающая их. Есть группа товарищей, которые даже цитируют и Ленина, ссылаются на Сталина и однако вместе с тем извращают основные положения как первого, так и второго в вопросах социалистической реконструкции нашего сельского хозяйства.

Вопрос о том, как относятся классы деревни, как относятся середняк и бедняк к социалистическому строительству, в частности к индустриализации, которая подводит машинную базу под крестьянское хозяйство, является вопросом центральным. Тов. Дубровский, ссылаясь на Сталина, пишет: «Проводимая в настоящее время индустриализация страны, которая составляет основную часть всего социалистического строительства, особенно при тех трудностях, которыми она сопровождается, неизбежно обостряет борьбу между пролетариатом (в лице государства) и крестьянством в целом, не говоря уже конечно о кулацкой верхушке» [2].

Вытекает ли эта установка из работ Сталина? Сталин никогда и нигде не говорил, что беднота враг индустриализации. В «Основных вопросах ленинизма» т. Сталин пишет, что индустрия есть почва для союза с крестьянством, а у т. Дубровского она—почва для разрыва. Это первое и самое важное извращение ленинизма. Пойдем дальше.

Какими методами проводится индустриализация народного хозяйства в нашей стране? При отсутствии вливания капиталов со стороны западно-европейской буржуазной капиталистической системы, естественно, тяжесть индустриализации падает на крестьянство и на пролетариат. Одним из методов борьбы с кулачеством и сревки у него накопления в пользу индустриализации является наша налоговая система. Налоги несет также середняк, и они совсем не затрагивают бедняка. Дубровский же пишет, что наша политика индустриализации «временно создает некоторое обострение отношений между пролетариатом в лице государства и крестьянством в целом на почве налоговой...»

---

[2] См. статью в сборнике «Пути подъема и социалистической реконструкции сельского хозяйства».

Здесь опять берется крестьянство в целом, т. е. включая бедноту. Никогда наша налоговая система не била по бедноте. Были извращения со стороны местных органов, но они в счет не идут. В 1927 г., когда Дубровский писал свою статью, было освобождено от налога 35% крестьянства, т. е. вся беднота.

Несомненно, что нажим партии на кулака не может не вызвать реакции со стороны кулака. Это вполне понятно. И вот, отражением сопротивления кулака всей нашей политике, стремления его жить тихо и мирно и при советской власти, накоплять, «врастать в социализм», как сказал бы Бухарин, является правый уклон, который нашей партией был квалифицирован как кулацкий уклон. Правый уклон есть уклон, который выражает борьбу кулака против индустриализации народного хозяйства, против линии партии в деревне и т. д.

Как оценивает Дубровский правый уклон? Он пишет: «Именно эти колебания в основной крестьянской и, прежде всего, середняцкой массе создают основу правых, антииндустриальных настроений среди отдельных элементов внутри партии». То, что Бухарин проповедывал о «незаметной для кулака переделке его хозяйства», о «врастании кулацких гнезд в социализм», о том, что «внук кулака скажет нам спасибо» и т. д.,—Дубровский квалифицирует как результат шатания «в основной крестьянской и прежде всего середняцкой массе». В основную крестьянскую массу мы обычно включаем бедноту и середняков. Но не шатания середняков создали правый уклон. Правоуклонисты защищают кулака, об этом партия четко заявила,—подчеркивает т. Кубанин.

Ряд ошибок т. Дубровского был вскрыт также выступлением т. Павлова. Тов. Павлов делает оценку взглядов т. Дубровского и цитирует при этом его «Очерки русской революции». «Советская власть,—пишет там т. Дубровский,—показала всей своей новой экономической политикой, что она *идет на реставрацию капитализма* там, где это нужно в интересах народного хозяйства. Но она не пойдет на *полную* реставрацию капиталистических отношений там, где это не только не нужно, но и вредно».

И вот это положение далее, на с. 353, дополняется следующим рассуждением: «Причудливая диалектика исторического развития, — пишет т. Дубровский,—поставила в порядок дня деревенской, жизни вопрос о капитализме, и нужно сказать, что еще *никогда* в России *капитализм не имел в деревне столько шансов на успех, как теперь*».

Вот что писалось в 1923 г. в книжке т. Дубровского «Очерки русской революции», причем это цитаты из главы XII его книги, озаглавленной «На пути к *социализму* в сельском хозяйстве». Это—не все. Если вы просмотрите внимательно эту книгу Дубровского, вы найдете там еще целый ряд откровений, в частности по поводу природы нашей кооперации. Дубровский говорит, что кооперация при нэпе есть не что иное, как категория капиталистическая. Он в заключительной части своей книги подчеркивает, что кооперация направляет в государственное русло капиталистическое развитие. Вот оценка кооперации у Дубровского. Приведенные цитаты говорят о наличии у Дубровского оппортунистических ошибок, от которых он должен возможно скорее отказаться.

* * *

Тов. Дубровский, признав ряд приведенных т. Кубаниным формулировок ошибочными, вместе с тем выставил против т. Крицмана и вообще против всей группы работников Аграрного института Комакадемии ряд обвинений.

«Какие у меня разногласия с т. Крицманом и откуда они взялись?—ставит вопрос т. Дубровский.—Эти разногласия вытекают из разного понимания вопросов нашей революции, социалистического строительства. С этим связаны и разногласия по вопросу о методах изучения деревни.

Я вынужден привести цитату, из которой станет сразу ясно, из-за чего в конечном счете шли мои споры с т. Крицманом.

В своей книге «Классовое расслоение советской деревни» т. Крицман дает не пятилетку, а тридцатилетку. У него дана 30-летняя наметка капиталистического развития деревни в весьма показательном цифровом примере. Он так пишет: «Расслоение крестьянства, т. е. развитие капитализма в деревне, не дает оснований для паники прежде всего потому, что еще быстрее, чем деревенский капитализм, растет находящаяся в руках пролетариата крупная промышленность, и в то же время растет зависимость всего сельского хозяйства, в том числе и его капиталистической части, от государственной крупной промышленности, транспорта, оптовой торговли, кредита.

Вполне мыслимо, чтобы известное время шли одновременно развитие капитализма в деревне и падение доли с.-х. капитала в общей продукции страны». И далее т. Крицман приводит пример того, что «капитал за 20 лет достиг преобладания в сельском хозяйстве, а его доля во всем народном доходе, благодаря индустриализации страны, уменьшилась».

По т. Крицману вполне мыслимо, что развитие промышленности будет итти по социалистическому пути, в то время как развитие сельского хозяйства будет итти по капиталистическому пути. Капитализм и социализм будут мирно уживаться, совсем по-реформистски. Кулак, по мере построения социализма, будет врастать в социализм. Лишь в эпоху уже мировой революции кулак сам собой начнет подыхать. Согласно своей тридцатилетке т. Крицман считает, что процентная доля капиталистического сельского хозяйства во всем сельском хозяйстве через 10 лет будет 45%, через 20 лет—60%, через 30 лет—60%. Вот тридцатилетка т. Крицмана.

Это, товарищи, не случайная ошибка. Она вытекает из всей системы взглядов т. Крицмана.

У т. Крицмана есть целая концепция революции. Концепция следующая: второй этап нашей революции, именно этап комбедовский, по определению т. Крицмана, явился мелкобуржуазной революцией. Так, на с. 180 своей книги, он пишет: «Поскольку крестьянская революция была антикапиталистической революцией, она происходила не как пролетарская, а как *мелкобуржуазная*: ее результатом было не обобществление крупного хозяйства, а его раздел».

Верно, что у нас на втором этапе революции были отдельные черты мелкобуржуазные. Ленин неоднократно указывал, что и к пролетарской революции присоединяется часть и непролетарских масс. У нас же, в особенности, было много мелкобуржуазных черт. Но можно ли назвать второй этап революции в деревне мелкобуржуазной революцией? Нет. Я не хочу т. Крицмана упрекнуть в меньшевизме. Но ведь меньшевики утверждали, что революция наша мелкобуржуазная. И как раз Ленин в полемике против Каутского доказывал, что второй этап нашей революции в деревне является перенесением пролетарской социалистической революции из города в деревню. В этом основное значение второго этапа деревенской революции, а не в мелкобуржуазных чертах.

Далее большой ошибкой т. Крицмана является то, что он второй этап революции в деревне считает регрессивным. Это написано в работе «Клас-

совое расслоение советской деревни», с. 19: «В противоположность первому этапу аграрной революции, который в общем и целом означал хозяйственный прогресс, замену низших хозяйственных форм высшими, второй этап—внутрикрестьянская революция уже *после* уничтожения крепостнических отношений—означал в общем и целом *хозяйственный регресс* (шаг назад), замену более крупного крестьянского хозяйства более мелким, т. е. высших хозяйственных форм—низшими. Именно по этой причине мелкобуржуазная идеология противокапиталистической революции оказалась утопической идеологией».

У нас были издержки революции на втором ее этапе. Но можно ли на этом основании характеризовать второй этап революции в деревне, как регрессивный? Второй этап революции создал условия для осуществления в деревне кооперативного плана Ленина, основанного на индустриализации и электрификации страны, непосредственно связанного с массовой коллективизацией.

Далее т. Дубровский переходит к разногласиям о методах изучения расслоения деревни. По его мнению, основная ошибка т. Крицмана в этом отношении заключается в механическом подходе к изучению найма и сдачи средств производства.

Наиболее грубо эта ошибка проявилась в работе т. Верменичева и других [3]. Здесь механический метод сказался наиболее сильно. Тот, кто сдает инвентарь, тому ставился признак предпринимателя—ставился плюс. Кто нанимает—тому признак зависимости, ставился минус. При этом получается, что, если кулак сдает кулаку же инвентарь, кулаку ставят соответствующую цифру, характеризующую его предпринимательство. Это правильно. А тому кулаку, который у кулака нанимает, тому пишут признак «зависимости».

Возьмем середняков. Часть из них сдает инвентарь и часть нанимает. Нужно это изучить, потому что середняк, который сдает инвентарь, имеет тенденцию превратиться в кулака. Правда, накопление количественных признаков может еще не перейти в качественные отличия, но накопление количественных признаков будет налицо. И за этим нужно следить. Тов. Крицман же наделил середняков уже признаками «пролетариата» и признаками «капитала». В результате получилось, что был значительно преувеличен процесс расслоения середняка.

В результате все отношения в деревне оказались смешанными. Смешаны зависимость и предпринимательство.

Наконец вопрос о дроблении. Тов. Крицман утверждает, что дробление—это прогрессивное явление. «Подводя итоги характеристике разделов,—пишет т. Крицман в своей вступительной статье к книге т. Кубанина [4],—мы видим, что поскольку разделы являются взрывом внутренних противоречий крестьянского двора, задержка разделов, т. е. разрешения этих внутренних противоречий, означает задержку хозяйственного роста и даже хозяйственный упадок этих дворов. Разрешение же этих противоречий, раздел, означает движение вперед, но по путям частнохозяйственного, т. е. в смысле его собственной внутренней тенденции, капиталистического развития».

Итак, по мнению тт. Крицмана и Кубанина, дробление прогрессивно с точки зрения капитализма. В вопросах дробления они проповедуют нейтралитет, хвостизм.

---

[3] Производственная характеристика крестьянских хозяйств различных социальных групп, Москва 1927 г.

[4] Кубанин М., Классовая сущность процесса дробления крестьянских хозяйств, вступит. статья Л. Крицмана, с. 10.

Ленин говорил о семейной кооперации, что она перерастает в капиталистическую. При капитализме только так и мог стоять вопрос: или кулакизация или пролетаризация. Теперь идет ожесточенная борьба кулачества за капиталистический путь. Но ведь есть и другой путь. Преодолевая капиталистические тенденции, семейная кооперация может перерастать и в нашу кооперацию, в наши колхозы.

* * *

Все эти обвинения, выдвинутые т. Дубровским против т. Крицмана и группы работников Аграрного института Комакадемии, были опровергнуты выступлением т. Гайстера.

Тов. Гайстер характеризует методы дискуссии т. Дубровского, как явную передержку. Так например т. Дубровский позволяет себе ту табличку, которая приведена у т. Крицмана в качестве материала для того, чтобы дать абстрактный анализ определенного процесса, интерпретировать как 30-летку. «Вполне мыслимо,—пишет т. Крицман,—чтобы известное время одновременно шло развитие капитализма в деревне и падение доли сельскохозяйственного капитала в общей продукции страны». И затем он приводит подсчет, носящий характер явно выдуманных цифр, специально для того, чтобы арифметически показать такое, с одной стороны, абсолютное увеличение капиталистических элементов и понижение их удельного веса—с другой стороны. И вот т. Дубровский вытаскивает это и выдает за 30-летку расслоения деревни по Крицману.

В то время, когда т. Дубровский писал свои истины о том, что Октябрьская революция произвела «грандиознейшую чистку под капитализм» (см. «Очерки»), и тому подобные вещи, т. Крицман писал следующее: «Указание на путь большинства крестьян к социализму—как через отход (так наз. отхожие промыслы) и государственную промышленность, так и через кооперацию и коллективное земледелие, разрешает в основном—как для части бедноты, уже бросающей свое хозяйство, так и для середняков, имеющих возможность сводить концы с концами,—и вопросы будущего и вопросы настоящего» [5].

В другом месте т. Крицман писал следующее: «*Это—массовое* движение, доказывающее, что при условии *диктатуры* пролетариата перед мелкими хозяевами открывается новый путь развития, недоступный им при господстве капитала,—путь, ведущий к крупному хозяйству (значит, и к современной культуре) без мучительной эксплоатации большинства мелких хозяев, бее превращения их в пролетариев и пауперов» [6].

Тов. Дубровский говорит, что этап комбедов, по определению т. Крицмана, является этапом мелкобуржуазной революции. Нигде этого т. Крицман не говорил. Я прочту, что написано у т. Крицмана и как его интерпретирует т. Дубровский: «Соответственно невысокому уровню развития капиталистических отношений в крестьянском сельском хозяйстве эта последняя экспроприация была произведена не как пролетарская, а как *мелкобуржуазная* экспроприация капитала, не как его обобществление (например национализация), а как его *раздел*» [7].

Где здесь чисто меньшевистское положение о мелкобуржуазности нашей революции? Утверждение т. Дубровского—выдумка.

---

[5] Крицман, Пролетарская революция и деревня, с. 118.
[6] Там же, с. 19.
[7] Крицман, Пролетарская революция и деревня, с. 129.

Идем дальше. Тов. Дубровский открыл истину. «Нельзя—говорит он—все валить в одну кучу, нельзя смешивать капиталистов и пролетариев так, как делаете это вы». По Дубровскому выходит, что т. Крицман каждое нанимающее инвентарь хозяйство относит к пролетариату, а каждое сдающее инвентарь—к кулакам. На самом же деле т. Крицман писал следующее:

«Может оказаться, что применение той же своей рабочей силы и тех же средств производства (например работника с плугом и лошадью или даже работников с молотилкой) может иметь различный характер в зависимости от различного социального характера того чужого хозяйства, в котором это применение своей рабочей силы и своих средств производства происходит.

Ясно, что характер работы соседних крестьян со своей молотилкой в громадных капиталистических экономиях и в хозяйствах крестьянской бедноты имеет, как уже упоминали, различный социальный характер [8]».

А тут выходит Дубровский и восклицает: «Я открыл эту истину! До меня никто ее не знал! Я вас поправлял по этому пункту». Чепуха! Вы нас «поправляли» не по этому пункту. Вы нас вообще не поправляли, а валили в одну кучу те социальные отношения, которые имеют место в современной деревне. Вы упустили из виду то основное требование, которое предъявлял Маркс ко всякому научному анализу. Вы отказались изучать специфические особенности, характерные для нашей экономики. Вы отказались понимать, что противоречия, которые развертываются в нашей деревне, вырастают на основе мелкого способа производства, *господствовавшего* до последнего времени.

Отказываясь это понять, вы по существу замазывали классовую борьбу в деревне. Больше того, вы замазывали и необходимость отпора правым позициям, до которых политически докатились люди, стоящие по существу на тех же теоретических позициях, что и Дубровский.

Дубровский решил порадовать нас еще несколькими своими откровениями. На этих откровениях следует в заключение остановиться. Дубровский выдвинул архиреволюционную теорию, заявив: как же это так? у вас капитализм прогрессивен, а я заявляю, что капитализм не прогрессивен. Глупости это... Вы знаете, как Ленин об этом писал? А вот послушайте:

«Капитализм есть зло по отношению к социализму, капитализм есть благо по отношению к средневековью, по отношению к мелкому производству».

Если бы капитализм по отношению к мелкому производству не был более прогрессивной формой, то не было бы борьбы за социализм—еще более прогрессивную форму—с капитализмом. Тогда бы надо было сказать, что перед мелким хозяйством в советской деревне за годы нэпа был *один* путь развития. Это и говорили народники. Не так думала партия, говорившая о борьбе социализма с капитализмом, рождавшимся на базе мелкого товарного производства.

Другое открытие, преподнесенное сегодня т. Дубровским, тоже заимствовано из враждебного лагеря. Тов. Дубровский заявил: «Семейная кооперация перерастает в нашу кооперацию, в наши колхозы». Разве эта теорийка не отвечает целиком интересам и чаяниям кулачества? Мы все знаем, что основное хозяйство, где семейная кооперация максимально развита,—это кулацкое хозяйство. Нашлись, оказывается, такие товарищи, которые предлагали крупные хозяйства, представляющие семейную кооперацию, объявлять колхозами,—тогда никакого дробления не будет, а будет чистейший социализм.

---

[8] Крицман, Пролетарская революция и деревня, с. 485.

Вот вам, товарищи, теория, кулацкая теория приспособления к колхозному движению, которую, оказывается, пропагандирует т. Дубровский.

Такова цена научной и политической критики т. Дубровского.

В заключение—указывает т. Гайстер—я хотел бы напомнить т. Дубровскому, что не случайно вокруг нас, сгруппировавшихся вокруг журнала «На аграрном фронте» и Аграрного института Комакадемии, стоит вой со стороны буржуазных и мелкобуржуазных экономистов. Между тем Кажанов хвалит Дубровского в Одессе, Суханов пытается его поддерживать. Все это не случайно. И если в нем осталась хоть капля революционного самолюбия, революционного сознания, он очевидно придет к логическому выводу об отказе от своих ошибок.

* * *

По вопросу о буржуазных и мелкобуржуазных теориях было много выступлений. В основном все выступления сводились к тому, что несмотря на сдачу позиций и ряд признаний со стороны буржуазных и мелкобуржуазных теоретиков борьба с их теориями продолжает оставаться актуальной. Эти взгляды нашли свое обобщение и четкое выражение в выступлении т. Гайстера. Целый ряд признаний за последнее время со стороны наших противников правильности нашей линии являются показателями тех процессов, которые происходят в слоях мелкой буржуазии. Но—подчеркивает т. Гайстер—исторический опыт учит нас читать не только то, что написано нашими противниками, но обращать сугубое внимание на то, чего они не пишут, чего они не договаривают. Вот с этой точки зрения, с точки зрения того, *чего не договаривают наши противники в своих сегодняшних признаниях*, я и хотел рассмотреть те заявления, которыми так полна в последнее время наша печать.

Не только такие мелкобуржуазные экономисты, как Челинцев, Чаянов, но и буржуазные экономисты—Литошенко, Кондратьев и некоторые другие—сейчас заявляют о правильности генеральной линии партии, об ошибочности своих предсказаний. Такие признания явных противников, стоящих на позициях, враждебных социалистическому строительству,—а этих признаний сейчас не мало,—требуют от нас выяснения основного: чего же не договаривают наши противники, в чем соль тех новых позиций, которые они сейчас занимают? Тов. Гайстер показывает, что неонародники не понимают сущности разворачивающегося колхозного движения. Проф. Макаров в прошлом году при оценке перспектив колхозного движения говорил: «Колхоз есть прежде всего восстановительное движение. Это обнищавшие маломощные слои приходят к этой форме обобществления, пользуются ею, чтобы поднять свой элементарно-нищенский уровень жизни».

По Макарову, поднимающее свой элементарно-нищенский уровень жизни крестьянское хозяйство, вступив в колхоз, не вступает на какой-то принципиально новый путь развития. Нет. Не такой путь рисует Макаров. Он говорит дальше: «Нет ничего отрицательного в том, что в конце пятилетия эти бедняцкие хозяйства разойдутся в виде середняцких индивидуальных хозяйств. Это есть фаза восстановительного процесса».

Если мы говорим о том, что крупное производство завоевывает всеобщее признание, то мы одновременно не можем не ставить вопроса о том, почему же в наших условиях крупное производство становится решающей формой развития сельскохозяйственного производства, а в капиталистических странах такой решающей формой оно не являлось. Мы все, изучавшие марк-

сизм, знаем, что капиталистический способ производства преобразовывал мелкое хозяйство, стимулируя развитие производительных сил в сельском хозяйстве, ведя его на путь крупного сельскохозяйственного производства. Вместе с тем капитализм создает и значительные препятствия этому процессу. Рациональное земледелие, рациональное с.-х. производство может наступить только в условиях национализации земли и диктатуры пролетариата.

А вот проф. Чаянов совсем недавно, в девятом номере «Экономического обозрения», вышедшего в сентябре 1929 г., пишет следующее: «Вместо создания нового хозяйства новыми владельцами на развалинах старых крестьянских хозяйств *мы будем иметь построение такого же хозяйства силами самого крестьянства* путем организационного перерождения их хозяйств».

Вы напрасно будете искать во всей этой статье указания на руководящую роль пролетариата в коллективизации крестьянских хозяйств, вы напрасно будете искать во всей этой статье указания о руководящей роли индустрии в советских условиях индустриализации нашей советской страны. Пролетарской руководящей роли в деле коллективизации деревни Чаянов не замечает и не замечает, конечно, не случайно. Не случайно он делает дальше такое замечание:

«Мы не думаем,—пишет А. В. Чаянов,—чтобы банковский капитал капиталистических стран взял на себя эту финансовую операцию (т. е. финансовую поддержку коллективизации крестьянских хозяйств в капиталистических странах—*А. Г.*). Почему? Так как несомненно, что он предпочитает финансировать то же хозяйство, но организуемое в привычных ему тех или других формах».

Как будто дело в том, что в капиталистических странах развитие колхозов или коллективных форм мелкого крестьянского хозяйства будет представлять собой что-то чуждое капиталистическому способу производства. Как будто все дело сводится только к нерешительности капитала признать новые формы хозяйства! Между тем старой истиной является то, что «раз имеется в наличности достаточная прибыль, капитал становится смелым» (Маркс). Очевидно, дело не в нерешительности капитала, а в чем-то более существенном. Вот здесь-то и вскрывается то обстоятельство, что, не поняв разницы в социальных основах диктатуры пролетариата и диктатуры буржуазии, проф. Чаянов позабыл, что залогом успеха коллективизации советской деревни является: во-первых, национализация земли, снявшая такое огромное препятствие развитию крупного с.-х. производства в капиталистических странах, как частную земельную собственность, во-вторых, что массовое коллективистическое движение мелких крестьян мыслимо только в условиях пролетарской диктатуры и строительства пролетариатом социализма, в-третьих, что это коллективистическое движение мелких производителей может стать социалистическим движением лишь в условиях диктатуры пролетариата и под его руководством.

Нам нужно совершенно ясно понять, что корень чаяновских теорий сводится к тому, чтобы замазать роль и значение борьбы за подлинно-социалистическое содержание движения, ибо, по Чаянову, крестьянство в колхозе раскрывает, но не преодолевает своей собственной природы. Чаяновская теория в ее новой интерпретации представляет собой *попытку* дать теоретическую базу для *попытки* мелкой буржуазии кое-где снять со своего пути руководство пролетариата. Нам ни в коем случае нельзя прельщаться заявлениями, которые сыплются. Нам нужно четко видеть реакционную сущность

этих «даров данайцев», нужно еще более энергично вести борьбу за основы марксистско-ленинской аграрной теории.

Но есть у нас еще один противник, который всегда выступает со своей интерпретацией Маркса. Правда, уже очень не нова эта интерпретация,—первый ее преподнес у нас старый, тоже такого народнического толка «марксист» Николай—он. Вот этим Николаем—оном веет от всех рассуждений Н. Н. Суханова.

Вот что писал Н. Н. Суханов в своей работе «К вопросу о с.-х. эволюции в России»: «Сельскохозяйственный капитализм существует и процветает только в первобытной обстановке. Рост производительных сил и прогресс капиталистического общества подрывают почву под сельскохозяйственным капитализмом. По мере развития буржуазно-капиталистических отношений земледельческое трудовое крестьянство стремится стать единственным классом, занятым в сельском хозяйстве».

Если занять позицию Суханова, то ясно, что никакой борьбы капитализма с социализмом в нашей стране конечно нет; никакого капитализма конечно из мелкого хозяйства не вырастет. И не случайно Суханов, выступая по докладу т. Крицмана, говорил следующее: «Община—это мельчайшая ячейка социалистического государства. *Большинством голосов община может ввести любую форму общественного хозяйства*, ликвидируя и поглощая кулацкое хозяйства». Мы с вами говорим о классовой борьбе, мы думаем о том, что в деревне происходит сейчас самая ожесточенная борьба за социалистическое переустройство сельского хозяйства, а Суханов, оказывается, знает простой рецепт: поставить вопрос в общине на голосование и в результате этого голосования общим постановлением вводится социализм. Вряд ли нужно доказывать, что это—чисто социал-демократическая постановка вопроса о введении социализма. Вряд ли нужно указывать, что в этой постановке вопроса нет места ни классовой борьбе, ни пролетарскому руководству.

* * *

О том, что борьба с буржуазными и мелкобуржуазными учеными, особенно активно развивающими свою деятельность на местах, продолжает быть актуальной, свидетельствует ряд выступлений делегатов с мест. Как обстоит дело в этом отношении на Украине, говорил т. Лозовый. Мы замечаем—говорит он—сейчас определенную активность и со стороны буржуазной профессуры. Если здесь, в центре, представители и сторонники капиталистического пути развития сельского хозяйства не рискуют выступать теперь открыто и всячески маскируют свои вылазки, то у нас, на Украине, мы имеем целый ряд выступлений даже в последнее время, даже в 1929 г., со стороны ряда профессоров и академиков, которые заявляют, что развитие сельского хозяйства на Украине должно пойти по пути капиталистическому. В Киевском сельскохозяйственном институте известный проф. Веселовский, бывший заместитель председателя Центральной рады, в течение 10 лет игнорировал наши колхозы и совхозы и выступал за хуторизацию сельского хозяйства. В Харькове на исследовательской кафедре сельскохозяйственной экономики есть академик Левицкий, который в 1929 г. своим аспирантам по программе сельскохозяйственной экономики не дал ни одной темы по современной советской экономике. У Левицкого есть в программе с.-х. экономии об американском крупном хозяйстве, о германском и т. д., но о советском хозяйстве совершенно ничего нет.

У целого ряда украинских ученых можно встретить проповедь неонароднических идей о преимуществе мелкого хозяйства над крупным. Таков например проф. Высочанский, который в своей книге «Кооперативный кредит» пишет о преимуществах мелкого хозяйства над крупным.

Задачи аграрников-марксистов в борьбе на идеологическом фронте огромны. Мы должны бороться с неонароднических и другими буржуазными идеями, учитывая, что в национальных республиках эта борьба более трудна, потому что меньше марксистских сил,—заканчивает свою речь т. Лозовый.

Под этим углом зрения выступал и делегат БССР—т. Пинчук. В Белоруссии,—говорит т. Пинчук,—представители мелкобуржуазной и буржуазной точек зрения, особенно в последнее время, в связи с социалистическим наступлением на капиталистические элементы в городе и деревне, проявили чрезвычайно большую активность. Они противопоставили генеральной линии партии на социалистическое переустройство сельского хозяйства свою линию на развитие индивидуального крестьянского хозяйства в виде мелких поселков и даже в виде хуторов. В Белоруссии мы имели довольно известное нашим белорусским товарищам явление так наз. «кисляковщины», которая является проявлением белорусского национал-демократизма. Бывший доцент Белорусской с.-х. академии Кисляков защищал развитие крестьянского хозяйства через мелкие поселки. Он обосновывал это индивидуальное развитие крестьянского хозяйства белорусскими особенностями, особенно условиями развития белорусского сельского хозяйства. Кисляков написал известный труд «Поселки»,—труд, который вышел уже после XV съезда партии, труд, в котором он противопоставляет генеральной линии партии на социалистическое переустройство сельского хозяйства развитие крестьянского хозяйства через мельчайшие поселки, причем он утверждает, что эта форма—форма мелких поселков—«и социально и экономически отвечает общей задаче реконструкции сельского хозяйства».

Эта установка Кислякова на мелкие поселки нашла свое отражение в правоуклонистской практике Наркомзема БССР. Товарищи конечно знают из нашей партийной прессы те директивы, которые давались быв. наркомом земледелия Прищеповым на основании теоретических установок в развитии сельского хозяйства. Прищепов указывал, что для Белоруссии создание крупных поселков не является эффективным и только создание мелких поселков является рациональным. Поэтому, не возражая против создания хуторов, он решительно рекомендует создание мелких поселков. Здесь мы имеем прямое искривление генеральной линии партии по вопросу о развитии сельского хозяйства.

Тов. Кувшинов в качестве примера привел Воронежский с.-х. институт. Здесь проф. Минин доказывает, что *трактор выгоден только в мелких товариществах, что он не выгоден в крупных коллективных хозяйствах.* И в то же время проф. Минин считает себя марксистом, так как он-де в 1913 г. на Киевском съезде агрономов говорил о коллективизации сельского хозяйства. Когда мы упрекали проф. Минина в том, что он является идеологом кулацкой точки зрения, то он нам ответил: «Наука не может заниматься воспитанием на основе марксизма и ленинизма, она должна отражать научно-объективную сторону». Нужно заострить *оружие ленинизма* и выкорчевывать буржуазные идеологии, которые распространяются среди подготовляемых аграрных кадров.

Наряду с выступлениями против буржуазных и мелкобуржуазных течений в аграрном вопросе были на конференции и выступления против буржуазных ученых, которые маскируются и выдают себя за марксистов, как на-

пример проф. Кажанов. Об этом говорили тт. Сулковский, Алексеев и другие. В чем сущность теоретических взглядов проф. Кажанова? ставит вопрос т. Сулковский. Он является ярким и определенным сторонником существования и дальнейшего развития мелкого крестьянского хозяйства. Он стоит на той точке зрения, что в сельском хозяйстве невозможно ни общественное разделение труда, ни введение в сколько-нибудь широких размерах машин. Он считает, что техника в сельском хозяйстве по мере интенсификации сельского хозяйства будет становиться, чем дальше, тем больше ручной техникой. Он становится, в сущности, на чаяновскую позицию так называемых дифференциальных оптимумов, т. е. на ту позицию, что от мелкого хозяйства отделяются постепенно всякие побочные отрасли, которые осуществляются в крупных размерах, в то время как мелкое крестьянское хозяйство продолжает существовать, как таковое. Вот основные выводы из теории проф. Кажанова. На заключительном пленарном заседании Конференции выступил с речью т. Сталин. Эта речь вышла в свет отдельной брошюрой под названием—«К вопросам об аграрной политике в СССР».

Резолюция

I Всесоюзной конференции аграрников-марксистов по докладу т. Милютина

„БОРЬБА НА АГРАРНОМ ФРОНТЕ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА“

1. Современный этап характеризуется коренным переломом на всех участках социалистического строительства. «Перелом этот шел и продолжает итти под знаком решительного наступления социализма на капиталистические элементы» (Сталин). В области развития сельского хозяйства перелом заключается в массовом переходе миллионов мелких производителей от отсталого, индивидуального собственнического хозяйства к крупному, коллективному производству и в широком строительстве совхозов-гигантов во всех важнейших отраслях сельского хозяйства. Это строительство ведет к решительному выкорчевыванию корней капитализма. *Успехи в этом отношении достигнуты благодаря решительному осуществлению индустриализации страны, что является решающим моментом для социалистической реконструкции сельского хозяйства.*

2. Крупнейшие успехи пролетариата на фронте социалистического строительства достигнуты благодаря тому, что его авангард—коммунистическая партия—вел правильную линию на основе марксистско-ленинской теории. «*Роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией*» (Ленин).

3. Истекший период характеризовался победоносным продвижением марксистско-ленинской теории, беспощадной борьбой с мелкобуржуазными и буржуазными контрреволюционными идеологиями, непреклонной борьбой с уклонами от единственно правильных и единственно революционных принципов ленинизма, которыми руководствуется рабочий класс и его партия в величайшей работе по строительству социализма в стране советов.

4. Марксистско-ленинская теория всегда вела беспощадную борьбу против буржуазных и мелкобуржуазных теорий в аграрном вопросе, вскрывая их реакционное содержание, направленное против интересов рабочих и основных масс крестьянства. Эти теории являлись оправданием и прикрытием наступающего капитализма, выдвигая якобы «особые» законы развития сель-

ского хозяйства, принципиально отличные от законов капиталистического развития. По существу же эти теории замазывали рост капиталистической эксплоатации, затушевывали противоречия капитализма в земледелии, классовое расслоение в деревне, узаконяли остатки крепостничества, одновременно борясь против революционного движения в деревне, происходившего под руководством пролетариата.

5. Конференция аграрников-марксистов констатирует разложение реакционного мелкобуржуазного идеологического фронта неонародничества. Этот распад происходит с одной стороны, путем перехода одной части представителей неонародничества на позиции махровой буржуазной установки свободного развития кулацко-капиталистических хозяйств; с другой стороны,—путем отказа части представителей неонародников от основ своих реакционных теорий, что может быть расценено как положительное явление.

Конференция считает необходимым и впредь *продолжать решительную борьбу за выкорчевывание всех остатков неонароднической идеологии.* Конференция при этом отмечает неполноту отказа от своих прежних взглядов ряда представителей неонародничества (Чаянов, Челинцев). Последние выступления этих неонародников с защитой ряда ложных немарксистских положений, в частности по вопросам колхозного строительства, *показывают необходимость решительного наступления на всех участках аграрной науки, где мелкобуржуазные воззрения и предрассудки находят еще убежище.*

6. Представители буржуазной теории в аграрном вопросе (Кондратьев, Макаров, Литошенко, Вайнштейн, Минин и др.) исходили из неизбежной победы в сельском хозяйстве СССР законов капиталистического развития. Взгляды этих представителей кулацкой идеологии отражают собой борьбу, которую ведет капитализм против социализма. Систематическая критика этой группой ученых курса на индустриализацию страны, критика социалистического строительства в деревне и пятилетнего плана являлась результатом их установки на необходимость и неизбежность реставрации капитализма в СССР. Конференция подчеркивает, что в настоящий период ожесточенного сопротивления капиталистических элементов социалистическому наступлению нужна еще более настойчивая борьба со всеми враждебными ленинизму теориями, *необходим беспощадный разгром всех реакционных буржуазных и мелкобуржуазных идеологий.*

7. Особую опасность в современных условиях представляет также тот тип буржуазных и мелкобуржуазных ученых и специалистов, которые отстаивают свои немарксистские взгляды, прикрываясь формальным признанием марксистско-ленинской теории и декларированием своего согласия с генеральной линией партии. Это формальное признание марксизма прикрывает извращение основых вопросов аграрной теории у них, признание ими того, что индивидуальное крестьянское хозяйство является наиболее прогрессивной формой сельского хозяйства (проф. Кажанов и др.).

8. В пределах партии имели место две крупнейшие атаки партийной линии в разрешении аграрно-крестьянского вопроса: троцкизм и правый уклон. Сущность троцкизма в аграрно-крестьянском вопросе сводится *к неверию в возможность для рабочего класса повести за собой основные массы крестьянства по пути социалистического строительства,* преодолевая кулацкие элементы и свойственные мелкотоварному хозяйству капиталистические тенденции. Это привело к созданию теории о невозможности построения социализма в СССР без победы пролетарских революций на Западе и факти-

ческому отказу от задачи социалистической переделки мелкого и мельчайшего крестьянского хозяйства (ленинский кооперативный план).

Меньшевистско-ликвидаторская контрреволюционная идеология троцкизма была полностью разоблачена партией, но трудности и сложности социалистического строительства в условиях мелкобуржуазного окружения, особенно в деревне, приводят к частичным рецидивам троцкистской и полутроцкистской идеологии. Это выдвигает задачу продолжения борьбы со всеми остатками троцкизма.

9. Эти же трудности социалистического строительства в условиях мелкобуржуазного окружения обостряют проявление правого уклона. Правый уклон, проявляющийся в отдельных прослойках ВКП(б), является результатом давления кулацко-капиталистических элементов на отсталые слои пролетариата и слои партии, связанные с ними. Правая оппозиция отошла от генеральной линии партии и стала рупором капиталистических элементов. Представителями правого уклона были допущены грубейшие оппортунистические ошибки в важнейших вопросах революционного марксизма-ленинизма: а) установка на ослабление темпа индустриализации; б) теория деградации сельского хозяйства; в) замазывание классовой борьбы в деревне, извращение марксистско-ленинской теории классовой борьбы, теория врастания кулака в социализм; г) извращение ленинского кооперативного плана и выхолащивание его социалистического содержания, непонимание того, что «роль пролетариата в такой стране заключается в руководстве переходом этих мелких хозяйств к обобществленному, коллективному общинному труду» (Ленин); д) трактовка колхозов и совхозов только как показательных хозяйств, не призванных еще долгий период играть решающую роль в производстве с.-х. продукции; е) ставка на развитие индивидуального крестьянского хозяйства и оппортунистическое извращение основного положения ленинизма о том, что к социализму сельское хозяйство придет через построение крупного общественного производства. Благодаря всем этим установкам правые скатились на позиции буржуазных экономистов. Методология, применяемая идеологом правого уклона Бухариным, решительно расходится с марксистско-ленинской методологией и ведет к ревизионизму в аграрном вопросе.

Признание лидерами правого уклона ошибочности своей политической линии не должно вести к ослаблению борьбы с их идеологией и разоблачению теоретических корней правого уклона, являющегося на данном этапе главной опасностью. *Конференция заостряет внимание аграрников-марксистов на необходимости дальнейшего углубленного разоблачения основных концепций правого уклона.*

10. Отмечая, что борьба с правоуклонистской идеологией перешла на новую ступень и что в настоящее время стоит исключительно важная задача углубленной критики основных теоретических построений оппортунизма и в особенности критики работ т. Бухарина и его школы, *конференция подчеркивает также особую актуальность выявления и разоблачения оппортунистических взглядов, прикрывающихся декларированием полного согласия с генеральной линией партии.* Конференция аграрников-марксистов отмечает, что подобные взгляды ведут к замазыванию противоречивых тенденций в развитии нашей деревни и являются попытками затушевать классовую борьбу и формы ее проявления (например Дубровский, скатывающийся к позиции Суханова и прочих мелкобуржуазных теоретиков).

Особо вредными являются правооппортунистические ошибки о том, что «индустриализация народного хозяйства неизбежно обостряет борьбу между

пролетариатом и всем крестьянством в целом» и что правый уклон отражает не давление кулака, а «лишь» шатания в основной крестьянской и, прежде всего, середняцкой массе» (Дубровский).

Подобные взгляды выражают трусливый эклектизм некоторых аграрников, характеризующийся боязнью открыто и прямо выступить с ревизией марксистско-ленинских взглядов и прикрывающийся своим формальным согласием с партийной линией, на самом же деле извращающий марксистско-ленинские положения.

11. Бурный рост колхозного строительства, организация крупнейших колхозов, переход к сплошной коллективизации целых районов есть процесс установления социалистических форм сельского хозяйства. Отличительной особенностью этого процесса является переход крестьянства от частной собственности к общественной собственности на средства производства, от индивидуального труда—к коллективному, от рыночных отношений—к планово-организованным формам обмена продукции города и деревни. *Рост коллективизации есть рост социалистических элементов и разрушение базы для роста капитализма, коренящегося в мелком крестьянском хозяйстве.* Попытка т. Ларина представить сплошную коллективизацию как организацию крупных кооперативных и *частнохозяйственных* предприятий является ревизией ленинского кооперативного плана, выхолащиванием его социалистического содержания. «Строй цивилизованных кооператоров *при общественной собственности на средства производства,* при классовой победе пролетариата над буржуазией—это есть строй социализма» [9].

Ларинская попытка противопоставления интересов сплошной коллективизации интересам пролетарского государства по линии цен, контрактации, снабжения и т. д. механически переносит противоречия между социалистическим и частнохозяйственным сектором народного хозяйства внутрь социалистического сектора, смазывает разницу между классовой борьбой вне колхоза и элементами классовой борьбы внутри колхозов, переносит экономические законы рыночного хозяйства в условия планомерно организуемого обмена продуктов промышленности и сельского хозяйства, является отрицанием ведущей роли пролетариата и социалистической промышленности в деле социалистической реконструкции крестьянского хозяйства.

12. Конференция подчеркивает, что перед аграрниками-марксистами стоит важнейшая задача решительной борьбы с антимарксистскими и антиленинскими (механическими и идеалистическими) течениями в аграрном вопросе, тесно связанными по существу с такими же течениями в области политической экономии и философии.

13. Социалистическая реконструкция всего народного хозяйства и в том числе сельского хозяйства требует значительного качественного и количественного углубления научно-исследовательской работы, которая должна обслуживать интересы социалистической реконструкции.

Проблемы планирования сельского хозяйства, особенно на базе сплошной коллективизации, проблемы перерастания простейших видов колхозов в высшие формы, проблемы создания крупнейших обобществленных хозяйств на машинно-тракторной базе, проблемы организации совхозов-гигантов во всех важнейших отраслях сельского хозяйства, организаторская роль пролетариата в деле социалистической реконструкции сельского хозяйства, проблемы классовой борьбы вне колхозов и элементов классовой борьбы внутри

[9] *Ленин*, Соч., т. XVIII, с. 142.

колхозов, проблемы техники (особенно электрификации) и организации труда в новых условиях социалистического строительства, проблемы взаимоотношений советов, колхозов, потребительской и сельскохозяйственной кооперации в условиях сплошной коллективизации,—все эти проблемы подлежат тщательной научно-исследовательской проработке и теоретическому анализу.

Вместе с тем конференция констатирует, что у ряда руководящих работников как в центре, так и на местах, существует недооценка теоретических работ и экономических дисциплин в частности.

Конференция считает, что необходимо положить конец этому пренебрежению к науке и дисциплинам, в особенности экономическим, используя в полной мере все достижения марксистско-ленинской аграрной научной мысли.

Конференция подчеркивает, что марксисты-аграрники должны находиться *на передовых позициях практического социалистического строительства, внося в практику свои теоретические познания и получая опыт практических работ для научных исследований.*

14. В настоящее время приходится констатировать явное отставание развертывания научно-исследовательской теоретической работы по сравнению с запросами практики социалистического строительства. Имеется огромнейший недостаток как кадров научных работников, так и научно-исследовательских учреждений. Для успешного развертывания всей научно-исследовательской работы необходимы специальные мероприятия по ее расширению и углублению. Усиленное развертывание теоретической работы и максимальное поднятие научного уровня работников требуется всем нарастающим темпом развития строительства социализма. В особенности необходимо подчеркнуть исключительную важность углубленной проработки важнейших проблем в области экономики переходного периода в их новой постановке.

15. Слабость теоретической марксистско-ленинской научной мысли в аграрном вопросе в братских компартиях Востока и Запада, при важности изучения путей развития классовой борьбы в сельском хозяйстве на Западе и, в особенности на колониальном Востоке, ставит перед марксистами-аграрниками задачу активнейшего и углубленнейшего изучения аграрных отношений в сельском хозяйстве вне СССР.

Вместе с тем необходимо изучить опыт некапиталистического развития отсталого с докапиталистическими формами сельского хозяйства Сов. Востока в социалистические формы под влиянием социалистической промышленности СССР.

На Западе в особенности необходима беспощадная борьба с оппортунистически-ренегатской, насквозь мелкобуржуазной теорией идеологов и теоретиков II Интернационала, продолжающих гнусное извращение марксизма (начатое Бернштейном и Давидом и ныне продолжаемое Каутским, Отто Бауэром, Бааде и др.). Социал-демократическая теория разрешения аграрного вопроса является открытой защитой основ капитализма как в городе, так и в деревне, что получило свое законченное выражение в недавно принятых аграрных программах австрийской и германской социал-демократии. Вместе с тем конференция подчеркивает необходимость вести самую решительную борьбу с аграрной программой изменников революции—брандлерианцами.

16. Не отрицая наличия отдельных ошибок в литературных работах некоторых товарищей, работников Аграрного института Комакадемии, *конференция считает необходимым особо подчеркнуть, что линия, проводимая Аграрным институтом Комакадемии, а также журналом «На аграрном фронте» является политически совершенно правильной и отвечает линии партии.*

ОТЧЕТ О СОВЕЩАНИИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ПО ИСТОРИИ ПАРТИИ, ЛЕНИНИЗМУ И ИСТОРИИ КОМИНТЕРНА

С 9 по 13 февраля в Коммунистической Академии происходило совещание преподавателей по истории партии, ленинизму и истории Коминтерна, созванное секцией по истории ВКП(б) Общества историков-марксистов при Комакадемии. В совещании участвовали как московские, так и иногородние товарищи. На пленумах были заслушаны доклады: т. Ярославского—Задачи изучения истории партии, т. Адоратского—О научной биографии Ленина, т. Попова, К. А.—Ленинизм, как научная дисциплина и предмет преподавания, т. Кина—История партии как наука, т. Бела-Кун—Задачи изучения истории Коминтерна.

На заседаниях секции были обсуждены тезисы: т. Кривцова—Программа по ленинизму, т. Ломакина Арк.—История ВКП(б) как предмет преподавания и т. Ленцнера—Преподавание истории Коминтерна в комвузах и вузах.

НОВЫЙ ЭТАП БОРЬБЫ И ЗАДАЧИ В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ ПАРТИИ И ЛЕНИНИЗМА

ДОКЛАД Е. ЯРОСЛАВСКОГО

В начале доклада т. Ярославский указывает, что «история ВКП(б) как наука, изучающая опыт борьбы пролетариата за социализм, опыт руководства этой борьбой пролетарского авангарда—партии—приобретает сейчас исключительное значение благодаря той роли, какую играет наша партия в СССР и в Коминтерне». Партия вырастает в огромную силу; к XVI съезду партия будет насчитывать около 2 с лишним миллионов членов.

Очень возросло, по сравнению с прошлым, значение парторганизации на фабриках и заводах, партия тесно связана с широкими массами крестьянства, растет интерес к партии не только у нас, но и во всех странах мира.

Приводя слова т. Сталина на конференции аграрников-марксистов о том, что наша теория отстает от практики, т. Ярославский указывает, что это относится не только к экономистам, но и к историкам партии.

Литература по истории партии вздается в малом количестве. Еще хуже обстоит дело с учебниками и учебными пособиями по этому вопросу для иностранных товарищей. А рассказать иностранным товарищам мы можем и должны многое. Одиннадцать лет революционного опыта, от первых шагов по разрушению капитализма до решающих боев за выкорчевывание его корней,—необходимо передать иностранным товарищам. Опыт руководства рабочего

класса многомиллионными массами крестьянства, опыт внутрипартийной борьбы, несколько повторных чисток нашей партии, организация многотысячных заводских партколлективов,—все эти моменты требуют повернуть историю партии к современности. «Надо,—как говорил Ленин,—не только учиться у революции, но и учить революцию». Необходимо так поставить изучение истории ВКП, вопросов ленинизма, чтобы сосредоточить внимание на важнейших вопросах борьбы рабочего класса сначала за доведение до конца демократической революции, а затем за социализм.

Переходя к вопросу о «наследстве» революционного прошлого, т. Ярославский указывает: обращение к прошлому необходимо для того, чтобы видеть ясно истоки большевизма и его борьбу за гегемонию в пролетарском движении. Дискуссии о Чернышевском и Народной Воле показали, что ряд вопросов прошлого не выяснен в достаточной степени и требует углубленного, коллективного изучения. Некоторые вопросы истории партии необходимо пересмотреть, подойти к их разрешению по-новому, напр., к вопросу о взаимоотношении пролетариата с крестьянством.

Разрешение этих вопросов имеет значение не только для нас, но и для всех почти компартий, «для завтрашнего дня мировой пролетарской революции». В связи с современной борьбой против оппортунизма, говорит тов. Ярославский, необходимо также поставить и изучение борьбы с оппортунистическими течениями в истории нашей партии и именно так, как ставил этот вопрос Вл. Ильич в своей работе «шаг вперед, два шага назад». Это тем более необходимо, что в настоящее время преподавание истории далеко не достаточно заострено на оппортунизме, на борьбе с правым и левым уклоном в партии. Особенно мало внимания уделяется борьбе с примиренчеством. Попутно т. Ярославский останавливается на необходимости пересмотреть оценку троцкизма. Определение троцкизма как течения «мелкобуржуазной революционности» теперь явно недостаточно. Троцкисты, выступающие в момент обостреннейшей борьбы в буржуазной печати с нападками на нашу партию, являются контрреволюционерами. Эволюцию этой организации, хотя и находящейся вне партии, следует тщательно изучать. Необходимо также дать должный отпор попыткам Троцкого фальсифицировать историю партии. Большое внимание т. Ярославский уделяет вопросу о роли партии, о взаимоотношении партии и класса. Этот вопрос приобретает тем большее значение именно теперь, когда целые фабрики и заводы коллективно подают заявления о вступлении в партию. Ссылаясь на точку зрения Ленина по этому вопросу, приводя его слова, что «не партия должна облекать заговорщическую организацию, а революционный класс, пролетариат, должен облекать партию», т. Ярославский говорит, что нельзя сливать рабочий класс и партию так, чтобы не было никакой грани. Однако то обстоятельство, что, несмотря на стихийную тягу в партию, принимают не всех, не уменьшает, а увеличивает обязанность заняться как воспитанием всей этой массы, так особенно и теми сотнями тысяч людей, которые вступают в партию теперь. Перед лицом громадной новой волны вступающих в партию, для того, чтобы эти новые слои вступающих в партию сделать просвещенно-ленинскими, необходимо по-новому перестроить работу так, чтобы ответить на важнейшие вопросы, которые интересуют новых членов партии. Необходимо дать им освещение всех вопросов классовой борьбы с точки зрения того, как поскорее подойти к уничтожению кулачества как класса, как поскорее подойти к полному отмиранию классов. И здесь необходимо уметь так подходить к вопросам истории

партии, чтобы прошлое служило иллюстрацией для понимания борьбы сегодняшнего дня.

В дальнейшем т. Ярославский остановился на вопросе о том, как строить изучение истории партии. Работу эту в основном надо строить на ленинском материале, тесно связывая ее с марксизмом, показывая, как ленинизм был сваян на всех этапах развития с учением Маркса. На связь нашей теории с марксизмом указывал и сам Ленин; все важнейшие работы Ленина продуманы с точки зрения марксистской теории. Наряду с этим необходимо показать, в особенности для западноевропейских товарищей, необычайно богатый, сложнейший опыт нашей борьбы за диктатуру пролетариата. Необходимо, добавляет т. Ярославский, по-новому поставить изучение эпохи империалистической войны, споров с люксембургианцами, с Вухариным, Пятаковым, Радеком и троцкистами. Необходимо также осветить и вопрос о партийном строительстве. Для освещения ряда вопросов, связанных с периодом нэпа, необходимо издать протоколы конференций, имевших место при Ленине, а также протоколы VIII, IX и XI съездов.

В заключение т. Ярославский приводит слова Ленина, сказанные в 1919 г., о том, что ни в какой стране трудящееся население не интересовалось так вопросом о превращении «капитализма в социализм», как у нас, и предлагает теперь, 11 лет спустя, когда мы уже имеем опыт превращения капитализма в социализм, изучать его, «чтобы помочь трудящимся массам в более короткий срок, под руководством коммунистической партии, завершить строительство социализма».

О НАУЧНОЙ БИОГРАФИИ ЛЕНИНА

ДОКЛАД Т. АДОРАТСКОГО

Тов. Адоратский указывает на задачи, которые ставит перед собой Институт Ленина, заканчивая издание произведений Ленина и предполагая в течение трех ближайших лет закончить издание всего ленинского литературного наследства. В плане научно-исследовательской работы на первом месте стоит научная история партии, затем научная биография Ленина и наконец история Коминтерна.

Говоря о задачах составления научной биографии Ленина, т. Адоратский считает необходимым особо поставить вопрос о периодизации жизни Ленина; то или иное разрешение его чрезвычайно важно для плана коллективной работы и для систематического собирания материалов.

Изучение биографии Ленина, говорит т. Адоратский, чрезвычайно сложно. Эта сложность—результат богатой содержанием эпохи, которая отразилась в жизни и деятельности Ленина как вождя и теоретика. Она охватывает начальный период империализма, революцию 1905 г., февральскую революцию 1917 г., величайшую в мире пролетарскую революцию, начавшуюся в октябре 1917 г. Кроме того сложность изучения биографии Ленина определяется деятельностью его как ученого, как гениального теоретика пролетарской революции.

Тов. Адоратский считает, что научную биографию Ленина следует начинать с 1887 г., и устанавливает три периода в его жизни.

Первый подготовительный период т. Адоратский ограничивает 1887—1893—1894 гг.

Второй период жизни Ленина с 1894 г. до империалистической войны 1914 г. настолько тесно связан с историей партии, что вопрос о периодиза-

ции после 1894 г. т. Адоратский считает вопросом о периодизации истории партии.

Беря за основу схему Ленина из «Детской болезни левизны», построенную применительно к общей истории России, к истории революционного движения и дополняя ее указаниями, имеющимися в других сочинениях Ленина по вопросу о формировании русской социал-демократии, т. Адоратский предлагает следующую периодизацию истории партии и, тем самым, периодизацию жизни Ленина.

I. До-искровский период 1893—1894 гг.—период возникновения и упрочения теории и программы социал-демократии, когда «социал-демократия существовала без рабочего движения»[1] и в сущности не являлась политической партией. Затем второе подразделение до-искровского периода—1894—1900 гг., когда социал-демократия, по словам Ленина, появляется на свет божий как общественное движение, как подъем народных масс, как политическая партия.

II. Далее — период «Искры» в который созданы «общетеоретические основы действительного революционного движения русского рабочего класса» (Сталин).

III. Период раскола и канун революции.

IV. Четвертый период—годы революции 1905—1907, которые были исключительно богаты содержанием. Всем известно, как характеризует этот период Ленин в «Детской болезни левизны».

V. Пятый период—эпоха реакции 1908—1910 гг.

VI. Затем идет период подъема 1911—1914 гг.—Наиболее характерным для этих обоих периодов был разрыв с оппортунизмом, что имело огромное значение и явилось необходимейшим условием успеха революции 1917 г.

VII. Дальнейший период империалистической войны 1914—1917 гг. т. Адоратский считает гранью второго периода жизни Ленина,—«вслед за этой гранью Ленин уже выступает как вождь мирового пролетариата».

VIII. В особый период выделен период второй революции в России,—февраль—октябрь 1917 г.

Такова в самых кратких чертах предлагаемая т. Адоратским периодизация истории партии и, следовательно, жизни Ленина.

Далее т. Адоратский указывает, что для предварительного плана работ по научной биографии важна постановка изучения произведений Ленина и предлагает следующую систематизацию их, расположив на три группы: 1) философия, теоретические основы марксизма, 2) политэкономия и 3) социализм.

Тов. Адоратский сообщает о плане научно-исследовательской работы Института Ленина в части опубликования ленинского наследства.

Вышли 23 тома, т. XXIV (по порядку XVI) выйдет вероятно в феврале, тома XXVI и XXVII предположено выпустить в апреле. Будут изданы дополнительных пять томов писем. Неопубликованные до сего времени письма составят содержание XIII Ленинского сборника (около 200 новых писем).

Ряд писем выйдут в других сборниках. В перспективе имеется издание военной переписки—главным образом телеграмм Ленина, которыми он руководил гражданской войной. Затем два больших тома будут посвящены империализму.

Далее — приблизительно один ленинский сборник будет посвящен империалистической войне.

[1] Ленин, Что делать?

Кроме того будут изданы: предварительная работа к «Государству и революции»; обширные материалы по аграрному вопросу; работа «Развитие капитализма в сельском хозяйстве Германии»; конспект «Аграрного вопроса» Каутского с выписками и замечаниями; рукопись по национальному вопросу под заглавием «Статистика и социология» и ряд других материалов по национальному вопросу—критика Р. Люксембург, польской социал-демократии, германских левых, Бухарина, Пятакова; материалы по изучению Лениным Маркса и Энгельса (4 тома переписки). Тов. Крамольников готовит новый сборник материалов, относящихся к 1905 г.

ЛЕНИНИЗМ, КАК НАУЧНАЯ ДИСЦИПЛИНА И ПРЕДМЕТ ПРЕПОДАВАНИЯ

ДОКЛАД К. А. ПОПОВА

Тов. Попов в начале своего доклада говорит, что сложившаяся схема преподавания ленинизма, которая соответствует схеме, приведенной в тезисах данного доклада, свидетельствует о том, что практика преподавания курса ленинизма целиком и полностью приняла определение ленинизма и его содержания, которое дано лучшим знатоком Ленина, лучшим и самым последовательным учеником и проводником его идей—т. Сталиным. Темы программы курса ленинизма, приведенные в тезисах т. К. А. Попова, следующие:

1. *Введение.* Ленинизм как особая научная дисциплина (марксизм и ленинизм, их исторические корни, сущность и метод). 2. Общая теория пролетарской революции. 3. Учение о диктатуре пролетариата. 4. Учение о социалистическом строительстве. 5. Учение о партии (стратегия, тактика и организация партии). 6. Аграрно-крестьянский вопрос. 7. Национальный и колониальный вопрос. 8. Диалектический метод Маркса и Ленина в применении к теории пролетарской революции, диктатура пролетариата.

Таким образом ленинизм как особая научная дисциплина и особый предмет преподавания есть марксистское учение эпохи империализма о пролетарской революции и диктатуре пролетариата или, иначе говоря, о программе, стратегии, тактике и организации пролетариата в борьбе за его диктатуру и за осуществление его задач, т. е. за создание коммунистического общества.

Поскольку ленинизм является продолжением развития марксизма, марксизмом империалистической эпохи, эпохи пролетарских революций, при изучении ленинизма следует иметь в качестве исходного момента для каждого его положения соответствующее положение учения Маркса и Энгельса. Тов. Попов указывает на опасность всякого рода «заскоков» и «недоскоков», возможных при сопоставлении положений ленинизма и соответствующих положений учения Маркса и Энгельса, что может найти свое выражение, с одной стороны, в преувеличении достижений Маркса и Энгельса, в приписывании им идей, которые могли родиться только в эпоху империализма, с другой стороны, в недооценке того, что было дано Марксом и Энгельсом.

Так, например, положения Маркса и Энгельса о сохранении на определенное время капиталистических элементов в эпоху пролетарской диктатуры, в частности, сохранение мелкого крестьянского хозяйства, нашли свое выражение в так называемой новой экономической политике и вошли в учение Ленина о социалистическом строительстве в эпоху диктатуры пролетариата, но это не значит, что Маркс и Энгельс создали уже развернутое учение

о социалистическом строительстве, осуществляемом диктатурой пролетариата. У них была первая гениальная наметка того учения, которое было впоследствии развернуто Лениным.

Аналогичный пример т. Попов приводит по вопросу о социалистическом строительстве в одной стране. Маркс и Энгельс неоднократно высказывали мысль, что пролетарский *переворот* побеждает первоначально в одной или нескольких странах, потом уже развивается в мировую революцию. Но из этого отнюдь нельзя делать выводов, что у Маркса—Энгельса было уже положение о возможности *построения социализма* в одной стране, выдвинутое и развитое Лениным.

Второй момент, который должен быть обязательно включен в изучение проблем ленинизма, являющегося непосредственным развитием марксизма, есть вопрос о ревизионизме «справа» и «слева» и о борьбе с ним, ибо характерная черта ленинизма заключается в том, что он растет, по выражению Ленина, в «борьбе с врагами внутри рабочего движения»—с оппортунизмом «справа» и мелкобуржуазным революционизмом «слева».

Далее т. Попов указывает на необходимость изучения ленинизма с точки зрения дальнейшего развития учения Ленина после смерти самого Ленина.

Сам ленинизм в процессе своего развития подвергается извращениям со стороны оппортунистических течений внутри ВКП(б) и Коминтерна в целом. Изучение ленинизма неразъединимо с изучением борьбы против этих извращений «справа» и «слева» (а в данный период в особенности справа) и против примиренческого отношения к ним.

Далее т. Попов останавливается на существовавших и сохранившихся и до настоящего времени попытках слияния курса ленинизма с курсом диалектического материализма, на перегруженности курса ленинизма вопросами истмата и политэкономии. Научно поставленное изучение ленинизма предполагает предварительное изучение материалистической диалектики, исторического материализма и политэкономии. Но поскольку даже хорошее изучение диалектического материализма, говорит докладчик, еще не обозначает достаточного овладения марксо-ленинским методом, то основная задача при постановке курса ленинизма заключается в том, чтобы на каждой конкретной проблеме пролетарской революции усвоить себе тот метод, какой применяется Лениным к постановке самих вопросов и к их разрешению.

Точно так же совершенно невозможным считает т. Попов изучение ленинизма без предварительного изучения «истории классовой борьбы и революции», истории ВКП(б), истории I, II и III Интернационалов.

Необходимый исторический подход к идеям ленинизма т. Попов противопоставляет такой точке зрения, которая, изображая ленинизм как простую совокупность определенных положений, относящихся к отдельным историческим ситуациям, лишает ленинизм всякого теоретического содержания. В качестве примеров, в которых получила отражение такая точка зрения, т. Попов приводит книгу т. Керженцева «Ленинизм», книгу т. Зиновьева «Ленинизм», статью т. Минца о «пятитомнике» избранных сочинений Ленина в журнале «Книга и революция». Находит свое выражение эта точка зрения и в преподавании. Наша задача поставить изучение и преподавание ленинизма по тому образцу, который дает нам сам Ленин, например, в «Детской болезни левизны». Там он ставит себе целью «применить к Западной Европе то, что есть общеприменимого, общезначимого, общеобязательного в истории и совре-

менной тактике большевизма». Уметь выделить это «общезначимое», «общеприменимое», сочетать его с конкретно-исторической постановкой проблемы и научиться применять его к разнообразнейшим конкретным обстановкам—вот основная задача, которая должна ставиться при изучении и преподавании ленинизма,—говорит т. Попов.

Характернейшей чертой ленинизма является «заострение внимания на роли классов, на роли пролетариата, его партии, на ролй революционной теории как орудия классовой борьбы пролетариата, на роли правильной тактики и организации пролетариата. Таким заостренным вниманием к этим вопросам, но вниманием именно ленинским, основанным на диалектико-материалистическом понимании роли классов, партии, теории, тактики и проч., должно быть проникнуто и все преподавание ленинизма». Наша обязанность в преподавании ленинизма вести борьбу против трех искажений ленинского учения—механистического, эклектического и идеалистического.

Говоря о действенности ленинизма, т. Попов считает далее необходимым с особой силой подчеркнуть ту сторону этой действенности, которая характеризуется неустанной и непрестанной борьбой со всякими отклонениями от основных положений марксо-ленинского учения. Прохождение курса ленинизма должно сопровождаться, говорит докладчик, борьбой с наиболее опасными в данный исторический период искажениями ленинизма, в настоящее время в первую очередь с правым уклоном, борьбой, основанной на серьезном изучении взглядов противника, так как только при этом условии она будет успешна.

Тов. Попов подчеркивает указание т. Сталина, что в настоящее время все вопросы нужно ставить по-новому. Вопрос о нэпе, вопрос о союзе пролетариата и деревенской бедноты с середняком, вопрос о борьбе с кулачеством и новой буржуазией вообще, вопрос о «смычке» с деревней, о «кооперативном плане» и коллективизации деревни,—все эти животрепещущие вопросы ставятся по-новому. На них должно быть заострено внимание, и в связи с их новой постановкой нужно во многом по-новому изучать Ленина. Нужно в частности с особенным вниманием брать у него все, что он говорил о непосредственных путях перехода к социализму, вновь изучать Ленина за период военного коммунизма.

В прениях по докладу т. Попова выступали тт. Сенкевич, Баевский, Кэтэ Поль, Фрумкина, Миронов, Горев, Вегер, Жиров, Вольфович, Мильштейн, Бронин, Быстрянский, Кривцов, Сербента, Теодорович, Мишин, Стефанишин, Хохлов, Леонидов, Анатольев.

В заключительном слове т. Попов вновь остановился на сочетании «общезначимого», «общеприменимого», «общеобязательного» с конкретно-исторической постановкой проблем ленинизма, на соотношении истории партии и ленинизма, на «действенности» в ленинизме и направлении всего изучения преподавания ленинизма к освещению и научному обоснованию проблем нынешнего периода, на необходимости по-новому подойти к изучению Ленина, в частности изучению его работ за период военного коммунизма с точки зрения задач современного этапа нашего развития. Кроме того т. Попов отметил необходимость включения в программу ленинизма проблемы «война и революция», а также настаивал на необходимости разделения и разграничения курсов истмата и ленинизма.

ИСТОРИЯ ПАРТИИ КАК НАУКА

ДОКЛАД т. КИНА

Поскольку общеполитическая установка в вопросе о задачах изучения истории партии и ленинизма была дана в докладе т. Ярославского, а вопрос преподавании истории партии будет прорабатываться в секции, докладчик сосредоточил свое внимание главным образом на вопросе, что представляет собой история партии как наука.

Подчеркивая трудность и сложность проблемы выделения и обоснования истории партии как самостоятельной научной дисциплины, докладчик считает, что «задача научной истории партии заключается в том, чтобы показать, как наша партия, революционная партия пролетариата, ленинская партия во главе пролетариата, во главе трудящихся масс пришла к власти, строительству социализма, к сегодняшним дням—последней и решающей борьбе с капитализмом внутри нашей страны, к борьбе ва международную революцию и т. д. Этим мы подчеркиваем неразрывную связь истории партии с современностью.

Лучшее понимание настоящего дня, лучшее предвидение будущего—такова общая установка в изучении истории партии.

Предметом истории партии является история ее программно-теоретических, тактических и организационных взглядов и условий выработки втих взглядов, организационного строительства и всей политической деятельности партии во всем ее многообразии, причем неотъемлемой составной частью истории партии является изучение внутрипартийной борьбы, условий выработки четкой ленинской революционной линии и борьбы внутри партии за эту линию, за проведение ее в жизнь, против всяких извращений марксизма и ленинизма».

Тов. Кин решительно высказывается против взглядов тт. Невского и Юдовского на историю партии как науку. Неправильная постановка вопроса т. Невским приводит его к смешению партии и класса. Ошибка т. Юдовского заключается в телеологизме в оценке истории партии, как науки нормативной; телеологическая точка врения т. Юдовского особенно сказалась по вопросу о периодизации истории партии (т. Юдовский предлагает периодизацию по целям, которые партия себе ставит). Докладчик считает, что подобная точка зрения может повлечь к идеалистической постановке вопроса, что особенно вредно в настоящих условиях оживления антимарксистских, антиленинских теорий (пример—рубинщина).

Далее т. Кин останавливается на вопросе о специфических закономерностях в истории партии, подчеркивая, что было бы неверно представлять дело таким образом, что можно открывать какой-то абстрактный всеобщий закон развития партии. Прежде всего т. Кин дает анализ взаимоотношений партии с рабочим классом. Отмечая, что эти взаимоотношения не представляют собою чего-то неизменного, застывшего, докладчик говорит, что основная установка заключается в признании роли партии как авангарда рабочего класса, как важнейшей двигательной силы в борьбе за социализм. Из положения партии, как авангарда рабочего класса, и высшей формы организации его вытекает наличие у партии своей специфической линии развития в пределах общей линии развития рабочего движения.

История рабочего движения рассматривает партию лишь как один из факторов борьбы. И совершенно естественно, что история рабочего движения, история революционного движения в особенности, не может уделять такого

внимания вопросам внутрипартийной борьбы, вытекающим из внутренней сущности партии как добровольного союза людей, как это может и должна сделать история партии.

Изучение «самодвижения» партии не в смысле изолированного замкнутого движения, а в тесной связи с рабочим движением, в связи с революционным движением, для самопознания нашей партии играет чрезвычайно важную роль. И это еще более акцентирует и подчеркивает значение выделения истории партии как самостоятельной науки. Это не значит, что мы отрываем историю партии от исторической науки вообще.

Далее т. Кин ставит вопрос о том, как следует подходить к изучению истории партии. Изучать историю партии следует, выделяя революционные струи во всем социал-демократическом движении с момента его возникновения, включая и тот период, когда большевизм сосуществовал в «блоке» с другими группами социал-демократии, так как «на всем протяжении своей истории ленинизм представлял особую теоретическую и политическую систему взглядов». Это не означает, конечно, отказа от изучения истории социал-демократии, так как история большевистской партии была ближайшим образом связана со всей историей социал-демократии. Тов. Кин подчеркивает абсолютную неправильность и вредность той точки зрения, которая пытается эклектически сливать историю большевизма с историей мелкобуржуазных партий, что особенно наблюдается по отношению к национальным коммунистическим партиям.

Далее докладчик намечает основные вехи для периодизации истории партии, беря в качестве принципа деления этапы формирования большевизма как партии и этапы борьбы за гегемонию в рабочем классе и за руководство крестьянством, борьбы против оппортунизма и либерализма, за диктатуру пролетариата и социализм,—добавляя, что предлагаемая им периодизация не исключает, а предполагает более детальную периодизацию истории партии внутри каждого основного периода.

Периодизация, предлагаемая т. Кином, следующая:

I. Предшественники с.-д. в русском революционном движении до зарождения с.-д. (1840—1870 гг.) (как введение к истории партии).

II. Зарождение с.-д. (1870—1883 гг.) и историческое подготовление большевизма (1883—1894, 1894—1903 гг.).

III. Образование большевистской партии и ее борьба за гегемонию в рабочем движении в эпоху буржуазно-демократической революции (1903—1905—1907—1912—1914—1917).

IV. Партия в период пролетарской революции и в период диктатуры пролетариата (февраль—октябрь 1917; 1917—1921 и т. д.).

Тов. Кин останавливается также на изучении внутрипартийной борьбы, отмечая неизбежность уклонов внутри партии, на что указывал и Ленин, говоривший, что, пока существуют классы, совершенно неизбежно появление мелкобуржуазных шатаний в рабочем классе и проникновение их в ряды партии. Изучить социальные корни, закономерности уклонов и их преодоления в борьбе на два фронта, в тесной связи со всей деятельностью партии как могущественного фактора классовой борьбы пролетариата,—такова главная задача истории партии.

В заключение, отмечая ценные работы по истории партии т. Ярославского, Бубнова, Невского, докладчик говорит, что подлинная ленинская научная история партии может быть написана в результате коллективной работы всех историков партии, исследователей и пропагандистов истории партии и ленинизма.

В прениях по докладу выступали тт.: Бешкин, Теодорович, Юдовский, Невский, Сафонов, Баевский, Горин, Волосевич, Гайсинский, Волин, Сеф, Бронин, Фрид, Выдра, Панкратова, Татаров, Горелов, Войтинский.

Почти всеми выступавшими было отмечено значительное продвижение вперед вопроса об истории партии как науки по сравнению с тем, как этот вопрос ставился на I всесоюзной конференции историков-марксистов, происходившей в январе 1929 г.

В заключительном слове т. Кин, отвечая т. Юдовскому, отметил, что тот своим выступлением лишь подтвердил свою идеалистическую точку зрения.

Ссылка т. Волосевича, выступившего в защиту т. Юдовского, на Сталина, говорит т. Кин, совершенно неправильна, так как т. Сталин в основу периодизации берет объективные, а не субъективные моменты развития, не противопоставляет цель и средства, не отрывает их одно от другого.

Касаясь выступления т. Невского, т. Кин говорит, что смешение партии и класса, приписываемое т. Невскому, подтверждается тем, что т. Невский предлагает картину истории революционного движения, рабочего движения дать так, чтобы картина истории партии как бы сама по себе вырастала подтверждается это и тем, что т. Невский не пытался поставить вопроса о закономерности развития истории партии в отличие от рабочего и от революционного движения.

В заключение т. Кин отметил, что никем из выступавших его тезисы не были опровергнуты, все замечания оппонентов свелись к дальнейшему развитию и уточнению тезисов. Ряд поправок и уточнений докладчик считает необходимым внести в тезисы.

ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ КОМИНТЕРНА

ДОКЛАД т. БЕЛА-КУНА

«История Коминтерна,—говорит докладчик,—ее исследование и широкое пропагандирование представляет собой одну из актуальнейших и важнейших научных и политических задач нового периода международной пролетарской революции». История боев Коммунистического Интернационала должна стать общим достоянием всего Коминтерна. «В целях максимального обеспечения правильного руководства новыми революционными боями», общая политическая установка для исследования и для преподавания истории Коминтерна определяется следующими моментами: кризисом стабилизации капитализма, являющимся результатом растущего кризиса мирового хозяйства, при одновременном укреплении Советского Союза, вплотную подошедшего к социализму; обострившимися классовыми боями в странах капитализма и революционным подъемом рабочего класса; обострением военной опасности, в первую очередь, между капиталистическими странами и Советским Союзом; теми задачами, которые встают в указанных условиях перед Коммунистическим Интернационалом. Задачи эти следующие: борьба пролетариата против фашизма и социал-фашизма; завоевание большинства рабочего класса; создание и обеспечение революционного союза рабочего класса и крестьянства в странах с мало развитым капитализмом, вовлечение пролетарских масс в наиболее высокие формы классовой борьбы при самом широком осуществлении тактики единого фронта, подготовка их к вооруженному восстанию, что в условиях военной опасности представляет подготовку трудящихся масс к превращению империалистической войны в войну гражданскую. Одной из важнейших задач Коминтерна в усло-

виях настоящего периода является борьба с правым уклоном, конкретные проявления которого выражаются, с одной стороны, в недооценке революционной ситуации, с другой стороны—в отставании передового отряда от активности широких рабочих и крестьянских масс.

Предмет истории Коминтерна т. Бела-Кун видит в «истории классовой борьбы и национально-освободительных движений, которые происходили под руководством Коммунистического Интернационала в эпоху империалистических войн и социалистической революции». В этом докладчик видит коренное отличие истории Коминтерна от истории I и II Интернационала, которая была главным образом историей рабочего движения.

Тов. Бела-Кун отмечает две возможные точки зрения на историю Коминтерна, которые обе в корне неправильны: одна рассматривает историю Коминтерна как историю его секций, а другая—противоположная—ограничивается лишь историей конгрессов.

По нельзя написать историю одной секции Коминтерна независимо от других секций Коминтерна (что не исключает изучения истории отдельных секций), так же как и нельзя оторвать историю Коминтерна от классовых боев пролетариата. Одной из важнейших задач истории Коминтерна т. Бела-Кун считает изучение борьбы с уклонами, так как «без этого история Коминтерна не может быть понята и не может способствовать проведению теперешних задач Коминтерна в борьбе за ленинизм против всяких уклонов. В связи с указанными задачами докладчик намечает ряд вопросов, по которым необходимо произвести исследования, во-первых, по периоду революционной ситуации 1919—1921 гг., о массовых забастовках пролетариата в Ср. Европе и на Балканах, во-вторых, по истории германского Октября, революционных событий в Германии в 1923 г., затем по китайской революции, в частности по кантонскому восстанию, а также по вопросам революционного движения в Индии и в ряде других колониальных стран.

Кроме перечисленных наиболее важных частных проблем, т. Бела-Кун отмечает следующие общие проблемы: изучение опыта тактики единого фронта в важнейших странах Европы, изучение всех значительных вооруженных восстаний, в особенности октябрьского, гамбургского и эстонского, и критическое исследование уклонов, которые в истории Коминтерна привели к тому, что коммунистические партии не замечали революционной ситуации, не сумели использовать ее и пренебрегали массовой работой. Далее докладчик приводит в качестве примера того, какая нужна история Коминтерна, исторические исследования Ленина, который (хотя и не был историком) «дал наиболее совершенные образцы применения сравнительно-исторического метода, сопоставляя ход русской революции с ходом революции других стран и времен», при этом «сравнительно-исторический метод никогда не означал для Ленина, как для многих историков-марксистов, механического применения исторических аналогий».

В заключение т. Бела-Кун характеризует значение изучения истории Коминтерна для членов ВКП(б), особенно в период послевоенного кризиса капитализма, в условиях нового революционного подъема, когда естественно возлагаются новые обязательства на одну из главных сил международной пролетарской революции—на пролетариат СССР и его руководящую партию.

В прениях по докладу т. Бела-Кун выступали тт. Розеяблюм, Касимов, Миронов, Гольд, Серебрянский, Фрумкина, Поль, Амбургский, Гопнер, Ленцнер, Панкратова, Сербента, Гасан-Али, Цитович, Власова.

В заключительном слове т. Бела-Кун останавливается на вопросе о месте истории Коминтерна в общей историографии и полагает, что вопрос этот связан с вопросом об отношении истории Коминтерна к истории I и II Интернационала. Если историю I и II Интернационалов, можно называть предисторией Коминтерна, говорит т. Бела-Кун, то нельзя историю Коммунистического Интернационала считать простым продолжением истории рабочего движения во время I и II Интернационалов, качественно отличающихся от Коммунистического Интернационала, так как последний является мировым Интернационалом. Поэтому должно быть разграничение между историей Коминтерна и историей Запада, вопреки предложениям некоторых товарищей об их объединении.

Указывая на предложения более широко толковать историю Коминтерна, т. Бела-Кун отмечает, что, подобно истории ВКП(б), история Коминтерна имеет свою закономерность и не может быть растворяема в истории класса, или масс. В заключение т. Бела-Кун указывает на необходимость поставить перед партийными инстанциями вопрос об организации подготовки кадров исследователей истории Коминтерна.

РЕЗОЛЮЦИЯ, ПРИНЯТАЯ ПЕРВЫМ ВСЕСОЮЗНЫМ СОВЕЩАНИЕМ ПО ВОПРОСАМ ПРЕПОДАВАНИЯ ЛЕНИНИЗМА, ИСТОРИИ ВКП(б) И КОМИНТЕРНА

Первое всесоюзное совещание, созванное Обществом историков-марксистов, по вопросам преподавания ленинизма, истории ВКП(б) и Коминтерна, отмечает, что в условиях переживаемого нами периода решительной борьбы за осуществление социализма вопросы преподавания ленинизма, истории ВКП(б) и Коминтерна приобретают особенно большое политическое значение, являясь могучим оружием большевистского воспитания пролетарских масс. Изучение ленинизма, истории ВКП(б) и Коминтерна должно служить актуальным задачам современной борьбы рабочего класса.

В условиях обострения классовой борьбы пролетариата особое значение приобретает революционная теория как могучее средство в борьбе за социализм. Только основываясь на марксистско-ленинской революционной теории пролетариат способен осуществить свое руководство широчайшими бедняцко-середняцкими массами крестьянства в деле выкорчевывания корней капитализма и уничтожения кулачества как класса в связи с коллективизацией сельского хозяйства, как необходимого условия социалистического строительства. Только революционная теория даст необходимое вооружение для борьбы со всяческими оппортунистическими влияниями на пролетариат. Вот почему нужно беспощадно разоблачать всяческое принижение борьбы за чистоту революционной теории и попытки ее оппортунистического толкования.

Еще в самый момент зарождения большевистской партии Ленин предостерегал, что не следует никогда забывать характерной черты оппортунизма — его «неопределенности, расплывчатости, неуловимости, что оппортунизм, по самой своей природе, уклоняется всегда от определенной и бесповоротной постановки вопроса, отыскивает равнодействующую, вьется ужом между исключающими одна другую точками врения, стараясь «быть согласным» и с той и с другой, сводя свои разногласия к поправочкам, сомнениям, к благим и невинным пожеланиям и проч. и проч.» [2].

---

[2] Ленин, Соч., т. VI, с. 320.

Эта борьба с оппортунистическими тенденциями особенно большое значение получает в условиях диктатуры пролетариата, когда ревизия ленинизма в своем развитии неизбежно перерастает в контрреволюционный фактор. Поэтому необходимо решительное разоблачение всяческих уклонов и попыток ревизии ленинизма. Нужно со всей решительностью подчеркнуть борьбу с особо опасным для данного момента правым уклоном, а также вести и систематическое разоблачение «левых» троцкистских вагнбов. Изучая прошлое, мы должны разоблачать борьбу враждебных большевизму групп и их попытки развращения классового сознания пролетариата, установить исторические корни современного оппортунизма всех разновидностей и вскрыть процесс перерастания антипартийных групп в антисоветские, контрреволюционные группировки (троцкизм).

Используя богатое наследство Ленина и большевистской партии, необходимо показать, как в результате непримиримой борьбы выковывалась революционная теория и создавалась могучая коммунистическая партия. Ознакомление с опытом прошлой борьбы партии приобретает еще большее значение, поскольку мы наблюдаем втягивание в дело социалистического строительства многочисленных кадров, не испытавших тягот капитализма и подпольной борьбы и не прошедших школы гражданской войны («молодежь»). В этих условиях огромное значение приобретает использование старых партийных кадров в деле большевистского воспитания и передачи им опыта прошлой борьбы партии.

В борьбе с искажениями ленинизма особое значение в данный момент имеет углубленное изучение вопроса ленинского учения о диалектике в историческом процессе. Нужно решительно разоблачать антиленинскую точку врения об эволюционистской механистической смене общественных формаций (т. Дубровский), так же как и неленинскую оценку исторической эволюции классов, при которой крестьянство рассматривается как исторически устойчивый и неизменяемый класс мелких производителей. Не менее опасно воскрешение народнической идеологии и идеализация мелких производителей, скатывающаяся к признанию революционности кулака. (Яворский, ныне исключенный из рядов ВКП(б)). В связи с этим особое значение приобретает ленинское понимание вопросов взаимоотношения утопического и научного социализма и вопроса об истоках большевизма. Широко развернувшаяся дискуссия о «Народной воле» выявила наличие у некоторых товарищей стремления к идеализации роли народничества (т. Теодорович), которое в современных условиях приводит в свою очередь к идеализации мелкого производителя. Совещание признает важность углубленного изучения истории ВКП(б) как самостоятельной науки.

В вопросах методологии истории партии необходимо повести борьбу, с одной стороны, против такого упрощенного, механистического «естественно-научного» подхода к объяснению общественно-исторических процессов, при котором игнорируется специфический характер этих процессов, и, с другой стороны, против скатывающихся к идеализму взглядов, снижающих в области истории партии проблему закономерности развития и подменяющих ее принципом целесообразности. Нужно повести решительную борьбу против попыток растворения истории большевизма в истории РСДРП, вообще против попыток представить ленинскую партию как синтез большевизма и меньшевизма во всех его разновидностях и троцкизма в том числе. История партии может быть научной дисциплиной только при условии изучения ее в строгом

духе марксистско-ленинской методологии. Только при исследовании богатого опыта ленинской борьбы за революционную теорию в духе строгой партийности мы сможем дать отпор всяческим попыткам искажения ленинского учения и вульгаризации его [см. книгу Эльвова и Ташкарова «Об одной попытке искажения ленинизма-марксизма», являющуюся ответом на столь же неудачную попытку освещения этих вопросов в книге т. Ксенофонтова «Основные вопросы стратегии и тактики ВКП(б)»].

Ряд ошибок, выявившихся за последнее время в вопросах изучения истории партии, ставит перед нами со всей остротой необходимость тщательного изучения Ленина и использование ленинских положений при разработке вопросов, имеющих современный актуальный характер. В ближайшее время должно сосредоточить особое внимание на вопросах ленинского понимания теории классовой борьбы в эпоху переходного периода, на проблеме смычки пролетариата и крестьянства, ленинского изучения переходного периода, на проблеме взаимоотношений партии и класса, в особенности периода диктатуры пролетариата, роли международной революции и роли колониальных освободительных движений в деле укрепления нашего Союза, как в деле развития международной революции. Изучение этих вопросов необходимо провести под углом зрения практических задач современного социалистического строительства, неуклонно разоблачая при этом взгляды, чуждые ленинскому учению (троцкизм и идеология правого уклона).

Вопросы преподавания ленинизма, истории ВКП(б) и Коминтерна, имеющие огромное политико-воспитательное значение, требуют проведения ряда неотложных конкретных мероприятий. Во-первых, необходимо добиться решительного перелома в отношении постановки в вузах и комвузах преподавания ленинизма, истории ВКП(б) и Коминтерна как самостоятельных основных учебных дисциплин. Во-вторых, необходимо обратить серьезное внимание на подготовку высококвалифицированных научно-преподавательских кадров по ленинизму, истории партии и Коминтерна, где положение с кадрами совершенно неблагополучно, между тем как изучение и преподавание истории Коминтерна в нынешних условиях нарастания мирового революционного подъема становится одним из важнейших рычагов интернационального воспитания широких пролетарских масс. В-третьих, необходимо обратить серьезное внимание на почти полное отсутствие литературы по истории Коминтерна и заграничных компартий и поручить Обществу историков-марксистов совместно с Институтом Ленина приступить к изданию коллективного учебника по истории Коминтерна, а также опубликованию в качестве учебных пособий документов по истории заграничных компартий и западноевропейских пролетарских революций.

Признавая, что созванное Обществом совещание по вопросам преподавания ленинизма, истории ВКП(б) и Коминтерна должно оказать значительное влияние в деле улучшения постановки преподавания этих дисциплин, считать весьма желательным созыв Всесоюзной конференции научных работников, занятых в этих областях, с тем, чтобы на конференции поставить ряд докладов, освещающих наиболее важные и актуальные вопросы.

РАБОТА ПРЕЗИДИУМА КОМАКАДЕМИИ

ЯНВАРЬ—МАЙ 1930 г.

В истекшие 5 месяцев Президиум Комакадемии охватил в своей работе довольно обширный круг вопросов.

Реконструктивный период ставит иные, чем прежде, задачи перед научно-исследовательскими учреждениями, которые естественно могут быть разрешены только при соответствующих организационных формах.

Комакадемия, как молодой еще центр марксистской теоретической мысли, не в достаточной степени организационно отвечала тем требованиям, которые предъявлялись к ней всем ходом социалистического строительства.

С другой стороны, все с большей настоятельностью возникала необходимость концентрации марксистской теоретической работы и подготовки новых коммунистических научных кадров.

В связи с этим встал вопрос о реорганизации Коммунистической академии и в первую очередь—о переходе в Комакадемию ряда институтов из Рациона.

Помимо институтов истории, философии и других, уже ранее включенных в состав Комакадемии, президиум высказался также за перевод в Комакадемию и Института экономики с тем, чтобы из этого института и экономической секции организовать более мощный Институт экономики Комакадемии.

Вставший затем основной вопрос о коренной реорганизации Комакадемии в связи с включением в ее состав ИКП и Рациона отодвинул разрешение вопроса об Институте экономики Рациона, и лишь в самое последнее время он получил положительное разрешение.

На основании поручения директивных инстанций Президиум приступил к выработке проекта реорганизации Комакадемии, который в начале марта подвергся всестороннему обсуждению как со стороны общественности Комакадемии, так и на заседаниях Президиума. После внесения ряда дополнений и уточнений проект был представлен в директивные инстанции, где он не был полностью принят. Вместо слияния ИКП с Комакадемией решено было ограничиться усилением влияния Комакадемии на работу соответствующих институтов, на которые разбивается ИКП.

Перед Комакадемией встала задача широко развернуть работу по подготовке аспирантуры, Президиум постановил разработать положение о вновь организующейся учебной части. Вопрос о подготовке кадров получил также свое отражение и в разработанном ученым секретариатом при ближайшем участии учреждений Комакадемии проекте организационной структуры как всей Комакадемии, так и отдельных ее учреждений.

Истекший период характеризуется также тем, что Президиуму приходилось в довольно широком масштабе заниматься вопросами организации новых научно-исследовательских учреждений и научных обществ, а также принятием ряда таких учреждений и организаций из других ведомств.

Оба эти момента свидетельствуют об укреплении идеологического влияния Комакадемии, которая все в большей степени превращается в основной центр марксистско-ленинской теоретической работы.

1 января 1930 г. решен вопрос об организации Общества аграрников-марксистов, и 14 февраля утвержден его устав. Общество приступило уже к работе.

Вопрос об организации Общества педагогов-марксистов принципиально был разрешен еще в 1929 г., фактически оно оформилось и приступило к работе лишь в начале этого года, когда Президиум утвердил устав Общества и временный совет его в составе тт.: Аболина, Бем, Бердникова, Бубнова, Волжиной, Евреинова, Коган, Колесниковой, Луначарского, Менжинской, Покровского, Таля, Шохина, Шульгина, Эпштейна, Рахимбаева, Стецкого, Крупской, Попова К. А., Стриевской, Поверна, Яковлевой В. И., Шацкого и 6 к ним кандидатов (Руднев, Станчинский, Кривцов, Крупенина, Нетунская и Алынов).

Давно назревшая в связи с реконструктивным периодом необходимость концентрации научно-технических марксистских сил поставила перед подсекцией техники Комакадемии вопрос об организации Общества техников-марксистов. В мае был утвержден его устав, и оно приступило к развертыванию своей работы.

Почти одновременно с этим ввиду расширяющейся работы по вопросам рационализации, техники, энергетики, встал вопрос о выделении подсекции техники в самостоятельное научно-исследовательское учреждение Комакадемии. Постановлением Президиума 3 мая 1930 г. подсекция техники была реорганизована в секцию.

Организованная в 1929 г. ячейка по изучению краеведческих вопросов за небольшой промежуток времени развернула свою работу, но вместе с тем выявилось, что дальнейшее развертывание этой работы тормозится организационными рамками ячейки. По заслушании доклада о работе ячейки (11/II 1930 г.), Президиум постановил преобразовать ее в комиссию, предложив ей теснее увязаться с учреждениями Комакадемии и с соответствующими отделами ЦБК. На том же заседании утверждено бюро комиссии в составе тт. Смидовича (председатель), Максакова (заместитель), Баранского, Вангенгейма, Оширова, Преображенского, Красикова, Карпыча, Панкратовой и Сегаля. Последний утвержден ученым секретарем этой комиссии.

За этот же отрезок времени окончательно решен вопрос об организации Ассоциации востоковедов-марксистов, которая должна будет проделать большую работу по консолидации марксистских сил, работающих по восточным проблемам и по идеологическому руководству в этих вопросах. Президиум Комакадемии пополнил президиум оргбюро Ассоциации новыми членами (11/II 1930 г.), санкционировал выпуск декларации от его имени о задачах марксистов-востоковедов и принципиально разрешил вопрос о необходимости печатного органа для ассоциации. Однако несмотря на все эти организационные мероприятия, ассоциация еще до сих пор не развернула в должной мере своей работы. Исходя из невозможности в течение ближайших 2—3 месяцев созвать всесоюзный съезд, могущий выбрать руководящий орган Ассоциации марксистов-востоковедов, и в то же время считаясь с крайней необходимостью

начать практическую работу, Президиум Комакадемии постановил «считать целесообразным наделить президиум оргбюро АМВ основными правами руководящего центра, могущего обеспечить руководство востоковедческими делами». Вместе с тем Президиум утвердил следующий порядок дня учредительского собрания: 1. Задачи марксистского востоковедения. 2. Рассмотрение декларации. 3. Организационный вопрос. 4. Текущие дела.

Наряду с этим Президиум Комакадемии одобрил в принципе организацию научно-исследовательского института по востоковедению и поручил президиуму оргбюро АМВ разработать проект положения об этом институте.

Помимо организации новых научно-исследовательских обществ и учреждений Комакадемия включила в свою систему ряд уже существующих научно-исследовательских организаций. Так, окончательно перешел в Комакадемию, правда, с сохранением некоторой самостоятельности Институт мозга НКЗдрава; решен вопрос о переходе в Комакадемию лаборатории ВСНХ по генетике минералов, директором которой утвержден т. Федровский, ученым секретарем— т. Перкин. Эти два учреждения явятся дальнейшим укреплением экспериментальной базы естественно-научного сектора Комакадемии.

Принимая во внимание, что расформирование Раниона поставило Институт советского строительства и права перед необходимостью немедленного принятия в свой состав бывшего Института советского права Раниона, Президиум, вопреки ранее вынесенному решению бюро ИССП о проведении слияния не ранее осени 1930 г., постановил «утвердить слияние Института права Раниона с Институтом советского строительства и права на основе достигнутого между ними соглашения».

По этой же линии идет и решение Президиума Комакадемии о включении в свою систему Истпрофа ВЦСПС, который будет вести всю свою работу при непосредственном участии и руководстве Института истории Комакадемии.

Таким образом, независимо от решения вопроса о полной реорганизации Комакадемии, ИКП и Раниона, Комакадемия все более и более становится тем центром, около которого группируются марксистско-ленинские научно-исследовательские учреждения.

Наряду с вопросами организации и включения новых научно-исследовательских образований в свою систему, Президиум Комакадемии занимался и вопросами комплектования своих учреждений как в части руководящего персонала, так и по линии привлечения старших научных сотрудников, утверждения новых членов секций, институтов и т. д.

Так например в Секции по изучению проблем войны утвержден список новых членов в количестве 15 человек. Одновременно утвержден основной состав секции по Ленинградскому отделению Комакадемии; несколько товарищей утверждены членами антирелигиозной комиссии.

Утвержден президиум Кооперативной секции в составе тт.: Владимирского (председатель), Ловового (заместитель), Варьяш, Швецова, Белоусова, Пичихана, Тихомирова и двух представителей от аспирантов. В дальнейшем этот список несколько расширился.

Утвержден президиум Аграрного института в составе следующих тт.: Крицмана, Милютина, Гайстера, Кубанина, Верменичева, Сулковского, Лурье, Цылько, Никулихина, Уварова и декана Аграрного отделения ИКП.

18/III Президиум Комакадемии утвердил президиум Общества аграрников-марксистов в составе тт.: Милютина, Крицмана, Гайстера, Верменичева,

Сулковского, Лурье, Цылько, Никулихина, Уварова, Уласевич, Лаптева (ИКП), Булатова, Назимова (Ростов), Уварова (Ленинград), Орагвелидзе (Тифлис), от Украины—Бидаша, Берэтыса, от Белоруссии—Пинчука.

28/III утверждено бюро группы энергетики при подсекции техники в составе тт.: Флаксермана, Вейца и Грановской.

По линии секции литературы, искусства и языка утверждено (15/IV) бюро подсекции художественной агитации и пропаганды в составе тт.: Пельше (председатель), Янель, Игнатова, Масленникова и Лебедева (уч. секретарь).

По линии естественно-научного сектора Президиум возбудил перед ЦК ВКП(б) вопрос о направлении т. Белкина на работу в Биологический институт им. Тимирязева в качестве заместителя директора.

Приглашен также в качестве зам. директора Института по изучению высшей нервной деятельности проф. Беритов—крупный ученый физиолог.

За рассматриваемый период по целому ряду учреждений удалось получить несколько старших научных работников, хотя необходимо отметить, что потребность в них далеко еще не удовлетворена.

По особому ходатайству Президиума откомандированы для работы в Комакадемии—т. Смит М. Н. и т. Керженцев. П. М.

1/III 1930 г. ученый секретарь Президиума т. Торбек постановлением Президиума освобожден от своих обязанностей и его должность занял т. Островитинов.

Совместно с учреждениями и общественными организациями Президиумом был составлен список товарищей из числа окончивших аспирантуру Комакадемии, ИКП и Раниона, на которых претендовала Комакадемия. К сожалению заявки Комакадемии, ввиду огромного спроса на этих работников со стороны провинции и хозяйственных органов, были удовлетворены лишь в незначительной степени.

Развертывание работы Комакадемии поставило перед Президиумом вопрос о пополнении своего состава новыми членами из числа молодых научных сил, зарекомендовавших себя серьезными научными работами.

Этому пополнению своего состава Президиум придал широко общественный характер, привлекая как учреждения так и общественность к обсуждению и намечению кандидатов в члены Комакадемии.

Результат этой работы выразился в отборе лучших молодых научных сил, на которых ляжет задача по активизированию всей работы Комакадемии.

* * *

Одной из главных форм руководства работой учреждений Комакадемии со стороны Президиума является заслушивание докладов, отчетов, информаций со стороны своих учреждений и директивные указания Президиума по этим отчетам.

За отчетный период были заслушаны доклады, отчеты и информация о работе двенадцати учреждений, двух энциклопедий и рассмотрены 3 резолюции, имеющие принципиально-политическое значение (резолюция Конференции аграрников-марксистов, резолюция об итогах дискуссии о Переверзеве и резолюция Общества статистиков-марксистов об исключении Громана).

Институт мирового хозяйства и мировой политики

1 марта был заслушан отчетный доклад Института мирового хозяйства и мировой политики. В принятом постановлении, после констатации ряда

достижений в работе института, отмечены недочеты м даны директивы, формулированные Президиумом в следующем виде:

Президиум считает необходимым указать институту на необходимость:

1) усиления большей связи с другими городами СССР, в особенности с Ленинградом, Харьковом, Минском, Тифлисом и другими центрами Союза;

2) закончить в текущем году начатые исследовательские работы по основному плану с расчетом, чтобы значительная часть работ института была сдана издательству еще до окончания академического года.

3) Президиум считает необходимым указать институту мирового хозяйства и мировой политики на необходимость усиления работы как в смысле постановки докладов, так и в смысле литературных работ на современные актуальные экономические и политические темы, в частности связанные: а) с опасностью войны, б) с распространением экономического кризиса на европейские капиталистические страны, в) с отношением капиталистических стран и буржуазной экономической теоретической литературы к вопросам социалистического строительства в СССР (осуществление пятилетки, раскулачивание, коллективизация и т. п.).

4) Расширить аспирантуру для подготовки большего количества научных кадров по вопросам мирового хозяйства и мировой политики.

Институт философии

11/II 1930 г. заслушан доклад Института философии, по которому были развернуты интересные прения. Одновременно с этим был сделан и отчет о работе Философской энциклопедии.

В своем постановлении Президиум отметил достижения в работе института и дал ряд директивных указаний, которые в основном можно свести к следующим положениям:

1. Институту философии удалось сплотить вокруг себя все основные марксистско-ленинские философские кадры и развернуть значительную работу в области исследования проблем марксистско-ленинской философии.

2. Считая своевременным включение институтом в план своей работы критики теоретических основ правого уклона, Президиум Коммунистической академии признает также правильным и проводимый институтом поворот в своей работе, обусловленный новым этапом революции и намечающий разработку ряда новых актуальных теоретических проблем, а также правильным признает и решение института ближе подойти к разработке и разрешению методологических проблем конкретных наук.

3. Президиум одобряет план подготовки серии статей и брошюр по актуальным проблемам и популярной библиотечки по диалектическому и историческому материализму и поддерживает решение правления о перенесении центра тяжести в работе института на коллективную работу.

4. Институту философии предложено установить более тесную связь в своей работе с соответствующими философскими учреждениями Украины, Ленинграда и других городов и усилить руководство этими учреждениями.

5. Исходя из задач, стоящих перед Институтом философии, и принимая во внимание недостаточность кадров, Президиум обратился в ЦК ВКП(б) с ходатайством о прикреплении к Институту философии необходимого кадра научных работников.

Уже после доклада Института философии на Президиуме Комакадемии состоялось совместное заседание фракции Института философии и ОВМД, на котором принята революция о новых задачах на философском фронте.

Исходя из того, что «дальнейшая работа на философском фронте борьбы за марксизм-ленинизм определяется прежде всего теми общими задачами, которые в настоящее время стоят перед страной пролетарской диктатуры», революция наметила основные линии, по которым должна развернуться работа института, а именно:

1) разработка теории материалистической диалектики продолжает оставаться важнейшей задачей на философском фронте;

2) дальнейшая работа над разработкой теории диалектики должна итти в самой тесной связи с теоретическими и практическими задачами;

3) важнейшей задачей является разработка проблем исторического материализма, в особенности в применении к переходному периоду;

4) необходима систематическая критика идеологии контрреволюционного троцкизма, которая до сих пор в области философии велась совершенно недостаточно, а также различных правых и «левых» уклонов в коммунистическом движении;

5) должна быть усилена борьба на два фронта: и против механистов, и против идеалистических шатаний;

6) должен быть дан отпор опасности, искажающей диалектику, сводящейся к такому толкованию, когда она превращается в мертвую схему, набор пустых фраз;

7) необходима борьба с примиренческим отношением ко всякого рода отклонениям от диалектического материализма;

8) необходимо участие философов в работе различных конкретных наук;

9) необходимо сосредоточение внимания на разработке методологии политической экономии, на усвоении метода Маркса и Ленина для применения его к изучению советского хозяйства и современного империализма;

10) необходимо большее участие в антирелигиозной пропаганде, дальнейшее развертывание массовой работы, пропаганды диалектического материализма и стремление организационно охватить широкие кадры рабочего актива на предприятиях;

11) необходимо большее внимание делу помощи заграничным коммунистическим партиям в их борьбе с религией, идеологией с.-д., идеализмом и поповщиной.

Намечая перечисленные задачи, революция, исходя из того, что «философский фронт—один из участников руководимого коммунистической партией фронта борьбы за построение социализма в нашей стране, за международную революцию», вместе с тем подчеркнула, что коренным условием выполнения этих огромных задач является решительное развертывание подлинно большевистской самокритики. «Самокритика должна обеспечить такое положение, чтобы маленькие ошибки в среде марксистов не замалчивались, а немедленно подвергались критике и исправлению».

Одновременно с этим революция подчеркивает, что «требования, предъявляемые к теоретической мысли, могут быть выполнены только большим, постоянно пополняющимся новыми силами коллективом теоретических работников, а потому работе по подготовке новых теоретических кадров должно быть уделено огромное внимание», «причем во всей этой работе необходимо

решительно проводить линию на орабочение кадров теоретических работников».

Вопрос о задачах философского фронта должен быть обсужден на Президиуме.

Секция литературы, искусства и языка

14 февраля был заслушан отчет о работе Секции литературы, искусства и языка, а немного ранее о Литературной энциклопедии. Редакции Литературной энциклопедии предложено: 1) представить на утверждение Президиума подробный план издания, обоснованный твердыми словниками и 2) пересмотреть план Литературной энциклопедии, ориентируясь на сокращение количества томов, окончательное число которых утвердить в заседании Президиума одновременно с рассмотрением плана ивдания.

По докладу Секции приняты следующие основные положения:

1. Представить окончательно проредактированный проект резолюции по перевервевской дискуссии.

2. Считать необходимой организацию при секции журнала критико-методологического характера.

3. Утвердить редакционную коллегию журнала в составе тт.: Керженцева (отв. ред.), Бескина, Беспалова, Лебедева-Полянского, Маца, Пусинова.

4. Считать необходимым переход Института литературы Раниона в Комакадемию и принять меры к возможно скорейшему принятию в состав научных учреждений Комакадемии также и Института археологии Раниона.

5. Созвать конференцию марксистов-критиков и литературоведов в мае текущего года.

Краеведческая ячейка

По заслушании информационного доклада о работе Краеведческой ячейки постановлено:

1. Основной задачей на ближайший период деятельности Краеведческой ячейки Комакадемии привнать привлочение к вопросам советского краеведения внимания широких кругов партийных, профессиональных и научных работников-марксистов и создание центра для разработки вопросов методологии краеведения.

2. В этих целях считать необходимой постановку в Комакадемии ряда докладов как о работе ЦБК и местных краеведческих организаций, так и о методах построения краеведческой работы в дальнейшем. Краеведческую ячейку преобразовать в Краеведческую комиссию и предложить институтам, секциям и комиссиям Комакадемии теснее связаться в своей работе с Краеведческой комиссией и соответствующими отделениями ЦБК.

3. Для наилучшего идеологического руководства краеведческим движением, особенно в Союзных республиках, признать желательным создание единого с ЦБК печатного органа под названием «Советское краеведение», утвердив ответственным редактором его члена бюро Краеведческой комиссии т. Вангенгейма.

Необходимо отметить, что ряд поручений Комиссией уже выполнен (доклады, печатный орган).

Общество педагогов-марксистов

21 февраля по докладу Общества педагогов-марксистов утвержден устав общества, временный совет его, кроме того дана директива при формиро-

вании постоянного состава общества пополнить его педагогами-практиками, представителями профсоюзов, потребительской кооперации, ВСНХ и др.

Секция по изучению проблем войны

21 марта по заслушанному 11/III докладу Секции по изучению проблем войны была принята довольно обширная революция, основные пункты которой говорят об укреплении ее как методологического марксистского центра по вопросам, связанным с изучением проблем войны.

Всем учреждениям Комакадемии предложено в своей научно-исследовательской работе уделять больше внимания проблемам войны и обороны страны и теснее связаться с Военной секцией.

Одобрена организация учебного семинара для марксистско-ленинской подготовки адъюнктов и преподавателей военных академий РККА, а также предложено ускорить издание «Записок» Секции и других научных трудов.

Институт советского строительства и права

В принятой 21/III 1930 г. революции по докладу Института советского строительства и права Президиум Комакадемии отметил, что слияние Института советского строительства с Секцией права и государства вполне себя оправдало.

В отношении работы института Президиум указал на ряд недочетов, задержек и предложил институту: 1. Обеспечить срочную разработку вопросов гражданского и земельного права. 2. Своевременно окончить работы, подготовляемые к XVI партсъезду. 3. Ускорить начатую работу по организации научно-исследовательских ячеек на местах и Общества марксистов—работников по праву и государству. Президиум одобрил также созыв конференции этих работников с привлечением на нее и работников по совстроительству.

Секция естественных и точных наук и Институты—Биологический им. Тимирязева и Высшей нервной деятельности

21 апреля был заслушан отчетный доклад Секции естествознания. Для разработки плана дальнейшего развертывания работы Секции создана комиссия под председательством т. Шмидта в составе тт.: Агола, Бондаренко, Зимина, Гессена, Таля, Карлика и Максимова.

8 мая по заслушании отчетного доклада Биологического института им. Тимирязева Президиум принял революцию, в которой отметил ряд принципиальных установок для будущей работы института. Отметив, что основными задачами института являются марксистская проработка проблем биологии, подготовка марксистских кадров в этой области и непосредственное участие в социалистическом строительстве, Президиум, переходя к конкретной работе института, указал, что институт в первую очередь должен заниматься принципиальными узловыми проблемами современной биологии.

Основными стержневыми проблемами, марксистскую разработку которых должны взять на себя отделения института, по мнению Президиума, являются следующие: 1) узловые проблемы эволюционной теории, 2) проблема сводимости, 3) проблема целого и части и 4) проблема реконструкции сель-

ского хозяйства в связи с пятилеткой. В части подготовки марксистских кадров Президиум, одобрив взятый институтом курс на установление учета работы сотрудников и повышение ответственности руководителей за работу руководимых ими молодых ученых, указал, что особое внимание необходимо обратить на идеологическую подготовку молодых научных работников. Особо отмечена Президиумом новая форма отчетов молодых ученых, которые практикует институт и которые заслуживают широкого внимания. Сущность ее сводится к следующему: отчет делается по совокупности о проделанной работе (научной, педагогической и общественной) в присутствии представителей рабочих, студенческих, а также и хозяйственных организаций, заинтересованных в работе выпускаемого молодого ученого.

Заслушав 3/V отчет Института по изучению высшей нервной деятельности, Президиум обратил внимание на необходимость улучшения его хозяйственного обслуживания. Институт до сих пор в этом отношении находится в очень затруднительном положении, а потому управлению делами Комакадемии поручено немедленно проработать вопрос о предоставлении ИВНД большей автономии в административно-хозяйственном отношении (в настоящее время это уже осуществлено). Далее институту предложено представить на утверждение Президиума план работ.

Управление делами

13 мая был заслушан доклад Управления делами.

Постановлено:

1. Утвердить выделение Тимирязевского института, ИВНД и Библиотеки на правах третьестепенных распределителей кредита, оставляя за управлением делами контроль и инструктаж. Предложено Управлению делами проработать вопрос о целесообразности такого же выделения и по другим институтам.

2. В отношении распределения помещений решено взять курс на то, чтобы по возможности все основные институты Комакадемии были обеспечены отдельными помещениями.

3. При разработке сметы на 1930/31 г. поручено Управлению делами разбить ее на следующие разделы: а) смету на капитальное строительство, б) на научно-исследовательскую работу с подразделением на учреждения, бывшие в составе Комакадемии до нынешнего года, и учреждения, включенные в нее в последнее время и в) смету на учебную часть.

4. Решено поставить вопрос перед Моссоветом о необходимости выделения из 10%-ного фонда жилой площади некоторой части для сотрудников Комакадемии.

5. Поручено Управлению делами при предстоящем ремонте принять меры к утеплению здания и оборудованию мебелью.

Ленинградское отделение Комакадемии

В марте был вызван представитель Ленинградского отделения Комакадемии для доклада о работе отделения. После широко развернувшихся прений по этому докладу принято постановление, которым одобрено решение ЛОКА перенести центр тяжести теоретической работы на проблемы, связанные непосредственно с практикой социалистического строительства, а также одобрены и контрольные цифры набора аспирантов на 1930/31 г. и наме-

ченное соотношение между различными специальностями. Признано необходимым поставить перед ЦК ВКП(б) вопрос об обеспечении подготовки кадров посылкой в ЛОКА достаточного количества товарищей из оканчивающих ИКП, Коммунистическую академию и Ранион.

Связь с местами

В истекшем периоде Президиум принимал меры к установлению лучшей связи с местами и особенно с Ленинградским отделением. После поездки туда члена Президиума т. Милютина, решено было выделить для постановки докладов в Ленинградском отделении Комакадемии тт. М. Рубинштейна и Варга от Института мирового хозяйства и мировой политики; тт. Верменичева и Пикулихина от Аграрного института; т. Деборина от Института философии. Ленинградскому отделению предложено выделить докладчиков для выступления с докладами в Комакадемии. Кроме того, Ленинградскому отделению предложено выделить двух человек в качестве представителей в комиссию по выработке революции для Пленума Комакадемии и III конференции научно-исследовательских марксистско-ленинских учреждений.

Необходимо отметить, что работа по налаживанию связи не стоит еще на должной высоте, но все же к настоящему времени Комакадемия, путем выезда ряда докладчиков в различные города Союза, с одной стороны, и приезда с мест в Москву, с другой, сумела теснее увязаться с марксистско-ленинскими учреждениями периферии и ближе подойти к их работе.

За это время Комакадемию посетили представители Украинского института марксизма, Киевской кафедры марксизма-ленинизма при Украинской академии наук, представитель Среднеазиатской ассоциации научно-исследовательских марксистско-ленинских учреждений и представители Ленинградского отделения.

Планирование научной работы

Учитывая развивающуюся работу Комакадемии как в целом, так и ее отдельных учреждений, Президиум, в связи с составлением сметы и штатов, дал директивы о необходимости предусмотреть значительное расширение штатов новых научных работников с одновременным улучшением их материального обеспечения, а главное создание материальных условий, обеспечивающих быстрое развертывание научно-исследовательской работы.

Особое внимание уделил Президиум пятилетке научных кадров Комакадемии. По пятилетке, утвержденной Президиумом, количество научных сотрудников с 298 (1929/30 г.) должно к концу пятилетки увеличиться до 663, а количество аспирантов со 148 до 1 774 (общий контингент). Прием аспирантов по годам намечен следующий: 1930/31—450; 1931/32—500; 1932/33—600, причем развертывание подготовки кадров должно итти, главным образом, по линии Экономической секции, Аграрного института, Кооперативной секции, Института мирового хозяйства и мировой политики и Института права и советского строительства. По этим секциям и институтам процент приема решено довести не менее чем до 60% общего количества аспирантов. В целях улучшения социального состава научных кадров постановлено довести в ближайшее время процент аспирантов из рабочих и детей рабочих не менее чем до 50%, а к концу пятилетки не менее чем до 70%.

Вторая конференция марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений, а затем и ЦК ВКП(б) возложили на Коммунистическую академию роль планирующего центра по линии марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений. В связи с этим Президиум Комакадемии заслушал проект по организации и планированию научной работы во всесоюзном масштабе, составленный по поручению Президиума т. Шмидтом, О. Ю.

Согласно этому проекту, принятому Президиумом, планы научной работы всех марксистско-ленинских научных учреждений объединяются и утверждаются Президиумом Коммунистической академии. Госплан СССР, в лице его Секции науки, сводит поступающие от Комакадемии и центральных учреждений планы в единый всесоюзный план научной работы—годовой и перспективный; производит сводку в отраслевом и порайонном разрезе, выявляя степень обеспеченности научной работой каждой отрасли и каждой республики (области); выясняет, совместно с соответствующими отраслевыми секциями Госплана, в какой степени планы научных работ отражают те именно нужды народного хозяйства и культурного строительства, которые выдвигаются планами развития этих отраслей.

В результате сводного плана научной работы и учета потребностей, диктуемых планом народного хозяйства, Госплан СССР проектирует развитие сети научных учреждений, контингент научных работников, размер капитального строительства и ассигнований на научные нужды; составляет план потребности научных кадров и подготовки их; составляет план научных съездов и конференций и пр.

На основе принятых Президиумом Комакадемии постановлений о пятилетнем плане кадров секретариатом были разработаны и представлены в Госплан СССР контрольные цифры на 1930|31 г.

11/IV 1930 г. был заслушан и принят план работ Комиссии по изучению краеведческих вопросов. Краеведческой комиссии предложено организовать совместно с группой по экономической географии (экономической секции) совещание для совместного обсуждения вопроса о предмете и методе краеведения и экономгеографии с привлечением на указанное совещание представителей Аграрного института и Института советского строительства, после чего поставить доклад т. Преображенского «Марксистский метод в краеведении».

Помимо этого предложено Комиссии по краеведению выступить в печати со своим планом и предложениями о работе в области краеведения.

Съезды и конференции

За истекший период Президиум разрешал вопросы об участии Комакадемии в различного рода съездах и конференциях как внутри СССР, так и за границей, участие в которых еще в большей степени укрепило связи и идеологическое влияние Комакадемии и подняло ее авторитет.

Через Общество психоневрологов-материалистов, состоящее при Секции естественных и точных наук, Комакадемия участвовала на съезде по изучению поведения человека, состоявшемся в Ленинграде.

Постановлением Президиума Комакадемии (21/IV) в качестве представителей Секции естественных и точных наук на Киевский съезд зоологов были командированы тт. Агол, Левит и Левин М.

Международные связи Комакадемии за отчетный период выразились в следующем:

Постановлением Президиума 8/IV тт. Лукин, Волгин и Фридлянд были командированы на очередную сессию Международного исторического комитета в Кембридже (28 апреля—5 мая).

В целях ознакомления делегатов конгресса с развитием исторической мысли СССР в Кембридж была направлена книжная выставка исторической литературы. Наши делегаты приняли активное участие в работе пленума Комитета и его комиссий и ознакомили делегатов сессии с постановкой преподавания истории в наших школах. При формировании постоянных комиссий Комитета наши представители были включены в состав этих комиссий.

21/I 1930 г. был заслушан доклад т. Пашуканиса о его заграничной командировке в Берлин на конгресс адвокатов.

Вынесено решение о приглашении для научной работы в Комакадемию швейцарского адвоката т. Висс, который в настоящее время уже ведет научную работу в Институте советского строительства и права.

Подготовка кадров

В связи с развертыванием работы по подготовке кадров Президиум утвердил положение об аспирантах и условия приема для нового набора. В связи с предполагавшейся реорганизацией Комакадемии выработка условий приема сильно затянулась, и опубликование их стало возможным только в первых числах июня.

Был составлен пятилетний план подготовки аспирантов. Пятилетка предусматривает при значительном количественном увеличении также и значительное качественное улучшение состава аспирантов. По партийности количество аспирантов—членов ВКП(б) с 53,4% в 1929/30 г. в конце пятилетки поднимется до 95,0%, по социальному признаку количество аспирантов из рабочих и их детей с 20% в 1932/33 г. будет равняться 70,0%. Что же касается распределения аспирантов по специальностям, то к концу пятилетки намечается значительное расширение кадра экономистов, а среди них—аграрников.

В связи с общей работой по подготовке кадров в Союзе, Президиум по поручению директивных органов выработал проект постановления о подготовке научных работников и внес его на утверждение СНК.

Помимо обслуживания своей аспирантуры Президиум Комакадемии своим постановлением от 11/II принял обязательство по осуществлению методологического руководства работой аспирантов Академии наук, поручив эту работу как в Москве, так и в Ленинграде Институту философии.

Помимо обычных форм подготовки кадров Президиум считал возможным и необходимым приступить к заочной подготовке. При Секции литературы, искусства и языка организованы заочные курсы обучения по литературе, положение о которых 2/II утверждено Президиумом.

К числу работ Президиума по подготовке кадров нужно отнести его постановление об объединении работы вечернего комвуза ИКП с аналогичной работой Комакадемии, а также решение о прикреплении к подсекции техники группы выдвиженцев для подготовки в аспиранты по изучению проблем рационализации.

Принимая во внимание удавшийся опыт проведения летних курсов Секцией естественных и точных наук в прошлом году, Президиум 3/V поста-

новил считать желательным организацию летних курсов для биологов, физиков и математиков в летние месяцы этого года и поручил Секции естественных и точных наук провести это постановление в жизнь.

* * *

Комакадемия в феврале привлечена была к участию в работе по реорганизации Академии наук, что выразилось в выделении Президиумом т. Лукина Н. М. в комиссию по выработке устава Академии наук.

По линии же Академии наук следует остановиться на мероприятиях Комакадемии в связи с обращением Якутского представительства о заслушании Комакадемией доклада руководителя статистико-экономического отряда Якутской экспедиции, организованной Академией наук. Выделенная Президиумом Комакадемии специальная комиссия детально ознакомилась со всем представленным материалом отряда, заслушала доклад представителя Академии наук, подвергла его критике и дала ряд необходимых указаний, благодаря которым дальнейшая разработка материалов отряда даст значительно лучшие результаты и позволит применить их к практике якутского народного хозяйства.

Комакадемией давались также заключения по различным вопросам, связанным главным образом с конгрессами за границей на основании обращений Ученого комитета.

11/V Президиум вынес решение об организации выставки «Строительство социалистических городов», которая и была развернута в помещении Комакадемии и привлекла внимание довольно широкого круга архитекторов и лиц, работающих в области переустройства быта. Были заслушаны доклады по вопросам строительства социалистических городов и развернута дискуссия.

В целях ознакомления широких масс трудящихся с проблемой строительства социалистических городов, Президиум постановил перевести выставку на летний период в Парк культуры и отдыха.

Издательская работа

Рост сети специальных журналов отдельных институтов, с одной стороны, и развертывающаяся работа Комакадемии—с другой, потребовали реорганизации «Вестника Комакадемии» в орган, который освещал бы вопросы организации научной работы в СССР, вопросы подготовки научных кадров, вопросы о работе Комакадемии и марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений.

Исходя из этого, Президиум постановил реорганизовать «Вестник Коммунистической академии» в указанном направлении.

Тут же было вынесено решение о создании философского журнала—органа Института философии.

В связи с развертыванием работы Комиссии по изучению краеведческих вопросов и в целях наилучшего идеологического руководства краеведческим движением, Президиум признал необходимым создание органа «Советское краеведение», который является органом Краеведческой комиссии и ЦБК.

Из других журналов внимание Президиума было обращено на «Проблемы экономики», в редакцию которого были выделены дополнительно тт. Розенталь и Вайсберг.

20/II утверждена редакция «Экономической энциклопедии» в следующем составе: тт. Вайсберг, Гайстер, Дволайцкий (зам. гл. редактора), Зиман (ученый секретарь), Кон А. Ф., Кржижановский, Крицман (гл. редактор), Мендельсон, Милютин, Осинский, Пятаков, Смит, Ронин и Рухимович.

Па каждом заседании Президиума рассматривалось по нескольку вопросов, связанных с изданием как индивидуальных, так и коллективных работ сотрудников Комакадемии, а также трудов конференций, совещаний и дискуссий.

Особое внимание было обращено на издание работ к XVI партсъезду. Президиум наметил к изданию следующие работы:

По Институту философии—сборник статей с выделением проблем методологии естествознания в особые одну-две статьи обобщающего характера.

По Аграрному институту—доклад т. Милютина «Основные вопросы сплошной коллективизации» и дискуссия по этому докладу; книга т. Милютина «Борьба на аграрном фронте и реконструкция сельского хозяйства».

Сборник о работе Кубанской экспедиции решено утвердить условно. Постановлено также №№ 5 и 6 журнала на «Аграрном фронте» посвятить вопросам партсъезда, издать материалы по разработке писем 25-тысячников, наметить к изданию I том стенографического отчета Конференции аграрников-марксистов.

По Институту советского строительства и права намечены: сборник по горсоветам, госаппарату; работа по законодательству о бедноте. Решено выпустить двойной № журнала «Советское строительство и революция права».

По Обществу историков-марксистов и Институту истории намечена к изданию дискуссия о «Народной Воле» и доклад т. Ярославского «О новейшей эволюции троцкизма». Кроме этого решено издать стенографический отчет совещания по изучению партии, ленинизма и истории Коминтерна.

По Экономической секции решено выпустить специальный № журнала «Проблемы экономики».

По Институту мирового хозяйства и мировой политики утверждены следующие издания к партсъезду: доклад т. Лапинского «Лондонская морская конференция» и дискуссия по нем; сборник «Мировой экономический кризис»; сборник материалов «Крестовый поход против СССР». Решено также выпустить к партсъезду уже вышедшие книги: «О кризисе в Соед. штатах» и «Об организованном капитализме».

По Секции литературы, искусства и языка постановлено издать книгу т. Бескина «О кулацкой литературе».

По комиссии нацвопроса будет издан сборник «Национальная политика в цифрах».

Здесь приведена лишь первоначальная наметка работ, которая в процессе выполнения, естественно, должна претерпеть некоторые изменения, но тем не менее в основном будет выполнена.

Некоторые работы уже вышли из печати.

В заключение необходимо отметить участие Президиума Комакадемии в чествовании т. Рязанова по случаю 60-летнего юбилея дня его рождения

и 40-летнего юбилея его общественной и научной деятельности, которое было организовано в стенах Комакадемии. Президиум отозвался также на 125-летний юбилей Казанского университета.

Помимо ознаменования этих торжественных дат Президиум вместе со всей советской общественностью откликнулся на тяжелую утрату, которую понесла наша пролетарская революционная литература со смертью Вл. Маяковского. Придавая большое значение творчеству Маяковского, Президиум постановил ходатайствовать перед соответствующими органами о передаче его архива в ведение Секции литературы, искусства и языка, в целях научной разработки литературного наследства, оставленного Маяковским.

РЕЗОЛЮЦИИ И ПОСТАНОВЛЕНИЯ

РЕЗОЛЮЦИЯ ПРЕЗИДИУМА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ О ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ В. Ф. ПЕРЕВЕРЗЕВА

1. Важнейшим и необходимейшим условием успешного построения подлинной науки о литературе и искусстве является последовательная и непримиримая борьба за марксистско-ленинскую чистоту и выдержанность в теории и методологии против всякого рода ревизионистских и оппортунистических извращений и опошлений марксизма-ленинизма.

Только четкая борьба обеспечивает победу пролетариата на идеологическом фронте и дальнейшее развитие марксистско-ленинской науки. Обострение классовой борьбы и общая активизация враждебных марксизму направлений в науке сказывается и в оживлении различных ревизионистских и оппортунистических течений, пытающихся исказить, извратить революционное содержание марксистско-ленинского учения, обломать острие метода—материалистическую диалектику.

Ревизия основ марксизма-ленинизма, которая выражается в механистической теории в области философии, неокантианской экономической теории Рубина, в модернизированном народничестве в исторической науке, все это тесно связано с такой же механистической вульгарно-материалистической ревизией революционного марксизма в литературоведческой системе В. Ф. Переверзева, имеющей свои корни в идеологии меньшевизма. Борьба с этими антипролетарскими системами не может считаться законченной даже в областях науки, сравнительно лучше защищенных марксизмом. Тем более это относится к литературоведческому фронту, где эта борьба только начинается.

2. Борьба за четкую марксистско-ленинскую теорию в области литературоведения и искусствоведения в данный момент является особенно необходимой потому, что в этой области еще сильны идеалистические ложно-марксистские, антипролетарские теории.

До сих пор пользуется еще авторитетом и в последнее время борется усиленно и активно откровенно буржуазная теория формальной школы (В. Шкловский, Б. Эйхенбаум, Б. Энгельгардт, Ю. Тынянов и др.) своими философскими и методологическими корнями уходящая в те или иные разновидности кантианства, субъективного идеализма, агностицизма и т. д.

Пытаются отстаивать свои позиции представители архиреакционных объективно-идеалистических, мистических воззрений (Г. Шпет, Лосев и др.), цепляются за свои теории реставраторы субъективно-социологического, неонароднического эклектического направления (П. П. Сакулин). Недавно еще

господствовали во многих вузах—в провинции и до сих пор продолжают господствовать—многочисленные методологически беспринципные эклектики и вульгаризаторы типа Н. Л. Бродского, В. Львова-Рогачевского, Н. Пиксанова, И. Кубикова и др. Продолжают подвизаться в литературной критике и истории литературы эпигоны эстетской, импрессионистской, откровенно буржуазной школы (Л. Гроссман). Все эти элементы оказывают значительное сопротивление наступлению марксистско-ленинской теории, прибегая для этого к самым различным методам, начиная с открытых антимарксистских демонстраций (Лосев, Шпет) и кончая многообразными приемами маскировки и мимикрии.

3. Недавно закончившаяся литературоведческая дискуссия в Коммунистической академии с полной ясностью показала, что основным методологическим пороком концепции В. Ф. Переверзева является ее антидиалектический характер, полное непонимание материалистической диалектики.

Пытаясь построить материалистическую теорию литературного процесса, В. Ф. Переверзев на деле скатывается по существу к экономическому материализму, к шулятиковщине, к вульгарно-механистическому выведению всего сложного комплекса идеологических надстроек непосредственно из экономического базиса—без всякого учета разнообразных форм конкретных связей и опосредствований. Выдвигая принцип монистического изучения литературы, В. Ф. Переверзев на деле переходит на точку врения простого тождества базиса и идеологии и забвения основного закона материалистической диалектики—закона единства противоположностей. Настаивая на специфичности литературных явлений, В. Ф. Переверзев по сути дела пытается китайской стеной отгородить литературу от других видов и форм идеологии—политической, научной и пр.

Все остальные крупнейшие ошибки В. Ф. Переверзева являются производными от этого основного порока.

4. Практически вульгарно-материалистическая методология ведет к отрицанию активной, действенной роли идеологий, в частности литературной, в классовой борьбе. Изучение конкретного литературного процесса, как одной из действующих сил общественной жизни, подменяется у Переверзева статичным, оторванным от жизни и задач политической борьбы изучением отдельных, насильственно изолируемых фактов истории литературы.

Подмена марксистского монизма точкой зрения простого тождества приводит Переверзева к позиции своеобразного литературоведческого релятивизма, отрицающего для любого классового художника возможность объективного познания всякой действительности, находящейся за пределами его класса или социальной группы. Переверзев пытается установить некий «общий закон», по которому всякий художник в состоянии познать и отразить действительность лишь своего класса или общественной прослойки. Эта не имеющая ничего общего с марксизмом-ленинизмом, тянущая назад к богдановским построениям теория особенно вредна и опасна тем, что объективно она направлена, с одной стороны, против пролетарской литературы, которая с этой точки зрения также попадает в разряд классово «ограниченных» литератур, а, с другой стороны—против литературной политики партии в отношении крестьянской и попутнической литературы, ибо она отрицает по существу дела всякую возможность движения и перехода крестьянских и попутнических писателей на рельсы пролетарского мировоззрения.

Неправильно понимая специфичность литературы, как полную обособленность этой последней от других видов идеологии, В. Ф. Переверзев тем

самым практически отрицает как самый факт, так и возможность активного воздействия на литературный процесс со стороны других надстроек, в частности и в особенности со стороны политики.

Отвергая марксистско-ленинское понимание взаимодействия как особой формы причинной связи между явлениями, В. Ф. Переверзев строит свою теорию «параллельных рядов» общественного процесса, в силу которой один «параллельный ряд» якобы не находится ни в какой причинной связи с другим. Эта в корне неверная, ревизионистская установка приводит В. Ф. Переверзева к высказываниям, начисто отрицающим активное воздействие политической борьбы на литературу и активное, сознательное политическое вмешательство в литературный процесс.

В целом, концепция В. Ф. Переверзева выбрасывает из поля своего зрения классовую борьбу, в процессе которой—и только в нем—совершается формирование всех и всяких идеологий, изолирует литературную науку от задач литературной политики пролетариата, выступает как теоретическая «база» оппортунистической практики в вопросах литературного движения.

Концепция В. Ф. Переверзева отрывает литературную науку от критики, основываясь на объективном понимании искусства как отражения общественного бытия. Между тем, литература является оружием в классовой борьбе. Это обязывает литературоведение быть тесно связанным с критикой—проводником литературной политики партии.

5. Ревизионизм В. Ф. Переверзева в «частных» вопросах литературной науки самым явным и непосредственным образом смыкается с его ревизионизмом в кардинальнейших проблемах революционной борьбы рабочего класса. Сюда относится в первую очередь развиваемая В. Ф. Переверзевым в его конкретных литературно-исторических работах (о Гоголе, Достоевском, Гончарове, Писареве) и целиком позаимствованная из идейного арсенала русского меньшевизма теория русского исторического процесса. Теория эта привела В. Ф. Переверзева к тому например, что реакционную клевету Достоевского на великих мелкобуржуазных революционеров 60-х—80-х гг. XIX столетия он принял за объективное изображение эпохи, что в оценке Писарева он поставил этого идеолога правого, радикально-буржуазного крыла разночинского движения выше идеологов крестьянской, антикрепостнической революции—Чернышевского и Добролюбова, чем разоблачил свое ревизионистское отношение к ленинской точке зрения на развитие буржуазно-демократическ. революции в России.

Эта же теория заставила В. Ф. Переверзева в предисловии 1921—1928 гг. к книге о Достоевском высказать ничем не прикрытый меньшевистский взгляд на Октябрьскую революцию как на революцию, в которой пролетариат находится в полной зависимости от колебаний и капризов мелкобуржуазной стихии.

Найдя свое политическое увенчание в этой ярко меньшевистской концепции, система взглядов В. Ф. Переверзева окончательно разоблачается как система, в целом чуждая марксизму-ленинизму, несмотря на отдельные ценные достижения исследовательских работ ее автора. И вместе с тем на примере В. Ф. Переверзева о предельной отчетливостью подтверждается то неоспоримое положение, что ревизия марксо-ленинской ортодоксии в любом «частном» вопросе с железной необходимостью развивается в систему ревизионистских ошибок и что, следовательно, последовательная критика ошибок Переверзева возможна лишь как критика его системы.

6. Разоблачение и критическое преодоление литературоведческой системы В. Ф. Переверзева становится таким образом важной очередной задачей марк-

систско-ленинской мысли именно потому, что эта система, до самого последнего времени пользовавшаяся довольно широкой популярностью и даже авторитетом в научно-исследовательских организациях, в высшей и средней школе, является в настоящий момент существеннейшим препятствием на пути дальнейшего развития марксистско-ленинского литературоведения.

Необходимость непримиримой борьбы против ревизионистских взглядов Переверзева не только не снимает, но и обязательно предполагает всемерное усиление борьбы против ревизионистских течений эклектического, формалистического, идеалистического типа. Недооценка этих последних чревата серьезнейшими опасностями. До сих пор еще не разоблачена и не разгромлена окончательно скатывающаяся к откровенному идеализму школа Воронского, поставляющая обильную теоретическую «пищу» правому оппортунизму в литературной практике. В идейном плену у формализма находится даже часть марксистской критики. Не прекращаются полузамаскированные попытки эклектически «сочетать» марксизм с бергсоновской эстетикой (Л. Гроссман-Рощин). Эти явления, как и ряд других, им аналогичных, показывают, что проблемы непримиримой борьбы на два фронта стоят для марксистско-ленинского литературоведения не менее актуально, чем для других областей науки.

Постановление Президиума Коммунистической академии по поводу книги Бровкина „Библиографический указатель литературы по колхозному строительству"

Заслушав сообщение о книге Бровкина „Библиографический указатель литературы по колхозному строительству", Президиум Коммунистической академии постановляет:

1. Констатировать, что работа т. Бровкина содержит в себе в корне неправильную, теоретически безграмотную и политически вредную установку в вопросе о социальной природе и истории колхозного движения в СССР.

2. Предложить Издательству изъять книгу Бровкина из продажи и прекратить дальнейшее ее распространение.

3. Считать недопустимым сообщение со стороны т. Бровкина в предисловии к своей книге неверных данных о прохождении его работы через редакцию ряда ответственных работников Комакадемии.

4. Поставить на вид Кооперативной секции допущение к изданию книги т. Бровкина без фактического ее редактирования.

О ПОЕЗДКЕ ДЕЛЕГАЦИИ СССР НА СЕССИЮ МЕЖДУНАРОДНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО КОМИТЕТА В КЭМБРИДЖ

ДОКЛАД Н. М. ЛУКИНА НА ЗАСЕДАНИИ ПРЕЗИДИУМА КОММ. АКАДЕМИИ 2 ИЮНЯ 1930 г.

Когда мы говорим о пленарном заседании Международного исторического комитета, прежде всего необходимо помнить, что эти пленумы Международного комитета носят специфический характер: на них не делается никаких научных докладов, а работа Комитета главным образом сводится к обсуждению и разрешению вопросов научно-организационных. Этим определялось направление занятий и очередной сессии Международного комитета. Если мы исключим отсюда совершенно неизбежные в таких случаях приемы, обеды, а также организованные в Кэмбридже и Оксфорде торжественные церемонии преподнесения степени доктора словесных наук honoris causa целому ряду иностранных ученых—Допшу, Пирэнну, Куту, Глоцу, Бранди, Иоргу и др.—то занятия Международного комитета свелись, во-первых, к заслушанию отчетов ряда постоянных комиссий, существующих при Комитете, затем к организации ряда литературных и других предприятий, например, публикации протоколов всех ранее бывших исторических конгрессов, библиографии так называемых „цветных книг", причем проведение этой работы поручено было существующей при Комитете комиссии по составлению списка дипломатов. Далее, Комитет организовал несколько новых комиссий и в том числе чрезвычайно важную архивную комиссию, в задачу котерой войдет, между прочим, облегчение пользования иностранными архивами. Наконец, в повестке дня стоял вопрос о порядке пользования архивами Ватикана и острова Мальты, причем из соответствующего доклада выяснилось, что до сих пор не удалось добиться свободного пользования архивами Ватикана.

В числе организационных вопросов Комитет заслушал доклад председателя относительно организации ближайшего исторического конгресса в Варшаве. В связи с этим всплыл чрезвычайно важный вопрос о том, в какой степени на этом конгрессе возможно будет непосредственное участие в конгрессе историков, не примыкающих к местным национальным комитетам. И несмотря на красноречивую защиту права отдельных историков представлять свои доклады, защиту, которую взял на себя Пирэнн, было авторитетно разъяснено Президиумом,—и в этом же духе состоялось постановление Международного комитета,—что в ближайшем историческом конгрессе смогут участвовать только историки, входящие в местные национальные комитеты. Это постановление носит очень важный принципиальный характер. Оно, разумеется, выгодно нам с той точки врения, что ни о каком представителе русской науки со стороны белогвардейцев отныне, конечно, не может быть и речи. Но, с другой стороны, поскольку входит в силу принцип, что историки, не входящие в местные национальные комитеты, не могут выступать с докладами на очередных конгрессах, целый ряд радикальных историков Запада, не входящих по тем или иным причинам в эти организации, отныне лишаются всякой возможности появляться на конгрессах и выступать там с докладами,—а такие историки в целом ряде стран имеются. Укажу хотя бы на того же Матьеза, который вышел не состава своего национального комитета и тем самым лишил себя возможности выступать на ближайших международных конгрессах.

Нужно сказать вообще, что эта организация—Международный исторический комитет—все более и более принимает характер организации ультра-реакционных правительственных историков. Но отсюда конечно не следует, что мы должны отказаться от дальнейшего участия в этой организации. Это участие, прежде всего, уже важно потому, что в случае нашего исчезновения с этих конгрессов, на очередных сессиях Международного комитета вместо нас от имени русской историче-

ской науки неизбежно стали бы выступать белогвардейские историки, как это они и делали до конгресса в Осло, где мы появились впервые. Итак, поскольку мы продолжаем оставаться в этом комитете, в силу целого ряда политических и иных соображений, мы ставили своей задачей—наиболее интенсивно использовать этот комитет в смысле расширения наших научных связей и в смысле ознакомления Запада с результатами нашей исторической продукции. В связи с этим нам пришлось пересмотреть вопрос о формах нашего участия в работах Международного комитета, и делегация наметила целый ряд товарищей, которых закрепила в качестве постоянных сотрудников („членов-корреспондентов") тех или иных постоянно работающих комиссий Международного комитета.

В комиссию по преподаванию истории нашими представителями остаются попрежнему тт. Покровский и Фридлянд. В комиссию по исторической библиографии введен т. Лукин; в архивную комиссию по моему предложению пленум ввел в качестве нашего представителя т. Адоратского. Кстати сказать, по вопросу о составе этой комиссии на пленуме поднялись споры. Некоторые делегаты настаивали на том, что в этой комиссии должны быть представлены представители всех наций, но этот принцип был отклонен, и по инициативе Бюро было принято предложение сузить состав этой комиссии, ограничившись представительством тех стран, в пределах которых постановка архивного дела внесла нечто новое и оригинальное. Так как под эту категорию пришлось подвести наш Союз, то наш представитель и прошел, тогда как представитель Румынии, несмотря на домогательства румынских делегатов, включен не был.

Уже раньше мы приняли участие в комиссии по составлению очерков конституционного развития отдельных стран. В качестве представителя по этой комиссии мы закрепили т. Е. Б. Пашуканиса, который взял на себя обязательство составить очерк конституционного развития нашего Союза.

В комиссию по пересмотру хронологических таблиц мы ввели т. Томсинского, ибо эта большая и сложная работа уже ведется сейчас в Академии наук под его руководством.

Остается еще комиссия по составлению списка дипломатов, которой мы не придаем, разумеется, особого значения, но, поскольку работа по ее заданиям уже велась в недрах Академии наук и доведена до 1843 г., мы считали целесообразным работу все-таки закончить; в качестве представителя в эту комисоию мы ввели проф. Грекова.

Работа нашей делегации выразилась, во-первых, в участии в пленарных заседаниях, а затем, главным образом, в работе в отдельных комиссиях. В комиссии по преподаванию истории выступал т. Фридлянд. В эту комисоию мы представили обширную докладную записку о положении преподавания истории в наших школах II ступени, на рабфаках и в техникумах. Эта докладная записка будет переведена на важнейшие европейские языки и распространена Историческим комитетом, что для нас чрезвычайно важно, как одно из средств ознакомления заграничных преподавателей средней школы и школ по работе со взрослыми с нашей постановкой преподавания исторических наук. Я участвовал в работах комиссии по исторической библиографии. Тов. В. П. Волгин должен был принять участие в работе вновь организуемой комиссии по истории знания, но, к сожалению, эта комиссия не заседала.

Наша делегация внесла в бюро Международного комитета предложение о создании новой комиссии, а именно—комиссии по истории социальных движений в новое время или комиссии по истории пролетариата и крестьянства.

В докладной записке, представленной нами по этому вопросу, говорилось, что „история современного человечества, история последних десятилетий развивается под знаком социального вопроса. Война и послевоенная эпоха с новой и огромной силой подчеркнули значение социальной проблемы, все более и более растущую роль трудящихся масс в общественной жизни всех стран и еще в большей степени—их роль в деле строительства будущего общества". Записка отмечала, далее, наличие огромного интереса к экономической истории и истории социальных движений в исторической литературе последних лет; затруднительность исследований в этой области благодаря беспорядочному состоянию соответствующих архивов и их малодоступности; в записке указывалось, наконец, что в СССР уже имеется ряд институтов (ИМЭ, Институт истории при Комм. Академии, Аграрный институт), в которых специально изучается история пролетариата и крестьянства. Мы придавали очень важное значение этому предложению, потому что считаем, что, во-первых, эта комиссия может явиться действительно тем живым делом, вокруг которого можно будет сгруппиро-

вать ряд наших советских историков, а, с другой стороны, эта комиссия может явиться тем организационным ядром, вокруг которого нам удастся сплотить ряд близких к нам марксистов и полумарксистов Запада. Мы полагали, что в работах этой комиссии примет участие целый ряд историков, как например, проф. Кут, Доманже, Матьез, может быть, Сэ и др. Как всегда случается с нашими предложениями, мы и на этот раз запоздали. Наша докладная записка о необходимости организации комиссии по истории социальных движений во-время не дошла до председателя Международного комитета—Кута, так что с этим предложением нам пришлось выступить на самой сессии. Тем не менее эта записка была поставлена на Бюро, но добиться обсуждения ее на пленуме, обсуждения, вокруг которого могли бы развернуться принципиальные споры, мы не смогли. Организация предложенной нами комиссии была одобрена Пленумом комитета в ряду других предприятий, о которых было упомянуто в отчете о деятельности Бюро за истекший год.

Единственным выступлением, которое здесь имело место, было выступление одного итальянского делегата, который спросил:—эта комиссия будет чисто частным предприятием, это будет просто добровольное объединение некоторых участников, интересующихся этими вопросами? На что последовало авторитетное разъяснение Кута, что это—комиссия Международного комитета и, следовательно, она равноправна со всеми остальными комиссиями.

В связи с настоящей сессией Международного комитета перед нашими историками выдвигается целый ряд ближайших задач организационного порядка. Я уже указывал, что мы считаем необходимым наиболее интенсивно использовать наше участие в Международном историческом комитете. Для этого должна быть максимально развита наша деловая работа в различного рода постоянных комиссиях Комитета. Нужно сказать, что генеральный секретарь Леритье в частном разговоре, не без основания, жаловался:—с вами очень трудно иметь дело, вам напишешь письмо, а вы полгода на него не отвечаете. Тут мы должны были признаться, что мы, действительно, стоим не на высоте положения.

Затем нужно будет нам принять меры к созданию союзного комитета или, по официальной терминологии, „национального" комитета. Дело в том, что до сих пор наше представительство в Международном комитете недостаточно организовано. У нас это представительство носит временный характер. С одной стороны, в Международный комитет входит представитель Академии наук, с другой—представитель Коммунистической академии, но союзного комитета у нас нет. Придется его создать и подумать о том, как его создать.

Затем, мы считаем совершенно необходимым, наряду о очередной работой в связи с очередной сессией Комитета, которая состоится в 1931 г. в Будапеште, теперь же начать нашу подготовку к международному конгрессу в Варшаве в 1933 году, который будет иметь очень важное значение о той точки зрения, что на нем особенно интенсивно будет работать секция по истории Восточной Европы. Здесь открывается широкое поле для выступления наших историков. Но готовиться к этому конгрессу нужно исподволь, а не начинать за два-три месяца, как обычно у нас делается, ибо выступать на этом конгрессе мы должны более солидно и послать более солидную делегацию, чем посылали в Осло. Это тем более придется сделать, что сами поляки очень энергично готовятся к конгрессу уже сейчас. На одном из пленарных заседаний Комитета они заявили, что все их доклады будут заранее напечатаны и распространены. Необходимо, кстати, отметить, что на Варшавском конгрессе будут заслушаны доклады лишь по большим принципиальным проблемам исторической науки, что разгрузит конгресс от массы совершенно случайных, порою чересчур специальных и вообще мало интересных сообщений, которыми был буквально затоплен конгресс в Осло.

В заключение своего доклада я должен остановиться еще на одном нашем предприятии, которое мы затеяли в связи с этой очередной сессией. Мы решили продемонстрировать главнейшие, по крайней мере, достижения нашей советской исторической науки за последние три года. С этой целью в самом спешном порядке, за несколько дней до нашего отъезда, была подобрана небольшая историческая выставка наиболее важных исторических работ, вышедших в нашем Союзе за последние три года. С этой выставкой дело обстояло далеко не благополучно. Все-таки ее отправили, но не с тем пароходом, с каким предполагалось, и благодаря этому прибытие книг в Лондон запоздало. С другой стороны организация этого предприятия крайне затруднялась тем обстоятельством, что сессия Комитета должна была открыться в Кэмбридже, затем делегаты должны были пробыть всего два дня в Лондоне и ехать в Оксфорд. Превратить нашу выставку в „передвижную" мы

не могли (она все-таки насчитывала около 150 названий), а так как мы разъезжали вместе с Пленумом Комитета, дело не двигалось. После многих мытарств книги все-таки прибыли, но выставку удалось организовать уже после того, как закрылась сама сессия Комитета. Это не могло не отразиться на ее посещаемости, ибо огромное большинство участников этой сессии,—а их было до 100-150 человек,—уже разъехалось. Помещение для наших книг было любезно предоставлено Королевским Институтом по изучению международных отношений (Royal Institude of International Affaires). В благодарность за это гостеприимство мы пожертвовали часть книг в библиотеку этого института. Вообще выставка обратила на себя внимание преимущественно английских научных кругов, хотя некоторые из делегатов-иностранцев все же успели ее посетить. В английской прессе (либеральной газете „Manchester Guardian" и правительственной „Daily Herald") были помещены благоприятные отзывы. „Мало-помалу,—писала „Daily, Herald",– возобновляется интеллектульный контакт между Советской Россией и внешним миром, порой к изумлению ученых огромного мира, которые не представляют себе той работы, которую проделывают их русские коллегии в своей полуизоляции. Выставка советских исторических работ в Королевском Институте международных отношений, открывшаяся на этой неделе, замечательна („is remarkable"). Показательно и присутствие на Международном историческом конгрессе в Кэмбридже трех советских историков".

Конечно, в статье „Times'a" о том же конгрессе наше присутствие не отмечалось, но было бы странно, если бы этот орган английских зубров рекламировал советскую историческую науку.

Наконец, делегация старалась пропагандировать наши начинания и достижения в области исторической науки. В частности среди тех ученых кругов, которые вообще интересуются историей международных отношений (проф. Temperley и др.) мы распространили специально составленный проспект нашего издания дипломатических документов.

Поручение, данное нам Обществом историков-марксистов—возложить венок на могилу Маркса,—делегация выполнила. В связи с этим пользуюсь случаем еще раз напомнить советской общественности, что несмотря на все усилия нашего полпредства в Лондоне, до сих пор не удается привести в надлежащий вид эту затерявшуюся среди огромного кладбища Highgate могилу великого основоположника научного социализма: один из находящихся в живых „наследников" Маркса упорно не позволяет поставить на могиле памятника. Я уже не говорю, что пока что не может быть и речи о перенесении праха Маркса в Москву, что также зависит от согласия этого узколобого человека.

ТРИ СЪЕЗДА

(ОБ УЧАСТИИ СОВЕТСКИХ ПСИХОТЕХНИКОВ В МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЕРЕНЦИЯХ)

Те условия, в которых развивается у нас наука, придают научной мысли направленность, значительно отличающую ее от направленности научной мысли других стран. Мысль наших научных работников—особенно в тех науках, которые ближе соприкасаются с социалистическим строительством,—в большей степени занята установлением связи между теорией и практикой, в большей степени направлена на установление теоретических основ практически успешных методов, в большей степени связывает свои непосредственные достижения с общей методологией. Вероятно, эти особенности исследовательской работы нашей психотехники в наибольшей степени выделили ее на международных конгрессах.

Это нужно иметь в виду, с одной стороны, а, с другой—следует иметь в виду, что каждый международный съезд, на котором наши научные работники сталкиваются с зарубежными—и опять-таки особенно в общественных науках—является ареной также и политического выявления лица советской науки. Поэтому-то каждый международный научный съезд так своеобразно заставляет советских его участников не только докладывать о своих научных исследованиях, но говорить об условиях, в которых эти последования оказались возможными и необходимыми, разъяснять самые неожиданные и нелепые вопросы и опровергать самые неожиданные сплетни и вздорные слухи.

Ведь были же на первом международном съезде по НОТ среди национальных флагов прочих государств вывешены в изукрашенном зале Шкодовских заводов в честь СССР трехцветные романовские флаги. Ведь играли же на четвертом съезде по профзаболеваниям „Коль славен" в честь присутствовавших советских делегатов.

Наконец следует также помнить, что и самая научная жизнь зарубежных стран также меняется от съезда к съезду, что съезды—не только (хотя часто, главным образом) своего рода международные rendenzvous, на которых ученые встречаются и беседуют, но—в руководящих своих докладах—съезды определяют также высшие точки, достигнутые наукой, и намечают дальнейшие пути ее развития. И вот с точки зрения этого меняющегося фона для выступления советских делегаций нас интересуют три конференции, на которых участвовали до сих пор советские психотехники—парижская 1927 г., утрехтская 1928 г. и бароелонская 1930 г.

Парижской конференции предшествовали три—в Женеве (1920 г.), в Барселоне (1921) и в Милане (1922 г.). На этих конференциях узкий круг „активистов" западноевропейской психотехники начал работу по международному сближению. Темы этих конференций были довольно неопределенны. Психотехника, преимущественно эмпирическая наука, должна была „найти сама себя". На этих трех следовавших друг за другом с годичными только промежутками конференциях, работники психотехники могли только обмениться сообщениями о своих достижениях и вчерне по крайней мере наметить границы своей науки. После 1922 г.—год миланской конференции—психотехники пять лет не встречались. Непосредственной причиной этого было то обстоятельство, что предположенная дата международной конференции по психотехнике в Праге—1924 г.—совпала по времени и месту с торжеством запродажи чешской промышленности американцам—с первым международным конгрессом по НОТ. Некоторые психотехнические доклады были зачитаны на этом конгрессе и на нескольких физиологических, медицинских, нотовских съездах, которые за ним последовали. Только в 1927 г. удалось вновь созвать психотехническую конференцию—главным образом трудами Ж. М. Лян в Париже и Макса Меллера в Риге, организовавших

„Международную ассоциацию психологии и психотехники". На Парижской конференции впервые были представлены психотехники восточных стран—Латвии, Польши, Чехо-Словакии и СССР.

Четвертая международная конференция по психотехнике в Париже продолжала традиции первых трех конференций в смысле постановки многочисленных докладов без определенного общего плана. Однако за пять лет число работников психотехники очень выросло—парижский съезд был чуть не втрое многолюднее миланского. Вырос и круг интересов психотехников; число докладов на парижской конференции перевалило за сотню и было так велико, что они не могли уложиться в намеченный для съезда срок. Это вызвало, с одной стороны, „реакцию утомления" конференции, которая недостаточно внимательно относилась к своей программе и довольно безжалостно пропускала, переставляла или снимала стоящие в повестке доклады. С другой стороны, это вызвало и организационные мероприятия, выразившиеся в постановлении, чтобы, начиная со следующей пятой конференции, были бы установлены стержневые темы, не больше трех, которым будут посвящены доклады на конференции.

Советские доклады на съезде были посвящены темам, относящимся к самым разнообразным областям нашей работы. СССР был представлен девятью работниками из всех основных пунктов психотехнической работы (Москва, Ленинград, Минск, Тифлис, Харьков). Новизна тем советских докладов и серьезность их была отмечена всей иностранной прессой. Вот например что пишет Бингем в „Personnel Journal" об этой конференции: „Психологи, говорящие по-русски, были значительно более представлены, нежели англичане и американцы. Эти люди производили впечатление глубоко знающих труд и промышленность, они также много лучше знакомы с Келли, Фридрихом Тэйлором и Джильбретом, нежели большинство американских психологов знает последние работы Россолимо, Бехтерева, Шпильрейна и Мандрыки. Они не связывают своих исследований традиционными областями применения психотехнического опыта, как это делают некоторые американцы. Их интересам не чужда ни одна проблема подбора людей и воспитания в промышленности, если только они считают полезным исследования в этой области методами научной психологии. Они надеются больше всего получить от применения именно этой науки для разрешения социальных проблем. Ценность и границы статистической техники были особенно подвергнуты обсуждению французами и русскими (Дануа, Пьерон, Мандрыка). Они указывали на то, что нет ничего более опасного, чем довериться только „здравому смыслу" или математической обработке, оторванной от здравого смысла. Мы должны уважать заслуги наших коллег—представителей математических и точных наук. Они заслуживают большого внимания, чтобы мы могли уточнить меры вариативности и более критически пользовались бы тестами и скалами, построенными на предварительных предположениях об эквивалентности единиц измерения, расстояние которых от абсолютного нуля не было определено". Впечатление новизны производили как математические доклады, представленные преимущественно харьковцами, так и экспериментальные и обзорные, шедшие из Москвы. Эти доклады, с одной стороны, показали гораздо больший объем работы по психотехнике, чем тот, который у нас предполагали иностранные психотехники, с другой—гораздо большую самостоятельность этой работы. Организационным результатом того значения, которое было признано за советскими докладами, было признание равноправности русского языка при зачитывании резолюций, введение двух представителей СССР (Россолимо и Шпильрейна) в президиум учрежденной на этом съезде Международной психотехнической ассоциации и большой и благожелательный интерес к работе по психотехнике в СССР, который проявлялся во многих деталях работы съезда.

Утрехтский съезд 1928 г. имел своей основной программой проработку трех вопросов, а именно—упражнение, темперамент и характер, психология несчастных случаев. Этому съезду предшествовал небольшой инцидент: уже приглашенные на утрехтский съезд советские психотехники вынуждены были через правление Всероссийского психотехнического общества отказаться от участия в этом съезде, так как выяснилось, что одновременно с приглашением нас в Утрехт голландское правительство отказало нашим ученым, прежде приглашенным участвовать в международном тихоокеанском конгрессе на острове Яве, в выдаче визы, и оргкомитет нашел уместным аннулировать прежде состоявшееся приглашение наших ученых на Яву. Из солидарности правление Психотехнического общества не нашло удобным участвовать при таких условиях в международном психотехническом съезде и сообщило об этом голландскому оргбюро. После того как в результате нашего и других протестов советских научных организаций вопрос с визами для наших делегатов на Яву

был урегулирован, советские психотехники снова согласились прибыть в Утрехт. Наряду с рядом чисто экспериментальных докладов, представленных советскими психотехниками, следует отметить доклад Всеукраинского института труда, озаглавленный «Изучение упражнения и упражняемости по методу постепенно растущего упражнения» и сделанный М. Ю. Сыркиным на пленуме, посвященном вопросу об упражняемости. Кроме того, интерес к советской психотехнике, вызванный многочисленными сообщениями о проведенных экспериментальных исследованиях, вывал прооьбу многих делегатов о прочтении специального доклада «Психотехника в СССР» Такой доклад был прочтен Шпильрейном. При этом лишний раз пришлось убедиться в невозможности читать о таком предмете, как отрасль советской науки, в тонах чисто академических. Сообщение о тематике психотехнической работы потребовало, с одной стороны, дополнительного объяснения ее организационных форм, с другой— ее связи с производством, с профсоюзами, с задачами социалистического строительства и с его практикой. И именно эти вопросы в большей степени, чем технические методы, интересовали собравшихся.

Пришлось выступать на этом съезде и по организационным вопросам. Дело в том, что на президиуме Международной ассоциации обсуждался составленный согласно постановлению Парижской конференции проект устава Ассоциации. В этом проекте вдруг выплыла Лига наций, при которой должна была состоять наша ассоциация. После трехчасовых бесед—сперва на заседании президиума, потом в редакционной комиссии—Лига наций из проекта устава была исключена и принята формулировка, предложенная Баумгартен, о том, что „ассоциация независима". Это выступление, успешный протест против яванского инцидента и то обстоятельство, что повестка следующей шестой конференции была принята в Утрехте по предложению советских научных работников, следует рассматривать также как рост удельного веса советской психотехники.

Перед шестой психотехнической конференцией в Барселоне психотехники разных стран встретились на международном психологическом конгрессе в САСШ. И здесь снова—это уже становится правилом—из трех предложенных на выбор докладов по психотехнике—обзорного, теоретического и экспериментального—американский оргкомитет избрал обзорный. Кроме того, по приглашению группы американских психотехников, экономистов и инженеров мне пришлось провести с ними беседу о „промышленных взаимоотношениях в СССР",—какие условия труда, как может исследовательское учреждение провести свои мероприятия, не ограничивается ли производительность труда тем большим значением, которое имеют у нас профсоюзы, как организуются исследовательские работы, для чего вводят пятидневку и каковы ее результаты, женский труд и психотехника, ночной труд и исследование утомляемости—эти и им подобные вопросы подводили и к более общим—как велика численность коммунистической партии, какими органами осуществляется ее влияние на рабочих и на государственный аппарат, как и для каких целей проводится выдвижение.

Подобным же образом мой доклад „Психология в СССР", прочтенный в психологическом клубе Колумбийского университета (Нью-Йорк) по приглашению правления клуба, также должен был дать ответ на постоянно повторявшиеся вопросы— неужели в СССР есть признанные правительством за догму научные истины, верно ли, что только основанные на филоософских принципах диалектического материализма исследования признаются научными, что такое представляет собою этот диалектический материализм.

Всякий доклад научного работника СССР на международном съезде должен информировать о среде, в которой идет исследовательская работа, о социалистическом строительстве, которое ею обслуживается и в этом смысле неизбежно становится пропагандистским.

Именно так и было на шестой психотехнической конференции в апреле 1930 г. в Барселоне. Пленарный доклад Сыркина, посвященный „сухой" теме о минимуме статистических показателей, необходимых для выверки тестов, все же упоминал о специфическом отличии психотехнических величин, как общественно обусловленных, от всяких других. Доклад этот привлек внимание не только потому, что обосновывал давно уже предлагавшиеся автором его коэфициенты, но и потому, что постановка этого вопроса о специфичности была воспринята съездом с большим интересом. Доклад Шпильрейна, также на абстрактную тему, „Некоторые элементы теории психотехники", остановился на месте психотехники среди других наук о человеке в свете марксистской теории. Необходимость указать роль, которую должны играть в психотехнике социальные моменты, привела к указанию на марксово учение об

обществе, на основе которого необходимо изучать явления социальной динамики и на ряд примеров из советской практики, иллюстрирующих применимость этого учения. Таким образом и этот доклад стал докладом пропагандистским, и этот философский доклад вызвал выступления, говорящие об интересе к строительству социалистического общества, к жизни СССР. Объяснение мира оказалось неразрывно связанным с производящимся его изменением. И опять то же явление, что и на прочих съездах: потребность в неискаженной информации об СССР. По инициативе непанцев был поставлен мой публичный доклад „Учреждения рабочей культуры" (впрочем, скорее не „поставлен", а „ставлен", потому что доклад не состоялся— в газетах объявление было, а читать полиция запретила). Сыркину предложили сделать доклад о современной советской культуре. Больше предлагать было некому, потому что всего-то от СССР на съезде было два человека—а на прежних съездах по 8—9. Так к сожалению и не удалось поехать всем намеченным правлением Психотехнического общества лицам—а докладов из СССР было заявлено 7—больше, чем от любой другой страны.

По-своему интересовалось вами и испанское правительство—от границы до Барселоны и обратно от Барселоны до границы каждого из нас сопровождал полицейский в штатском,—впрочем не мешал. Был не назойлив, а скорее любезен: «Не помочь ли вам, господин, вещички поднести?" „Я кофей иду пить, а вы, господин, со мной не откушаете ли?" „Ну что, ничего вам в Барселоне в нашей понравилось?". На конференции мы имели некоторые организационные достижения, о которых стоит упомянуть. Так, от нас был избран вторым представителем в международный президиум М. Ю. Сыркин, вместо умершего Г. И. Россолимо (по постановлению президиума одна страна не должна иметь в нем больше двух представителей). Румыния не получила ни одного. Зато и отомстил же нам представитель Румынии, доктор Молдавану. Когда мы пригласили седьмую конференцию в Москву, он заявил, что в Москву никто приехать не сможет—такая, мол, страна нехорошая и ни с кем дипломатически не связана. Съезд все же исходил из соображений не дипломатических, а международной научной связи и большого интереса, который имеется к нашей науке и практике. Друзья Молдавану—а такие, конечно, есть и в кулуарных разговорах выявляются—не решились выступить в поддержку ему, после того как я, возразив ему, повторил наше приглашение. Следующая конференция будет в Москве, в августе или сентябре 1931 г. Председателем Международной ассоциации избран Шпильрейн (Москва), казначеем Липман (Берлин), секретарем переизбран Лян (Париж).

Наша задача—так организовать предстоящую конференцию, чтобы не только показать участникам ее наши научные и прочие достижения, но чтобы им ясны стали также причины быстрого организационного и идеологического роста наук о человеке и человеческом обществе в нашей стране.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ К ЖУРНАЛУ „ВЕСТНИК КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ“ ЗА 1928 — 1929 гг.[1]

Аксельрод-Ортодокс, Л. И. Эстетика Н. Г. Чернышевского. 1929, кн. 34 (4), с. 104—140.

Арциховский, А. Новые методы в археологии. [Доклад и прения в Социологической секции Общества историков-марксистов, окт. 1929. Краткое изложение]. 1929, кн. 35-36, с. 322—325.

Аршаруни, А. См. Ленин и искусство.

Асмус, В. Диалектика в системе Декарта. [Доклад и прения в Философской секции, дек. 1927]. 1928, кн. 25 (1), с. 116—182.

Асмус, В. Диалектика и антиномии Канта. 1928, кн. 29 (5), с. 107—164.

Атлас, З. Денежный рынок и противоречия банковского кредита. 1929, кн. 34 (4), с. 41—74; кн. 35—36, с. 150—180.

Бакушинский, А. См. Ленин и искусство.

Балков, В. Псевдосоциологическая теория кризисов Гейнриха. 1929, кн. 34 (4), с. 75—103.

Бирман, Б. Теоретические основы психотерапии в свете учения об условных рефлексах. 1928, кн. 26 (2), с. 152—173.

Бобровников, Н. Об одной ревизии марксистской диалектики. 1929, кн. 34 (4), с. 19—40.

Богданов, В. Заметки по теории денег Маркса. 1928, кн. 29 (5), с. 28—79.

Брегель, Э. Формы и функции кредита в капиталистическом хозяйстве. 1928, кн. 27 (3), с. 24—65.

Брушлинский, В. О категории меры у Гегеля. 1929, кн. 35-36, с. 122—135.

Быховский, Б. Психофизическое учение Томаса Гоббса. 1928, кн. 26 (2), с. 80—112.

В. Е. [Воронов, Е.]. Подготовка новых кадров и Академия наук. 1929, кн. 35-36, с. 381—385.

Вайсберг, Р. Экономическая мысль СССР в освещении „советской“ буржуазии [о статье проф. В. Я. Железнова „Die Wirtschaftstheorie der Gegenwart“, W. J. Gelesnov „Russland“, B. 1, Wien 1927]. 1928, кн. 25 (1), с. 79—95.

Варга, [Е.]. См. Дискуссия об „организованном капитализме“.

Варьяш, Э. Экономическая программа международного кооперативного альянса. [Доклад и прения в Кооперативной секции, апрель 1929]. 1929, кн. 32 (2), с. 177—194.

Виноградская, П. [С.]. Анахарзис Клото. [Доклад и прения в Институте философии]. 1929, кн. 33 (3), с. 200—225.

Волгин, В. Социализм и эгалитаризм. 1928, кн. 29 (5), с. 13—27.

Вольфсон, [С. Я.]. Научная работа марксистов в Белоруссии. 1929, кн. 33 (3), с. 284—296.

Вторая Всесоюзная конференция марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений, 1929, кн. 32 (2), с. 195 — 250. О ходе работы конференции — с. 195—198. Доклады: В. В. Адоратский, О работах Ленина по философии, с. 198—210; О работе Коммунистической Академии, М. Н. Покровский, с. 210—217; О работе марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений,—В. П. Милютин, [М. А.]. Савельев, Позерн, Викул Камышан и Сенкевич, с. 218—242. Резолюции, с. 242—250. — См. также Деборин А., Директивы по составлению плана Коммунистической академии на 1929/30 г.

Герцбах—ом. Дискуссия об „организованном капитализме“.

---

[1] За эти годы вышли книги: 25 (1)—35-36. Указатель к журн. „ВКА“ за предыдущие годы помещен в кн. 26 (2), с. 217—238.

Гвидин, И. Некоторые итоги в области изучения финансового капитала в России [о книге Е. Л. Грановского „Монополистический капитализм в России", Л. 1929]. 1929, кн. 33 (3), с. 185—199.
Гольдштейн, Ю. В. Экономические исследовательские институты в Германии (сообщение), 1929, кн. 34 (4), с. 259—261.
Гольдштейн Ю.—см. Дискуссия об „организованном капитализме".
Горохов. Ф. К вопросу о производительных силах и диалектике их развития, 1928, кн. 27 (3), с. 101—134.
Граве, Д. Принципы механики, 1928, кн. 27 (3), с. 212—219.
Грановский, Евг. К теории конъюнктуры „советских" буржуазных экономистов. 1929, кн. 30 (6), с. 85—126.
Губерман, С. Проблема конъюнктуры в условиях монополистического капитализма. 1928, кн. 28 (4), с. 21—74.
Гуревич, М. К вопросу о соотношении между морфологией и физиологией мозга. [Доклад на объединенном заседании Института высшей нервной деятельности и психоневрологического отдела Секции естественных и точных наук]. 1928, кн. 26 (2), с. 144—151.
Гуревич, М. О биологической концепции психопатий, 1929, кн. 31 (1), с. 47—54.
Дашевский, Г. Экспансия Соединенных штатов в Латинской Америке. (Краткое изложение доклада в Институте мирового хозяйства и мировой политики, апр. 1929), 1929, кн. 33 (3), с. 240—245.
Деборин, А. Современные проблемы философии марксизма. [Доклад на II Всесоюзной конференции марксистско-ленинских учреждений]. 1929, кн. 32 (2), с. 3—29.
Диманштейн, С. О меньшевистской платформе по национальному вопросу (доклад и прения в Комиссии по изучению национального вопроса), 1929, кн. 34 (4), с. 218—228.
Диманштейн, С. Проблемы национальной культуры и культурного строительства в национальных республиках. [Доклад и прения в Комиссии по изучению национального вопроса в январе 1929]. 1929, кн. 31 (1), с. 113—143.
Директивы по составлению плана Коммунистической академии на 1929/30 г. [приняты Пленумом Комакадемии и одобрены II Всесоюзной конференцией марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений], 1929, кн. 33 (3), с. 278—282.
Дискуссия об «организованном капитализме» [краткое изложение дискуссии в Институте мирового хозяйства и мировой политики, окт. 1929]. Доклады: т. Варга, Проблемы «организованного капитализма»; т. Гольдштейн, „Организованный капитализм" и буржуазные экономисты; т. Иоэльсон, Социал-демократическая теория „организованного капитализма" и концепция т. Бухарина; т. Герцбах, „Организованный капитализм" и ультра-империализм; т. Лоуфбохен, „Организованный капитализм" в свете американской действительности. 1929, кн. 35-36, с. 297—318.
Дмитриев, Г. Логика Гегеля и логика марксизма. 1929, кн. 35-36, с. 94—121.
Дынник, М. Учение Гегеля о случайности. [Доклад в Институте философии, март 1929]. 1929, кн. 34 (4), с. 163—194.
Залманзон, А. Против эклектического направления в психологии (Печат. в дискуссионном порядке), 1929, кн. 34 (4), с. 141—162.—Ср. ст. Корнилова, К. и Франкфурта, Ю. в кн. 35-36.
Захер, Я. Жан Варле до 9 термидора, 1929, кн. 33 (3), с. 159—184.
Иванов, Л. Н. Англо-американское соперничество. [Доклад и прения в Институте мирового хозяйства и мировой политики, краткое изложение, февр. 1929]. 1929, кн. 33 (3), с. 226—239.
Иоэльсон—см. Дискуссия об „организованном капитализме".
Казанский, Б. Творческая критика и творчество критики, 1929, кн. 31 (1), с. 55—87.
Камышан—см. II Всесоюзная конференция марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений.
Кафафова, Е. Проблема производительных сил в теории Маркса—Энгельса. 1928, кн. 25 (1), с. 30—78.
Квитко, Д. Проблемы пространства, времени, и материи у неореалиста Александера. [Доклад в Институте философии, май 1929]. 1929, кн. 34 (4), с. 195—217.

Кельда (Дмитриев), Иннакей. К проблеме происхождения языка. 1929, кн. 33 (3), с. 112—144.
ирпотин, А. Материализм Чернышевского. 1929, кн. 30 (6), с. 41—54.
Коммунистическая Академия. Отчеты о деятельности.
„ Аграрный институт (окт.—дек., 1928). 1929, кн. 30 (6), с. 252—253.
„ Институт мирового хозяйства и мировой политики. 1929, кн. 30 (6), с. 255—257; кн. 34 (4), с. 255;
„ Институт советского строительства. 1929, кн. 30 (6), с. 257—259; кн. 33 (3), с. 274—275.
„ Институт философии. 1929, 30 (6), с. 264; кн. 34 (4), с. 256—257.
„ Комиссия по изучению национального вопроса. 1929, кн. 30 (6), с. 261—262.
„ Комиссия по истории религии. 1929, кн. 30 (6), с. 262—264; кн. 31 (1), с. 235—238.
„ Кооперативная секция. 1929, кн. 30 (6), с. 253—255.
„ Пленум. 1928, кн. 26 (2), с. 213—216; 1929, кн. 33 (3), с. 270—271.
„ Президиум. 1929, кн. 30 (6), с. 247—251; кн. 31 (1), с. 238—242; кн. 33 (3), с. 271—274, 275—278; кн. 34—4, с. 258—259; кн. 35—36, с. 386—388.
„ Секция естественных и точных наук. 1929, кн. 31 (1), с. 242—247.
„ Секция литературы, искусства и языкознания. 1929, кн. 30 (6), с. 264—267; кн. 31 (1), с. 229—235; кн. 34 (4), с. 257.
„ Секция методологии истории, 1929, кн. 30 (6), с. 262.
„ Секция общей теории права и государства, 1929, кн. 30 (6), с. 259—261
„ Секция по изучению теории и практики международного женского движения. 1929, кн. 31 (1), с. 246—247; кн. 34 (4), с. 254—255.
„ Секция по истории религии. 1929, кн. 30 (6), с. 262—264.
„ Экономическая секция. 1929, кн. 30 (6), с. 251.
Корнилов, К. и Франкфурт, Ю. Объективное или марксистское направление в психологии (печат. в порядке обсуждения), 1929, кн. 35-36, с. 181—204.— Ср. ст. Залманзона А. в кн. 34 (4).
Кривцов, Ст. И. И. Скворцов-Степанов (1870—1928), 1929, кн. 30 (6), с. 7—16.
Кривцов, Ст. История и современность. [Доклад в Методической секции Общества историков-марксистов, окт. 1929. Краткое изложение]. 1929, кн. 35-36, с. 326—328.
Лебедев, В. Диалектика производительных сил у Маркса и Энгельса. 1928, кн. 28 (4), с. 165—198.
Лебедев, В. О некоторых вопросах теории исторического материализма и толковании их т. Разумовским. 1929, кн. 31 (1), с. 88—103.
Лейкин, Э. Учение Маркса о строении кредитн. системы. 1928, кн. 28 (4), с. 75—113.
Лейкин, Э. Экономические взгляды Чернышевского. 1929, кн. 30 (6), с. 55—84; кн. 31 (1), с. 1—34.
Ленин и искусство. (Доклады на объединенном заседании Институтов археологии и искусствознания и Истории литературы и языка Раннон и Секции литературы, искусства и языка Коммунистической академии по случаю пятилетия со дня смерти В. И. Ленина. Вступительное слово В. М. Фриче. Доклады: А. Михайлова, И. Нусинова, А. Сидорова, А. Вакушинокого и А. Аршаруни), 1929, кн. 31 (1), с. 192—222.
Лоуфбохен—см. Дискуссия об „организованном капитализме“.
Луначарский, А. В. К юбилею М. Н. Покровского, 1928, кн. 29 (5), с. 9—12.
Луначарский, А. В. Фриче—искусствовед. (Речь на вечере памяти В. М. Фриче). 1929, кн. 35-36, с. 3—13.
Луначарский, А. В. Чернышевский как писатель. 1929, кн. 30 (6), с. 17—40.
Луначарский, А. В. Этика и эстетика Чернышевского перед судом современности [Доклад в Секции литературы и искусства]. 1928, кн. 25 (1), с. 111—XL.
Людвиг, А. Капиталистическая рационализация и женский труд. (Доклад в Секции по изучению теории и практики международного женокого движения, краткое изложение), 1929, кн. 33 (3), с. 253—258.
Манелис, Б. Школа свободного права и ее место в буржуазной юридической науке [Сокращенная стенограмма доклада в Секции права и государства, янв. 1928]. 1928, кн. 28 (4), с. 199—231.
Мàца, И. К вопросу марксистской постановки проблемы стиля. 1928, кн. 25 (1), с. 96—115.

Мендельсон, А. Проблема конъюнктуры (К вопросу о построении марксистской теории конъюнктуры). 1928, кн. 27 (3), с. 3—23.
Мещанинов, И. О доисторическом переселении народов (в связи с работою G. Wilke). 1928, кн. 29 (5), с. 190—238.
Милонов, К. Гегель и материализм, 1928, кн. 25 (1), с. 1—29.
Милютин, В. П. М. Н. Покровский (к 60-летию со дня рождения). 1928, кн. 29 (5), с. 3—8.
Милютин, В. П.—см. II Всесоюзная конференция марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений.
Миронов, М. Современные взгляды Каутского на революцию. 1928, кн. 27 (3), с. 135—172.
Михайлов, А. Некоторые вопросы марксистского искусствоведения, 1928, кн. 29 (5), с. 239—269.
Михайлов, А. О ревизионизме и эклектике в искусствознании (В связи с книгой Андрузского „Эстетика Плеханова", Л. 1929). 1929, кн. 35-36, с. 205—226.
Михайлов, А.—см. Ленин и искусство.
Михалевский, Ф. О кредитных связях в реальном капитализме и в хозяйстве СССР. 1929, кн. 35-36, с. 136—149.
Михалевский, Ф. Теория кредита Шумпетера и Hahn'a. 1928, кн. 26 (2), с. 31—53.
Новиков, С. Австро-марксистские концепции Октябрьской революции. 1929, кн. 33 (3), с. 80—111.
Новицкий, П. Социология юбилея Московского Художественного театра. (Доклад в Подсекции театроведения Секции литературы и искусства в ноябре 1928). 1929, кн. 35-36, с. 189—203.
Нусинов, И. Жизненный путь В. М. Фриче, 1929, кн. 35-36, с. 24—37.
Нусинов, И.—см. Ленин и искусство.
О научных кадрах. Постановление ЦК ВКП(б), 1929, кн. 34 (4), с. 261—263.
Обзор докладов в подсекции материалистической лингвистики за II и III кварталы 1928/29 г. 1929, кн. 34 (4), с. 243—245.
Общество воинствующих материалистов-диалектиков (ОВМД). Устав. 1929, кн. 31 (1), с. 248—254.
Окунь, М. О духе марксизма и о букве его. 1928, кн. 26 (2), с. 113—124.
Опарин, А. И. Химические основы дыхательного процесса. 1928, кн. 26 (2), с. 174—188.
Охитович, М. Социалистический способ расселения и социалистический тип жилья. [Доклад и прения Кооперативной секции, окт. 1929. Краткое изложение]. 1929, кн. 35—36, с. 334—344.
Пашуканис, Е. Колониальная политика и ее новейшие апологеты. 1929, кн. 34 (4), с. 7—18.
Пашуканис, Е. Неделя советских историков в Берлине (Доклад на заседании Бюро Президиума Комакадемии 22 (IX 1928). 1929, кн. 30 (6), с. 238—246.
Первая Всесоюзная конференция марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений (22—25 марта 1928 г. Стенографический отчет), 1928, кн. 26 (2), с. 239—294; 27 (3), с. 289—316.
Переверзев, В. Литературоведческие идеи В. М. Фриче, 1929, кн. 35-36, с. 14—23.
Переверзев, В. Теоретические предпосылки писаревской критики. 1929, кн. 31 (1), с. 35—46.
Подволоцкий, И. Ленинский конспект „Науки логики" и проблемы материалистической диалектики. 1929, кн. 31 (1), с. III—XLVII; кн. 32 (2), с. 30—78.
Позери—см. II Всесоюзная конференция марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений.
Покровский, М. Н. Владимир Максимович Фриче. Речь на вечере памяти В. М. Фриче 1929, кн. 34 (4), с. 3—6.
Покровский, М. Н. А. А. Богданов (Малиновский). (Некролог). 1928, кн. 26 (2), с. V—X.
Покровский, М. Н. 10 лет Коммунистической академии. (Вступительное слово на юбилейном заседании пленума Коммунистической академии 25 мая 1928). 1928, кн. 28 (4), с. 7—20.
Покровский, М. М. Иван Иванович Скворцов-Степанов. Некролог. 1929, кн. 30 (6), с. 3—6.

Покровский, М. Н. О поездке в Осло. (Доклад на заседании Президиума Комакадемии 15/XII 1928). 1929, кн. 30 (6), с. 231—237.
Покровский, М. Н. Общественные науки в СССР за 10 лет. 1928, кн. 26 (2), с. 3—30.
Покровский, М. Н.—см. II Всесоюзная конференция марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений.
Постановление ЦК ВКП(б) о мероприятиях по укреплению научной работы в связи с итогами II Всесоюзной конференции марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений. 1929, кн. 33 (3), с. 282—283.
Преображенский, П. Ф. Основные проблемы происхождения религиозных форм. Доклад [и прения в Комиссии по истории религии. Краткое изложение]. 1929, кн. 34 (4), с. 229—237. Поправка: 1929, кн. 35-36, с. 391.
Путницев, [Ф. М.], содокл.—см. Сарабьянов, В. Н.
Разумовский, И. В дебрях механистической критики. 1929, кн. 31 (1), с. 104—112. Ср. ст. Лебедева, В. в кн. 31 (1).
Разумовский, И. Новейшие откровения Карла Каутского. (Философские основы книги „Материалистическое понимание истории". Доклад). 1928, кн. 29 (5), с. 80—106.
Разумовский, И. Письмо в редакцию. 1928, кн. 26 (1), с. 216.
Ральцевич, В. Эмпиризм и диалектика. 1929, кн. 33 (3), с. 27—54.
Рейснер, М. А. Идеология и политика, 1929, кн. 33 (3), с. 3—26.
Рейснер, М. А. [Некролог]. 1928, кн. 28 (4), с. 3—6.
Рейх, В. Психоанализ как естественно-научная дисциплина (доклад в Секции естественных и точных наук, ноябрь 1929. Сокращ. изложение). 1929, кн. 35-36, с. 345—350.
Рожицын, В. С. Социально-экономические основы мифологии. Доклад [в Комиссии по истории религии. Краткое изложение]. 1929, 34 (4), с. 238—242.
Розовский, Л. Родбертус как теоретик ренты. (Критический этюд). 1929, кн. 32 (2), с. 103—130.
Рудаш, Л. К вопросу о происхождении греческой философии. 1929, кн. 30 (6), с. 127—158.
Рудаш, В. Механистическая и диалектическая теория причинности. Теория причинности т. Еухарина. 1929, кн. 35-36, с. 74—93.
Рязанова, А. Тенденции развития женского труда. Доклад [в Секции по изучению теории и практики международного женского движения, май, 1928]. 1928, кн. 28 (4), с. 232—253.
Савельев, [М. А.]—см. II Всесоюзная конференция марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений.
Сарабьянов, [В. Н.]. Корни религиозности в СССР. 1929, кн. 31 (1), с. 235—238.
Сафаров, Г. К вопросу о диалектике как теории познания. 1928, кн. 28 (4), с. 114—164.
Сенкевич—см. II Всесоюзная конференция марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений.
Сидоров А.—см. Ленин и искусство.
Смирнов, Е. Новые данные о наследственном влиянии среды и современный ламаркизм. Доклад [и прения]. 1928, кн. 25 (1), с. 183—213.
Смит, М. Н. На Женевской дипломатической конференции по экономической статистике (по стенограмме доклада в Обществе статистиков-марксистов Комакадемии). 1929, кн. 31 (1), с. 223—228.
Спектатор, [М.] К теории аграрных кризисов. 1928, кн. 26 (2), с. 54—79.
Стеклов, Ю. Н. Г. Чернышевский и революционное движение 60-х гг. 1928, кн. 27 (3), с. 173—211.
Тележников, Ф. Е. Дюркгейм о предмете и методе социологии. 1929, кн. 30 (6), с. 159—188.
Тележников, Ф. Социология Вормса. Теория общества Р. Вормса в свете современной социологии. 1929, кн. 35-36, с. 38—73.
Торбек, Г. Работа пленума, президиума, секций и институтов. 1929, кн. 33 (3), с. 269—282; кн. 34 (4), с. 255—259; кн. 35-36, с. 386—388.
Трахтенберг, И. А. Теория современного кредита. [Доклад и прения в Экономической секции Комакадемии, февр. 1929], 1929, кн. 32 (2), с. 131—176.
Указатель к журналу „Вестник Коммунистической академии" за 1923—1927 гг. 1928, кн. 26 (2), с. 217—238.

Украинское общество „Воинствующий материалист-диалектик". 1929, кн. 33 (3), с. 291—292.
Условия приема аспирантов в Коммунистическую академию при ЦИК СССР. 1929, кн. 35-36, с. 389—391.
Файнгар, И. О майских событиях в связи с экономическим состоянием Германии (доклад в Институте мирового хозяйства и мировой политики. Краткое изложение, май 1929). 1929, кн. 33 (3), с. 246—252.
Философская энциклопедия. [Проспект издания]. 1929, кн. 30 (6), с. 268—279.
Франкфурт Ю. [В.]. Механистический „дух" ревизует психологические взгляды основоположников марксизма. 1928, кн. 26 (2), с. 125—139. Ср. ст. Окуня М. в кн. 26 (2).
Франкфурт, Ю. В. О различии между психологией и идеологией. 1929, кн. 33 (3), с. 55—79.
Франкфурт, Ю. [В.].—см. также Корнилов, К.
Фриче, В. М.—см. Ленин и искусство.
Фурсиков, Д. [С.]. К вопросу об изучении функций коры головного мозга. [Доклад на объединенном заседании Института высшей нервной деятельности и психоневрологического отдела Секции естественных и точных наук]. 1928, кн. 26 (2), с. 140—143.
Д. С. Фуроников. [Некролог и портрет]. 1929, кн. 33 (3) с. 293—295.
Фурщик, М. „Марксизм" Каутского. Доклад [в Институте философии, янв. 1929]. 1929, кн. 31 (1), с. 144—171.
Хайдар, В. Национальные взаимоотношения в Палестине и английский империализм. [Доклад в Комиссии по изучению национального вопроса, окт 1929. Сокращенное изложение]. 1929, кн. 35-36, с. 329—333.
Холщевников, А. А. Множество и оплошность. 1928, кн. 27 (3), с. 220—239.
Цейтлин, З. Принципы механического миропонимания Людвига Больцманна. 1928, кн. 29 (5), с. 165—189.
Цеткин, Клара. Цели и задачи Секции по изучению теории и практики международного женского движения (речь). 1928, кн. 27 (3), с. 240—251.
Шария, П. Новый вид эклектизма под флагом новой философской системы. 1929, кн. 32 (2), с. 79—102.
Шейнман, содокл.—см. Сарабьянов, В. Н.
Штернберг, Ф. Империализм и кризисы. [Доклад и прения. Краткое изложение]. 1929, кн. 35-36, с. 319—321.
Энглендер, Оскар. Бем-Баверк и Маркс, 1929, кн. 33 (3), с. 145—158.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Вайнштейн, И. Гегель, Маркс, Ленин. М., 1928. Рец.: 1929, кн. 31 (1), с. 172—179. А. Арутюнянц.
Варьяш, А. Диалектика у Ленина (популярное изложение философии диалектического материализма на основании сочинений Ленина). М., 1928. Рец. 1928, кн. 26 (2), с. 208—212. Б. Стычкин.
Герценштейн, А. Теория капиталистического рынка. Под ред. и с предисл. А. Мендельсона. М., 1928. Рец.: 1928, кн. 26 (2), с. 189—926. И. Капитонов.
Гобсон, Ч. К. Экспорт капитала. Пер. И. Б. Румера. Под ред. и с дополн. М. И. Спектатора. М., 1928. Рец.: кн. 27 (3), с. 282—288. А. Романский.
Grossmann, Henryk. Das Akkumulations-und Zusammenbruchgesetz des kapitalistischen Systems (Zugleich eine Krisentheorie). Schriften des Instituts für Sozialforschung an der Universität Frankfurt a. M. (Гроссман, Г. Закон накопления и крушения капиталистической системы). Leipzig, 1929. Рец.: 1929, кн. 35-36, с. 351—365. Б. Л.
Давыдов, И. Абстрактный труд в учении Маркса о стоимости. Л., 1929. Рец.: 1929, кн. 35-36, с. 366—371. А. Сенд-Гусейн.—Об одной идеалистической концепции.
Деборин, А. Диалектика и естествознание. Рец.: 1929, кн. 32 (2), с. 251—257. Л. Маньковский.
Деборин, А. Очерки по истории материализма XVII—XVIII вв., М. 1929. Рец. 1929, кн. 33 (3), с. 258—268. К. Гребнев.
Диалектика в природе. Сборник по марксистской методологии естествознания № 3, Вологда 1928. Рец.: 1928, кн. 27 (3), с. 269—282. В. Егоршин.

Диалектика в природе. Сборник по марксистской методологии естествознания № 4., М, 1929. Рец.: 1929, кн. 34 (4), с. 246—254. К. Гребенев.

Карев, Ник. За материалистическую диалектику. Сборник статей. М.-Л., 1929. Рец.: 1929, кн. 35-36, с. 372—374. Арам Арутюнянц.—„За материалистическую диалектику.

Кон, А. Ф. Курс политической экономии. Ч. 1, М.-Л., 1928. Рец.: 1928, кн. 25 (1), с. 214—255. Г. Абезгауз, Г. Дукор и А. Ноткин.—Некоторые вопросы политической экономии в освещении т. А. Ф. Кона. Полемика: Кон, А.—Некоторые замечания моих критиков в свете марксовой теории, 1928, кн. 25 (1), с. 256—279. Г. Абезгауз, Г. Дукор, А. Ноткин.—Свет марксовой теории в кривом зеркале. 1928, кн. 27 (3), с. 66—100. Г. Абезгауз, Г. Дукор и А. Ноткин.—Вместо ответа (письмо в редакцию). 1929, кн. 32 (2), с. 261—262.

Куразов, И. Ф. Исторический материализм. Краткий конспект лекций. М., 1929. Рец.: 1929, кн. 35-36, с. 374—380. Я. Левин.

Леонтьев, А. Из современной германской литературы по рационализации хозяйства (библиографический обзор). 1929, кн. 30 (6), с. 204—211.

Люстерник, Л. Применение общей геометрии (геометрия „функционального пространства". О работах Courant'a). 1928, кн. 25 (1), с. 288—293.

Марр, Н. Яфетическая теория. Общий курс учения о языке. Баку, 1928. Рец.: 1928, кн. 28 (4), с. 254—278. В. Аптекарь.—На путях к марксистской лингвистике.

Митчелль, Хозяйственные циклы (Business Cycles. The Problem and its Settling by Wesley C. Mitchell. With a Foreword by Edwin F. day. New-Iork, 1927). Рец.: 1928, кн. 26 (2), с. 192—198. В. Черменский.

Оранский, С. А. Основные вопросы марксистской социологии. Т. I, Л.. 1929. Рец.: 1929, кн. 32 (2), с. 258—261. Ф. Тележников.

Спектатор, М. Введение в изучение мирового хозяйства. Опыт построения мирового хозяйства. М., 1928. Рец.: 1928, кн. 29 (5), с. 270—280. А. Айхенвальд. Полемика: Спектатор, М.—Два замечания по поводу рецензии т. Айхенвальда. 1929, кн. 30 (6), с. 226—227. Айхенвальд, А.—По поводу двух замечаний т. Спектатора. 1929, кн. 30 (6), с. 228—230.

Тальгеймер, А. Введение в диалектический материализм. Популярные беседы. М., 1928. Рец.: 1929, кн. 31 (1), с. 179—184. А Чичикалов.

Тележников, Ф. По иностранным социологическим журналам; (очерк первый о «Revue internationale de Sociologie», 1927), 1929, кн. 30 (6), с. 219—226.

Топорков, А. Элементы диалектической логики. М. 1927, Рец.: 1928, кн. 26 (2), с. 199—207. В. Ральцевич.

Трахтенберг, И. А. Современный кредит и его организация. Ч. 1. Теория кредита. М., 1929. Рец.: 1929, кн. 30 (6), с. 212—218. С. Розенберг.

Труды Секции искусствознания Научно-исследовательского института археологии и искусствознания Раннон, т.т. II и III. М., 1928. Рец: 1929, кн. 31 (1), с. 185—191. А. Михайлов.

Труды Секции теории и методологии (социологической) Научно-исследовательского института археологии и искусствознания Раннон, т. II. М., 1928. Рец.: 1929, кн. 31 (1), с. 185—191. А. Михайлов.

Чемоданов, С. М. История музыки в связи с историей общественного развития. Рец.: 1928, кн. 27 (3), с. 252—269. А. Острецов, О задачах марксистского изучения истории музыки.

Шмидт, Ф. И. Предмет и границы социологического искусствоведения. Л., 1927. Рец.: 1928, кн. 25 (1), с. 280—287. А. Михайлов.—Новая „социология" искусства.

Шпет, Г. Введение в этническую психологию. В. 1. М., 1927. Рец.: 1928, кн. 29 (5), с 280 — 286. И. Дмитриев-Кельда.—Этническая или мистическая психология.

Редакционная коллегия:

Бухарин Н. И., Дволайцкий Ш. М., Деборин А. М., Крицман Л. Н., Лукин Н. М., Милютин В. П., Пашуканис Е. Б., Покровский М. Н., Шмидт О. Ю.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

От редакции 3
Об итогах и новых задачах, стоящих перед Комакадемией на новом этапе . . . 5
Шмидт, О. Проблема научных кадров 15
Гидлевский, К. Научные кадры Комакадемии 24

Отдел докладов и дискуссий

Диманштейн, С. Сталин как теоретик большевизма в национальном вопросе 31
Розенталь, К. О новом этапе (доклад и прения) 43
Гарбер, Х. Против воинствующего мистицизма А. Ф. Лосева 124
Томас Гоббс (Стенограмма торжественного заседания по поводу 250-летия со дня его смерти. Вступит. слово И. Луппола, доклады А. Ческиса, И. Разумовского и прения) *1
Луначарский, А. Социологические и патологические факторы в истории искусства *40
Дискуссия о «Народной Воле» *81

Конференции и совещания

Первая Всесоюзная конференция аграрников-марксистов *102
Отчет о совещании преподавателей по истории ВКП(б), ленинизму и истории Коминтерна *131

В Коммунистической академии

Работа Президиума Комакадемии *145
Резолюции и постановления *159

Лукин, И. О поездке делегации СССР на сессию Международного исторического комитета в Кэмбридже *163
Шпильрейн, И. Три съезда (об участии советских психотехников в международных конференциях) *167

Алфавитный указатель к журналу „Вестник Комм. Академии" за 1928—1929 гг. *171